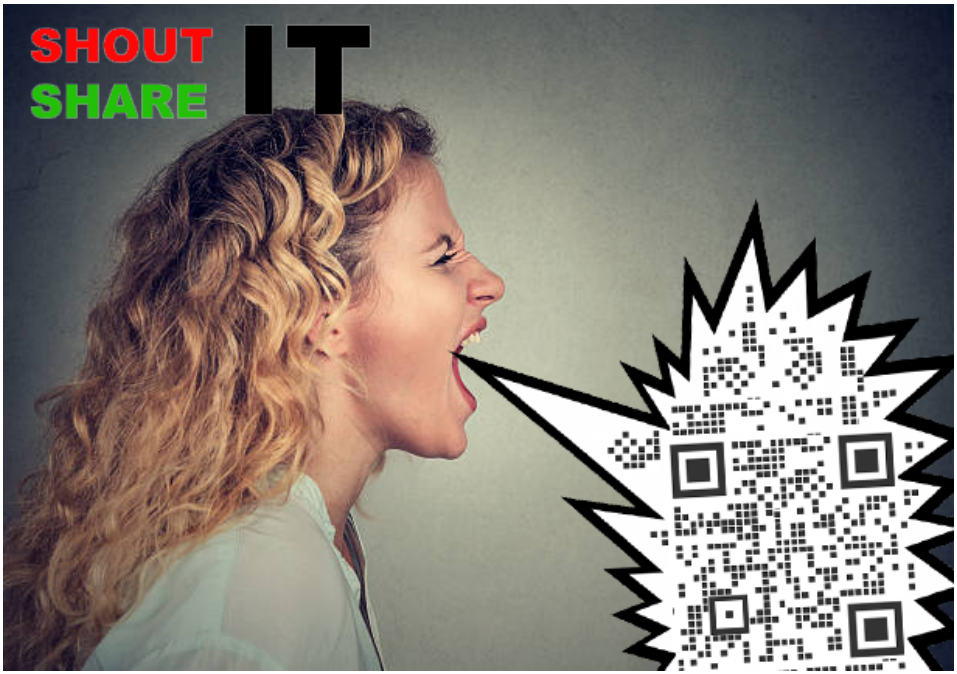
Александр Житинский

Дневник maccolit'a

Онлайн-дневники 2001—2012 гг.


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Житинский провел на земле 71 год и 5 дней, оставаясь неизменно молодым, веселым и добрым.

Он был писатель. Из самых-самых талантливых в Петербурге. В России. В наше время.

А еще он был лирический поэт. Настоящий. Умелый и удачливый сценарист. Неутомимый издатель. Работал, как жил, – быстро. Спеша в будущее. С которым у Александра Николаевича был какой-то необъяснимый постоянный контакт, похожий на дар предвидения.

Самуил Лурье

Он был трудоголик и жизнелюб. Он в совершенстве познал сокрушительную силу смешного и лучше многих и многих понимал бесконечно печальное «над вымыслом слезами обольюсь». Он был мастер. Он умел в литературе все. И как же много умел он вообще в жизни! Организатор литературно-издательского процесса, и еще – меломан-профессионал, самый крутой из рок-дилетантов, и еще – вот странно – абориген Интернета… Он был человеком РЕДКИМ!

Борис Стругацкий

И рок, и интернет были для него не только возможностью переменить работу и жизнь, сбросить старую кожу («Люблю заниматься деятельностью, для которой я не предназначен»), но и шансом на то самое коллективное, радостное, всеобщее преобразование жизни, которым заняты любимые герои его романов.

Дмитрий Быков

- Александр Житинский
  -
  - 2001
    - Привет всем!
    - Между прочим
    - Письмо кандидату в члены ЛИТО
    - Авторы Самиздата
    - Эстония
    - Вчера были гости
    - Мушкин
    - Автор и текст
    - Отпуск
    - Каких покемонов рисует Горчев!
    - Масса и дети в одном флаконе

- 19 августа
- Прощание с покемонами
- Хакер
- Привет, Ольчик!
- Отец
- Букша
- Слава богу!
- What about?
- Володин
- Самый тупой Новый год
- Свежая мысль
- Вымащиваю благими намерениями дорогу в новый год
- Прогулка по Москве

○ 2002

- Сегодня
- Неожиданная развязка
- Кровожадность
- Новая филология
- Граждане с гражданки
- Отвязались граждане с гражданки
- Полку прибыло
- Информация к собственному размышлению
- Что случилось в 1972 году?
- Старые пленки
- Ольшанскому
- Репетиция записи
- Сон
- Грустно, френды…
- Фантазии старого бонвивана
- ФСБ (2)
- Пояснение к тексту ФСБ
- ФСБ (3)
- ФСБ (4)
- ФСБ (5)
- ФСБ-отступление
- ФСБ (6)
- ФСБ (7)
- ФСБ (8) – отступление
- ФСБ (9)
- Вопросы
- Объявление
- Семь бед – один ответ
- Самотек

- ФСБ (10)
- Почему я не люблю фэнтези?
- Еще раз о мыльных пузырях
- Концерт БГ в Юбилейном
- Секрет прост, оказывается
- Позвонил Горчев
- «Геликон» уже обворовывали
- Гришковец
- Анонс
- VIP (Евтушенко)
- VIP (Геннадий Гор)
- VIP (Всеволод Бобров)
- VIP (Твардовский)
- VIP (Олег Даль)
- Проблема алкоголизма
- Опять покемоны
- VIP (Виктор Конецкий)
- Кадр дня
- Ненорматив
- Удалить друга
- Умер Виктор Конецкий
- Радио Горчев
- Внеплановый мемуар
- Притча
- Малые детки – малые бедки
- Они и мы
- Еще немного похоронного
- И снова ящик
- VIP (Арсений Тарковский)
- Как это было. Мемуары
- Снова русский язык
- Бродячая собака
- Каноны и канониры
- Подумал
- Весна
- Вирус Клец
- Внутренняя цензура
- Букша
- ДТП
- Письмо анонимам
- Комарики-зубарики
- Из жизни пешеходов
- Вопль
- Реплика

- Интернет-зависимый
- Закрытие банного сезона
- Идеальный мужчина
- За что я люблю Горчева
- Ночные снайперы
- VIP. Памяти А. М. Панченко
- На правах рекламы
- Хрустальная мечта
- Ностальгическое
- Самотек
- Но мы живы!
- Святые люди
- «Попал под лошадь гр. Бендер»
- Ллл-экспромт
- ЦУ
- К вопросу о профессионализме
- Старички и новички
- К истории ЛЛЛ
- Миша Чулаки
- Ответ Лене Григорьевой
- VIP (Майк)
- Вектор жизни
- Парад знаменитостей
- Поэт Дима Быков
- Мизантропия
- Все о том же
- Пиар для жопы
- Надо жить
- К вчерашнему разговору
- Здорово нас всех перетряхнуло
- Писатель Горчев
- Книжные новинки
- Подробности
- Черная речка
- Привет!

○ 2003

- Поющая кружка
- Судьба книги
- Мои пять копеек в копилку консерваторам и либералам
- Свои и чужие деньги
- Село Людиново
- Еще одно памятное место
- Прадед

- Новости бизнеса
- Читая Гете
- Подагра
- Переиздание рок-дилетанта
- Чуни
- Видел вора
- БГ у Диброва
- Так что же бг?
- Новости культуры
- Фоносемантика
- Моя сестра
- Александр Матвеевич Шарымов (1936–2003)
- Времени нет
- Профессиональные мученики
- Еще о советских фильмах
- Дурак с интеллектом
- Футбольные новости
- Еще проблема
- Швеция на горизонте
- Мы на Готланде!
- VIP (Александр Сокуров)
- Кровожадное
- LJ-party. В чужом пиру похмелье
- Журналист Губин и его статья
- Книжная выставка
- Сегодня мои пять копеек о евреях
- Упрямство
- Капитуляция
- Велосипедное
- Холидэй
- Мемуары пикапера
- Вести из Лондона
- Капризы визы
- Игорь Можейко
- Миша Панин
- Стихи
- Поздравление Горчеву
- Наблюдение
- Медаль
- Чукчи и Челси (Сравнительный этнографический очерк)
- Чемодан фотографий
- К юбилею БГ
- БГ в БКЗ

- ЛДМ
- Возгласы
- К мемуару Гали Анни
- Позиционируем себя дальше
- Философическое
- Презентация трибьюта БГ

○ 2004
- Малый юбилей, или свадьба с БГ
- Потянул за ниточку…
- Еще одна страница
- Соображения по поводу
- Емкость, индуктивность, сопротивление, транзистор…
- Читая ЖЖ
- О провинциализме в поэзии
- Все – и по возможности сразу
- На фоне Мэрилин снимается семейство…
- Цельсия – к ответу!
- Поэт
- Радзинский
- Как чемодан без ручки
- Встреча Федерации
- Предыстория Федерации
- Начало Федерации
- Игра
- Итальянская опера
- Икеа и Макдоналдс
- Наши в городе
- Сценарий
- Опять двадцать пять
- Мы дома
- Традиционный сбор
- Моменты истины
- Мономах
- Мнение психолога
- Ценности
- Навród и Парсия
- Мы ждем перемен?
- Обида
- Фабрика звезд
- О норме
- Вот вам!
- Моя мама
- С Новым годом!

- 2005
  - Курьер из Минска
  - Чудесная быль
  - Центр тяжести
  - Читая утренние ленты
  - Привет от Быкова
  - Милой
  - Запоздалое открытие
  - Прогулки с Бродским
  - Сон
  - Стихи
  - Скажи, куда ушли те времена…
  - Привет из Стокгольма
  - Хроники «Геликона» (крик души)
  - Решение
  - О конформизме и вере
  - Соамо + Масса
  - Экземпляр
  - Еретические мысли
  - Мульки для Соамо
  - ДР Цоя
  - Марьяна Цой
  - Магический кристалл (по следам Быкова и Лабаса)
  - Закон отрицания отрицания
  - В отпуск
  - Главный итог
  - Английские племянники
  - Семейное
  - Шагал
  - Манана Менабде
  - Телеинтервью
  - Иду в отказ
  - Есенин
  - Суставит
  - Как приедите, так и уедите
  - Новая квартира Горчева
  - Про Струльдбругов
  - Рост
  - Глупые и неумные
  - Как Горчев за «Зенит» играл
  - Как Быков за «Зенит» играл
  - Вот что хорошо бы помнить
  - Цитата к предыдущему

- Из заметок консерватора
- 2006
  - Что главнее?
  - На ловца и зверь
  - Спасибо!
  - Юрий Клепиков
  - Спокойной ночи!
  - Андрей Павлович Петров
  - Слово придумал
  - К истории сетевой литературы
  - Заметки фенолога
  - К вопросу о новаторстве
  - О фантастике и фантазии
  - Рекомендация
  - Самые миролюбивые
  - Когнитивный резонанс
  - Быков – это наше фсё!
  - Бронзовые улитки
  - Дом писателей
  - Блюз о себе
  - «Пианистка»
  - Дежурный по номеру
  - Интервью
  - Об отношении к футболу
  - Sic Tranzit не только Глория Мунди
  - Пушкин
  - В отпуск
  - Привет из Норвегии!
  - Concert for George
  - Перельман
  - Интервью
  - Прощание с Плутоном
  - «Лестница» на DVD
  - Ночные мысли
  - Опера «Евгений Онегин»
  - Привет, страна!
  - Юбилей рок-клуба
  - Припомнилось на случай
  - Колонка дежурного
  - Молодые и ранние
- 2007
  - Вы чьё, старичьё?
  - Стихо
  - Разлука

- Захар Прилепин о визите к Президенту
- Проверка
- Сережа Данилов
- К дискуссии о M&M
- Фсё!
- Могучая пузомерка
- Девятнадцатый
- Эстония
- Об убеждённости
- Солженицын – великий писатель
- Письмо покойному другу
- Письма читателей
- О либерализме
- Карьерный рост
- И напоследок
- Блоголитература
- Рецензия Топорова
- Об искренности
- Ай да Быков!
- Агрессивный динамичный профессионализм
- Пусть говорят
- Разгадка Быкова
- Маша Протасова, Аля Кудряшева, Верочка Полозкова…
- Открытое письмо Армену Григоряну
- Сурганова и оркестр
- Стишок по случаю
- Быкову – 40!
- Рекорд, мля
- Колонка дежурного

○ 2008

- С Рождеством!
- Трудный ребёнок
- Время собирать камни
- Спокойной ночи, страна!
- Еще о стихах
- Клуб «Книги и кофе»
- Книги Стругацкого
- Презентация книги Vero4ki
- День милиции
- Александр
- 16 лет назад
- Девки на диете
- Родня

- Быковский Горький
- Незваный гость лучше татарина
- Саша Чернецкий
- Стрелочник
- По поводу выборов
- Нацбест 2008
- Встреча с Нугмановым
- Клошар
- Жорж Брассанс
- В Лионе у Павлика
- Хроника
- Телеграфной строкой
- Новый экстрим
- «Грузинская тема»
- Блестящий маркетинг Быкова
- Слава
- Михаил Щербаков
- Сегодня и вчера
- Колонка дежурного
- Тоня Славинская
- Поэтические баталии
- Ода Либуркину
- Школа злословия
- Послесловие к ШиЗе
- Каравайчук
- Ипёныть
- Продолжим наши игры
- Паперный

○ 2009

- А теперь о забавном
- Публичные выступления
- Апо-калипсо
- Разница между Москвой и Питером
- Мои пять копеек
- Узник совести
- Немного странно
- Где мои 17 лет?
- Эссе о гоголе
- Повесть о том, как поссорились XX и YY
- Концерт маэстро
- И еще о прекрасном
- Немного саморекламы
- Янковский
- Это странно?

- Вести
- Виктор Конецкий
- И о Пушкине (полемическое)
- Там русский дух, там Русью пахнет
- Снова Курехин
- Книга о Викторе Цое
- Привет всем!
- CERN
- Семейный лытдыбр
- Письмо читателя
- Петрушевская отжигает
- «Вентилятор»

○ 2010

- С Рождеством Христовым!
- Масса.ru
- Приснилась песня
- Концерт
- Сэлинджер
- Мост
- Лытдыбр
- Библиотечные разборки
- Экспериментатор
- Лена Шварц
- Мерзавцы
- О смерти
- Памяти Горчева
- Бродский, 1993 год
- Саша Башлачёв
- Прорицатель Пауль
- Плывём
- Тезисы для памяти
- Ужасы ночной Женевы
- На пути в Барселону
- Барселонета и немного нервно
- Остановка
- Новости с Родины
- Чудесное спасение на водах
- Приближаемся к дому
- Вова Соамо
- Dimkin. Послесловие
- Верочка в школе злословия
- 5 копеек про Петра
- 20 лет без «Кино»
- Sic Transit Gloria Vita

- В анналы!
- Певчий дрозд
- К сведению авторов
- БГ у Познера
- Реплика
- Итоги

- 2011
  - Сорок один год назад
  - Плывун
  - С Рождеством Христовым!
  - О Ваенге
  - Вспыхнувший мир
  - Maguy Marin
  - Лытдыбр
  - Причуды памяти
  - Колбаса
  - Сюрприз к Женскому дню
  - Забавно
  - Интервью
  - Раритет
  - Вспомним
  - Колонка дежурного
  - Поминание
  - Кстати
  - Не горюй!
  - Потерянный дом
  - Вывод
  - Конец света
  - Интервью «Газпрому»
  - Вениамин Смехов
  - Быков – чемпион!
  - Золотая свадьба
  - Кинофорум
  - Шумим
  - Хроника пикирующего Массы
  - Дама с собачкой
  - Моцарт
  - Открытие канала
  - Стив Джобс
  - Отец Федор
  - Статья Быкова
  - Рок-клубу XXX лет!
  - 50 лет великого Октября
  - Джойс Дидонато

        - Выставка non-fiction
        - Фоторепортаж с выставки
        - Новогоднее послание френдам
- notes
    - 1

Александр Житинский
Дневник maccolit'a. Онлайн-дневники 2001–2012 гг

© А. Житинский (наследники), 2016
© «Геликон Плюс», оформление, 2016

2001

Привет всем!
9 апреля

По наводке Лабаса открыл журнал, провел испытания.

С Богом!

К сожалению, оба ника – macca и massa – оказались занятыми, пришлось воспользоваться берлиозовским Массолитом…

Между прочим
10 апреля

Между прочим, идея онлайнового дневника возникла у меня в 1997 году, когда я строил свою страницу. Там был предусмотрен такой раздел.

Первая запись появилась 13 мая 1997 года, практически ровно 4 года назад, и несколько месяцев я поддерживал этот раздел.

Потом забросил, конечно, но все это еще висит…

Письмо кандидату в члены ЛИТО 10 апреля

«Как стать членом Вашего объединения?
Могу ли я это сделать?».

Дорогой N!

Стать членом нашего объединения очень просто. Нет ничего проще, чем стать членом нашего объединения.

Для этого Вы ничего не должны делать – ни писать, ни читать, ни даже быть подключенным к Интернету. Достаточно считать себя членом нашего объединения. Это первая стадия.

Запомните: нужно себя им считать, без этого трудно.

Если Вы свыклись с мыслью, что Вы – член ЛИТО, Вы можете подключиться к Интернету и зайти в Беседку по адресу http://www.lito.spb.ru/frfree.html, чтобы насладиться литературной беседой.

Если Вы и после этого найдете в себе силы считать себя членом ЛИТО, можно сделать следующий шаг, а именно отправить секретарю Горчеву свои сочинения (если Вы их, конечно, пишете, что совсем не обязательно).

Возможно, Горчев вывесит их, если ему напомнить раз 5–6, но это тоже не строго. Упаси Бог обращаться к т. н. МАССЕ, числящемуся руководителем этого объединения. Мало того что он давно ничего не решает, но такое обращение может подвигнуть его на какие-нибудь дурацкие шаги. Например, он может прочитать первые две страницы Вашего сочинения и расплакаться прилюдно. От чего – Бог его знает.

Однако если Вы – молодая женщина, лучше сразу обратиться именно к МАССЕ, тогда есть шанс, что он Вас примет вне очереди, сразу, поспешно и с восторгом.

Только не посылайте ему романов. Лучше стихи. На ночь.

Но вот Вас наконец вывесили, и Вы сидите в своей гестбуке и ждете критиков. Не исключено, что этот инкубационный период может продлиться три-пять месяцев, но не больше года. Если к Вам зайдут критики, пишущие себя с маленькой буквы, не обращайте на них внимания. Это разведчики. Вас прощупывают. Ждите крупную рыбу.

Крупных рыб здесь две. Одна живет в Москве, другая в Бостоне. Отличаются они тем, что если одной Ваша рукопись понравится, то другая съест Вас с потрохами и даст другой в харю. Если же Ваши творения понравятся другой рыбе, то еще

хуже. Первая просто определит Вас в мерзавцы.

Если после всего этого Вы все еще считаете себя членом объединения, значит, Вы прошли проверку на вшивость и можете подавать заявление на включение себя в список участников.

Конечно, Вам скажут, что он давно закрыт, что ЛИТО распущено, расформировано, но Вы не верьте, продолжайте надоедать МАССЕ, а он будет надоедать Горчеву. Если у всех хватит терпения, Вы попадете в список.

Но учтите – это уже навсегда. Обратного хода нет. Подумайте.

Подумайте вдвойне, если Вы армянин, грек, еврей, чухонец или калмык, друг степей. Потом будет поздно.

А вообще милости просим!

Авторы Самиздата
12 апреля

Замечательные встречаются авторы. Я от них балдею.

Приходит один, здоровый лось с бородой, развязен. Поэт типа, режиссер, хуе-мое. Хочет издать книжку тиражом 50 экземпляров.

В книжке одна пьеска в стихах, абсолютно бредовая, называется «Философия любви», и штук 8 газетных статей о нем в разные годы. Газеты полуистлевшие.

Плюс несколько фотографий с известными людьми типа Андрона Кончаловского или Собчака.

– Хорошо, – говорю. – Чудесная книга.

– А можно, – говорит, – чтобы книги были в разных обложках?

– Как это? – спрашиваю.

– Ну вот штук 20 в одной обложке, штук 20 в другой, а 10 – в третьей.

– Не принято, – говорю.

– Ну вот у вас же, я видел, – все обложки разные…

– Это разные книги! – ору практически.

– Ну и что? У меня это будет такой прием. Театральный, знаете…

Эстония
10 мая

Автобус, О'Санчес, погранцы, мост, Нарва, Диана, Крупский, пиво, вино сухое, сухое, сухое, ночь, книги, вино сухое, ночь, автобус, Таллин, первый эстонец, hostel, книги, дети, пиво, куриные крылышки, ночь, такси, Каллас, Веллер, водка, Дом офицеров, колонны, первый читатель, эстонцы, Stockmann, водка, ночь, Кадриорг, Певческое поле, эстонская девушка с потрясающим бюстом, пиво, бессонная ночь, тяжелые раздумья, автобус, сортир в автобусе, Тарту, библиотека, Лейбов, Крупский, Антик из Риги, виски, вино, виски, водка, сухое, общежитие, такси, утро, пиво, Лейбов, пиво, Ботанический сад, медведь-абстинент, пиво, слоны из цирка, пиво темное, второй читатель, эстонская девушка с потрясающим бюстом (другая), жизнь не удалась, пиво, автобус, Нарва, Диана, Крупский, чеснокодавилка для Горчева, автобус, погранцы, Ивангород, Россия… Пиво.

Вчера были гости
24 июня

Практически внезапно нагрянули olchik, serzh и iana. Все оказались родственниками. Пришла Саша, потенциальный юзер, а про внука Митьку не знаю – юзер он или нет.

Он вчера сдал экзамен по философии, что меня поразило. Не то, что сдал, а сам предмет. Ведь философию отменили.

По Каменноостровскому промчался Путин в окружении четверки гончих бронированных автомобилей. Менты стояли через 10 метров. С моего балкона удобно совершать теракты, я все время боюсь, что меня в этом заподозрят, поэтому на балкон не выхожу.

Мушкин
3 июля

Приходит человек и хочет издать брошюрку на 12 страниц. Там что-то насчет общественного строя. Типа его предложения России и Америке, как из капитализма и социализма сварганить что-нибудь приемлемое.

На вид Мушкину чуть поболее, чем мне, – лет 65–67. Он в изумлении от компьютера. Я говорю ему, что текст нужно набрать. Он интересуется, каким шрифтом, каким кеглем. Он это все знает еще со времен линотипа, хочет контролировать процесс.

Я говорю, что наберем текст, а верстать будем потом, каким он захочет шрифтом. Не понимает.

Ну не понимает он, как можно набрать текст без определенного начертания.

– Символы… – уныло объясняю я, видя всю бесперспективность этого занятия.

Тратим полчаса, остаемся при своих.

Наконец он решается отдать свой труд в наши руки и переходит ко второму вопросу.

Как поместить это в Интернете и сделать достоянием мировой общественности?

Я окончательно скисаю. Никакого времени не хватит.

Как-то изящно комкаю этот вопрос, перевожу стрелки, потом Мушкин еще час бродит по редакции от компьютера к компьютеру, заглядывая в монитор через плечо редактора и поражаясь прогрессу. Где он был раньше?

Уходит.

Потом я думаю: а ведь фамилия отличается от Пушкина одной буквой.

Уверен, что Пушкин все понял бы с полуслова.

А Мушкин никогда не поймет.

Пушкин молоток еще и потому, что сделал смешную, нелепую, в сущности, фамилию благородной, исполненной высокого смысла. Переломил фамилию.

Есть хорошие писательские фамилии, настоящие, от Бога.

Тургенев, Гончаров, Набоков. Тут и писать не надо.

Или Пригов, Горчев, Меклина… Современники типа.

Пелевин. Ну так, на четыре с минусом.

А Пушкин – нет. Не от Бога. Хотя дворянская и т. д.

Автор и текст
3 июля

Наши диалоги с ММ наконец дошли до литературы.

Мы долго держались.

Я предполагал, что наши вкусы различны. Нет, они полярны. Примерно как наше расположение на глобусе.

ММ считает писателя Д. мерилом русской литературы. Я утверждаю, что он пишет расчетливый бред. Расчетливый бред отличается от натурального, как сухое молоко от коровьего. Натуральный бред пишет сейчас в прозе (да и в стихах) Соснора. У него мозги связались вот в такой узелок. Что ж, бывает.

У писателя Д. с мозгами все в порядке. Даже более того. Он просто позволяет тексту писать себя. Типа отключает свои мозги, свое рацио.

Это так же непродуктивно, как полностью управлять текстом, оставив только рациональную составляющую.

У автора и текста должны быть отношения партнерства, каждый должен быть готов к компромиссам. Тексту всегда хочется выкаблучиваться, Автору хочется его приструнить. В этой борьбе все и пишется.

Автору хочется, чтобы его поняли, а Тексту нет. Тексту наплевать. Ему нужно давать свободу, но не полную, иначе он заведет Автора в непонятки. В хороших книгах Автор с Текстом играют обычно вничью.

Отпуск
5 июля

Завтра ухожу в отпуск.

В воскресенье уезжаем на машине по маршруту Финляндия – Швеция семейством.

Попробую выйти из Швеции в Сеть. Когда-то мне это удавалось с маленького острова в шхерах, где был телефон. Там, кстати, я изваял дизайн «Арт-Тенет-97», опираясь на Тему Лебедева:) и переговариваясь с olchik по аське.

Каких покемонов рисует Горчев!
5 июля

Прекрасных.

Я всю жизнь преклонялся перед людьми, умеющими изобразить в рисунке то, что они нафантазируют.

И совершенно искренне недоумевал, что многие не могут изобразить того же в слове.

Это так просто.

Масса и дети в одном флаконе
1 августа

Перед отъездом в отпуск удалось собрать вместе всех детей, что теперь бывает редко.

На этом снимке, сделанном во дворе моего дома можно увидеть:

Настю Житинскую (род. 1992 г.) – ученицу 3-го класса испанской гимназии в Санкт-Петербурге;

Сашу Житинскую (род. 1982 г.) – студентку 1-го курса Санкт-Петербургской консерватории по классу ф-но;

Сергея Житинского aka serzh (род. 1968) – топ-менеджера «России-онлайн» (только что переехал работать в Москву);

Ольгу Петрову aka olchik (род. 1962) – веб-дизайнера, живет и работает в Дармштадте (Германия).

19 августа
20 августа

Я в тот день находился в Дубултах, в писательском Доме творчества со своею молодой женой и пишущей машинкой «Эрика».

Утром мы бегали по пляжу – я от инфаркта, она за компанию, днем я пытался сочинять сценарий по мотивам булгаковских «Роковых яиц» (заказ режиссера Снежкина, у меня все дело происходило в современной перестроечной Москве), а вечером где-нибудь оттягивались.

К 19 августа я сочинил 19 страниц сценария и остановился на демонстрации по Садовому кольцу с ОМОНом, дубинками и тогдашними лозунгами. Не помню, зачем там была нужна демонстрация. Для антуража, видимо.

Ну и утром нам объявили по телевизору.

Первое, что я сделал, – пошел в магазин и купил 8 бутылок портвейна «Агдам». Как выяснилось позже, их как раз хватило на путч, потом я поражался своей прозорливости. Но тогда рассудил, что со свободой слова неизвестно, но портвейн отменят точно. Ну, и неприятно было смотреть «Лебединое озеро» всухомятку.

Пили мы с одним московским поэтом, из неизвестных. С бородой, как у Солженицына. Поэт был патриотического направления, только в путч и можно было с ним пить. Над нами летали вертолеты и сбрасывали какие-то листовки. Содержания не помню.

Через три дня изрядно помятые, но уже трезвые, мы встретились в столовой.

– Как вы были правы! – воскликнул он.

– А в чем дело?

– Ну, помните, в первую ночь, уходя из моего номера, вы сказали: «Они не продержатся и трех дней!»

– Но продержались всё же… – возразил я.

Ничего этого я не помнил.

А на следующий день к огромному памятнику Ленина, что стоял неподалеку у шоссе, приехала машина с мужиками. Мужики резво отпилили пустотелую голову вождя и забрались к нему внутрь. Долго что-то выстукивали, высовывались из Ленина, деловито переговаривались. Потом начали его резать дальше кольцами и увозить.

В тот же день я позвонил в Москву своему другу Андрюше

Гаврилову, музыкальному издателю, спросить, как дела. И он сказал мне, что умер Майк.

Мы успели как раз на похороны.

А сценарий я так и не закончил. Не написал больше ни строчки. Снежкин много позже все же поставил фильм по «Роковым яйцам», кажется, без всяких новаций.

Прощание с покемонами
2 октября

dimkin опубликовал эссе под тем же названием.

Оно, к несчастью, оказалось пророческим.

Дело в том, что я еще весной начал сочинять Энциклопедию покемонов – сначала для моей младшей дочери, потом уже по заказу неких инвесторов, которые захотели это опубликовать и заработать. Заодно и заплатить автору. Отрывки я опубликовал в ЖЖ.

Я подговорил dimkin нарисовать к этим текстам оригинальные картинки, чтобы и текст, и картинки были, так сказать, копирайтными, нашего авторства. От японских покемонов там осталась, конечно, внешняя похожесть на оригиналы и их имена, транскрибированные на русский.

Я искренно считал, что это не воровство, все тексты мною выдуманы с ног до головы. Да и рисунков таких в природе не было.

Инвесторы издали первый выпуск Энциклопедии с 26 покемонами и рисунками dimkin. Мы гордо поставили там свои копирайты на текст и рисунки.

И тут оказалось, что мы вроде бы нарушаем авторские права. Во всяком случае, так мне сказали компетентные люди.

Шутки шутками, а вопрос серьезный. Можно попасть на бабки, как говорили в старину.

Написано их у меня 206 штук, нарисовано художником около сотни. Мне жаль труда, в который я вложил знание о человечестве и повадки многих моих друзей и знакомых.

Хакер
3 ноября

Сижу вчера вечером за бутылкой «Саперави» в Сети. Аська включена.

Входит неизвестный, просит авторизовать. Ну пускаю его.

Ты, говорит, сменил бы пароль в аське, а то можешь поплатиться своим красивым номером из 7 знаков. И вообще, у тебя диск нараспашку, там все можно прочитать.

Ну читай, говорю. Я всю жизнь пишу, чтоб меня читали.

Такая постановка вопроса сбила его с толку, разговорились.

Он даже на «вы» перешел.

Все спрашивал о том, про что я пишу.

– Про вас, идиотов, – отвечал я ему философски. – И про себя, идиота.

Короче, придет в понедельник ставить и настраивать мне firewall за книжку с автографом.

Он из Питера оказался.

Привет, Ольчик!
9 ноября

Ты просила рассказывать тебе о Застекле. Вчера я вновь посмотрел эту замечательную телевизионную трансляцию.

Вчера в Застекле была вечеринка. Наши хомячки веселились.

Увидел наконец, как моют в душе Марго. О!

Это отдельная песня, которую попытаюсь спеть слегка простуженным голосом.

А вообще вполне уже втянулся. Много раз замечал, что, если начинаешь заниматься какой-нибудь ерундой, да хоть собирать винные этикетки, это дело становится важным, значительным, интересным, обрастает теорией и философией.

Застекло интересно тем, что оно в какой-то степени аналог ЖЖ. Но не только этим.

Итак, Марго.

Собственно, первый профессиональный застекольщик. Или застекольщица.

Она, конечно, там самая умная, включая и мужиков. При этом достаточно цинична, что, вероятно, является следствием.

Она с самого начала правильно поняла свою задачу и ответственность перед народом. Народ хочет зрелищ, а не разговоров о Фройде, музыке, политике и даже сексе. Зрелище, которое может дать Марго, – это ее тело. И она первая там пошла на стриптиз и исполнила его вполне приемлемо.

Ее поведение в ду́ше потребовало от нее полной собранности. Партнер все же немного пускал слюни, на лице Марго не дрогнул ни один мускул. Просто не знаю, кто в ЖЖ мог бы так себя вести, когда тебя моет незнакомый практически мужчина под прицелом телекамер.

Я поставил Марго «пять». У нее есть вкус.

Вот Жанна полчаса выбирала ракурс, с которого меньше всего видно. Но там этих камер до черта, не спрячешься. Потом обреченно сняла трусы. Сдалась практически. Это ошибка. Вообще она излишне комплексует, не выдерживает конкуренции. Она думает, что народу интересен ее внутренний мир. Но это уже для мексиканских сериалов больше, до этого надо дорасти.

А сейчас пока душ.

Отец
15 ноября

Сегодня ДР моего отца Житинского Николая Степановича, генерал-лейтенанта авиации, кавалера орденов Ленина, 4 орденов Боевого Красного знамени и многих других орденов и медалей.

Сегодня ему исполнилось бы 92 года.

Он родился в Симферополе, как и я много позже, там до сих пор стоит двухэтажный дом семьи Житинских на улице генерала Попова, кажется.

В 1929 году, скрыв свое дворянское происхождение, стал военным летчиком, поступил в Качинскую летную школу под Севастополем.

В 1937 году, будучи уже лейтенантом, был арестован по ложному доносу и 2 года провел в тюрьме как враг народа.

В 1939 году был освобожден (известный отток из тюрем и лагерей, связанный с заменой Ежова на Берию), восстановлен в должности и в партии. Воевал на Северном флоте, обеспечивал прикрытие караванов союзников по лендлизу, бомбил норвежские

базы, где базировались немецкие подлодки.

В 1949 году, в 39 лет, получил звание генерала.

После войны служил в Москве, в штабе авиации ВМФ, потом закончил Академию Генерального штаба с золотой медалью и был назначен на должность командующего авиацией Тихоокеанского флота. С 1954 по 1959 год занимал эту должность, в связи с чем мне пришлось закончить школу во Владивостоке.

Потом в связи с хрущевским сокращением армии оказался в Питере и занимал должность начальника кафедры военно-морской авиации в Высшей военно-морской академии до своей отставки в 1969 году.

Умер в 1975 году, не дожив до своего 66-летия, от третьего инфаркта.

Букша
23 ноября

Ксюша Букша принесла новый небольшой роман, который написала за последние два месяца.

Я продолжаю пребывать в полном изумлении.

Ее фантастико-исторический роман «Эрнст и Анна» вызвал в ЛИТО небольшую бурю. Потом она съездила на Всероссийский семинар молодых писателей, где была в семинаре Юзефовича и получила хорошие отзывы. «Эрнста» мы издали крошечным тиражом, будем допечатывать. И вот новая вещь «Вероятность». Прочитал, как и первую, в один присест, взахлеб. Опять прибегал к жене, чтобы зачитывать отрывки вслух, чем вызывал, понятное дело, неудовольствие. Она привыкла верить своим глазам, а не моим восторгам, что тоже понятно.

Вспоминался «Понедельник» Стругацких, то есть это ближе всего, пожалуй.

При моей нынешней не очень большой любви к чтению – это случай уникальный. Не помню, чтобы когда-либо я так безоговорочно принимал молодого автора.

Мне нечего ей сказать по большому счету.

И страшновато – что она будет делать дальше?

Абсолютный слух на слово.

Абсолютный.

Издавать немедленно!

Слава богу!
27 ноября

ДУЭЛЬ (вспомнилось из старого)

Дошло до того, что он бросил в меня перчатку, но не попал.

Я поднял перчатку и протянул ему. Он взял перчатку двумя пальцами, как шелудивого котенка, сунул в карман, а пальцы вытер носовым платком.

– Значит, дуэль? – с удовольствием выговорил он, гордясь.

– Дуэль так дуэль, – пожал плечами я.

– Выбирайте оружие, – сказал он и набрал в легкие столько воздуха, что чуть не полетел.

– Телефон, – сказал я. – Мне удобнее всего телефон.

В назначенный час ко мне пришел секундант, я набрал номер, и дуэль началась. Первым стрелял он.

– Вы подлец, – сказал он.

– Совершенно с вами согласен, – сказал я.

– Не иронизируй, мерзавец! – закричал он.

– Вы зря теряете время, стреляя вхолостую, – заметил я. – Все это я уже давно знаю. Хотелось бы чего-нибудь новенького.

– Кретин! Бездарь! Негодяй! – выпалил он.

– Это лучше, но все еще слабо, – сказал я. – Напрягите воображение.

– Сволочь… – прохрипел он. – Стреляй, гад!

– Вы забыли сказать, что я подонок, гнусная тварь, алкоголик, баран, сукин сын, прохиндей, блюдолиз, лизоблюд, козел и дерьмо. В особенности – дерьмо.

В трубке наступило молчание, а потом испуганный голос его секунданта сообщил:

– Он убит…

– Жаль, – сказал я. – Это был чистый ангел, а не человек.

1971

What about?
9 декабря

Вот такой вот эбаут.

Целый день сегодня думаю, что бы такое написать о поездке в Москву, Тенетах и мыслях по этому поводу.

Мысли самые скверные, надо сказать. Совсем не по поводу церемонии, она могла быть лучше, в принципе, но Делицын сделал даже больше, чем позволяли ему силы и средства.

А скверные мысли по поводу бытования литературы в Сети.

Начну издалека. Когда 20 лет назад я начал ходить в рок-клуб, слушать музыку, встречаться с музыкантами и их окружением, писать об этом, культуртрегерствовать в нерóковой среде, меня прежде всего привлекала необычайная ЖИВОСТЬ этого явления. Сходное ощущение я получаю и здесь, участвуя в жизни т. н. сетевой литературы. Ибо это литература чрезвычайно ЖИВАЯ. И в ней, как и в музыкальной среде, есть немало способных и некоторое количество действительно талантливых людей.

Однако дальнейшее сравнение будет не в пользу литературы. Если рок-музыка была знаменем поколения, средством обозначить свою самостоятельность, средством протеста, в конце концов, то литература Интернета не стала знаменем Интернета, не стала НАШЕЙ литературой для тех, кто полжизни проводит за компьютером.

Дело не в компьютерах, а в среде. Интернет-среда очень активна, интеллектуальна, молода. Она читает книжки! Читает книжки, да. Казалось бы, должна болеть за своих, за те книжки, которые написаны такими же, зачастую приятелями и друзьями. Но где они, команды фанов, толпы поклонниц, которые бросаются на каждую публикацию, книгу, выступление кумира? Не вижу я их. У БГ поклонницы ночевали на лестнице под его дверью. Я не к тому, что нужно идти ночевать на лестницу к Горчеву. Но почему на церемонии были практически только литераторы и несколько журналистов? Где читатели, те самые, которые в тот же вечер заполняли всевозможные «Пироги» и «Дрова», наслаждаясь интеллектуальной беседой?

Почему у сетевой литературы нет среды, кроме самих авторов?

Возможно, я задаю наивные вопросы. Но до тех пор, пока писатели не станут голосом этой молодой интеллектуальной толпы, ничего не случится. А хотелось бы. Потому что неужели не

надоело обсасывать Пелевина, Пригова и Сорокина, когда рядом погибают в безвестности известные весьма узкому кругу Горчев, Фцук, О'Санчес, Цунский и добрый десяток поэтов, которые заткнут за пояс любого офлайнового стихотворца?

Срочно нужен читатель! Срочно нужен критик! Писатели у нас уже есть.

Володин
17 декабря

Умер Александр Моисеевич Володин.

Один из самых человечных писателей нашего времени.

Про него всегда и все говорили: какой милый и прекрасный человек. И несмотря на то что он был действительно большим писателем, человеческое в нем перевешивало. Редко про кого из литераторов так единодушно судят.

Мне посчастливилось с ним познакомиться лет тридцать назад в журнале «Аврора». Был какой-то редакционный вечерний междусобойчик, куда оказались втянутыми все находившиеся в редакции люди. Выпивали в кабинете главного. Я оказался рядом с незнакомым седым и хрупким человеком. Мы с ним чокались, улыбаясь, потом я спросил, как его зовут. Он ответил: Володин.

Ну, конечно, я тогда уже прекрасно знал, кто такой Володин.

Уже тогда он казался мне старым человеком, а было ему немного за пятьдесят.

Это было зимой. Мы вышли из «Авроры» вместе, и я сказал, что провожу его до дома. Так под ручку и пошли, потому что держась друг за друга нам было легче идти.

В троллейбусе нам встретились какие-то люди – парень и девушка. Они усиленно кланялись Володину, и он им тоже. Я подумал, что это его знакомые.

Вышли из троллейбуса уже вчетвером, вошли в подъезд. Володин стал проявлять признаки беспокойства. Дошли до его дверей, и тут Александр Моисеевич, страшно смущаясь, как-то выдавил из себя: а вы, собственно, к кому? Кто вы, собственно?

Они тоже смутились и сказали, что просто вот хотели выразить ему свою любовь. И раскланявшись, удалились.

Мы вошли в квартиру на Большой Пушкарской, в одной из комнат которой стоял пинг-понговый стол. В квартире никого не было.

– Сейчас мы будем играть в пинг-понг, – объявил Володин.

И мы действительно взяли в руки ракетки и стали играть. То есть стали подавать по очереди, потому что никто из нас не мог попасть по шарику после подачи. Тем не менее это нам очень нравилось, и мы смеялись.

Потом Володин сказал:

– Саша, вот в том шкафчике есть бутылка портвейна. Но его от меня запирает жена. Вы не смогли бы его открыть?

Я сказал, что нет ничего проще, – и открыл. Кажется, он не

был даже заперт, потому что далось мне это чрезвычайно легко.

– Саша, вы гений! – провозгласил Володин, и мы стали пить портвейн, закусывая найденными в холодильнике котлетами.

Потом мы много раз встречались в разных местах: в Репино, в Союзе писателей, а последний раз на 80-летнем юбилее Александра Моисеевича. И каждый раз, встречаясь, он спрашивал:

– Помнишь, как мы играли в пинг-понг?

Я-то не забыл.

Удивительно, что он это помнил.

Мир его праху.

Самый тупой Новый год
December 24th

Это был новый 1960-й.

Мне вот-вот должно было исполниться 19 лет.

Я тогда учился в МАИ на радиотехническом, на 2-м курсе.

Не пил вообще ничего, потому что был Большой Спортсмен. То есть не очень большой. В масштабах института.

Девушки, как ни странно, тогда у меня не было. Я вообще тогда девственником был. Такие времена, френды…

Но и девушки платонической тоже не наблюдалось, поскольку та, которую я избрал, предпочла другого. Что тоже странно, признаюсь.

И был у меня друг Валерка, у которого, напротив, девушка имелась. Кажется, тоже платонически. Валерка позвал меня в какую-то компанию к этой девушке, а перед самым Новым годом, ну так часа за 4, девушка его обломала. Поссорились навеки.

И мы остались вдвоем в пустой трехкомнатной квартире моего отца, который в то время служил на Дальнем Востоке, а квартира бронировалась типа, поскольку он был Большой Начальник. Квартира была на Новопесчаной улице, близ метро «Сокол».

Тогда мы героически купили бутылку грузинского коньяка «три звездочки» и один лимон.

Мы решили упиться. Больше у нас не было ничего. Это не гипербола.

И, надо сказать, нам блестяще удалось упиться в полный хлам. Бутылка коньяка с лимоном вырубила нас обоих напрочь, так что я еще лет пять после того не мог даже смотреть на коньяк. Потом привык понемногу.

Так начались шестидесятые.

Свежая мысль
27 декабря

Новый год практически неизбежен.

Еще вчера казалось, что можно как-то его обмануть, избежать всех этих церемоний и глупостей, пожеланий счастья, подарков и шампанского на морозе. Нет, не удастся. Значит, надо морально готовиться.

Итоги уходящего года.

Трудно было очень. Долги увеличились, за что особое спасибо покемонам.

Издали кучу текстов.

ЖЖ занял ведущее место среди интернет-игрушек.

Блин! За год так и не удосужился оформить пенсию. Потерял кучу денег – баксов 300, не меньше.:)

Хотя собес посетил один раз. Мне там резко не понравилось. Там сидят какие-то совершенно старые люди. В ужасе бежал.

Вымащиваю благими намерениями дорогу в новый год
27 декабря

Напоминает название главы древнекитайского романа.

Размышляю типа под цветущей вишней.

Решил, что мне наиболее подходит в ЖЖ жанр мемуаров. Логично, да? Ну не писать же, почему меня не любит NN и как я от этого страдаю. Посему хочу завести еще два фейса. Под одним писать цикл «Мои встречи с ВИП (великими, известными, популярными)». Это довольно смешные встречи, потому что многие происходили в различных стадиях алкогольного опьянения. Собственно, навеяно одним комментом к моему рассказу о Володине.

Под другим фейсом что-то типа «Записки старого ловеласа». Пора поставить маленький памятник всем особам, которых я любил. Да и пересчитать их, в конце-то концов. Проект рискованный.

Но есть еще один проект, строго секретный.

Посему сам себе выдал код и завел новый ЖЖ под новым ником. Там будет просто одна история. Точнее, черновик одной вещи, создаваемой по ходу дела. Кто найдет, получит приз.:) Но я не представляю, как его можно найти, поскольку ни единого френда у этого ника нет.

Прогулка по Москве
31 декабря

Ну, конечно, Красная площадь.

Еще раз убедились, что на ней «всего круглей Земля», и сразу нырнули в ГУМ.

Там теплее.

По выходе из ГУМА нас неожиданно поджидали «Дрова», где мы и пообедали, причем мне удалось удачно разбить целую стопку мисочек для супа. Они так плавно посыпались и зазвенели. Полные «Дрова» осколков. Администрация благородно сделала вид, что ничего не произошло.

Нечего ставить мисочки такими высокими стопками!

2002

Сегодня
3 января

Сидим до сих пор с stepfather, который сейчас побежал за сигаретами для моей жены. Типа рыцарь и настоящий мужчина, хотя полвторого ночи.

Такие дела (с) Воннегут-Вербицкий.

Неожиданная развязка
3 января

Леник ака stepfather побежал за сигаретами, хотя я его отговаривал. Через 10 минут звонок: меня забрали в ментовку. Бегу к Павелецкому вокзалу. В магазине ничего не знают, в линейном отделении милиции тоже. Возвращаюсь, звоню по мобильному. Отвечает: типа да, в обезьяннике. Успел я тебе 300 баксов отдать? Я говорю: успел. Это он дал мне на сохранение, на всякий случай.

Ну тогда все ОК, я здесь посижу, говорит.

Я говорю: приехать за тобой? Ты где?

Не знаю, говорит Леник. Да и не отдадут. Я сейчас им буду стихи читать.

Это у него такой метод борьбы с ментами.

Героический человек.

Кровожадность
9 января

Что ж, перейдем к репрессиям.

Буду удалять из френдов барышень, которые вместо женского лица (своего или чужого – не столь важно), вешают хер знает что.

Свое лицо надо любить, иначе его никто любить не будет.

Очень большое сорри.

Исключение сделаю для некоторых лично знакомых барышень, хотя им тоже следовало бы призадуматься – у них такие вдохновенные лица!

Новая филология
10 января

maryl пишет:

> «И в архивации культуры состоит наша прямая задача. Получить грант и скупать винчестеры у писателей…»

Не лучше ли купить один винчестер и перестрелять из него всех писателей?

Граждане с гражданки
13 января

Гражданин и гражданинка
Жили на Гражданке.
Гражданинку звали Нинка,
Гражданина – Данька.

И что теперь с ними делать? С гражданами, имеется в виду.
Надо продолжать всем миром.
Иначе они не отстанут.

Отвязались граждане с гражданки 13 января

Гражданин и гражданинка
Жили на Гражданке.
Гражданинку звали Нинка,
Гражданина – Данька.

Гражданинка ела суши,
Гражданин – кебаби.
Он ходил пешком по суше,
А она – по хляби.

Он ее любил до гроба,
А она до сплина.
Разных взглядов были оба
Этих гражданина.

Даниил был пацифистом,
Нина – комсомолкой.
Он работал программистом,
А она двустволкой.

И по вражеским гнездовьям
Тут же, на Гражданке,
Била, жертвуя здоровьем,
Из своей берданки.

Он был принцем по натуре,
А она – принцесса.
Ей бы замуж выйти, дуре,
За него, балбеса.

Но живут они, как в танке.
Данька водку квасит.
Нинку тоже на Гражданке
Плющит и колбасит.

То не ветер ветку клонит,
Не огарок тлеет.
То мое сердечко стонет,
И граждан жалеет.

При участии r_l (2-я строфа)

Четверостишие abracadabra в сюжет не легло.

А ведь бессонницу заработал на этом размере. Вот прицепился.

Полку прибыло
15 января

Юзер dimkin принят сегодня в Союз писателей Санкт-Петербурга.

Не без трудностей, вызванных любовью юзера к ненормативной лексике.

Акция была предпринята в основном для того, чтобы придать юзеру хоть какой-то социальный статус. А то он у нас непрописанный и беспаспортный.

Информация к собственному размышлению 20 января

Уже 3 дня (с тех пор, как до меня это дошло) размышляю над поздравлением Саши (Самуила Ароновича) Лурье.

Оно лестное, конечно.

Саша Лурье мне ничем не обязан. За язык его никто не тянул. Критик он – один из самых умных и тонких в Питере (да и в России).

И все же меня колбасит.

> *«Газета Дело № 1 (212)*
> *от 14 января 2002*
>
> Александра Житинского поздравляет писатель Самуил Лурье.
>
> Дорогой Александр Николаевич!
>
> Я отметил надвигающийся день Вашего рождения так: перечитал ночью роман «Потерянный дом, или Разговоры с милордом» и перелистал повести «Лестница» и «Снюсь». Тут наступило утро, и стало вполне ясно, что Вы – самый сильный писатель нашего поколения, что в современной русской литературе мало кто выдержал бы сравнение с Вами.
>
> Потому, наверное, и не сравнивают.
>
> И еще потому, что Вы – человек и автор хотя и стремительный, но не суетливый, и совеститесь и брезгаете жить по законам стаи; ну и, по-видимому, в Вашей жизни есть такие вещи, которыми Вы дорожите больше, чем литературной шумихой.
>
> Все это означает, во-первых, что Вы – счастливый человек, а во-вторых, – что необходимый. Берегите себя, живите долго, сочиняйте побольше!»

Я никогда не приму эпитета «сильный». Я всегда считал себя «особым». И этого вполне достаточно.

С другой стороны, свистопляска вокруг некоторых имен в современной литературе всегда меня удивляла, поскольку все, что они делали и делают, элементарно, Ватсон.

Что случилось в 1972 году?
20 января

Тут у некоторых лжеюзеров появились вопросы, почему в графике рождения дочерей (один раз в 10 лет) был пропущен 1972 год?

Отвечаю.

Моя первая жена Марина Константиновна каким-то образом усекла эту периодичность и родила в 1968 году – мальчика!

За что ей навсегда благодарен.

Иные жены не смогли уловить закономерность и продолжали поставлять мне дочек в 1982 и 92-м годах.

Старые пленки
20 января

Смотрели вчера с детьми старую домашнюю хронику, которую снимал мой отец на 8-мм пленку любительской камерой «Кварц» в 70–75 годах. Эта камера была подарена ему на 60-летие. Не так давно я перевел весь киноархив на видео, хорошо бы смонтировать и подложить звук, но руки не доходят. Посему смотрели немое кино.

Дети лжеюзера olchik очень смеялись, увидав свою маму в десятилетнем возрасте. Я был попросту анекдотичен на экране – худой, с идиотскими бачками, носатый – то ли еврей, то ли лицо кавказской национальности. Но анекдот не в национальности, а в манере двигаться.

Моя вторая жена, Елена Викторовна Маркова, специалист по пантомиме и сценическому движению, автор двух книг («Марсель Марсо» и «Современная зарубежная пантомима»), всегда утверждала, что я неправильно выбрал профессию и мне следовало бы стать клоуном. Вчера я в этом убедился. Видя себя на экране, я всегда поражаюсь, как окружающие могут относиться серьезно к этому нелепому человеку. Ведь клоун комичен именно нелепостью, прежде всего в движениях.

Впрочем, кто сказал, что ко мне относятся серьезно? Иногда делают вид.

После небольшого анализа решил, что комичность моих движений проистекает из-за несоответствия присущей им стремительности с поводом для нее. Взять банку пива, открыть ее и выпить – для этого не нужно стремительности. Я же делаю это стремительно.

После отцовских съемок пошли мои – это уже после его смерти, в конце семидесятых – начале восьмидесятых. Хронику мне было снимать неинтересно, я снял два маленьких игровых фильма с участием Елены Викторовны, ее дочери Маши 1970 г. рожд. и моего сына Сережи, которому завтра исполнится 34 года. У меня тогда была проблема – не потерять сына духовно – и каждые выходные я брал Сережку к себе в новую семью и там что-то придумывали. Благодарен за это обеим женам – и первой, и второй.:)

Первый ч/б фильм «Шпионская коробочка» – детектив, в котором я играю шпиона, Е. В. – связную, Маша – пионерку, а Серый – мента. В конце мент и пионерка благополучно арестовывают шпиона и препровождают в участок. Сюжет связан с

передачей шпионской информации посредством коробочки для пленки и дупла старого дерева. Снимали на Каменном острове.

Вы заметили, что я уже начал мемуары?

О другом фильме в следующий раз.

Ольшанскому
25 января

Митя, неужто Вы не понимаете, как это глупо выглядит?

«Суровые» Высоцкий и Галич. «Слюнтяй» Окуджава.

Суровыми нитки бывают.

Может быть, когда-нибудь Вам будет стыдно за этот глупый максимализм.

Окуджава воевал. Он никогда не писал дешевых советских сценариев. Не снимался в дешевых советских фильмах. Он прожил жизнь достойно.

Ваше право любить его или нет. Но оскорблять зачем?

Ему уже все равно, а Вам еще нет. Дай Бог Вам сделать хотя бы десятую часть того, что сделал Окуджава.

Я всех названых люблю, потому что талантливые.

А ненавидеть можно соседку, плюнувшую Вам в суп. Надеюсь, Окуджава лично Вам ничего не сделал плохого?

Репетиция записи 29 января

Вчера позвонили с ОРТ и сказали, что хотят записать меня для ночного разговора Диброва с БГ. Типа свидетельства очевидца. Мемуары бывшего друга. Типа никого не осталось, кто помнит ТУ эпоху.

Думал, что же, собственно, я могу сказать о Боре. Он такой ускользающий, что даже 18 лет знакомства, из которых лет 6–7 были годами, когда мы виделись практически ежедневно, если он был в Питере, не дают мне преимущества перед другими. Он всегда ведет себя как человек, владеющий Тайной. При этом иногда ею в действительности владеет. Но не всегда, иногда очень блефует.

Недавно он снова спел на концерте «Серебро Господа». Я полагал, что ему уже никогда не удастся это спеть. Ничего, вытянул сносно. Но в 1986 году это было гораздо Божественнее.

Мы все еще ритуально целуемся при встрече. Однако я ему давно уже не нужен. Впрочем, как и он мне.

Всего этого для Диброва не надо. Нужны анекдоты о великом артисте. Типа как он у меня свидетелем на свадьбе был.

Сон
1 февраля

Непритязательный, как всегда.

Останавливаюсь на Каменноостровском, почти напротив станции метро «Петроградская».

Подходит гаишник.

– Нарушаете.

– Где? – пугаюсь я.

– Вон знак, – кивает назад гаишник. – «Остановка запрещена».

– Там «Стоянка запрещена», – утверждаю я.

– Нет, остановка!

– Спорим? – неожиданно предлагаю я.

– Спорим, – неожиданно соглашается гаишник.

Он садится рядом, и я сдаю назад до столба, чтобы было видно знак.

Там висит «Стоянка запрещена».

– Ну, твоя взяла… – добродушно разводит руками гаишник и уходит.

Грустно, френды…
2 февраля

Щастья-то нет.

ЖЖ есть, а щастья нет.

И все это неизбежно надоедает.

И думаешь уже – кого вычеркнуть из френдов, чего писать, зачем писать…

С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ писать?

Игры.

Только игры.

А между тем, время идет, мы стареем, и ничего не происходит в онлайне. Как, впрочем, и в офф.

Оттого и самоубиваются наиболее чувствительные.

Только полное и законченное одиночество плодотворно.

Но мы никак не хотим с этим смириться.

Сорри.

Фантазии старого бонвивана
2 февраля

ФСБ короче.

Под этим фейсом я намерен писать мемуары о любовно-эротическом опыте, как и обещал.

Это очень трудно, но я постараюсь писать правдиво.

Кое-что уже написано в сочинениях, так что я буду ссылаться и добавлять то, что не написано.

В детстве и юности я не занимался онанизмом.

Потом, гораздо позже, я узнал, что это исключение из правила.

Помню, мама входила в спальню, где укладывались на ночь мы с братом, и командовала: «Руки на одеяло!»

И мы послушно выкладывали руки поверх одеяла, совершенно не понимая, зачем это нужно.

Иногда по утрам я обнаруживал на простыне маленькие отвратительные сгустки непонятного происхождения. О слове «поллюции» я узнал лет через 20. А тогда я ломал голову, но спросить ни у кого не решался.

Занятия спортом, мамины приказы и общая неосведомленность в вопросах пола позволили сохранить полную девственность (а как это будет в мужском роде?) до весьма зрелого возраста.

Это привело к тому, что свой первый осознанный оргазм я испытал в 20 лет с моею первою женой, за месяц до свадьбы, и страшно испугался. До этого примерно месяц мы с нею пытались понять – как это все нужно делать, наконец нам удалось что-то куда-то поместить, и буквально через минуту меня взорвало, и вот тут я подумал, что это ненормально. То есть экспериментировать и получать от этого удовольствие было нормально, но результат потряс. Я поразмыслил и повторил эксперимент.

Результат был тот же.

Тогда я понял, что так и надо. Это нормально.

Но не перестаю этому удивляться до сих пор.

ФСБ (2)
2 февраля

Этот эпизод описан в повести «Типичный представитель» (пока в Сети нет).

К нам на дачу приехали гости. Это были друзья отца. Они привезли с собою дочь семнадцати лет. Мне в то лето еще не исполнилось пятнадцати. Дочку звали Вера. Она была уже вполне оформившейся девушкой, как я сейчас понимаю.

Не помню, чем мы занимались днем. Вероятно, Вере было скучно с малышами – мною и моим одиннадцатилетним братом. Вечером нас уложили спать в одной комнате. Вера заняла кровать брата, я спал на своей, а брат устроился на раскладушке. Между мной и Верой был стол.

Я никак не мог заснуть. В комнате было темно. Вера, не шевелясь, лежала в постели. Брат заснул сразу. Я водил языком по пересохшему нёбу. Язык тоже был сухим.

– Принеси воды, – вдруг тихо приказала Вера.

Я встал и на цыпочках направился на кухню. Дом уже спал. Подушечками пальцев я ощущал холодный крашеный пол. Я ни о чем не думал, только боялся, что проснется мама. Сердце стучало в майку. Я зачерпнул кружкой воды из ведра и пошел обратно, не слыша себя.

– Вот, – прошептал я, протянув руку в темноту.

Ее пальцы коснулись моего локтя и, спустившись по руке, нашли кружку. След этих пальцев ослепительно вспыхнул в темноте. Она взяла кружку, а я остался стоять с протянутой рукой. Мне казалось, что рука стала бесконечной и превратилась в ее длинное прикосновение.

Так я стоял, пока холодная кружка не ткнулась мне в ногу выше колена.

– Попей, – сказала Вера.

Я опустил руку и схватил кружку за ободок. Постукивая зубами о край кружки, я глотнул воду. Что мне делать дальше – я не знал.

– Чего ты стоишь? – спросил ее голос.

Я вдруг улегся на стол животом и свесил голову к ее подушке. Рука с кружкой существовала где-то в пространстве. Другой рукой я держался за край стола.

Из темноты выплыло ее лицо. Оно коснулось моей щеки, и мягкие губы поползли по ней к моим губам. Я повернул голову, и ее губы оказались у другой моей щеки. Рука с кружкой вдруг

вернулась ко мне. Я почувствовал, что она напряженно застыла в воздухе над раскладушкой брата.

– Поставь кружку, – сказала она.

Легко сказать! Я не знал, куда ее поставить. Тогда Вера снова избавила меня от кружки, поставив ее на пол. У меня появились рука, ладонь и пальцы.

Дальше были прикосновения – без слов и поцелуев. Моя свободная рука нашла ее и тихо-тихо двинулась в путь, ужасаясь происходящему. Рука думала отдельно. Я же не думал совсем, а только касался ее лица неподвижными губами. Рука нашла пуговку на спине и удивилась. Ее пальцы путешествовали по моему затылку к шее. И мои пальцы поехали куда-то по узенькой и гладкой полоске материи. Уши горели. Одним из горячих ушей я ощущал жар ее дыхания. Моя рука пробралась к ее груди, и я почувствовал, что теряю сознание.

Тут проснулся брат и приподнялся на раскладушке.

– Ты чего на стол залез? – спросил он.

Мы с Верой отлетели друг от друга бесшумно, как тени. Я услышал, как противно скрипнуло о пол днище кружки. Кружка полетела по воздуху, и раздался глубокий спасительный звук глотка.

– Жарко… – вздохнула Вера. – Хочешь воды? – спросила она брата.

Сонный брат нехотя выпил воды. Я стал сползать по столу на животе к своей кровати и упал в нее наоборот, оказавшись ногами к подушке. Переворачиваться я не решился, а только перетянул по себе подушку к голове, перевел дух и прислонился щекой к ледяной никелированной спинке кровати. Потом я заснул.

На следующий день Вера вела себя так, будто ничего не произошло. Вообще ничего. Мне даже стало казаться, что все приснилось. Я ощущал досаду. Я был уверен, что наша ночная тайна связала нас на всю жизнь. Но напоминать об этом я не решался.

Оказалось, что близость – а это и было тогда близостью для меня – не имеет решающего значения. Открытие меня ошеломило и продолжает ошеломлять до сих пор, правда, в сильно разбавленном виде. До сих пор я испытываю недоумение, когда обнаруживаю, что ночные страсти, прикосновения, разговоры – наутро исчезают куда-то, затихают, обесцвечиваются и во всяком случае не способны перевернуть жизнь вверх дном.

Мы с Верой пошли на пляж и купались. Потом мы укрылись в душевых кабинках, чтобы смыть соленую морскую воду. Женская и мужская кабинки разделялись деревянной перегородкой, в которой были просверлены дырки. Они не были даже

замаскированы.

Я прильнул к одной из них глазом. Холодная вода падала на меня из душа. Я трясся всем телом, зубы у меня стучали. За перегородкой в тонких струйках воды стояла Вера. Плавными движениями рук она омывала тело. Не знаю, приходило ли ей в голову, что перегородка усеяна отверстиями. Во всяком случае, она вела себя совершенно спокойно и артистично.

Я же дрожал, повторяю.

В мою кабинку вошел какой-то мужик, и я отпрянул от дырки. Мужик стукнул меня кулаком по заду, ухмыльнулся и сам припал к отверстию. Я в ужасе выскочил из кабинки, едва успев натянуть трусы.

Пояснение к тексту ФСБ 2 февраля

Как уже говорилось, ФСБ-2 взят из повести «Типичный представитель», входящей в цикл «Записки младшего научного сотрудника». Эти повести и рассказы были написаны в 1968–74 годах, публиковались в «Авроре» и других журналах и альманахах, но полностью как книгу «Дитя эпохи» мне удалось издать их лишь в 1993 году.

За Петю Верлухина (так звали моего героя, от лица которого написаны все эти вещи) мне часто доставалось – в «Правде», в Литгазете, на местном питерском уровне. Помню, в 1974 году, когда только вышла из печати «Сено-солома» и в журнал «Аврора» пошли письма читателей (надо сказать, весьма лестные), случилось собрание Союза писателей (я тогда не был его членом), на котором выступила нынешний вице-премьер, а тогда первый секретарь Обкома комсомола Валентина Ивановна Матвиенко.

Мне рассказывали потом присутствующие, что половина ее выступления была посвящена «Сено-соломе». Это был жесточайший разнос с обильным цитированием. Типа где автор видел такую молодежь? Которая так героически помогает нашему сельскому хозяйству, а там у него пьет и целуется.

Главный редактор «Авроры» Владимир Торопыгин вышел из зала красный, как рак. Он-то думал по письмам читателей, что опубликовал недурную вещь. На какое-то время мне перекрыли кислород.

Так вот, повесть «Типичный представитель» возникла последней в этом цикле, когда я подумал, что неплохо было бы дать биографию моему герою. И я дал ему свою, другой у меня не было. Поэтому все эти эпизоды случились со мной, а не с Петей. Сейчас я возвращаю их себе.

Но в повести биография героя заканчивается его женитьбой. А ФСБ, надеюсь, будут продолжены дальше.

ФСБ (3)
2 февраля

Этот опыт чувственности не повлиял заметно на мою жизнь. В последующие два года ничего похожего не случалось. Были школьные увлечения, которые проносились с пугающей быстротой. Я был тщеславен. Девочки из нашего класса меня не интересовали. Но я совершенно преображался, когда чувствовал внимание посторонних девочек.

В девятом классе я испытал любовь десятиклассницы. Ее звали Таня. Она пела эстрадные песенки на школьных вечерах, то есть была в некотором роде звездой. Я тоже был звездой, но спортивной. Мне передали, что она интересуется мною. Я испытал страшную гордость и возвысился в собственных глазах.

На очередном вечере я пригласил ее танцевать, а потом пошел провожать. Мы молчали. Возможно, что-то зарождалось в наших душах, но зародиться не успело. У подъезда ее дома стояли двое. Когда мы подошли, я узнал в них ее одноклассников. Один из них без лишних слов стукнул меня в грудь. Я покачнулся, но не ответил. Я понимал незаконность своих притязаний.

Таня молча скользнула в подъезд, оставив нас выяснять отношения. Но выяснять было нечего. Второй тоже сунул мне кулаком в грудь, однако не очень сильно. Он явно выполнял формальность. Я вяло ударил его в плечо, и мы тут же разошлись.

Вот так кончилась эта любовь. Пожалуй, она была рекордно короткой.

ФСБ (4)
2 февраля

Следующей была девочка на год младше меня. Она училась в восьмом классе. Ее подружки передали мне записку – удивительно глупую и претенциозную. Я тогда этого не понимал. Мне льстило женское внимание.

Мы пошли с нею в кино. Фильм оказался хорошим. Он назывался «Дом, в котором я живу». После сеанса я шел и думал о людях, которых увидел на экране, о девушке, которая погибла, и в голове у меня вертелась простая и трогательная песенка из этого фильма.

И тут моя подружка сказала какую-то чепуху и глупо захохотала. Этого оказалось достаточно, чтобы любовь, не успев вспыхнуть, снова погасла. Мне стало стыдно и досадно.

– А у меня завтра день рождения, – сказала она. – Я тебя приглашаю. Ты придешь, придешь?..

И стала заглядывать мне в глаза.

– Приду, – буркнул я.

Я подумал – ладно уж, приду, так и быть, а то получается что-то слишком ветрено с моей стороны. Я думал, что будет обычный день рождения: мальчики, девочки, танцы под радиолу… Как бы не так!

Я пришел с большой коробкой конфет и цветами. Как жених. Дома были она и ее родители. Небольшой круглый стол был накрыт на четверых. У меня сразу упало сердце. Я почувствовал, что сравнение с женихом не слишком преувеличено.

Отец помог мне снять плащ и повесил его на вешалку. Мать смотрела на меня добрым испытующим взглядом. Он накладывал на меня великую ответственность за все, что произошло или когда-либо произойдет с ее дочерью.

Меня усадили за стол и открыли шампанское. Жуткая тоска проникла в мое сердце. Дверца мышеловки захлопнулась. Теперь я как честный человек был обязан жениться. Эта мысль предстала передо мною во всей неотвратимости. Мне стало жаль себя – слишком юного, не успевшего вкусить.

Между тем родители повели со мною светскую беседу. Я отвечал учтиво, но без душевного подъема. Я старался показаться скучным и туповатым субъектом. Это давало маленький шанс на спасение.

– Ирочка, угости Сашу печеньем, – сказала мама. – Вы знаете, Ирочка сама его пекла, – обратилась мама ко мне.

Я покорно взял печенье. С трепетом я ожидал рокового вопроса: «Когда же свадьба?» – или чего-нибудь в этом роде. Но вопрос почему-то не прозвучал. Мне удалось вырваться на улицу. Я шел домой и пел песни, с удовольствием вдыхая юный воздух свободы.

Я стал избегать Иру.

Я прятался от нее, как мог, в школе и на улице. Она записалась в мою спортивную секцию и дважды в неделю являлась на тренировки в черных широких трусах, обтягивающих ноги резинками. Эти трусы окончательно стерли остатки теплых чувств с моей стороны. Я не разговаривал с нею, словно вспомнил вдруг, что мы незнакомы.

Она поймала меня на предмет серьезного разговора после зимнего первенства города. Я занял первое место и шел домой в упоении. Брат тащил рядом мою спортивную сумку, как оруженосец.

Вдруг я услышал позади противный мелкий стук каблучков. Я сразу догадался.

Она поравнялась со мною и, придав брату легкий, но повелительный импульс в спину, сказала ему:

– Оставь нас наедине!

Брат посмотрел на меня с сочувствием, но повиновался.

Она изобразила на лице сложную гамму чувств. Я ничего не изобразил, кроме унылого ожидания. И тут она выдала классическую сцену оскорбленной и покинутой невинности. Я почувствовал себя законченным подлецом. Вместе с тем решимость никогда ни при каких условиях не жениться на ней окрепла необычайно.

Она заплакала натуральными слезами, чем только ожесточила мое сердце.

– Я никогда, никогда больше не встречу никого! – всхлипывала она. – Это останется со мной на всю жизнь.

– Встретишь… – вяло возразил я.

– Не смей так говорить! – топнула она ножкой.

С трудом удалось ее успокоить. У своего дома она утерла слезы и попыталась улыбнуться.

– Расстанемся друзьями, – сказала она вычитанные где-то слова.

Как я узнал позже, она выскочила замуж сразу после выпускных экзаменов на аттестат зрелости.

ФСБ (5)
2 февраля

Вышеперечисленные любови были исключительно целомудренны, хотя едва не привели к женитьбе. Во всяком случае, не было даже поцелуев. Это обстоятельство огорчало меня, потому что целоваться хотелось. То есть не то чтобы хотелось – просто являлось общепринятым. Отсутствие поцелуев делало любовь неполноценной.

Я твердо решил избавиться от этого недостатка и поцеловать какую-нибудь девушку.

Очень кстати явилась и девушка. Это было после девятого класса, на той же даче, где я два года назад несколько ускорил события в ночном приключении с Верой. На соседней даче отдыхала семья капитана первого ранга. Его дочка была чернявенькой, хорошенькой, пухлощекой, с роскошной косой.

Мы качались на качелях, и она обнимала руками широкую юбку. Мы гуляли по вечерам, и наши щеки пылали. Рядом с нами всегда вертелся мой брат. Вообще во всех моих любовных начинаниях или окончаниях брат играл скромную, но постоянную роль.

Очень скоро он стал нам мешать. Во взглядах и движениях моей новой возлюбленной появилась досада. Каникулы кончались. Вскоре она должна была уезжать с семьей в свой военный городок, где была военно-морская база, а поцелуй медлил исполнением.

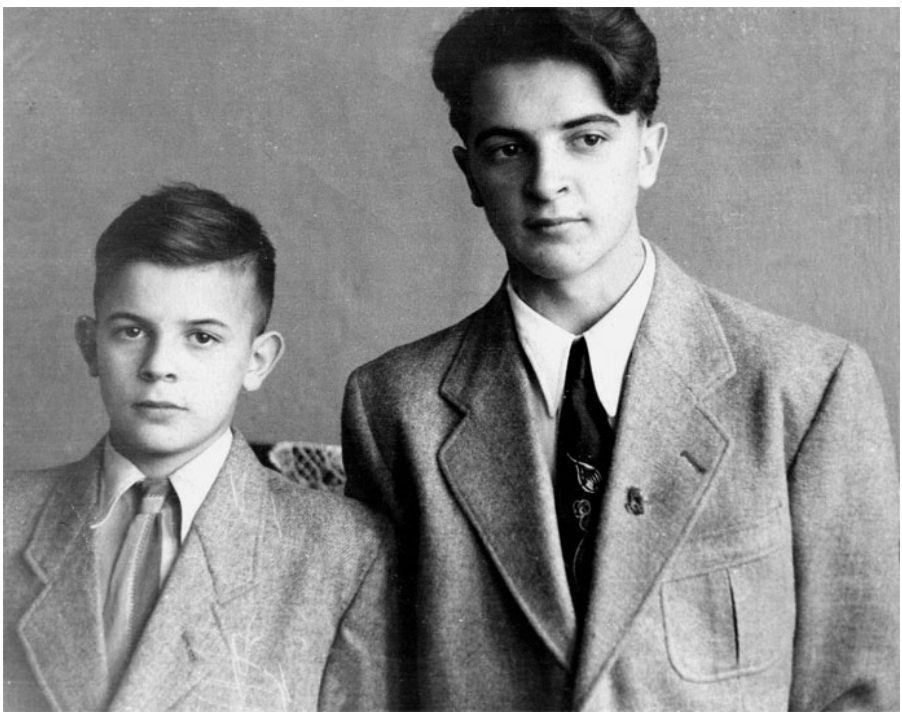
Произошло все внезапно. Однажды, в очередной раз проводив ее вечером до калитки, я увидел, что брата отвлекли поиски светляков. Он шарил в траве, выискивая и пряча в горсти крупные синеватые звездочки. Я уже отпустил возлюбленную за калитку, не выпуская, впрочем, ее руки из своей, но мгновенно оценил обстановку, притянул девушку к закрытой калитке и быстро чмокнул в щеку, на которой лежал изящный маленький завиток. Собственно, чмокнул в завиток.

Она с готовностью подставила лицо, прикрыла глаза, и мы стали целоваться уже всерьез, пока не заметили, что нам что-то мешает. Это была калитка с заостренными полосками штакетника, которая находилась между нами. Ребра штакетника весьма чувствительно упирались в грудь, а заостренные концы вонзались в подбородок. Однако открыть калитку было нельзя, ибо для этого пришлось бы хоть на миг оторваться друг от друга.

Так мы обнимались – возлюбленная, я и калитка, – пока брат

не принес полную пригоршню светляков. Я одарил ими возлюбленную. Она украсила свою черную широкую косу и ушла по дорожке, мерцая в темноте, как маленькое удаляющееся созвездие.

После этого до последнего дня каникул мы целовались каждый вечер с отчаянной добросовестностью дилетантов, которым поручили трудную профессиональную работу. Брат был тактичен и предан. Он истребил всех светляков в поселке. В его взгляде я читал стойкое непонимание необходимости наших долгих и бессмысленных занятий.



Кстати, эта девушка (а звали ее Таня, конечно) появилась ровно через год, летом 1958 года, когда я готовился к экзаменам в ДВПИ (Дальневосточный политехнический институт). Это во Владивостоке, если кто не знает.

Какие-то суки из Министерства просвещения именно в том году отменили все льготы для медалистов, и моя золотая медаль осталась лишь побрякушкой. Мне предстояло сдать 5 экзаменов.

Родители были на даче в Океанской, а я сидел и зубрил что-то. И тут появляется она…

Короче, мы процеловались часов пять. Я дико устал. Самое интересное, что тогда поцелуи, даже в таком невероятном количестве, не воспринимались как прелюдия к чему-то более

существенному, а были вполне самодостаточны. Правда, после таких сеансов дико болели яички. Не знаю, что болит у девушек, но, наверное, тоже что-нибудь болит.

Она ушла, пообещав назавтра прийти снова. Ко мне медленно возвращался разум. Я понял, что одно из двух: либо мы целуемся, либо я поступаю в институт. И я смалодушничал. Я позвонил своему другу, который тоже готовился к экзаменам в двух шагах, на Пушкинской улице. И через час переехал к нему вместе с учебниками.

Это позорное бегство отодвинуло мое возмужание на два года. Потому как, вспоминая эту Таню, я думаю, что мы добрались бы до существенного уже на следующий день.

Ну и что? Поступил я в институт… С другой стороны, ну расстался бы я с девственностью двумя годами раньше?

Один черт.

ФСБ-отступление
2 февраля

Думаю, у каждого есть излюбленные имена, а точнее, имена, с которыми чаще возникают отношения. Не с именами, понятно, а с их владелицами.

У меня таких имен два: Татьяна и Ирина. Если посчитать, то каждого имени набралось бы на женскую волейбольную команду вместе со скамейкой запасных. Причем в молодости преобладали Татьяны, а потом их стали теснить Ирины. Есть вполне распространенные имена, которых как-то не попадалось практически. Светлана, Люба, Настя. Я имею в виду любовные и близкие отношения.

Особняком стоят экзотические имена: Алла, Элла, Барбара, Маргарита. Но о них в свое время. Это все было коротко, ненадежно, да и ненужно.

Имя Марина забронировано за моею первой женой и женщиной. Оно свято до такой степени, что когда, много лет спустя возникла женщина с этим именем (кстати, роман с нею был практически последней каплей, разрушившей первый брак), то она была переименована в Машу. Но об этом тоже потом.

Елена – имя для жены. Хотя не только.

Вера, Надежда, Любовь – все мимо. Что символично.

А Полины, Дарьи, даже Марьи в наши времена не водились. Как Антоны, Кириллы, Максимы и Иваны среди мальчиков. Их просто не было. В 1953 году в моем шестом классе в Москве было 14 Александров из 40 учеников (школа была мужская).

ФСБ (6)
3 февраля

Ну вот одна из Татьян.

Мы учились вместе в седьмом классе, причем это был первый год совместного обучения мальчиков и девочек. До этого я шесть лет провел в мужской практически бурсе. Курение, мат, низкие нравы.

А в восьмой класс я пошел уже во Владивостоке, поскольку отца туда перевели служить. Через пару месяцев получаю письмо от другой бывшей соученицы, которая извещает, что Таня очень страдает типа. И не пришлю ли я хотя бы фотку?

Это известие было в диковинку.

Я и не подозревал, что Таня страдала. У меня была первая любовь в женской школе, из параллельного класса. Ира, конечно. А Таня так, сидела на соседней парте.

Фотку я послал, мысль заронил. Кажется, даже обменялись письмами.

На следующее лето прилетел в Москву (поскольку отец был большим летным начальником, я мог летать из Владивостока в Москву на военно-транспортных самолетах, что и делал каждое лето. Путь занимал 3 дня с двумя ночевками). Пришел к Тане – и она мне сразу, что удивительно, понравилась. И я пригласил ее гулять.

Мы отправились, конечно, на ВДНХ. Кажется, тогда она еще называлась ВСХВ – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. И бродили там по аллеям, незаметно влюбляясь друг в друга. То есть она как бы давно это сделала, а я только что.

Захотелось есть, я повел ее в столовку, и там мы пообедали. На первое был борщ, ети его мать. Этот борщ я запомнил на всю жизнь, потому что буквально через полчаса после обеда у меня в животе стало как-то неуютно, что-то вздымалось, а потом с урчаньем оседало. Борщ делал свое черное дело, он пучил мой юношеский живот, отвлекая от влюбленности. Интересно, что на Таню борщ не оказал никакого воздействия.

А я буквально останавливался, замирал и бледнел, когда очередной приступ борща вздымался в моем желудке, стремясь вырваться наружу. Девушка это заметила и с тревогой наблюдала за мною.

Казалось бы, чего проще? Надо было попросить ее подождать пять минут и зайти в туалет. Но! Тут вы будете долго смеяться. Это было НЕВОЗМОЖНО. Невозможно было сказать девушке, что

нужно зайти в туалет. Невозможно было даже схитрить, уйти как бы по другим делам, потому что она могла ДОГАДАТЬСЯ, что на самом деле я пошел в туалет!

То есть обосраться было возможно, но выйти в сортир – нет!

Это сейчас принято громко объявлять в компании: «Ой, я пойду пописаю!» А тогда нет. Тогда это было государственной тайной.

И я терпел, скрипя зубами, обливался холодным потом, стремясь всеми силами удержать проклятый борщ внутри себя.

Не помню, как мне удалось довести ее до дома, скомкать прощание – какие поцелуи? Вы смеетесь! – и броситься куда-то стремглав, мечтая облегчиться.

Больше мы тогда не встречались. Мне было непереносимо стыдно.

А ведь жизнь могла пойти по-другому. Мог жениться со временем, если вдуматься. Я тогда был скор. Впрочем, я и сейчас скор.

Через десять или одиннадцать лет, не помню точно, Таня стала моей ВТОРОЙ женщиной. Но не женой. Об этом позже.

Короче, это была рука Провидения. Провидение иногда избирает такие анекдотические пути. В моей жизни было по крайней мере три случая, когда Провидение останавливало меня, и оно было всегда право.

ФСБ (7)
3 февраля

Одна из дальневосточных любовей была странной, почти никакой. Ни свиданий, ни поцелуев. Девушку звали Оля, и она была дочерью второго секретаря крайкома партии. Мы виделись, когда она с родителями бывала у нас в гостях – на той же даче или на городской квартире. Как я потом понял, мой отец ухаживал за Олиной мамой – красивой крупной блондинкой, преподававшей в Университете то ли английский язык, то ли марксистскую философию. Но тогда мне и в голову не могло прийти, что у людей такого преклонного возраста могут быть амуры. А отцу еще не исполнилось 50.

Оля была высокой, стройной, с бледным цветом лица. Вообще вид у нее был немного болезненный. Моя матушка, заметив мое увлечение, стала вести незамысловатую пропаганду против Оли, намекая, что у нее туберкулез. Очень уж анемична.

Но в этой анемичности был особый шарм.

Борисов-Мусатов – вот. Оля была похожа на его картины, да и любовь наша тоже на них походила. Всё в дымке, в вуали, все немного загадочно. Мне казалось, что я ей не нравлюсь, она была «тиха, покорна, молчалива» и далее по тексту.

Однажды мы вместе летели в Москву на том же транспортном самолете. Это были такие марки: ЛИ-2, ИЛ-12, реже ИЛ-14. С пропеллерами. ЛИ-2 был аналогом американского «Дугласа». Внутри было пусто, по бортам тянулись низкие железные скамейки для десантников. Когда самолет разбегался по грунтовой полосе, сидеть на этих скамейках было большим удовольствием. Трясло дико.

В первый летный день самолет долетал из Владивостока до Хабаровска, заправлялся и летел дальше до Магдагачей. Есть такое местечко в Восточной Сибири, где-то между Читою и Благовещенском, кажется. Там был военный аэродром и маленькая гостиница для летчиков. Там мы ночевали, чтобы утром отправиться дальше.

Мы сидели с Олей августовской ночью в этих самых Магдагачах, смотрели на черное небо, усыпанное звездами, и нам было хорошо. По небу пролетал спутник. Я тогда впервые его увидел на небе – яркая движущаяся точка – и больше никогда не видел, кажется. И это был не простой спутник, а Первый. Шел 1958 год, я только что закончил школу и поступил в институт, а Оля ехала учиться в Москву. Мы расставались.

Потом мы встретились однажды в Москве, и между нами состоялось такое как бы объяснение – не впрямую, конечно, а как между нами водилось – по касательной. И я понял, что она ждала чего-то, но не дождалась. А я не решился. Впрочем, и это не более чем фантазия.

ФСБ (8) – отступление
3 февраля

Первый курс в ДВПИ на электромехе совпал с первыми признаками оттепели. Хотя только что предавали анафеме Пастернака, за чем я наблюдал в газетах. Как ни странно для генерала, отец выписывал «Литературную газету» и еще кучу других. Но с «большой земли» вместе с тем приходили слухи о стилягах, о радикальном изменении моды, о новых танцах, одним из которых была т. н. «трясучка» – это когда партнер и партнерша, обхватив друг друга за талию и тесно прижавшись, начинали мелко вибрировать, практически не сходя с места. За «трясучку» удаляли из залов, куда мы ходили – к себе в ДВПИ, в Декаф, как его называли (Дом Красной армии и флота, что ли? – dm_lihachev поправит, если что), – в Дом культуры моряков (на Пушкинской?) и в другие институты.

Перед танцами в обязательном порядке надевались тугие плавки, чтобы не смущать, так сказать… Тогда мне была неизвестна точная, хотя и грубая, русская поговорка «Бабу хуем не напугаешь». Я считал, что напугать можно, особенно в танце.

Мне пошили в ателье брюки шириною 16 см внизу. Это было абсолютно революционно по тем временам, учитывая, что предыдущие мои клеши были на 40 см. Еще я попросил маму сшить мне модную клетчатую рубашку. Их шили из цветных клетчатых шарфов: покупали 3–4 шарфа из шотландки, распарывали их и шили такие рубашки навыпуск с разрезами по бокам. Амуницию дополняли китайские кеды.

Кеды – это был супер! Особенно черные. А если не китайские, а более цивилизованной мануфактуры, то совсем.

В таком виде я фланировал по Ленинской улице (ныне, по слухам, она снова называется Светлановской).

Учебу в институте как таковую не помню совсем. Отрывочные эпизоды типа того, как я сдавал экзамен по начертательной геометрии. Доцент Дунаев был страшным аккуратистом, на лекции притаскивал цветные мелки и чертил ими чертеж на доске – просто произведение искусства. Заметив эту слабость, я приволок на экзамен коробку цветных карандашей и выдал ими чертеж, от которого доцент чуть не задохнулся. Схватил мою зачетку и поставил «отл». Впрочем, чертеж был правильный.

Было много спорта: тренировки, соревнования, поездки по Дальневосточной зоне в составе сборной Приморского края. Среди мужчин, между прочим, не юношей. Кроме легкой

атлетики, моего основного вида, – баскетбол, волейбол и футбол. Радиолюбительство в полный рост – паяльник, схемы, катушки, трансформаторы. Вы знаете, что такое – намотать силовой трансформатор? Стали появляться первые транзисторы. К ним относились скептически, никто не верил, что они способны заменить радиолампы.

Впрочем, я о любви…

ФСБ (9)
3 февраля

Заключительная дальневосточная любовь была крутой и короткой. Мне удалось завладеть вниманием девушки, считавшейся одной из первых красоток Владивостока. Кроме того, она была на 3 года старше меня, ей был 21 год, училась она в Медицинском.

И звали ее Галя. С мягким украинским «г». Халя типа.

Фамилия тоже украинская, но я здесь без фамилий женщин.

Чорнии брови, карии очи… Совершенно не мой тип.

Однако соображения крутизны оказались сильнее. По моим тогдашним понятиям она была вполне взрослой женщиной. За ней ухаживал сам (!) преподаватель кафедры физвоспитания Клиндухов. Ему было вообще лет 25! Статный спортсмен, тоже легкоатлет, кудрявый блондин в узких брючках и немыслимо широком зеленоватом клетчатом пиджаке.

Стиляга, одним словом.

На одном из вечеров ранней весной я пригласил ее танцевать, потом еще раз, потом как-то оказался рядом, когда вечер танцев закончился, вышли на улицу и…

Пошел провожать, короче.

Перспектива проводов девушки во Владивостоке поздно вечером – прямо скажем, не из приятных. Нужно иметь некоторое мужество. Галя жила на Партизанском проспекте. Это если с Ленинской свернуть на Китайскую, подняться до Парка культуры, а потом идти вдоль его ограды куда-то в сопки. Тогда там было застроено лишь фрагментарно. И ни души кругом.

Тем не менее мы пошли и дошли до подъезда и поцелуев.

Обратно я летел как на крыльях. Целоваться с такой недостижимо взрослой женщиной! И я знал, что мало кто в этом крае мог угнаться за мною, если вдруг на меня нападут. У меня было 11,2 на стометровке. Но это если один. С девушкой не убежишь.

И далее я, превозмогая страхи, исправно провожал ее после каждого вечера, так что бедный Клиндухов позеленел, как его пиджак. И отпускал на тренировках в пространство злые шуточки. До соперничества он не опускался, этого не хватало – соперничать с сопляком-первокурсником! Но был задет.

За романом наблюдал весь владивостокский спортивный бомонд, потому что Галя тоже была спорсменкой, занималась гимнастикой. Но скорее для того, чтобы показать свою

действительно замечательную фигурку. Думаю, что она тоже клюнула на то, что я был чемпионом края, ни на что больше.

Кончилось это летом, когда я покидал Владивосток навсегда. Было решено, что я перевожусь в московский вуз, потому что отец вот-вот ждал назначения в Москву. И я пошел к Гале прощаться. Все-таки она была довольно опытной девушкой, потому что умело манипулировала диванной подушкой, просовывая ее между нами, когда я слишком горячился. Потому как целовались на диване. Галя явно не хотела отдаваться уезжающему хер знает куда и насколько возлюбленному. А я, собственно, не знал, что нужно брать и как. В результате остались при своих, обменявшись фотографиями.

Одно письмо я от нее получил. И одно написал.

Ненастоящая это была любовь, одним словом.

Позже, как мне говорили, она вышла замуж за какого-то владивостокского бандита, он вскоре сел в тюрьму, она намаялась с ним, короче.

Вопросы
5 февраля

Вопрос, на который легко ответить.
– Вы мудак?
– Да!
Вопрос, на который трудно ответить.
– Почему вы такой мудак?
И в самом деле, почему?

Объявление 6 февраля

Питерские френды!

Может, у кого-то есть знакомые, ищущие работу. В нашем издательстве «Геликон Плюс» открываются вакансии. <…>

Коммерческий директор нового журнала, первый номер которого планируется выпустить в июне.

О журнале подробнее.

Ориентировочное название: ФАНТАСТИКА, XXI ВЕК.

Главный редактор Борис Стругацкий.

Я его заместитель.

В редколлегии согласились работать Кир Булычев, Вяч. Рыбаков, А. Измайлов, М. Успенский, Е. Лукин, А. Лазарчук, А. Щеголев, С. Переслегин и др. Гл. художник Дм. Горчев. Уже есть макет обложки.

Журнал толстый, по типу «Нового мира», «Знамени», «Звезды». В основном, отечественная фантастика в самом широком смысле этого слова – от фантастического реализма до фэнтэзи.

В этом году планируется 3 номера, в следующем – 6.

Семь бед – один ответ
13 февраля

У меня странная особенность. Когда наступает полная жопа с деньгами, а это бывало и бывает нередко, я начинаю сорить деньгами (оставшимися).

По принципу, вынесенному в заголовок.

Вот и сегодня, несмотря на вышеупомянутую жопу, я решил выяснить, так ли отличается французский сыр с плесенью по 640 руб. за кг от немецкого по 380, который я пробовал на прошлой неделе.

Взял аж 200 г.

Отличается, да. Весьма заметно.

Но моего воображения не хватает, чтобы оценить вкус настоящего «рокфора», который здесь стоит 2100 руб. за кг. Я его никогда не пробовал и боюсь…

Самотек
13 февраля

Потек, да.

Обнародован адрес журнала «Полдень»,[1] и туда уже сыплются тексты.

Складываю (складирую, точнее) их в специальную папку.

Ты этого хотел, Жорж Данден.

ФСБ (10)
14 февраля

Самая долгая, самая романтическая любовь в моей жизни началась после 8-го класса во Владивостоке.

Мы учились в одном классе.

Девочку звали Валентина.

Валька.

Я узнал, что ей нравлюсь. Узнал самым примитивным образом, прочитав случайно ее дневник летом где-то на станции Лазо, в совхозе, где мы всем классом были на сельхозработах.

Конечно, это меня потрясло. И мы стали дружить.

Потом я ее предал. Тоже весьма примитивно. Пригласил на новогодний вечер, а там вдруг стал танцевать с другой девочкой. И Валька перестала со мною разговаривать.

Только через полгода мы как-то с нею начали мириться, и тут она уехала на другой конец страны, потому что ее отец тоже был военным и его перевели служить в Калининград. Было это осенью 1957 года.

Я написал ей два или три письма и очень скоро забыл, как мне казалось.

Она отомстила мне через восемь лет.

Ей посвящено множество стихов, а вся история описана в повести «Вчера, сегодня, позавчера», которую сегодня по моей просьбе dimkin выложил в Сеть. Там все правда, за исключением одного эпизода, который я придумал.

Конец этой истории приходится на 1975 год. В повести его нет.

Закончилась история так.

После нашей встречи в Москве, в феврале 1974 года, когда мы оба были уже вполне взрослыми людьми, брать тайм-аут еще на 8 лет было как-то слишком уж романтично.

Через неделю Валька приехала в Питер.

Мне решительно негде было с нею встречаться. Выручил мой друг Геннадий Иванович Алексеев, поэт и художник, Царство ему небесное, который дал ключ от своей мастерской.

И вот там, в этой неустроенной мансарде (это была коллективная мастерская на троих, у каждого художника было по комнате), мы и остались наедине, впервые за 16 лет.

И там это как-то, сумбурно и неустроенно, произошло.

Пытаюсь вспомнить – и не могу.

Через день она уехала.

А я принялся писать ей письмо – то самое, которое через год с небольшим стало частью повести, написанной от лица героя, курсивом. Тогда я писал это как письмо, но… какие-то чисто литературные устремления и красóты уже присутствовали. И еще одним махом написал «Февральскую поэму», где все было про то же, но стихами.

И уже в апреле повез это все в Калининград, каким-то немыслимым образом объяснив эту поездку жене. Ну что мне было делать в Калининграде? Я тогда работал уже не в Политехе, а в лабаратории НОТиУ одной проектной архитектурной конторы. Внедрял АСУ. Работа была совсем не пыльной.

В Калининграде снял номер гостиницы. Двойной, одноместных там просто не было. Оплатил оба места. («Вы же не станете женщин водить?» – как бы в шутку спросила администратор. «Здрасьте! А зачем я тогда двойной номер беру?» – как бы в шутку ответил я.)

И Валька ко мне пришла читать тексты.

Интересно, что ее муж как раз тогда был дома. Вообще-то он был моряком и отсутствовал в плаваньях по нескольку месяцев, но тогда был дома. Я спросил: «А как ты сумела?» Но она меня в свою семейную жизнь не допускала.

И вот мы, значит, читали тексты и разговаривали, а про любовь опять не помню.

Плотская любовь никак не хотела внедряться.

Я уехал и в поезде сочинял стихи. Назывались они «На могиле Канта». Мы и вправду туда ходили.

Концовка там такая:

Любимая! Какой философ
Поможет этакой беде?
Неразрешимей нет вопросов.
Мы в «никогда» с тобой. В «нигде».
Мы вычеркнуты из объема,
Из времени исключены,
У нас нет крова, нету дома,
И до тебя – как до Луны.

Для нас короткое свиданье —
Провал во времени, когда
Бессмертное существованье
Нам тайно дарят поезда.
А философскую систему
Любви – постиг ли кто? открыл?
Что скажет нам на эту тему

Потом была встреча в Москве, куда Валька приехала, чтобы представлять на Центральном ТВ работы калининградских самодеятельных художников, которыми она занималась там в Доме художественной самодеятельности. И я примчался в Москву. Помню, что мне удалось проникнуть в Останкино, и я наблюдал, как ее снимают. Она показывала ювелирные изделия из янтаря. У нее с собою был чемодан этих изделий. Сейчас к этому чемодану приставили бы взвод охраны. А тогда мы таскали его с собою по Москве.

И опять проблема пристанища. В московскую гостиницу не рискнули – не пустят. Тогда я отыскал телефон своего школьного приятеля Сашки Величанского (мы с ним учились в одном классе со 2-го по 6-й), и он, несколько удивившись, нас принял. Он известен как автор текста песни «Под музыку Вивальди» Никитиных. Пили, вспоминали, потом нас уложили спать. Чуть ли не на раскладушке в кухне. Но опять – не помню точно.

И снова провожания, прощания, поцелуи, перроны.

А в конце мая она снова приехала в Питер. Было уже тепло. Ключ от литфондовской дачи в Комарове дал Глеб Сергеевич Семенов, тоже давно уже покойный, замечательный человек и поэт. К нему в ЛИТО я ходил в начале семидесятых.

Отдельно можно рассказывать о том, как я похищал простыню из семейного платяного шкафа. И о конспиративной застройке всего этого мероприятия. Короче, мы там оказались и прожили два дня.

Что я помню?

Помню, как Валька, смеясь, едет на велосипеде по тропинке леса, пронизанного весенним солнцем. Где мы раздобыли этот велосипед? Помню, как она ночью влезает в окно по приставной лестнице. Помню, как мы уничтожаем простыню.

А постели опять не помню.

Она нам оказалась не нужна и не важна.

Хотя все было, конечно. Но… это было почему-то неинтересно. И весь мой пыл, вся влюбленность пропадали, когда мы ложились в постель и начиналось КАК ОБЫЧНО. Как с любой другой женщиной. А их у меня к тому времени уже поднакопилось.

На самом деле было хуже, чем с любой. Мне ни разу не удалось возбудить ее по-настоящему. Хотя я старался. Я стал немного нервничать. Я стал думать о технике.

Когда танцуешь, нельзя думать о технике танца. Надо его

переживать. Тогда все получится.

Оказалось, что чисто физически мы друг другу мало подходим.

И это после 16 лет любви и горы стихов и писем.

Больше мы с нею не пробовали заниматься НАСТОЯЩЕЙ любовью.

Письма продолжались, но стихов больше не было. Потом письма стали исчезать, уступая место телефонным звонкам, а они становились реже. Мы все чаще заводили разговоры о детях. Ее сын через несколько лет приехал в Ленинград учиться, я там чем-то помогал. И она приезжала к нему, я встречал ее, мы куда-то ходили. Но по молчаливому уговору уже больше не пытались тянуть роман.

А тогда, через год, летом 1975 года, я впервые посмотрел на текст моего длинного письма как на прозу. И понял, что там не хватает третьего участника этой многолетней истории. Моей жены. И я написал ее часть. Мне кажется, она много сильнее.

И вот убей меня Бог – я не помню, как на этот текст реагировала Марина. Она ведь его читала. Вскоре вышла книжка стихов – и там было про Канта. Потом книжка прозы – и там была эта повесть. При том что наши встречи с Валькой как бы были законспирированы.

Она говорила, что видит себя иначе. Но каких-то разборок у нас не было. Они начались через несколько лет, когда она наконец встретила человека, с которым живет по сей день уже 20 с лишним лет. Но разборки уже в другую сторону.

Впрочем, мы и сейчас дружим и подолгу обсуждаем по телефону дела наших взрослых детей.

А о Вальке последние несколько лет я ничего не знаю.

Почему я не люблю фэнтези?
16 февраля

Это я себя спрашиваю.

Никогда не мог читать ни Толкина, ни кого другого. И фильмы смотреть тоже.

При этом мог с интересом читать всякую фантастику, где действуют да хоть роботы, или покемоны всякие, или зверушки.

Хотя если там среда обитания полностью вымышлена, то тоже скучновато. Типа в другой Галактике.

Наверное, дело в среде обитания, а не в персонажах?

Еще раз о мыльных пузырях
16 февраля

nasha_sasha в своем любопытном размышлении о мыльных пузырях и талантах не определяет, что такое талант. Как бы это ясно по умолчанию.

Для простоты будем считать, что мы говорим о художественном таланте, хотя один черт.

Можно определить талант как совокупность качеств, позволяющих человеку добиться успеха в искусстве. Причем успех этот измеряется в деньгих, или в славе, или и в деньгах, и в славе, потому как слава неизбежно со временем превращается в деньги.

Этот успех имеет единицы измерения. Они денежные. Подсчитать их легко.

Но при таком определении таланта никаких мыльных пузырей нет. Каждый пузырь стоит свою цену.

Если же определить талант как совокупность качеств, позволяющих человеку создавать художественные ценности, то мы сразу же насчитаем множество известных фигур, при славе и при деньгах, которые, по нашему мнению, художественных ценностей не создают. Они-то и являются «мыльными пузырями».

Но беда в том, что мы не можем дать четкого определения художественной ценности и тем более ее измерить. Это делает только время, да и то, бывает, ошибается.

Поэтому мы обречены на свой страх и риск определять круг «мыльных пузырей» и всегда найдутся люди, у которых этот круг совсем иной. А также другие люди, которые обвинят нас в том, что мы просто завидуем чужим деньгам и славе. Потому называть кого-то так резко я бы не стал. Я не Господь Бог. Но я всегда могу четко и прямо сказать, что, например, Сергей «Африка» Бугаев, Аркадий Драгомощенко, Бреннер и Кулик, Пригов etc, на мой взгляд, не создают художественных ценностей. И их творчество не вызывает лично у меня интереса. nasha_sasha предпочитает пользоваться термином «мыльный пузырь», хотя и оговаривается, что, для того чтобы себя раздуть, тоже нужен талант (ну тот, первый).

И все же я не люблю навешивания любых ярлыков. Как «гений», так и «мыльный пузырь».

Пусть живут, всем хватит места.

Концерт БГ в Юбилейном 23 февраля

Лучший за последние несколько лет (из тех, что я видел, разумеется).

Финал просто великолепен.

Наконец понял, за что люблю БГ, даже когда его не люблю.

За его публику.

В зале несколько тысяч, а отморозков нет, шпаны нет. Прекрасные лица.

Секрет прост, оказывается
25 февраля

Я все размышлял, отчего в ЖЖ почти все так прилично, в общем, пишут? Новая генерация? Профессии располагают?

Но вот Маха и еще ряд юзериц поведали, что уже накатали не по одному коммерческому роману. Рука набита, так сказать.

Интересно, стал бы я сочинять коммерческие романы по молодости, когда быстро писал и жрать было нечего? Вообще сочинял я что угодно для заработка – сценарии для радио, тв, научпоп-кино, кино игровое… Но не прозу собственно. Тогда понятия коммерческой прозы и не было. Хотя для денег можно было писать и прозу – что-нибудь о рабочих, о производстве, чисто такое реалистическое.

Позвонил Горчев
1 марта

Приехал домой, говорит, дверь открыта, компьютера нет.

С монитором и сканером унесли.

Больше ничего ценного у Горчева не было.

И в милицию не заявишь без паспорта и регистрации. Да и толку.

«Геликон» уже обворовывали 2 марта

Лет 5 назад ночью сорвали решетку на окне и унесли 3 компьютера и немного периферии.

Мы тогда снимали двухкомнатную квартиру в первом этаже.

Приходил дознаватель, расспрашивал, записывал.

Конечно, без толку.

Гришковец
5 марта

Вчера ходили на Гришковца с Леной и Горчевым.

Объяснять, кто это такой, для тех, кто не знает, не буду. Я сам мало про него знаю.

Но было очень хорошо. Спектакль называется «Как я съел собаку». Полтора часа на сцене один человек рассказывает про свою жизнь. Как он был маленьким, а потом как он служил во флоте.

И это театр.

При том, что смеется зал почти непрерывно, сразу ясно, что это совсем другое, чем «разговорный жанр» на эстраде. Чем сатирики-юмористы, пропади они пропадом.

Это видно по паузам, по той тишине в зале, когда зал думает и чувствует что-то важное и нужное.

И эти секунды не менее важны, чем минуты смеха.

Да и смех не от штампованных реприз, не от эстрадной пошлости, а от точности эмоций, от узнавания простейших жизненных моментов, скромных воспоминаний детства, которые есть у всех.

Между прочим, это очень близко тому, что Горчев делает в текстах. Я ему сказал об этом. И лирические герои близки. Гришковец только не матерится. Но мог бы, это было бы не менее интересно.:)

Короче, молодец Гришковец! Пойдем еще на его спектакли.

Между прочим, народ в зале был вполне респектабельный, у подъезда ТЮЗа дорогие машины. Билеты по 500–600 руб. первые ряды. Нам удалось достать по 200. Более дорогие сейчас не по карману.

Анонс
8 марта

Сегодня, в день 8 Марта, я открываю давно обещанные мемуары на тему «Мои встречи с Великими, Интересными, Популярными (VIP).

Предупреждаю, что эти мемуары – абсолютно шутейные. Очень часто эти встречи были более чем мимолетны и происходили в атмосфере легкого/глубокого алкогольного опьянения.

VIP (Евтушенко)
8 марта

Это была единственная в моей жизни личная встреча с прославленным поэтом.

Году этак в 85–86-м я должен был ехать в составе писательской группы в Эстонию. Поездка предполагалась из Москвы, посему мы прибыли туда и коротали время до поезда с моим другом, поэтессой Ириной З.

Выпили немного, и встал вопрос о том, что нужно взять с собой в поезд.

А в буфете ЦДЛ, где мы сидели, категорически не хотели давать «с собой». Я пытался.

Ира говорит:

– Саша, вон видишь, там сидит Евтушенко. Пойди к нему, подари мою книжку, я подпишу, и попроси его взять пару бутылок вина. Ему дадут. Он меня знает, он меня включил в Антологию. Мне самой неудобно.

А мне удобно, да?

Тем не менее голод не тетка. Беру книжку, подхожу к Е. А. Так, мол, и так, вон там сидит Ира З., вот книжка, не возьмете ли для нас 2 бутылки вина?

Он холодно отвечает:

– Нет, не могу. Вы меня, типа, за другого приняли.

Возвращаюсь к Ире.

– Отказал, сука, – говорю.

Не успели мы посетовать на снобизм Е. А., как он воздвигся над нашим столиком и широким жестом поставил на него 2 бутылки вина. Присел и стал разговаривать с Ирой. На меня подчеркнуто не обращал ни малейшего внимания. Будто меня тут не сидело.

Поговорив так минут пять, он встал, поцеловал Ире ручку и удалился. Но, отойдя три шага от столика, он обернулся, сделал эффектный жест рукой, указывающий одновременно на меня и стоящие на столе бутылки, и сказал громко, чтобы все слышали:

– А вот эти вещи надо уметь делать самому!

Я был в полном говне.

VIP (Геннадий Гор)
9 марта

Сейчас уже мало кто знает, кто такой Геннадий Гор. А в мое время он бы известным писателем-фантастом.

В 1972 году я закончил писать свою повесть «Лестница». Перепечатал ее на машинке в 6 экземплярах, и она стала гулять в питерском самиздате. Прочитав ее, мне звонил Гранин, отзывы были волнующие, но все сходились в мнении – напечатать это невозможно.

Что и подтвердилось. Опубликована она была лишь через 8 лет, потом переведена на много языков и экранизирована.

Но тогда я был начинающим и молодым, и меня приглашали для знакомства.

Меня пригласил Геннадий Гор. Я поехал к нему на дачу в Комарово. Он был грузный лысый старик. Примерно такой, как я сейчас, но я еще не совсем лысый. Мы сели на веранде.

Некоторое время он с любовью смотрел на меня, предполагая во мне гения.

– Скажите, а какие у вас отношения с пространством? – наконец спросил он.

– Ну… самые нормальные, – отвечал я.

– Как? Вы хотите сказать… что это всё вы выдумали?

– Ну да, – простодушно ответил я.

Он сразу потерял ко мне интерес. Он думал, что я сумасшедший. Обидно.

Я и сам хотел быть сумасшедшим, но еще больше хотел быть честным.

Я все это выдумал.

VIP (Всеволод Бобров)
9 марта

Бобров был хоккеистом и футболистом. А мой отец был генералом и часто отдыхал в Архангельском, где была база ЦДКА. И семья отца посещала.

Он дружил со спортсменами. Вообще мой отец был общителен, что и мне передалось.

Мне было лет десять, не больше. И я сидел у Боброва на коленях.

Больше ничего не помню.

И он тоже, Царство ему небесное.

VIP (Твардовский)
9 марта,

Благодаря общительности моего отца, мне посчастливилось увидеть Александра Трифоновича Твардовского.

Это было в 1956 году, когда Твардовский ехал из Москвы во Владивосток на автомобиле и писал поэму «За далью даль», а мы как раз и жили во Владивостоке. Мне было 15 лет.

Отец пригласил его на дачу на Океанской. Сидели на веранде, было много закуски и водки. Твардовский что-то рассказывал.

Под конец его попросили почитать стихи.

Переправа, переправа,
Берег левый, берег правый… —

начал он.

И забыл, что дальше.

Уронил свою седую голову на руки и застонал. Так и не дочитал.

Великий русский поэт. Люблю и преклоняюсь.

Покуда молод – малый спрос.
Играй! – но Бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

И еще.

Я знаю – никакой моей вины,
В том, что другие не пришли с войны.
Речь не о том, кто старше, кто моложе
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог и не сумел сберечь.
Речь не о том. И все же, все же, все же…

Цитирую на память, возможны ошибки.

VIP (Олег Даль)
10 марта

Пожалуй, самая короткая встреча со знаменитостью была у меня с Олегом Далем. Она уместилась в двух репликах.

Я сидел за стойкой в баре Ленинградского дома кино и что-то пил. Позади за сдвинутыми столиками гуляла большая компания. Внезапно от нее отделился довольно пьяный человек, в котором я узнал Олега Даля. Он приблизился к стойке и уселся на высокий табурет рядом со мной.

Обвел взглядом пространство и уперся в меня. Несколько секунд изучал мое лицо. Видно, я чем-то ему не понравился.

– А ты кто такой? – спросил он.

– А ты кто такой? – ответил я.

Причем его вопрос был искренним. Он действительно меня не знал. Мой же ответ был явно вызывающим, его-то я знал в лицо хорошо. Я почувствовал, что следующей его репликой будет удар по физиономии. Моей. Но тут сзади набежали его друзья, хорошо знавшие Олега, сграбастали его и потащили обратно к столу. «Олежка, Олежка, не надо…»

Так мы по-настоящему и не познакомились.

Проблема алкоголизма
10 марта

Я понял, что почти все мои мемуары – как по женской части, так и по части знаменитостей – имеют высокий алкогольный градус. Густо замешаны на выпивке.

Почему это? Разве я такой уж алкоголик?

Ну, в глазах человека непьющего – безусловно. Но вообще – не больше, чем остальные.

Значительная часть моей жизни, если говорить чисто о времени, прошла в одиночестве за пишущей машинкой, позже – за компьютером. Это было время, когда я сочинял какие-то тексты. Ни одного текста в жизни – будь то даже заказной научно-популярный сценарий – я не написал «под хмельком». И даже с похмелья. Только с абсолютно чистой головой. Реплики в Сети я не считаю, там бывало.

Если посмотреть на количество написанного и понять, что это писалось на трезвую голову, то алкоголиком меня считать нельзя. Но после примерно недели работы голова у меня становится ватной, и лучшего способа очистить ее, чем напиться, я не знал. Баня еще как-то могла помочь. Напиться сильно, перемучаться на следующий день, а потом снова можно работать.

Ну а когда напиваешься, совершенно не избежать приключений. Думаю, что многие люди, знающие меня лишь по нечастым встречам в кафе Союза писателей или в других подобных местах, так и думают: этот, мол, не просыхает. На что я указываю на тексты. Напишите такое количество, не просыхая, а я на вас посмотрю.

Хотя это мешало, конечно. Иногда сильно. Но кому это не мешало?

Опять покемоны
10 марта

По наводке dm_lihachev включил ТВЦ и увидел окончание суда над покемонами. Точнее, над издательством «Эгмонт». Увидел главного редактора г-на Морозова, с которым имел несколько разговоров по телефону. Сначала он требовал передать «Эгмонту» тираж наших покемонов для уничтожения, затем сказал, что ладно уж, пускай это будет только часть тиража, а то, что просочилось в розницу, продавайте. Последний раз, в декабре, было сказано, что к нам явится представитель и заберет эту часть тиража. А потом о нас забыли.

Присяжные вынесли вердикт: покемоны и прочая нечисть дурно влияют на подрастающее поколение, однако запрещать издателям издавать комиксы не нужно.

Именно это слово звучало: комиксы.

Отличие нашей работы с Горчевым в том, что это не комиксы. И на самом деле, когда дело касается детей, требуются адаптированные для каждой страны издания. Мы сделали русифицированных покемонов не в том смысле, что обрядили их в зипуны и дали русские имена, в этой книжке просто думают по-русски и по-русски шутят.

Это если говорить серьезно.

А так, хотели заработать, конечно, на раскрученном бренде.

Я бы еще про Гарри Поттера книжку написал. Чувствую, не все там благополучно в оригинале, слишком далек он от нашего детского народа.:)

Почему Гулливера пересказывали для детей, а Гарри Поттера нельзя?

VIP (Виктор Конецкий)
11 марта

Свое знакомство и первую встречу с Виктором Викторовичем Конецким я давно описал в рассказе «Рекомендация», который сам ВВ считает лучшим моим рассказом. Ну понятно почему. Потому что там про него.

Там тоже не обошлось без алкоголя, не обойдется и здесь.

Однажды, не помню уж по какому поводу, я зашел к Виктору Викторовичу в его квартиру на улицу Ленина, 36, где жил когда-то, кстати, упомянутый выше Олег Даль, с которым у ВВ были дружеские отношения. ВВ прихварывал, а может, просто пил. По такому случаю, как обычно, он возлежал на своем диване под одеялом, одетый почему-то не в тельняшку, как подумал бы кто-то, а в обычную маечку.

Рядом с диваном стоял малюсенький столик, на котором с трудом умещались две чашки чая, бутылка коньяка и две рюмки. Две рюмки потому, что я тут же присоединился к ВВ.

Мы выпивали и вели неспешный разговор, как вдруг в дверь позвонили. ВВ удивленно поднял брови.

– Кто бы это мог быть? Пойди открой.

Я вышел в прихожую и открыл дверь.

На пороге стояли две женщины – одна постарше, лет сорока, другая лет тридцати. У той, что постарше, в руках был букет гвоздик. Обе смотрели на меня восхищеннными глазами.

– Вы Виктор Викторович?

– Нет. Пока еще – нет, – твердо возразил я.

Восхищение было свернуто в трубочку и спрятано до поры до времени.

Дамы объяснили, что они из другого города, здесь у них проходит конференция, а Конецкий – их любимый писатель. Вчера они позвонили ему и договорились о встрече. И вот они тут.

«Значит, вчера ВВ тоже пил», – механически отметил я про себя, а вслух сказал дамам, что сейчас все выясню.

Я вернулся к ВВ и доложил обстановку. ВВ страдальчески застонал.

– Я же обещал им… Совсем забыл. Ну зови!

В прихожей, освобождая дам от плащей, я сделал необходимые приготовления к беседе.

– Дорогие читательницы, – сказал я приподнято. – Дело в том, что Виктор Викторович только что закончил новую книгу и

по этому случаю… э-ээ… немного выпил…

Дамы умильно улыбнулись, это состояние мужчин было им хорошо знакомо.

– Однако должен вас предупредить, что в этом состоянии он по старой морской привычке употребляет исключительно матерные слова (что было чистой правдой), а также все это может печально кончиться.

– В каком смысле? – насторожились дамы.

– Ну, может выгнать, если вдруг что не понравится… – прямо сказал я.

Надо сказать, я не фантазировал. Соответствующий опыт с дамами был. Большего женоненавистника, чем ВВ, особенно в пьяном состоянии, я не видел.

Дамы улыбнулись, принимая мои слова за шутку, и прошли к ложу страдающего писателя.

Появился еще коньяк и еще две рюмки, и мы стали общаться уже вчетвером, в результате чего как-то само собою получилось, что старшая дама вскоре оказалась сидящей на краешке дивана, мэтр поглаживал ей руку, а младшая как-то опасно приблизилась ко мне. Нет, на коленях она вроде все же не сидела…

Это была идиллия. Две читательницы согревают своими сердцами писателей.

Мэтр склонил голову на подушку и уснул.

Мы продолжали потягивать коньяк и мило беседовать. Прошло минут двадцать. Внезапно ВВ проснулся и приподнял голову с подушки, обводя нас непонимающим и почему-то злобным взглядом.

– А ну… брысь отсюда! Брысь! – вдруг хрипло проговорил он.

Дамы подобрались и мигом выпорхнули в прихожую. Я за ними.

– Ну, что я говорил! – торжествующе резюмировал я.

Они поспешно оделись и покинули квартиру. Не знаю, остался ли ВВ их любимым писателем.

Отсюда вывод. Никогда не следует знакомиться с любимыми писателями. Лучшее, что у них есть, они оставляют в книгах. Странно, что читатели это не всегда понимают.

Кадр дня
13 марта

В питерских «Вестях» крупным планом – «Низший пилотаж» Ширянова и «Мерзость» Горчева, лежащие на столе и сопровождаемые соответствующим текстом. Как иллюстрация падения русской словесности.

Репортаж с сегодняшнего обсуждения.

Ненормативв
14 марта

Только что вернулся с питерского ТВ, из прямого эфира, где потрясал книжкой Горчева и говорил опять про то же.

Зрители возмущались по телефону и спрашивали, зачем я открываю ящик Пандоры.

Да он уже пуст, этот ящик. Опомнились.

Но зло должно быть персонифицировано, вот я стал одним из этих мерзавцев.

Самым последним звонком (в защиту) был звонок психолога, который заявил, что уже 15 лет лечит заикание с помощью этой лексики, а теперь прямо не знает что делать, если ее начнут запрещать.

Интересно было бы посмотреть на этот процесс.

Удалить друга
30 марта

Всякий раз, когда читаю эту надпись на кнопке в русском клиенте, слегка вздрагиваю.

Как это можно удалить друга?

Френда – другое дело.

Френд и друг – две большие разницы.

Умер Виктор Конецкий
30 марта

Сегодня, после тяжелой болезни.
Мир праху.

Радио Горчев
1 апреля

Проснулся от знакомых словосочетаний и незнакомых покашливаний на месте слова «хуй».

Понял, что по «Эху Москвы» читают Горчева.

Прослушал.

Еще раз убедился, что Горчева голыми руками не возьмешь.

Получились несмешные юморески, а ведь они смешные неюморески.

И никакой вины Плющева сопартнером здесь нет. Тексты Горчева изначально письменная литература, а не устная. И если устная, то только унылым монотонным голосом Горчева. Жизнерадостность чтецов была излишняя.

Ну, это как тексты Жванецкого и Альтова теряют при чтении глазами. Здесь ровно наоборот.

Впрочем, за рекламу спасибо. Сам Горчев в прямом эфире тоже был хуже, чем в блистательном интервью Русскому Журналу. И опять же потому, что он писатель, а писателю над словом подумать надо хоть немного. Оно так просто, как воробей, не вылетает.

Не остряк он, Горчев, нет, не остряк.

«Аукцыон» же был вполне хорош. Давно его не слушал.

Внеплановый мемуар
1 апреля

Поскольку все равно разбудили, гады, расскажу давнюю историю.

Давным-давно, в самом начале семидесятых, тройка относительно молодых «юмористов», то есть авторов раздела юмора журнала «Аврора», была официально приглашена на прослушивание в Ленконцерт на предмет тарификации на ставку автора-исполнителя. Так, кажется, она называлась.

Это были Семен Альтов, Мих. Мишин и ВПС.

В небольшом зале сидели три мрачные женщины, больше никого не было. Мы по очереди выходили на сцену и читали с листочков свои рассказы. Попытка читать что-то, претендующее на юмор, перед пустым залом – мучительна. Мы прочитали наши тексты, дамы посовещались и объявили результат.

Альтов и Мишин были тарифицированы, а ВПС – нет.

Тогда мне было обидно, конечно, а сейчас я благодарю Бога, что так все случилось. Иначе я на всю жизнь приобрел бы ужасное звание «писатель-сатирик». Мне достаточно его половины.

Прикидываю на себя: а что было бы, если бы дамы приняли всех? И все равно себя там не вижу, никак не вижу. А ведь материально это было весьма заманчиво, хотя хлеб трудный – эти чесы по провинциям в составе концертных бригад, всяческие юморины, дни смеха, золотые остапы…

Очень много смеялись в то время. До колик.

Притча
2 апреля

Человек ел бутерброд, уронил кусочек сыра на пол. Тот забился под ковер.

Через день человек прибирался, отогнул ковер – а там муравьи облепили этот кусочек, дерутся, вырывают друг у друга крошки. Ведут себя агрессивно, короче.

Человек им говорит:

– Я случайно уронил этот кусочек. Совсем не для того, чтобы вы дрались. Я вообще против вас ничего не имею и всех люблю.

Тогда муравьи обозлились вконец, заключили перемирие и набросились на человека.

Так и съели.

Малые детки – малые бедки
2 апреля

У лжеюзера kamirov маленькая дочка неудачно упала, но, слава богу, все обошлось. В связи с этим вспомнил некоторые свои переживания по сходным поводам.

Младшая моя дочь Настя года в полтора осталась однажды дома с папой (мама пошла с подругой в Дом кино на какой-то просмотр). Папа, как всегда, сидел за монитором, а Настя топала по квартире. А потом притихла.

Минут через пятнадцать папа сообразил, что давно не видел Настю.

Пошел в соседнюю комнату и увидел дочь, сосредоточенно поедающую лекарство кардафен – это такие сердечные таблетки со сладкой оболочкой, что и привлекло Настю.

Весь пол был усыпан этими желтыми таблетками, Настя стояла посередине и ела их из кулачка. Пустая склянка из-под кардафена валялась тут же.

Непонятно было, сколько она успела их проглотить.

Я кинулся к телефону и вызвал «Скорую».

Скорая прибыла минут через 10, одновременно с женой, вернувшейся из кино.

– Ребенок в коме? – это был первый вопрос врача, отчего жена чуть не упала в обморок.

Нет, ребенок был не в коме, а совершенно нормально выглядел. Ей стали делать промывание желудка на кухне, для чего вставили в рот шланг, другое его конец был просто насажен на водопроводный кран. Я держал Настю вверх тормашками, а из нее лилась вода вместе с таблетками. Их выскочило штук 20.

Потом мы в той же карете «Скорой» повезли ее в больницу, там ее приняли. Никому неизвестно было действие этого лекарства на детей. Врач оказался моим читателем, потому «счетчика» в его глазах я не заметил.

Ночь мы тоже провели в страшной тревоге.

А утром Настю нам выдали. Кардафен оказался безвредным для ребенка, хотя скорее всего мы успели все же вымыть таблетки из желудка до того, как они растворились.

Они и мы
7 апреля

Тут люди интересуются, кто это «они».

На этот счет я давным-давно написал.

Они хитрые. Выскочат откуда-нибудь и давай нас колотить.

А это не мы.

Сильно огорчившись, уползают обратно.

Мозги у них извилистые и запутанные, как лабиринт. Войдешь туда и долго бродишь в одиночестве, натыкаясь на стены. В голове у них гулко и прохладно. Одичавшее эхо носится из стороны в сторону. На стенах лабиринта видны торопливые записи карандашом.

Они любят делать заметки на стенах.

Наконец находишь центр лабиринта, затратив на поиски целый день. А там пусто.

Они отлили из чугуна карту России, украсили ее флажком и понеслись на нас, держа карту наперевес, как таран. Сзади бежал самый маленький, ухватившись за чугунную Камчатку.

Со свистом и гиканьем мчались они к нам, целя в грудь побережьем Финского залива.

Им удалось свалить нас и придавить сверху чугунной картой.

Теперь мы лежим где придется и физически ощущаем, как отпечатываются на коже горы, долины, деревни и города.

Они умеют уметь.

Мы одеваемся, а они умеют одеваться. Мы едим, а они умеют есть. Мы пьем, а они умеют пить. Мы пишем, а они умеют писать. Мы живем, а они умеют жить.

Зато мы умеем смеяться.

Еще немного похоронного
8 апреля

На похоронах Конецкого, как и на других, все чаще случающихся похоронах писателей старшего поколения, бросалось в глаза полное отсутствие молодых лиц. На этот раз особенно, потому что за поминальным столом сидело не 20–30 человек, а больше 200. И всё ветераны или близкие к ним.

Единственные 2 девушки оказались внучатыми племянницами. У Конецкого был брат Олег Базунов, тоже писатель, но гораздо менее известный. Отношения у них были сложные. Базунов был писателем-стилистом: сложная витиеватая фраза, проза как бы «ни о чем», полная противоположность брату. Я помню его книгу (?) то ли «Тополь», то ли просто «Дерево», где долго и подробно описывалось дерево, растущее за окном. Его жизнь.

Скучновато, не скрою.

Так вот – и Конецкий, и Базунов – это не «родные» фамилии. Не по отцу. Удалось у внучатых племянниц узнать и «настоящую» фамилию В. В.

Но я отвлекся. Жаль, что такой поколенческий разрыв. Эгоистично (тщеславно?) подумалось, что на моих похоронах молодых будет больше.:)

И всё. И хватит об этом.

И снова ящик
8 апреля

Вчера Марианна Баконина, известный питерский тележурналист, записывала меня для своей новой программы «Люди и страсти».

Выяснилось, что моя страсть – Интернет.

Никогда бы не подумал.

Но не телефон точно.

Как всегда, вопросы типа: а хорошо это или плохо и не является ли Интернет а) помойкой, б) источником разврата, в) наркотиком и проч. Я вяло отвечал, что ни то, ни другое, ни третье.

Что для вас Интернет? Как он изменил вашу жизнь?

Полностью, говорю. У меня не осталось друзей и знакомых, не подключенных к Интернету.

И так далее.

VIP (Арсений Тарковский)
8 апреля

Только что отметили 70-летие Андрея Тарковского. Я не был с ним знаком, зато мне посчастливилось встретиться с его отцом Арсением Александровичем Тарковским.

Было это году в 1988-м, незадолго до его смерти. Я тогда довольно часто бывал в Матвеевском, в Доме ветеранов кино, который использовался и как дом творчества. Я работал с моим мосфильмовским режиссером Алексеем Николаевичем Сахаровым (Царство небесное) над сценарием нашего второго фильма «Лестница», где впоследствии сыграл главную роль Олег Меньшиков. И вот в столовой Дома ветеранов я сидел за одним столиком с Арсением Тарковским и его женой Еленой Михайловной (если правильно помню отчество). Она была вполне светской дамой, оживленно со мною беседовала о литературе и кино, сам же Арсений Александрович хранил молчание, его взгляд был устремлен куда-то вдаль, туда, откуда не возвращаются. У стариков я не раз наблюдал такие взгляды.

Иногда он коротко подтверждал сказанное женой. Он мне подписал свою первую книгу «Перед снегом» (1962), из которой я и узнал, собственно, о существовании этого замечательного поэта.

Лишь один раз, как мне помнится, он оживился, выражая какое-то беспокойство. Поискал кого-то взглядом, сделал нетерпеливое движение… Это было необычно. Жена спросила его, в чем дело.

– Мне забыли принести кефир, – сказал он.

Тут же кефир был принесен.

Меня тогда поразило то, что большой поэт, готовящийся ко встрече с Вечностью, так обеспокоен каким-то кефиром. Почему я и помню этот эпизод. А теперь я смотрю на дело философски и понимаю, что мелкое и житейское может волновать всех, особенно стариков.

Оставайтесь молодыми.

Как это было. Мемуары
12 апреля

Боюсь, что никто из присутствующих осознанно не отмечал День космонавтики в момент его зарождения, то есть в день полета Гагарина.

В тот день, 12 апреля 1961 года, мы с моею будущей женой сорвались с лекций в Политехе и поехали в Эрмитаж. Я тогда только что открыл для себя импрессионистов, прочитав книгу Ирвинга Стоуна про Ван Гога (не помню, как называлась), и мы любили ходить на третий этаж их рассматривать.

Залы эти в те времена были почти абсолютно пустыми. Про импрессионистов никто не знал, кроме искусствоведов, полагаю. Народ безмолвствовал. Зато смотреть было приятно.

Как вдруг, случайно взглянув в окно, я увидел у Александровской колонны толпу человек в 100, которые занимались тем, что в литературе называлось словом «митинг». То есть кто-то что-то бурно говорил, взобравшись на возвышение, остальные слушали, махали руками, были явно возбуждены. И транспарант присутствовал, но вот что на нем было написано – разобрать сверху было нельзя.

То есть картина была настолько дикая для 61-го года, что я схватил Марину за руку и с криком: «Бежим туда!» – повлек ее на площадь. Ибо митингов в то время было 2 – на Первое мая и на 7 Ноября. Они же совпадали с демонстрациями. Иных митингующих скоплений людей на улице никогда не наблюдалось, они были попросту ирреальны.

Прибежав туда, мы узнали, что полетел Гагарин. А с Дворцового моста, по самой середине, уже рекой тек Университет. Растерянная милиция, не зная, как реагировать, решила возглавить шествие. Собственно, выбора у нее не было.

Мы присоединились к колоннам и отмахали весь Невский туда и обратно – от Адмиралтейства до Московского вокзала. И все окна были открыты, и люди пели и смеялись, и это было прекрасно, как Глоток Свободы.

Снова русский язык
20 апреля

Вчера опять участвовал в ТВ-разборках по поводу русского языка.

Пригласили, пришел. В качестве экспертов в ток-шоу участвовали Борис Аверин и Виктор Топоров. Витя очень важный, он изрекает, а не говорит. Аверин зачитывал предисловие к словарю «Хуй», недавно выпущенному. Типа о том, что это слово является самым важным словом, имеет сакральный смысл и т. п. Сидевшая рядом со мною дама-филолог, зардевшись, вдруг прошептала: «Но это же правда!»

Вспомнила что-то, наверное.

Еще был Шнур, с которым мы и познакомились после всего. Это лидер «Ленинграда», если кто не знает. Он был в образе, попивал «Баллантайн» из маленькой бутылочки и старался вести себя поразвязнее. Веселый такой человек.

Мне лишь один раз всучили микрофон, и я неубедительно что-то промямлил. Главную мысль приберег на потом, но микрофона больше не дали. А мысль была проста: все разборки вокруг мата и его употребления сводятся к проблеме отсутствия / наличия чувства юмора. И только.

Больше не пойду. Не мой это жанр – ток-шоу. Это пусть Дима Быков.

Бродячая собака
20 апреля

Заехал сегодня на «Весеннее обострение / размывание границ между поэзией, прозой и двумя столицами» в «Бродячей собаке». Предчувствуя уже, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но с полными карманами доброжелательства.

Я опоздал на час и приехал как раз, когда был объявлен перерыв. Встретил maryl, которая шла искать solins. Потом мне попался Дима Григорьев, он тут же познакомил меня с Данилой Давыдовым, который был с пивом в руках и слегка вдетый, отчего отнесся ко мне весьма дружелюбно и стал звать барышню, оказавшуюся Яной Токаревой. С нею он меня и познакомил, сказав:

– А это Борис Житинский!

ОК. Непонятно, правда, зачем это нужно было Яне.

Взад и вперед со скоростью ветра перемещалась Дарья Суховей, барышня завидной энергии, координатор этого проекта, как нынче принято выражаться. Впрочем, повременим с выражениями.

Она и начала второе отделение, объявив Кирилла Медведева. К микрофону вышел молодой человек скорее приятной наружности и стал читать тексты, нанесенные на измятые листы бумаги. Если бы правильно их читать, не педалируя отдельные звуки, не завывая и не расставляя произвольных пауз, то мы имели бы дело с тем, что принято классифицировать как «прозаические зарисовки». Но, к сожалению, их, видимо, принимали за стихи, судя по напряженно-торжественным лицам присутствующих.

Смысл понять было можно. Не понять было одного: зачем читать эти тексты вслух перед скоплением людей. Их гораздо удобнее и привычнее читать глазами с листа. Поэзия – искусство мелодическое, как известно. Или это уже отменили?

Поэтому я начал нервно скучать и внутренне материться.

Наконец Кирилл сказал, что он, видимо, уже утомил присутствующих. Я его мысленно поблагодарил – и напрасно!

Ибо к микрофону, странно извиваясь, приблизилась барышня, уселась как-то боком на стул и, дергаясь всеми чертами лица, стала читать (тоже по бумажке) тексты собственного сочинения. Где-то промелькнуло признание, что она «ебанутая». Ну, это было видно невооруженным глазом.

Барышня между тем поминутно пыталась прервать свое

чтение, изображая недовольство собой и своими стихами (оправданное вполне, надо признать), но публика требовала продолжения, один я робко заметил, что можно было бы и остановиться. Но я сказал это тихо, она не услышала.

Она волновалась, наверное. Да, она волновалась. Я бы на ее месте тоже волновался, потому что приковывать внимание к этим текстам – это надо иметь мужество. Я успокаивал себя тем, что глазами, наверное, это читается лучше.

maryl, видя мое нервное состояние, попыталась отвлечь меня, подсунув толстенный альманах поэзии типа «Черным по белому», где были сконцентрированы молодые поэтические силы, ведомые Дм. Кузьминым и Ильей Кукулиным. Последний раздел назывался «Классики XXI века». Нечего и говорить, что все выступающие в этом разделе поместились.

Блять, как сказал бы Горчев.

Нет, главное, все жутко серьезно ее слушали. Мэтр Драгомощенко покровительственно поблескивал стеклышками очков. Соловей-Духовей с любовью смотрела ей в рот. Праздник удался.

Лишь я был чужим на этом празднике. Своим среди чужих и наоборот.

За барышней уселся на стул Сергей Соколовский из Москвы и очень сурово, почти трагично, я бы сказал, начал читать свои тексты. По жанру это был чистый ЖЖ. Короткие разрозненные записи, которые делаются от недостатка времени и обилия мыслей. Или наоборот опять же. У нас десятка два юзеров дали бы ему сто очков вперед. Однако они же не читают это вслух, я надеюсь.

Ей-богу, я сгорел бы со стыда, доведись мне читать перед аудиторией нечто подобное.

Поэтому, чтобы не сгорать со стыда, слушая это на полном серьезе, чтобы внезапно не допустить какую-нибудь неуместную хулиганскую выходку, я ушел сразу, когда он закончил.

Нет, упромысливать здесь нечего. Только гнобить.

Гораздо лучше и доказательнее написал про все это Александр Александрович Блок в своей статье «Без божества, без вдохновенья». А я лишь подтведил свой имидж завзятого реторограда и убийцы молодых талантов.

Каноны и канониры
21 апреля

Группа лжеюзеров затеяла писать «каноны» литературных произведений. И даже выработала критерии, по которым эти каноны составляются.

На мой взгляд, это называется не так. Это называется «список рекомендуемой литературы». Причем это список достаточно узкой референтной группы. Такие списки полезны, они позволяют участнику референтной группы ориентироваться. Но не более полезны, чем известные нам со школьной скамьи списки литературы по школьной программе.

Настоящий литературный канон, если он существует, определяется, слава богу, только временем. При этом могут быть разные каноны – соответственно разным критериям. Скажем, критерий новизны и оригинальности стиля прозы – это одно. Критерий же увлекательности – другое. Стилистический канон более живуч, а увлекательность не очень живуча. «Слово о полку» не очень увлекательное произведение.

Предложенные лжеюзерами критерии, извините меня, смехотворны. Каждый отдельный читатель не обязан испытывать стыд по поводу непрочитанных произведений «канона», равно как и не всегда испытает радость от их прочтения. Это весьма индивидуально.

Короче говоря, любой такой список больше говорит о его создателях, чем о литературе как таковой. Это как «100 писателей Курицына». О Курицыне он позволяет судить, о писателях – нет. Поэтому предлагаемый коллективный «канон» что-то скажет о среднестатистическом лжеюзере, но не о состоянии русской литературы. Хотя я лично со многими предложениями согласен.

Но… «в одну телегу впрячь не можно». И соседство Ильфа и Петрова в одном «каноне» с Платоновым и Достоевским меня обескураживает. Так же, как отсутствие в нем Катаева, скажем, великолепного стилиста. И многих других, от прочтения которых я лично испытывал радость, но стыдить ими никого не собираюсь.

Френды, не старайтесь подменить Господа Бога. У вас не получится.:)

P. S. Предвидя подозрения, что не попавший в «канон» Масса просто завидует или обиделся, скажу, что я повторил бы то же и в том случае, если бы входил во все списки. При этом не скрою, что согласно предложенным критериям ряд моих сочинений с необходимостью должен был бы там присутствовать. Желающие

могут проверить, прочитав.

Подумал 23 апреля

А ведь я не обязан соответствовать ничьим представлениям обо мне.

Даже собственным.

Весна
26 апреля

По улицам разъезжают молодые девушки на молодых мерседесах.

Вирус Клец
26 апреля, 2002

Идет в почте просто стеной. Не успеваю удалять. Через online.ru.

Каждый раз, удаляя, вспоминаю, что был у нас в группе в Политехе такой парень Игорь Клец. Откуда-то с Украины. Смешной такой, высокий и нескладный хохол, страшно обидчивый и без чувства юмора, что делало его постоянным объектом насмешек.

Его просто задолбали насмешками, временами было жалко.

В 1965 году мы с ним закончили институт, и Клец исчез из моей жизни на 30 с лишним лет.

Появился он года два назад, увидев меня на экране питерского ТВ и позвонив после передачи в редакцию. Мы встретились, Игорек был оживлен, он почти не изменился, разве что поседели виски. У него оказалась масса связей, он достал пухлую визитницу и стал показывать мне визитки разных известных людей. Одновременно строил планы, как их можно задействовать в нашем общем бизнесе, который нарисовался тут же, как они могут быть полезны мне и прочее. Первым делом он решил меня лечить от чего-то и стал настойчиво рекомендовать связаться с каким-то профессором. Через два дня снова пришел в гости, фотографировал нас с женой и дочерью, строил планы.

Звонил каждый день и напоминал, что профессор ждет и волнуется.

Короче, задолбал вконец.

Попутно где-то, видимо, оперировал моей визиткой, в результате чего мне стали поступать какие-то нелепые предложения.

Кончилось тем, что я, набравшись духа, послал его на хуй.

Теперь он достает меня по почте, прикинувшись вирусом.

Внутренняя цензура
27 апреля

Сегодня подумал о том, что я могу написать в ЖЖ, а что нет.

Выяснилось, что ничего не могу такого, что меня по-настоящему волнует, достает и даже еще одно нехорошее слово напрашивается. Догадаться легко.

Потому что кого-то заденешь, кому-то сделаешь больно. Или же будет истолковано совсем не так.

На фига мне такой дневник?

В то же время, укрывшись за выдуманным героем можно написать все. Про выдуманных же людей. Не про живущих, реальных. И даже в этом случае они будут узнавать себя, догадываться, обижаться.

Помню когда-то на меня обиделась сослуживица, решив, что это ее я «прописал» в одной повести в образе толстой любвеобильной женщины весьма средних лет. А я о ней даже не вспомнил, когда писал.

А если бы вспомнил, мог не написать, боясь обидеть.

Довлатов не боялся обижать живых людей. За это чисто по-человечески я его не люблю. Не как писателя, а именно как человека. Писатель он хороший.

Букша
29 апреля

Ксюша Букша только что прислала новую вещь. Она их печет, как пирожки. Читаю.

Попомните мое слово, о ней еще узнают. Сейчас пока я один балдею.

Пить Аленка умела. Тем вечером напились они со Штойбером вовсю, и он пошел ее лапать. Аленка от неожиданности стукнула его по башке бутылкой, как будто он был корабль и его крестили на долгое плаванье. Штойбер стоял изумленный, как суслик, держась за голову, и по нему стекало вниз пиво и кровушка. Потом его сморило, и Аленка долго тащила его куда-то…

Кажется, по жанру это можно будет предложить БНС в «Полдень». Буду отстаивать, как раньше говорили в журналах. Она еще всем покажет, как надо писать.

ДТП
29 апреля

Сегодня создал и осуществил ДТП на перекрестке Шпалерной и улицы Чернышевского.

Слава богу, без летального исхода, но достаточно серьезное.

Я двигался от Литейного к улице Чернышевского с намерением повернуть налево на набережную и помчаться к Геликону с грузом книжек в багажнике. Погода была мерзейшая, несмотря на прогноз. Холодно и дождь.

На перекрестке горел зеленый, на встречной полосе «Волга» намеревалась повернуть налево и пропускала меня. Я показал, что мне тоже нужно налево, за «Волгой» было пустое пространство и я, как и положено, стал расходиться с нею правыми бортами для поворота.

И тут из-за спины «Волги» выскочил бешеный, с выпученными глазами ВАЗ-2110 золотистого цвета и начал целить мне в морду. Я-то затормозить успел, а он нет. И двинул левой скулой аккурат в центр моего бампера.

Разбил решетку и выгнул бампер лебедем (сорри за аллюзию).

Сам же пострадал значительно больше. То есть разбил всю левую часть, погнул капот, а пассажирка разбила (то есть не разбила, трещины пошли) лбом ветровое стекло. И рассекла лоб к тому же какой-то держалкой козырька. Потому приехала «скорая»…

Щас выпью еще и расскажу дальше. Это надо знать всем для опыта.

За рулем «Лады» сидел молодой бугай. Звали его Витек, как позже выяснилось.

– Ну, отец, ты даешь… – вымолвил он, выйдя из авто.

– Я всегда даю. Только никто не берет, – сказал я.

Пассажирка, оказавшаяся директором совхоза Верой Ивановной Демоновой (sic!), между тем обливалась кровью со лба. Я дал ей платок.

Подошел ироничный гаишник. Вызвал ГАИ и «скорую».

Было холодно и нелепо.

Две машины с развороченными мордами застыли в поцелуе. Никогда не стал бы добровольно целоваться с этой золотистой Ладой.

«Скорая» увезла Демонову в монастырь. То есть, тьфу!.. В больницу.

Гаишник ходил с рулеткой. Я, как идиот, носил второй конец рулетки, измеряя ширину тротуаров.

– Зачем это? – наконец спросил я.

– Для схемы, – деловито ответил он.

То есть они каждый раз это измеряют. Из года в год. Запомнить не могут, суки, или хотя бы ввести в компьютер.

Компьютеров у них нет, как я позже убедился.

Письмо анонимам
2 мая

Дорогие анонимы!

Мой пост о прозе Букши вызвал кое-какую реакцию с вашей стороны. Не имея возможности ответить в комментах, переношу сюда.

Во-первых, я хотел бы сказать, что совершенно незачем вести дискуссию анонимно. Мы о литературе говорим, а не о моей сексуальной ориентации, скажем, потому смелее. Я вас не съем. Можно даже не сглаживать резких выражений, не обижусь.

Во-вторых, я прекрасно понимаю, что делаю автору антирекламу, помещая небольшой отрывок да еще с восторженными комментариями. Чисто психологически любой вдумчивый читатель тут же захочет меня опровергнуть и начнет искать блох в приведенном отрывке, как сделал Аноним № 1 (назовем его М. М. просто ради шутки), приведя список таких «блох».

Товарищ аноним, я же не сказал, что Букша занимается чистописанием. Она пишет прозу, местами очаровательно неправильную, но абсолютно живую и свежую. Вы Гоголя читали? Нет, вы читали Гоголя? Вы поищите «блох» у него. Поиски этих самых ляпов проходят у ремесленников, настоящий талант пишет, как Бог ему на душу положит, как он услышал – и ВСЕГДА оказывается прав, даже в неправильностях. Он их канонизирует, потом лишь разводят руками и говорят: самородок, да… самобытен… оригинал… И тому подобное блеяние литературоведов, не способных никогда отделить чистописание от писательства.

Естественно, я могу чудовищно ошибаться, я оставляю за собой такое право. Время рассудит.

Аноним № 2 еще более резок, для него даже инициалов не подобрать. Единственное, что меня с ним примиряет, это то, что он назвал меня Магистром. Почему не Милордом, обычно меня называют так.

> Неужто Вам всякий пук откровением Божьим кажется?

Повторяю максимально внятно: я занимаюсь так называемой сетевой литературой, а точнее, литераторами, публикующимися в Сети, 6 лет. Я знаю сотни имен, я издал сотни полторы книжек.

Я впервые испытываю такой восторг от прочитанного. Хотя мне очень многое нравилось, безусловно.

Это не значит опять же, что я безоговорочно прав. Кому нравится попадья, а кому попова дочка. Но это значит, что у Букши будет свой круг читателей, потому как мои литературные вкусы никак не назовешь маргинальными. И возникающий спор меня, честно говоря, очень радует. Писатель должен входить в литературу хотя бы с небольшим скандалом.

Не радует меня лишь следующее предположение Анонима № 2:

> >Или у Вас что-то личное к этой Ксюше возникает, или это начало того самого – которое после 60 приходит ко всем неизбежно…

Вот если бы оно возникало, я бы никогда, увы, не мог выразить ей публичного восторга. Не так устроен. Поэтому я рад, что ничего личного у меня к этому ребенку нет. Хотя мысль о неизбежности, безусловно, верна. Но… не будем путать яичницу с Божьим даром.

А вообще автора следует печатать, и пусть огребает сам от критиков по полной программе.

Комарики-зубарики
3 мая

Послушал Псоя. Познакомился с Псоем.

Псой хорош и светел.

При этом безумные чертики в глазах.

Заряжает энергией и не грузит смыслом жизни.

Самое удивительное, по всем признакам стеб, но не стеб. Хотя смеешься, слушая.

Открытое сердце и детская доверчивость.

Стеб утомителен обычно и холоден, а Псой душевный.

Несмотря на обилие еврейских песен, идиша, нет в нем того еврейского подмигивания, которое иногда достает. Мол, мы-то понимаем…

Очень крепкий, однородный практически сплав. И космополитом не назовешь.

Короче, окончательно покорен Псоем. Не сразу это случилось, но случилось.

Да, вот еще. Он лирик, ага.

Из жизни пешеходов
3 мая

Отлучение от автомобиля имеет свои плюсы.

Сегодня впервые за год или два спустился в метро.

Там идет разнообразная жизнь.

На эскалаторах целуются, а что еще делать? Которые не целуются, смотрят злобно.

Вообще город сам на себя не похож, его населяют совсем другие люди. Куда делись те, прежние? Наверное, они поумирали или уехали за границу. Увидел будочку, где пекут блины, и от растерянности встал в очередь. Минут десять любовался, как девушка в униформе печет эти огромные блины на электрической конфорке.

Потом она завернула в них начинку и выдала мне. И я понес их домой есть.

За мной бежала собака и скулила:

– Дай блин! Дай блин!

Не дал ей ничего, блин.

Вопль
6 мая

Интерпресскон.

Боже, почему мне никогда в жизни не удавалось ни к чему по-настоящему примкнуть?

Ни к коммунистам, ни к диссидентам, ни к физикам, ни к лирикам, ни к юмористам, ни к фантастам, ни к поэтам, ни к интернетчикам, ни к киношникам, ни к рокерам, ни просто к людям. Почему?

Хотя со всеми был дружен, и впускаем, и входим.

Это же невозможно. Как это?

Реплика
12 мая

У меня никогда не возникало мыслей уехать, потому что этих мыслей не возникало, только поэтому. Вне логических доводов. И я никогда не считал наше государство, страну, народ и родину чужими, сколько бы ужасного я о них ни узнавал.

Вряд ли у нас найдется поле для объединения на почве национальных, государственных, политических или религиозных взглядов. Здесь мы найдем лишь пищу для раздора. У нас есть лишь одно поле, на котором мы сможем объединиться и поддерживать друг друга, – это наша культура и наш язык, при всем различии наших взглядов на них. Потому что на этом поле все мы русские. Мы говорим и думаем на русском языке, и нам важна наша культура.

Все остальное, на мой взгляд, имеет не так много значения.

Интернет-зависимый
16 мая

Сегодня с лжеюзером hokkrok имели беседу с редактором и режиссером телевидения на предмет будущей передачи об интернет-зависимости. Мы, стало быть, были зависимыми, а они независимыми. И мы рассказывали, как здесь все устроено, в частности в ЖЖ.

Я уже замечал, что когда рассказываешь на пальцах левому человеку про ЖЖ, на его лице само собою появляется соболезнующее выражение. А потом он начинает откровенно скучать.

– И о чем там пишут? – зевая, спрашивает собеседник.

– Обо всем. Девушки пишут, как они трахаются.

(Это я, чтобы подогреть интерес.)

– Вот как? – это сообщение на минуту пробуждает собеседника. – И как же?

– Разнообразно, – уклончиво отвечаю.

– Ну а вы?

– Я о другом… – скромно говорю я. – Видите ли, я там самый э-ээ… старый типа. Возрастной. Исключая Бродского и Джона Леннона. Но они уже умерли, а я жив. Слегка.

Соболезнование сменяется тревогой. За меня, естественно.

– И зачем это вам?

Вот этим он меня и срезал, как писал Шукшин.

В самом деле, зачем это мне? Простой, казалось бы, вопрос. И почему мои сверстники, ети их мать, не валят сюда толпою? Пытаюсь представить своих друзей-приятелей и коллег Сашу Кушнера, Валеру Попова, Мишу Веллера, Сашу Мелихова и прочих – в ЖЖ.

Не получается.

Идиот. Следовательно, идиот. Диагноз налицо.

Мало того. Зависимый идиот.

Закрытие банного сезона
17 мая

Сегодня состоялась очередная и последняя в этом сезоне наша «литературная» баня, целиком посвященная Самуилу Ароновичу Лурье (Саше Лурье). Во-первых, ему 12 мая исполнилось 60 лет (Саше Лурье 60 лет! Это трудно представить), во-вторых, у него только что вышла книжка «Успехи ясновидения» с подзаголовком «Трактаты для А.». Это сборник эссе о литературе и писателях – от Сведенборга и Чаадаева до Бродского. В-третьих, ему только что сделали операцию, результата которой мы все опасались, но, слава богу, пронесло.

В парилке побывать все же удалось. Но больше в предбаннике. Колька Крыщук прочел четверостишие, сочиненное в трамвае, смысл которого сводился к тому, что перестройка вернула Саше его законное имя Самуил. Много и трогательно говорили друг другу комплименты.

Ну старики практически, что с нас взять?

Кстати, Лурье – редактор главных моих вещей, опубликованных в «Неве»: «Лестницы», «Снюся» и романа. Редактор – сказано громко, там редактуры практически не было, но рекомендатель и отстаиватель перед начальством – точно.

И сейчас он из «Невы» уходит, проработав там 30 лет.

И где будет работать, как вы думаете?

Правильно. В журнале Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век».

Идеальный мужчина
17 мая

Тут одна милая девушка на днях опубликовала 13 пунктов, характеризующих идеального, на ее взгляд, мужчину. Вызвав шквал комментов.

Не споря по существу ни с одним из перечисленных пунктов, хочу заметить, что такого идеального мужчину и должна создать любящая его женщина. Сам он не появится. Все такие уже разобраны, иногда по второму и третьему разу. Так что на готовенькое приходить – вариантов практически нет.

Надо трудиться.

За что я люблю Горчева
18 мая

Вот мы сидим с ним сейчас, пьем водку.

Точнее, пол-литра выпили, Горчев пошел за другой.

И было бы привычно назвать это симпатией по склонности к алкоголизму.

Но это не так.

Почти три года назад я увидел его (до того год или больше были знакомы в Сети) и предложил переехать в Питер. Горчев приехал. С тех пор мы работаем вместе.

Я знал, что Горчев талантлив. Мне и раньше попадались талантливые люди. Но сейчас не только об этом, хотя я обожаю (противное слово, да?) талантливых людей. Я готов им все простить. И сейчас, проработав с ним почти 3 года, я скажу, что он не лучший работник, но расстаться с ним я не смог бы.

Не лучший работник – это он срывает сроки, иногда по своей рассеянности делает жуткие ошибки, которые стоят издательству денег, но… когда Горчев делает что-то от души – это чистое искусство. И ради этого можно простить ему всё.

Он жутко тонок, этот Горчев. Даже странно, что в глухой казахстанской степи мог родиться человек с таким тонким восприятием, с таким чувством Прекрасного. Откуда? Это загадка. Как человек Горчев ужасен. Он обидчив, раним, с ним надо как с ребенком. Но он и есть ребенок, потому что его наивность и чистота могут соперничать лишь с его напускным цинизмом.

Горчев настоящий. И поэтому я его люблю.

И мы еще многое сделаем с Димой, я надеюсь.

Ночные снайперы
31 мая, 2002

Акустический концерт в ДК им. Ленсовета.

Полный и благодарный зал. Именно тот зал, где года три назад «Снайперы» впервые вышли на большую сцену в сборном концерте и в них бросали пустые пивные банки и освистывали.

Замечательный драйв, отличный звук, плотность которого почти невероятна для акустического дуэта. Девочки очень выросли и по праву вошли в элиту. Когда был в Москве, видел огромные афиши о концерте в зале МХАТ (видимо, в новом, на Бульварном кольце).

С некоторым тщеславием думал о том, что еще пять лет назад впервые написал о них в Сети («Русские кружева», кто помнит) и объявил любимой группой, которая сменила на этом месте не кого-нибудь, а «Аквариум».

После концерта Диана со Светой подарили два CD только что вышедшей акустики, но тираж в продажу не поступает, идут разборки с правами. Лосева, бывших их директор, продала права так умело, что сейчас тираж продаже не подлежит. Ситуация, аналогичная покемонам.:)

Еще раз насладился изумительным мелодическим мастерством и самобытностью Дианы. А голос! У Светы песни чуть попроще, но тоже хороши. Это я о сольных номерах. Но лучше всего они звучат дуэтом.

Принимали блестяще.

VIP. Памяти А. М. Панченко
1 июня

Я не помню, кто и где познакомил меня с Александром Михайловичем Панченко. Вероятно, в какой-нибудь компании, может быть, в Комарове.

Но был один эпизод в моей жизни, связанный с ним.

Где-то начало семидесятых. Лето. Я еду в трамвае домой по проспекту Энгельса. Какой-то полупьяный амбал громко и грязно достает девушку. В салоне гнетущая тишина, амбал более чем крепок, все боятся. Я тоже боюсь, но в какой-то момент это становится невыносимым, и я что-то ему говорю. Типа, ты бы помолчал.

Амбал мгновенно переключает внимание на меня. Что я слышу? Тебе больше всех надо? А ну-ка выйдем.

Я понимаю, что выходить надо и что, вероятно, ничем хорошим это не кончится. Он явно сильнее.

Раздаются робкие голоса женщин. Мужчины, типа, а вы чего смотрите?

Подъезжаем к остановке, выходим с ним, и – о чудо! – за нами выходят еще двое мужчин, понявших, что мне будет туго.

На остановке амбал сразу начинает размахивать кулачищами, но мы втроем все же укладываем его носом в землю. Правда, с огромным трудом. Итак, я сижу у него на спине, двое мужиков заламывают ему руки за спину, а он извивается подо мною и рычит страшные угрозы. Небезосновательные.

Вокруг сразу же собираются бабки, которые начинают ему сочувствовать. Трое на одного! Да за что вы бедного парня? Объяснять им историю вопроса некогда, амбал дико активен.

Что делать дальше? Отпустить его невозможно, он всех поубивает. Я поднимаю лицо, обвожу зевак и вижу в первом ряду Александра Михайловича с его знаменитой бородищей. В руках у него авоська, в которой болтается бутылка кефира.

– Саша, а вы что здесь делаете? – спрашивает он неторопливо.

– Да вот, Александр Михайлович, к девушке приставал! – плачущим голосом жалуюсь я, тыча в амбала пальцем.

– Так отпиздить его, и весь сказ, – басом изрекает Панченко.

Бабки тихо хуеют. Кто-то вызывает милицию. А мы с Панченко, неторопливо беседуя, удаляемся с места действия. Объясняться с ментами в наши планы не входило.

На правах рекламы
4 июня

Автомобиль «Вольво» прекрасен!

Его не сломаешь вынырнувшим из-за поворота «Жигулем», не разобьешь о статую Рабочего и Колхозницы, не взорвешь мешком гексагена.

Он сам едет, куда нужно, им практически незачем управлять.

Старится он медленно и с достоинством.

Когда он едет по проселку с одной фарой во лбу, а другой в багажнике, все шведы оборачиваются ему вслед, стряхивают слезу и тихо шепчут по-шведски:

– С возвращением из России, сынок…

Хрустальная мечта
7 июля

Привести в порядок архивы.

Бумаг, публикаций, видео, аудио, фотографий.

То есть архивы – это излишне пафосно сказано.

Разобрать завалы.

Каждый раз, когда я пытаюсь за это взяться, довольно быстро натыкаюсь на что-то давно забытое, когда-то казавшееся нужным и важным, оно оживает в памяти – ставлю ту кассету, читаю это письмо, смотрю фотографии… И все. Разборка завалов на этом прекращается.

А нужно безжалостно выбрасывать!

Ностальгическое
7 июля

Сегодня выехали на пикник в Лахту, на то самое место, где три года назад состоялся первый Летний Лагерь Лито. Кажется, прошло сто лет, а всего-то три года.

Там я впервые встретился с dimkin, а уже через полтора месяца он переехал в Питер. Там мы все перезнакомились и многие подружились. Это был самый правильный лагерь, потом уже было не совсем то, хотя тоже неплохо.

Сегодня там были только мы с dimkin, пожарили шашлыков на мангале, выпили.

Лена с Настей пошли купаться за горизонт (там очень мелко, нужно идти полчаса, пока будет по пояс), а я вспоминал длинную фигуру Павлика, вот так же бредущего по воде аки посуху…

Самотек
9 июля

Звонит дама.

– Вы рассказывали по радио про журнал «Полдень».

Рассказывал, не отпираюсь.

– У меня есть поэма.

– Что? У нас журнал фантастики.

– А поэма фантастическая. Там про будущее человечества.

Крыть нечем.

– Нууу… Присылайте, – вяло говорю я.

– Я сама привезу. Вы будете?

– Я совсем не обязателен. Сдайте секретарю.

– Нет, я хочу, чтобы вы прочли.

– Как называется поэма? – спрашиваю я в какой-то безотчетной надежде.

– «Безграничная драма», – отвечает.

Всё, пиздец.

И привозит. Действительно, безграничная драма. После первых строк тянет упасть в обморок, но я держусь. Не посылаю ее сразу только потому, что дама скорее пожилая, чем молодая. Вежливо обещаю прочесть.

Безграничная дама, ага.

Но мы живы!
28 июля

Вчера, подъезжая к городу Бордо, у меня слетела шляпа.

На самом деле могла слететь голова.

А дело было так. Ленка была за рулем. До Бордо оставалось 35 км. А проехали уже 500 с гаком. Скорость была примерно 150.

И тут она слишком тесно прижалась к левой ограничительной железной полосе хайвея, и я крикнул, осторожней типа.

От испуга она слишком резко переложила руль вправо и мы потеряли управление. Машинка легкая, маленькая, мы же к Вольво привыкли. Мы держали руль четырьмя руками, а нас мотало по всей полосе. Слава богу, никого не зашибли.

Это продолжалось секунды три. Было очень страшно, серьезно.

В результате мы все же впилились в левую ограничительную полосу из железа левой скулой Опеля Корсо. И остановились. Мы были пристегнуты, нам ничего, а Настя на заднем сидении была без сознания. Ее сильно ударило. Мы принялись ее откачивать. Остановившиеся европейцы нам помогали. Кто-то вызвал полицию.

Настя очнулась через минуты две, и это было счастье, которое компенсировало вдребезги раздолбанную машинку. И в эту минуту на мобилу позвонила elina_w. А. Н., вы подъезжаете?

Ага, говорю, только немного ебанулись в ограду. А так в принципе подъезжаем.

Короче, приехала полиция. Здесь она именуется жандармерией. Заставили дыхнуть в трубку, промиллей не обнаружили. Потом приехал эвакуатор и нас всех – Лену, Настю, меня и бывший Опель Корсо эвакуировали куда-то неподалеку, где нас и нашел примчавшийся из Бордо с другом french_man.

А дальше они привезли нас в Бордо, и мы напились конечно.

Итоги минус: Опель вдребезги, во что это нам обойдется, неизвестно, как добираться до Барселоны, откуда мы должны улететь 3 августа (ДР Ленки, между прочим), тоже непонятно.

Итоги плюс: мы живы и даже целы, что при такой скорости кажется невероятным. И мы в гостях у наших замечательных френдов.

Оставайтесь с нами, бля:)

Святые люди
29 июля

Они нам дали новую машину Рено Клио вместо того чтобы посадить в тюрьму или расстрелять.

Служащая AVIS rent car с милой улыбкой спросила:

– Опель капут?

– Ну типа, – отвечали мы.

– ОК.

Фантастика.

Сегодня уже блуждали по Бордо на ней. Руки еще трясутся немного.

«Попал под лошадь гр. Бендер»
6 августа

Именно так выглядит ситуация с освещением аварии питерскими СМИ.

Неужто им не хватает информации?

Мало того что 2 канала ТВ сообщили о том, что писатель раздолбал машину, но отделался легким испугом, так и газета «Вечерний Петербург» поместила ту же информацию с портретом. Книги бы они так освещали…

Вообще ЖЖ как источник информации для СМИ – тема интересная. Где гарантия того, что это именно я написал, что я не пошутил и вообще?

Надо попробовать написать, как я тушил лесные пожары в Бретани, бегал от быков в Памплоне и распивал коньяк в городе Коньяк.

Хотя там я распивал только кофе, поскольку был за рулем.

Ллл-экспромт
9 августа

Как вы знаете, надеюсь, Лито им. Стерна уже три года проводило в августе Летний Лагерь Лито.

В этом году как-то не сложилось с организацией, плюс Лито в анабиозе, но ряд товарисчей настаивают.

Посему сегодня принято скоропалительное решение организовать ЛЛЛ-ЖЖ в Питере (под ним) 17–18 августа – на выходные, всего 2 дня.

ЦУ
11 августа

Собственно, уже сейчас решено, что генеральный пикник с шашлыками состоится в первый день и начнется в полдень в субботу.

С 10 утра до 12 сбор участников в Доме творчества.

В 12 выдвигаемся на Поляну (есть там такая вблизи) и начинаем готовить огонь и проч.

Это не залив, там лучше, мы в прошлом году собирались там. На залив можно отдельно прогуляться.

О детях.

Некоторые лжеюзеры хотят тащить детей. Их дело. Поляна большая. За мат и безобразия, происходящие на глазах несчастных ребятишек, администрация не отвечает.

О программе.

Подумайте, кто мог бы там развлечь публику.

У нас есть Сап и Смоленский, они поют под гитару.

Мне советовали пригласить лжеюзера Монотскова, но я с ним не знаком.

Он тоже играет типа и, может быть, даже поет.

Акробатические этюды, фокусы, шпагоглотание, ходьба по проволоке – все годится.

К вопросу о профессионализме
12 августа

И вот написал Горчев на заказ, и выяснилось, что Земля не перевернулась, как и Гоголь в гробу.

И что на заказ Горчев пишет так же, как по зову внутреннего сердца.

Потому как ежели писатель, то по-другому писать уже не умеешь, а денежки всегда пригодятся.

Старички и новички
13 августа

Проблема эта вечная, она и в реале имеет место.

Как новичку вписаться в уже существующее комьюнити (коллектив, как раньше говорили)?

Я сам в нежном возрасте довольно часто менял школы и оказывался в положении новичка, которому предстояло как-то влиться в устоявшееся уже сообщество.

Бывали ситуации, когда я оказывался в зарождающемся сообществе, например когда перевелся в МАИ на второй курс и попал в собранную из многих вузов группу – и мы начали знакомиться. Потихоньку определились лидеры, звезды, массовка. Но по отношению ко всему радиотехническому факультету наша группа так и осталась пришлым «новичком».

В Лито им. Стерна, созданном после конкурса «Арт-Тенета 1997», приглашено было сразу много народу, потом я активно приглашал еще и наблюдал, как образуются симпатии и антипатии, как вываривается основа сообщества, образуются свои звезды и лидеры.

Встреча в Лахте в 1999 году, куда съехались человек 25–30, окончательно закрепила старичков в их статусе.

После этого новичку стало очень трудно прописаться в ЛИТО, хотя единичные случаи бывали.

ЛИТО фактически уже не существует, а старички остались, поддерживают связь, приезжают в ЛЛЛ, переписываются. И никаких новичков сюда уже не добавится, инструмент сломан.

Но вот живой инструмент ЖЖ и образующееся в нем сообщество.

Формируя состав тусовки нынешнего ЛЛЛ-ЖЖ (предельно демократической, приглашены ВСЕ), я еще раз заметил деление на старичков и новичков, увидел и звезд, и лидеров, и тех, кому трудно вписаться в этот процесс, но хочется.

Давайте им в этом поможем. Им нелегко.

К истории ЛЛЛ
16 августа

Информация для участников нынешнего сбора.

Лито им. Стерна было создано весной 1998 года после окончания знаменитого конкурса «Арт-Тенета-97», от которого принято считать настоящую историю русского литературного Интернета.

В Лито были приглашены лауреаты конкурса, почти все откликнулись на это приглашение, в дальнейшем я как руководитель приглашал в Лито приглянувшегося мне по текстам сетевого литератора. Численность доходила до 60–70 человек, представительство – до 15 стран мира.

Естественно, процесс был очень живой и динамичный. Кто-то приходил, кто-то уходил, конфликты возникали, но не часто, обсуждения происходили в режиме нон-стоп.

В разное время Лито посещали известные ныне сетевые литераторы и деятели: Рома Лейбов (очень недолго), Линор Горалик, Алексрома, Баян Ширянов и др.

Летом 1999 года состоялся первый ЛЛЛ в Лахте под Питером. Он длился неделю, там окончательно сложилась основа Лито – те, кто и сегодня поддерживают тесные дружеские отношения, хотя Лито как литературное сообщество сейчас не функционирует.

Там был приглашен в Питер Горчев, а через полтора месяца уже переехал и стал работать в Геликоне.

Там много чего было интересного, для этого достаточно поднять архивы Курилки Лито (если они еще висят).

Съехалось тогда человек 25.

М. Бару, А. Житинский, Д. Быков. Лахта, 1999 г.

Лахта, 1999 г.

Тогда же состоялось подведение итогов конкурса Арт-Лито (после 1997 года конкурсы Лито и Тенета разделились)

К ЛЛЛ были выпущены первые книжки принт-он-деманд: Родионова, Горалик, Горчев и др.

Встречи с писателями тоже имели место.

В 2000 году ЛЛЛ состоялся в Репине, в Доме кинематографистов.

Народу было примерно столько же, продолжительность – снова неделя.

В 2001 году ЛЛЛ проходил в Комарове и представлял собою довольно печальное зрелище чисто мужской тусовки из 12 примерно человек, которые мрачно потребляли алкоголь.

И вот сегодня Лито выходит на встречу с массовым читателем.:)

Миша Чулаки
22 августа

Сейчас сообщили, что вчера попал под машину, а сегодня умер в больнице писатель Михаил Чулаки.

Это не некролог и не посмертный очерк.

Я просто попытаюсь рассказать о человеке, который был, вероятно, полной мне противоположностью и при этом вызывал мою симпатию и уважение. Весь день о нем думал.

Простите, что тут будет и о себе тоже. Как я уже говорил, мы одногодки, мы знакомы с 1971 примерно года, когда нам было по тридцать, и мы проходили свои пути параллельно.

Поневоле начинаешь сравнивать.

Итак, Миша не пил и не курил. Отношения его с женщинами были загадочны. Скорее всего, их просто практически не было. Впрочем, я знаю об одном его увлечении, героиня (та же Ира З.) мне сама о нем рассказала. Чулаки был влюблен в нее и даже предлагал руку и сердце, но был отвергнут.

История, как Миша познакомил меня с Ириной, вряд ли годится для посмертных мемуаров, но из песни слов не выкидывают. Что было, то было.

Году в 1973-м Чулаки сказал мне, что его знакомая, молодая поэтесса Ирина З., хотела бы прочитать мою «Лестницу», о которой Миша же ей и рассказал. Я принес ему рукопись, а через некоторое время, зимой, случилось так, что мы оказались в кафе Дома писателей за одним столом с Мишей, Ирой и довольно большой компанией. Наверное, это было после очередного заседания нашего ЛИТО, и мы, как всегда, пили вино.

Ира была прекрасна, я видел ее впервые, ее ноготки сверкали перламутровыми блестками. Почему-то я их запомнил. Она говорила мне комплименты, и я понимал, каково это для Чулаки, который не был поклонником этой вещи, как и всех остальных моих вещей.

Поклонником не был, но Ире рассказал и рукопись передал.

Вот в этом он был безукоризнен. Всегда.

Потихоньку мы вошли в то состояние, когда тянет на подвиги и совсем не хочется расставаться. И тут я предложил всем ехать в Комарово (sic!), где я в зимний период пользовался дачей моего приятеля Левы Б., а летом он жил там с семьей, снимая от Дачного треста.

Иногда я закатывался туда с пиш. машинкой на несколько дней, растапливал печь и сочинял что-нибудь, попивая портвейн.

Компания приняла мое предложение с восторгом, включая Ирину. Чулаки молчал. Я тут же купил вина, и мы дружной гурьбой двинулись к выходу. А Финляндский вокзал рядом – через Литейный мост.

Однако силы наши стали таять по мере приближения к мосту и вышло так, что на мост мы вступили в полном молчании втроем – Миша, Ирина и я. Никто не хотел уступать.

Было уже к полуночи. Последняя электричка.

Мы дошли до вокзала, купили билеты, понимая, что игра заходит слишком далеко. И тем не менее мы вышли на перрон и подошли к поезду.

И только тут Чулаки совершенно холодно и бесстрастно произнес:

– Ну, всего хорошего, господа! Желаю удачи.

Повернулся и пошел назад.

А мы с Ириной поехали в Комарово.

Я не знаю, чего ему это стоило.

Об этой ночи я распространяться не буду. Она состояла в основном в том, что мы, утопая в сугробах, воровали дрова с соседских участков и пытались прогреть промерзший дом.

Романа у нас с Ириной не возникло, скорее это можно было назвать расширенным знакомством, но друзьями мы остались на всю жизнь.

Тем не менее я не стал Мишиным врагом. Мы никогда в дальнейшем не вспоминали об этом случае, хотя оба помнили.

Мне всегда было совестно перед ним за свою аморальность. Он был немым укором, но укором благородным. Он не прощал, но и не возмущался.

Примерно в те же годы произошел еще один случай, который запомнился.

Я в ту пору был влюблен в одну прекрасную девушку. Но нам совершенно негде было встречаться. И вот однажды, сидя в том же кафе Дома писателя и выпивая то же вино, мы с ней напряженно и горько размышляли – к кому бы можно поехать в гости и типа переночевать.

И я позвонил Мише. Более идиотского поступка не придумать.

– Хорошо. Приезжайте, – сказал Чулаки, как всегда, бесстрастно.

Мы опять же запаслись вином и приехали к Мише на улицу Рубинштейна, к матушке и кошкам. Там расположились за столиком и стали пить это вино (Миша пил чай), а потом стало слишком поздно, чтобы уезжать, и я попросил Мишу: а нельзя ли переночевать?

Миша пожал плечами и сказал: можно.

После этого он пошел в соседнюю комнату и принес раскладушку с тощим матрасом. Разложил и расстелил. Затем принес раскладную ширму, которой отгородил раскладушку от остальной комнаты.

Я с некоторой тревогой наблюдал за его действиями.

– Ложись, – указал он на раскладушку.

– А… – промолвил я.

– А Таня ляжет на диване, – сказал Чулаки.

Совершенно убитый Мишиной раскладкой, я повалился на раскладушку. А Таня, тоже потрясенная, устроилась на разложенном диване-кровати.

После чего Чулаки, не раздеваясь, улегся с нею рядом, с краю, образовав естественный шлагбаум между мной и ею.

И заснул. Во всяком случае, закрыл глаза.

Я не знаю, почему он так сделал. То ли не мог предположить, чем мы хотим заниматься, то ли не хотел быть пособником аморальности и прелюбодеяния.

Все хорошо. Но ширма зачем? Ширма не укладывается ни в какие предположения.

Миша, дорогой. Прости меня.

А потом была большая жизнь, и мы иногда встречались, иногда ездили вместе за границу, часто и неплохо сотрудничали. (Чулаки был в жюри конкурса «Арт-Тенета», и он поставил «Низший пилотаж» Ширянова на первое место (!), чего я от него никак не мог ожидать, а я еще шесть лет назад предложил ему сделать сайт. «Невалинк» и моя дочь Ольчик делали его, а потом эстафету принял Горчев, и сайт этот существует и сегодня.)

Более порядочного человека я не встречал в жизни.

Годам к пятидесяти он наконец женился и переехал к жене из своей коммуналки. В Металлострой, в крохотную квартирку. Питерцы знают, где это.

Он ни разу, будучи председателем Союза 10 лет, не попросил квартиры у властей. Жил он очень скромно, одевался кое-как – все помнят его голубой свитер, который он носил годами – вот и сегодня по телевизору он был в нем – его это не интересовало.

Детей у Миши не было.

В его облике было что-то не от мира сего, что-то трогательное и беззащитное. При том что он был человеком железного характера и величайшего достоинства. Он был непонятен мне. Иногда я над ним посмеивался. Я не хотел, да и не мог быть таким, но потихоньку жизнь свела наши крайности, и я думаю, он тоже уважал меня, как я его, хотя меня уважать ему было гораздо

труднее.

Миша – Водолей, тем не менее он превосходил меня, Козерога, именно в фирменных качествах последнего: терпении, последовательности, упорстве.

Его отец был известным композитором, директором Большого театра. Миша им гордился, хотя отец рано оставил семью. Миша жил с матушкой, странноватой женщиной, художницей по тканям, кажется, в огромной коммунальной квартире на улице Рубинштейна, в доме, где сейчас внизу ирландский пивной бар.

Они занимали две комнаты. Кроме Миши и матушки там жили еще примерно пять кошек. Зверей, в особенности кошек, Чулаки любил самозабвенно. Ира З., наша общая подруга, рассказывала мне как-то, что Чулаки разбудил ее ночью и они отправились вызволять из беды какую-то бездомную кошку, застрявшую где-то на чердаке.

Эта привязанность к кошачьим привела Мишу к знакомству с Берберовыми. Была такая странная семья из Баку, державшая дома в городской квартире льва. Это был знаменитый Кинг, впоследствии застреленный милиционером в Ленинграде во время съемок. Миша поступил на службу в съемочную группу, когда снимался фильм, а потом показывал мне фотографии, где он борется со львами (там был не один, кажется), валяется с ними и на них, короче, ведет себя как настоящий дрессировщик.

Однажды разыгравшаяся львица чуть его не загрызла. Он вспоминал, как с величайшим трудом, потихоньку, он освобождался от охватившего его лапами и прижавшего к полу зверя.

В юности он занимался штангой и был настоящим накачанным суперменом. Потом, много позже, написал о штангистах повесть.

Когда мы познакомились, он еще сохранял облик штангиста, но потом за несколько месяцев превратился в худого, совершенно тощего человека, потому что занялся бегом.

Нет, он не просто совершал утренние пробежки. Когда Чулаки начинал чем-то заниматься, он делал это основательно. Он бегал в Зеленогорск (это 45 км от Ленинграда). Делал это регулярно. Потерял в весе килограммов 30. Мы серьезно опасались за его здоровье.

Посещали мы тогда в начале семидесятых прозаическое ЛИТО при журнале «Звезда», хотя шансов напечататься у меня там не было, мне это прямо заявил руководитель, зав. отделом прозы журнала Александр Семенович Смолян, давно покойный. Вы, мол, пишете слишком странно для нашего журнала. Миша же довольно скоро стал постоянным автором. Обсуждали мы друг

друга горячо, чуть не до драки. Потом, естественно, выпивали. Чулаки с нами не пил (он вообще не пил, лишь в последние годы я видел его иногда на приемах с бокалом сухого вина).

Отношение наше к сочинениям друг друга было одинаково скептическим. Тогда мы его высказывали, ибо было нельзя иначе, все-таки ЛИТО, а позже никогда не говорили с ним о его или моих книгах, хотя изредка дарили их друг другу с приличествующими надписями.

Одну из его книг я даже издал в 1995 году, но и о ней мы не говорили. Называлась она «Кремлевский Амур, или Необычайное приключение второго президента России».

Там рассказывалось, как Второй Президент, избранный после Ельцина, некто Стрельцов, влюбляется в молодую женщину – президента Украины и женится на ней, чем полюбовно решается вопрос о вторичном воссоединении Украины с Россией.

Но наш второй президент оказался женат, а украинцы бабу не выбрали.

Обложку этой книги с красавицей в фате и Кремлевской башней я собственноручно делал в фотошопе. Тогда мне это нравилось.

Ответ Лене Григорьевой
25 августа

Проблема не в том, что я хочу воспитывать. У меня четверо детей, спросите их – воспитывал ли я их? Менторство мне глубоко чуждо.

Проблема в том, что Интернет породил огромное количество литераторов, которые не знают или не хотят знать, что они литераторы, а думают, что просто так, погулять вышли. Но если тебя читают, то ты литератор и изволь об этом помнить.

Ты публичен, как на улице. Дома можно ходить голым, на улице не принято. Более того, люди тратят много денег, чтобы выглядеть на публике как можно лучше.

Здесь же можно выглядеть кое-как. Но нас видят, вот в чем дело. И не говорите мне, что вам все равно и на чужие мнения вам наплевать. Так не бывает.

Проблема в том, что многие годы для того, чтобы пробиться к читателю, быть услышанным, требовалось много терпения, таланта и удачи. А сейчас это делается в два счета. Наиболее умные и талантливые быстро понимают, что за эту легкость надо заплатить ответственным отношением к слову. Наиболее профессиональные никогда или почти никогда не допускают расхристанности на людях. Могу в пример привести Березина, Лабаса, Горчева, Лейбова да и Вас, Лена. Я с удовольствием, иногда с хорошей завистью это читаю и думаю: какие умные и талантливые люди рядом.

Но я также читаю и другие высказывания, километры необязательной болтовни, самовлюбленной чуши, истеричной рефлексии.

Казалось бы, чего проще – удали этих милых людей.

Но они же хорошие тоже, многих я знаю лично.

Они просто не дошли еще до мысли, что некрасиво на людях с расстегнутой ширинкой.

И тактично намекнуть им на это нелишне.

Может быть, они потом скажут спасибо.

VIP (Майк)
27 августа

Первый раз я услышал о Майке от БГ, когда Боря принес мне новые альбомы «Радио Африка» и «Табу».

Боря очень тепло о Майке отзывался, но как-то намекал, что Майк все сдирает у Дилана.

Дилана я тогда тоже не знал, мне было все равно.

Через некоторое время я получил кассету «Сладкая N» и ее прослушал.

По сравнению с тем беспомощным бредом, что мне удалось прослушать до того от рок-музыкантов (в смысле слова), Майк показался мне весьма продвинутым литератором. Он умел составлять слова в строчки.

Но меня совершенно не устроило его отношение к женщине («Дрянь»), и в очередной статье в «Авроре» я его за это пожурил. Типа вот так мог бы обиженный женщиной подросток выразить свое «фе».

Это был самый первый период, когда я ни во что еще не врубался.

Но журнал вышел, мнение стало общ. достоянием.

Еще через пару недель БГ наконец познакомил меня с Майком в своей мансарде на Перовской.

Мы с ним поговорили, я видел, что он читал журнал, но – и это главное! – никакой обиды я не почувствовал, хотя при встрече испытывал некоторую вину, все же наехал на человека печатно.

А дальше мы подружились.

Я не слишком часто бывал у него, но иной раз заезжал, чтобы взять какие-то пластинки или бобины для моего конкурса самодеятельных альбомов, которые присылали Майку, поговорить и выпить.

Один случай запомнился. Я где-то напился, домой не хотелось, и я позвонил Майку. Была зима, за полночь.

Майк без всяких раздумий сказал:

– Приезжай.

Я приехал с бутылкой водки, и сразу вдруг на кухне коммуналки была организована компания (там был Шура Храбунов, гитарист Майка, живший там же, в этой коммуналке, Наталья, конечно, и кое-кто из соседей). И мы прекрасно посидели.

Потом я уехал, часа в 4, в ночь, в липкий снег, пьяный.

Мне никогда не нравилось звучание группы «Зоопарк». Это

была страшная халява.

Майка я полюбил практически сразу, не столько за музыку и песни, сколько за него самого.

Мягкий и интеллигентный человек. Умница. Говорить с ним было наслаждением.

После каждого концерта в рок-клубе я приходил к Майку и мы о чем-то говорили. О чем? Да важно ли это?

Когда любишь человека, совершенно все равно, о чем с ним говорить.

Последний раз я видел Майка в июне 1991 года, когда пришел к нему за текстом воспоминаний о Цое, который он по моей просьбе написал к готовящейся книге о Вите, которую мы делали с Марьяной.

Текст, кстати, был очень жесткий. Без всяких постпохоронных пиететов.

Майк встретил меня полупьяный, обросший щетиной, с каким-то запредельно страшным выражением лица.

– Майкуша, что с тобой? (Я звал его так.)

– Наташка ушла, – сказал он. – Пошли выпьем.

Мы вошли в комнату. На табуретке стояла бутылка водки, наполовину опорожненная. Майк налил мне. Я стал расспрашивать: что? как? Он что-то отвечал, а потом стал читать стихи.

Мы пили водку, и Майк читал стихи.

Не помню какие. Помню одно, где каждая строчка начиналась со слова «любимая».

А потом он заплакал.

И я никогда не забуду того беспомощного моего желания помочь взрослому человеку в его горе: я прижал его к себе, гладил по голове, как ребенка, приговаривая: «Майкуша, да ладно… да перестань… все образуется, милый».

А через два месяца его не стало.

Был август 1991 года. ГКЧП. Мы с Ленкой были в Юрмале и бегали по пляжу по утрам, делая зарядку. Потом «Лебединое озеро» по ТВ. Потом ура.

Я позвонил в Москву Андрюше Гаврилову, и он сказал: «Умер Майк».

На похороны успели.

Помню гроб в морге, в котором лежал незнакомый Майк. Помню Наташку. Помню немую толпу на Волковом, когда Майка опускали в могилу.

Вектор жизни
30 августа

Он ведет себя странно, не так, как стрелка компаса, и не так, как флюгер. Он гораздо более инертен. И вот когда он начинает поворачиваться в сторону неудач и несчастий, ты следишь за ним безнадежно, понимая, что таково его желание.

Противодействовать невозможно, нужно ждать.

Когда-нибудь он дойдет до крайней точки, когда все уже, полный пиздец, как сказал бы Горчев, а потом потихоньку, по миллиметру начинает путь назад. И ты угадываешь эту его тенденцию, радуешься ей и опасаешься, а не ошибся ли ты или он в своем намерении.

И вот, кажется, он движется туда, куда нужно.

Надолго ли?

Парад знаменитостей
12 сентября

Вчера «Геликон» посетил Ник Перумов. Говорили о сотрудничестве с Полднем.

Перумов, увидев обложку готовящейся книжки «Мао», спросил, сколько нужно заплатить, чтобы сжечь весь тираж.

Ему эта душевная повесть очень не понравилась, когда он прочел ее во втором номере журнала.

Сегодня случайно, заехав в «Амфору», был познакомлен с находящимся там Максом Фраем.

Ну, виртуально мы знакомы лет пять. Но до сей поры не виделись.

Макс Фрай собирался отбыть в Москву поездом Р-200, но узнав, что я возвращаюсь в Геликон, поехал со мной, чтобы повидать и познакомиться с dimkin.

Скоро я буду брать плату за знакомство с Горчевым на территории Геликона.

Выпили пива, Фрай отбыл в Москву.

Занес Фрая во френды. Впрочем, ника не разглашаю, не уполномочен.

Поэт Дима Быков
14 сентября

С утра позвонил из Москвы Дима Быков, чтобы сообщить, что он по моей наводке прочитал журнал Наташи Мозговой, что он влюбился в нее, что надо ехать туда немедленно, там жизнь, там опасность, там люди пишут по 10 статей в день…

– Но ты же тоже пишешь по 10 статей в день, – сказал я.

– Это не то. Это не опасно, – вздохнул Быков. – Как вы думаете, у нее юзерпикча настоящая?

– Думаю, настоящая, – сказал я.

– Я хочу ее, – сказал Быков.

– Юзерпикчу? Save as – и все дела.

– Масса! – вскричал Быков.

Он поэт, Быков. Он просто поэт.

Мизантропия
28 сентября

Самая удобная точка зрения на человечество – мизантропия.

И она же самая ошибочная.

Люди каждым своим поступком взывают к тому, чтобы их ненавидеть. Они мелочны, глупы, себялюбивы, жадны, отвратительны.

И мы их обоснованно ненавидим.

Обычно это простирается до тридцати. Тот, кто после тридцати ненавидит человечество, – глуп.

Все эти возгласы «совок» и проч. – отвратительны, поскольку все замазаны в этих совках, никто не избежал кары.

О совках могут разговаривать только люди, родившиеся после 1991 года.

А вы все помолчите, умные, бля.

Каждого, кто употребит слово «совок», буду исключать из френдов.

Потому что мы все совки, мои любимые френды.

И это нам не мешает.

Все о том же
7 октября

Лжеюзер О'Санчес наконец не выдержал и высказал, как всегда, определенное и жесткое мнение об употреблении ненормативной лексики.

Пришел Горчев и заявил, что лучше с уважением и любовью ебаться, чем без уважения «бросать друг другу палки».

Ну с этим я согласен, за исключением того, что предпочитаю, чтобы палки бросали в одну сторону.

Если говорить серьезно, то я не принадлежу к пуристам, в устной речи среди своих использую мат, в письменной гораздо реже, когда очень зол или же (чаще) когда хочу вызвать улыбку.

Вообще русский мат – средство юмористическое. В этом качестве я его принимаю.

Что же касается того, чтобы называть вещи своими именами, как советует Горчев, и ввести эти слова в нормальный обиход, то тут закавыка. Вероятно, очень нескоро мамы будут советовать малым детям помыть хуй перед сном. Все же они произнесут это отвратительное слово «пися» – и будут правы. Ну и так далее.

В обиход это войдет не скоро, а скорее все же никогда.

Слова эти для меня очень неравнозначны. Если слово из трех букв давно стало междометием, то слово из пяти никак в междометие не превращается. А производные от него и подавно. Вот в последнем тексте Горчева меня фраза «А ведь Чумак был очень Пиздатый» коробит, не люблю это слово, не понимаю, почему «хуевый» – это плохой, а «пиздатый» – наоборот, хороший. Вообще это слово – неудачный новодел, по-моему.

Чаще мат раздражает. Молоденькие лжеюзерши матерятся в хвост и в гриву, вызывая чаще всего жалостливую улыбку: что же ты, барышня, никак не повзрослеешь? Молодые лжеюзеры матерятся скучно, неэффективно. Или же грязно.

Мат должен быть музыкой, очищенной от всякой физиологии. Всякий раз, когда, читая слово «жопа», читатель в самом деле представляет себе жопу, это значит, что мат употреблен неверно. Если речь не о самой жопе, естественно.

Это большое искусство, это надо уметь – употреблять эти слова с достоинством, чтобы не дрогнул ни один мускул, и тогда читатель, вспоминая, скажет: «Разве там было слово “хуй”? Не было там этого слова».

Бог не фрайер. Он Фрай.:)

Пиар для жопы
9 октября

Сразу же оговорюсь, чтобы не быть понятым превратно, что Жопа – это наш товарищ и коллега, поэт, литератор, так что прошу любить и жаловать, если кто не знает.

А началось с того, что одна хорошая девушка, которую я зову Пипинтон, попросила у френдов совета, кого бы ей добавить? Не чего, а кого, прошу не путать. Зная, что Пипинтон любит поэзию и сама сочиняет иногда и не обнаружив в ее списке Верочки, я посоветовал ее включить. На что надменная Пипинтон заявила, что она Верочку только что выкинула. «Не моя», мол, поэзия.

А я еще раньше в ЖЖ той же Пипинтон читал, как она восхищена стихами некоей Жопы. Ну и в досаде сказал, что там где ценят Жопу, Верочке делать нечего, конечно.

А дальше набежала сама Жопа и несколько ее поклонников, которые начали меня стыдить и говорить, что я ничего не понимаю в поэзии. И что рядом с Жопой Верочка отдыхает.

И тогда, вздохнув, я пошел читать Жопу. Ибо надо отвечать за базар.

В стихах. ру она именуется Валрес. Ей-богу, не могу точно сказать – девочка это или мальчик. Сами посмотрите. Стихи то от девочки, то от мальчика. Я все не прочитал, но даже нескольких было достаточно, чтобы понять, что она (он) – действительно хороший и тонкий поэт, весьма незащищенный. И что все эти жопы в ЖЖ (зайдите в инфо – там жопа на жопе, и в мыле, и в никах, и в юзерпикче) – это такая защита, что ли, от посягательств нашего грубого и назойливого мира. Вот вы меня обижаете, гады, а я вам жопу, сволочам. И стало мне очень досадно и захотелось сказать Жопе такие слова.

Дорогая Жопа! Ну зачем тебе это надо? Вот я прихожу к тебе – старый уже почти человек, отец четверых детей и дедушка трех внуков. Я видел все – и стихи из сплошного мата, и из точек и запятых, и из одних прописных букв, и из одних строчных, и с иностранными словами, и без. Поразить меня этим решительно невозможно. И жопой, кстати, тоже. Их я тоже навидался достаточно.

Поразить меня можно только самим (самою) собой – и это, кстати, получается. Тогда зачем эта дешевка, этот эпатаж, который вызывает лишь зевоту и никого не способен эпатировать? Ладно бы стихи были говняные и про говно. Было бы концептуально.

И конечно, не сердись только, до Верочки тебе еще расти. Потому что она глубже и она больше страдала. Ты это непременно поймешь, но позже. А сейчас, бога ради, милая Жопа, сними эту немытую жопу в юзерпикче, заведи журнальчик с другим именем и пиши дальше свои замечательные стишки. Их будут читать и радоваться, как дети, которые прочтут твои детские веселые стихи.

Пойми побыстрей, что все внешнее – это мода. И мат в стихах, и отсутствие точек и запятых, и иностранные литеры вместо кириллицы – это все мода. Кстати, последнее заимствовано из попсы, из рекламы. Отвратительно, когда в русских словах некоторые буквы заменяют их латинскими аналогами. Отвратительно и безвкусно.

А внутреннее – то, что делает человека Поэтом, – у тебя есть.

Желаю тебе удачи, мой новоявленный френд.

Надо жить
24 октября

Со вчерашнего вечера не могу ничем заняться. Руки опускаются.

Зачем писать книги, зачем издавать книги, если они ничему не учат?

Труднее всего свыкнуться с мыслью, что ПРОБЛЕМА НЕ ИМЕЕТ РЕШЕНИЯ. Никакого. То есть все плохие. И с этим надо привыкнуть жить. Но привыкнуть очень трудно.

Мы так охотно обвиняем кого угодно – от Путина до чеченцев, – а ведь они тоже не знают решения. То есть некоторые идиоты знают. И чем идиотичнее идиот, тем радикальнее и всеохватывающе решение. «Немедленно вывести войска» и «выжечь Чечню напалмом» – это одинаково идиотские решения.

Проблема не в том, чтобы решить проблему, когда решения нет. Проблема в том, чтобы научиться с нею жить, потому что если не жить, то умереть.

Но это тоже не решение.

К вчерашнему разговору 27 октября

Поздравляли вчера с Леной и Ольчиком Еву с ДР.

Там была небольшая компания молодых людей, в основном из ЖЖ. Но был один Евин друг из Москвы, не член нашего комьюнити, который мне очень понравился тем, что весь вечер играл с Евиной маленькой дочкой.

Только очень хорошие и добрые люди это умеют – находить контакт с малышами. Я этого не умею.

Но вот зашел разговор о Норд-Осте… И он заявил, что считает всю эту историю фальсификацией наших спецслужб. От начала и до конца. И террористы подставные, оплаченные, и весь спектакль. Я думал сначала, что он шутит. Спросил: и дома в Москве взрывал Путин? Он сказал, что да, конечно.

Я даже не хочу опровергать эту точку зрения.

Мне просто любопытно, как можно жить здесь с этим убеждением. Как жить, если считаешь, что власть состоит из не просто негодяев, а зверей? И не только власть, а и все подвластные структуры. Ведь в подготовке и проведении каждой такой операции, если считать это правдой, должны быть задействованы сотни людей. И все они звери.

Тогда надо немедленно уезжать или же бороться… не знаю… партизанский отряд организовывать. Что-то делать, короче. Лечиться, на худой конец.

Я вовсе не идеализирую власть. Любую. И конкретно нынешнюю. Она бывает корыстна, лжива, неискренна. Я могу понять Березовского, которому его версия нужна в политической борьбе. Но вот оказывается, что вполне нормальные, милые и добрые люди могут в это верить.

Это, так сказать, крайний случай. А обыденное – это встречать любое решение власти, любое слово президента в штыки. Опять сделал и сказал не так, как надо. Мерзавец. Гебист. Подонок.

Если бы вчера не случилось того, что случилось, со всеми страшными потерями, сегодня эти люди плясали бы на развалинах взорванного театра и обвиняли бы Путина в нерешительности и предательстве.

Буквально сегодня, там запаса времени уже не было.

Здорово нас всех перетряхнуло 28 октября

В конце концов дело не в Путине, спецназе, чеченцах, СМИ и отравляющих газах.

Дело в нас самих.

Мы сами – и Путин, и чеченцы, и отравляющий газ.

Мы должны научиться смотреть в глаза реальности.

Я тут где-то в комментах обозвал Ольшанского «по-человечески недалеким» человеком. Что я под этим понимаю? Это не дурак и не мудак, хотя Митю обзывали и крепче.

Это просто человек книжный, идейный, образованный и… очень недалекий по-человечески.:)

Негласные постулаты, которые такой человек принимает при конструировании своих «планов спасения», следующие:

1. Все люди такие же, как я.

2. То, что решено, будет выполняться.

Ни то ни другое категорически неверно.

Ну, например, выселить всех чеченцев в Чечню, а потом, если они проникнут-таки в Россию, отлавливать и расстреливать. Блестящая идея.

Я не останавливаюсь на соотношении ее с нормами международного права. На фиг нам какое-то право, тем более международное. Я хочу лишь сказать, что выполнять любые, самые радикальные планы, будут какие-то люди. Даже не какие-то, а именно наши, русские люди. Не шведы, не нигерийцы и не китайцы.

А посему любой такой радикальный план создаст массу неудобств для обычных граждан (вплоть до расстрела) и совсем не затронет террористов, ибо всегда найдутся деньги, чтобы из чеченца стать русским по паспорту, подкупить милицию, органы регистрации, ЖЭК, депутата и проч. И любой план тонет в этом человеческом, чисто человеческом.

Никакие силы правопорядка не могут правопорядковать, потому что они состоят из живых людей, человеков.

Поэтому по-человечески это все чрезвычайно глупо.

Чрезвычайно.

Неумение применить собственные книжные знания и идеи к реальной жизни, состоящей из обычных, очень разных и очень слабых людей, и есть эта недалекость.

И оценка людей не как реальных и живых, а как функцию, ими же придуманную или вычитанную из книжки, – та же

недалекость. Будь то Путин или Басаев.

Смотреть на этих книжников больно. Лишь немногие из них доберутся до истинного знания.

Писатель Горчев
10 ноября

Написал небольшое послесловие к книжке Горчева, готовящейся к выходу в издательстве «Амфора».

ПИСАТЕЛЬ ГОРЧЕВ

Писатель Горчев способен шокировать неподготовленного читателя. И дело даже не в табуированной лексике, которой автор обильно оснащает свои тексты, хотя одно это способно привести в ярость любителей чистоты языка, а в общем взгляде на мир и человечество, к которым Горчев относится с виду недостаточно почтительно.

У меня нет желания защищать человечество от нападок писателя Горчева, я просто поделюсь тем, что знаю об этом непростом авторе.

Горчев родом из Казахстана, там он родился, учился и жил практически до конца прошлого века. В этом веке Горчев живет в Петербурге, а где будет жить в следующем, он пока не знает.

Горчеву удалось каким-то образом закончить Институт иностранных языков, потом он работал учителем в школе, техническим переводчиком, а в свободное время рисовал и сочинял сказки.

Году в 1997-м Горчев познакомился с Интернетом и «вывесил» там свои тексты. А чуть позже я прочитал эти тексты и пригласил автора в Лито им. Лоренса Стерна, бурная жизнь которого началась в 1998 году.

Горчев стал секретарем нашего Лито, то есть выполнял техническую работу по публикации текстов и организации обсуждений, а в 1999 году, познакомившись с ним лично, я пригласил его переехать в Петербург. Мне показалось, что это более подходящее для Горчева место, чем Алма-Ата.

Горчев стал главным (и, собственно, единственным) художником нашего небольшого издательства, а потом и главным художником журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век». Когда у Горчева вышла книжка «Красота / Мерзость», его приняли в Союз писателей, чему я, откровенно говоря, удивляюсь до сих пор, хотя сам этому способствовал.

Вот такой произошел разгул либерализма.

Лучше всего писатель Горчев представлен в Интернете на

своей странице http://www.gorchev.spb.ru/. А его онлайновый дневник http://www.livejournal.com/users/dimkin – один из самых популярных «Живых журналов» в русском Интернете.

Все это, однако, не объясняет того факта, что писатель Горчев употребляет нехорошие слова и непочтительно относится к Человечеству. А если говорить об отдельных его представителях, то вы сами видели, какими словами он их называет. Невнимательный представитель Человечества может подумать, что писатель Горчев – Цыничный Мизантроп, ненавидящий Жызнь, как он сам бы написал.

Это очень поверхностное суждение.

На самом деле отношение Горчева к жизни и людям много сложнее. За маской циника прячется идеалист-романтик. А за «видимым миру смехом» явно чувствуются «невидимые миру слезы». Недаром Гоголь – любимый писатель Горчева.

Поэтому не стоит сразу впадать в ярость, читая этого писателя. Ведь перед нами на бумаге – всего лишь буквы, значки, которые не могут сами по себе быть непристойными, безнравственными или грубыми. Такими их делает наше сознание, потому непристойность текстов зависит больше от нас, чем от писателя.

Лирический герой Горчева, как выразились бы литературоведы, – существо ранимое и чуткое, застенчивое и стеснительное, а его внутренние монологи и вся нецензурщина подсознания – всего лишь робкий протест индивидуума против мирового порядка вещей, который писатель Горчев считает очень неважным порядком.

Выбросил я то послесловие к Горчеву, написал другое.

…Вот ведь черт меня дернул позвать писателя Горчева из Казахстана в наш угрюмый Питер, который сгубил уже не одного русписа болотными своими испарениями. Николай Васильевич Гоголь, предок Горчева, помнится, служил здесь делопроизводителем, сидел за конторкой, как Горчев сейчас сидит за компьютером в окошке на Первой линии Васильевского острова, где его может лицезреть каждый, если Горчев дойдет до работы.

Он сидит и пишет Полную Хурму, как называется сейчас этот жанр, и не поймешь – издевается он над вами или нет, и во рту вяжет, и слезы на глаза наворачиваются – те, «невидимые миру».

Вообще, Горчев очень любит слова на букву Ху, как вы заметили, это у него идет от английского языка, где эта буква означает «кто ты такой, брат?», а в русском она обозначает совсем

другие вещи. Эта буква у Горчева всегда прописная, торжественная, потому что он Художник Хурмы, а не просто какой-то мерзавец, швыряющий эти буквы в осенний сумрак.

В этом-то и разница.

Барышни пышут кипятком, а негодованием, наоборот, не пышут, а также пышут, что «мама, я Горчева люблю». Каждая Хурма вызывает восторги, за нее даже денюшки платят иногда, что повергает писателя Горчева в глубочайшее недоумение, поскольку он человек честный и совестливый.

А вовсе не Хулиган, как думают некоторые.

И еще писатель Горчев рисует разные картинки и оснащает ими свои книги и один журнальчик, где числится Главным Художником, так что иногда даже непонятно, что у него получается Хуже.

Если же вы зайдете в Хулинет, то там всегда найдете писателя Горчева на почетном месте, в грамотах, медалях и кубках, с полными карманами Хурмы, потому что Хурма там главное блюдо. Только мы сомневаемся, что вы самостоятельно найдете этот Хулинет, и даем вам адрес: http:// www.gorchev.spb.ru.

Книжные новинки 16 ноября

В понедельник сдаем «Амфоре» макеты книг Горчева и Букши.

К Букше тоже написал послесловие, более пространное, чем к Горчеву.

Ну она и пишет длиннее.:)

КСЮША

Читать Букшу мне всегда весело и радостно. Будто вышел весной на улицу, вдохнул пьянящий весенний воздух и разом позабыл обо всех тяготах жизни, увидев, к примеру, как спешит по набережной Карповки по своим важным делам собачка с грязным хвостом, облитая теплым апрельским солнцем.

Рот сам растягивается в улыбке, когда я читаю, хотя Ксения вовсе не собирается меня смешить, но я уверен, когда она пишет, она тоже улыбается. И эта улыбка передается мне, и настроение повышается, как у той собачки.

Уговоримся, что вы не читаете книги с конца, а значит, уже составили себе представление об этой прозе. Здесь я хочу объясниться для тех, кто почему-то не чувствует ее прелести. А такие люди есть, и я не скажу даже, что у них отсутствует вкус. Поэтому, не упрекая их в бесчувствии, я просто расскажу о том, что вижу я в этих текстах.

Но сначала – откуда они взялись.

Года полтора назад, примерно в мае 2001 года, к нам в издательство, что называется «с улицы», зашла молоденькая девушка с тонкой папкой в руках и сказала:

– Я Ксюша Букша.

Она так и сказала: «Ксюша», будто еще не вышла из детсадовского возраста. Впрочем, от него она ушла совсем недалеко, тогда ей только что исполнилось восемнадцать.

Я понял, что придется читать стихи девушки. Случай настолько типичный, что даже скучно. Это приходится делать довольно часто, а говорить приятные слова автору – редко. Восхищаться же практически не приходится.

В данном случае к стихам был приложен рассказ, что мне особенно не понравилось. Писать прозу в восемнадцать лет

казалось мне просто возмутительным.

Я вяло пообещал прочесть, и мы с Ксюшей расстались на неделю. За эту неделю я успел понять, что у девушки явно есть способности, стихи ее были интересны прежде всего тем, что в них автор не изливал своих чувств по поводу несчастной любви, как это принято в юности, а писал об окружающем мире. Одно стихотворение называлось «Березовский», где БАБ представал в образе былинного Стеньки Разина, гуляющего в своем дворце:

И заплакал Березовский
Неизвестно почему…

Ну, Березовский и Березовский. Мало ли чего не бывает в стихах юных девушек.

Однако больше удивляло то, что поэтическая традиция и следы влияния, которые там прослеживались, восходили не к Бродскому, что характерно для молодых поэтов последнего десятилетия, и не к Мандельштаму, и не к Цветаевой, что привычно для молоденьких поэтесс, а к Хлебникову и ранним обэриутам, а еще точнее – к тем фольклорным корням, которые Хлебникова питали.

Впрочем, я совсем не теоретик. Возможно, и ошибаюсь.

Рассказа я читать не стал.

При встрече я сказал Ксении несколько добрых слов и сделал ряд замечаний; на этом посчитал свою миссию по напутствию молодого дарования выполненной. Но Ксения внезапно извлекла из портфеля более толстую стопку листков и сказала, что вот только что закончила повесть. И тоже просит прочесть. Она даже назвала это «роман», что мне резко не понравилось. В мои планы чтение романов никак не входило.

И я, чтобы пресечь все поползновения на мое свободное время, с предельным цинизмом заявил, что прозу лучше писать после тридцати лет, при этом желательно быть мужчиной.

– Но вы всё же прочтите… – попросила она.

– Ну ладно, – недовольно проворчал я, пряча рукопись в портфель.

Вечером я раскрыл ее папку и убедился, что повесть называется «Эрнст и Анна» и имеет подзаголовок «Придворная история князя Якова Платоновича Шаховского о днях молодости, о людях и других существах при дворе царицы Анны Иоановны».

Иными словами, исторический роман от лица мужчины, жившего черт знает когда, написанный нашей современницей восемнадцати лет!

Это просто счастье (для меня), что я все же начал его читать,

а не забросил папку в дальний угол. Более сильного предубеждения у меня никогда не было. Начал – и уже не мог оторваться до глубокой ночи, пока не дочитал до конца. Иногда я неприлично повизгивал, иногда заливался счастливым смехом, порою выбегал на кухню к домашним с листком в руках и кричал: «Нет! Вы послушайте!» – после чего зачитывал кусок прозы вслух.

Домашние слушали с недоумением. Впрочем, они и сейчас недоумевают, чего я там нашел.

А нашел я свободу прежде всего – в слове, в сюжете, в обращении с материалом; нашел ритм и дыхание, энергию и драйв, как сейчас говорят.

Короче, мне пришлось извиняться перед Ксюшей и искупать свою вину тем, что к следующему ее приходу через 10 дней я вручил ей книжку «Эрнст и Анна», изданную нами в количестве 100 экземпляров, с обложкой, на которой был изображен герб княжеского рода Шаховских. Наверное, так быстро ни у одного молодого автора первая книжка не выходила.

А потом мы вывесили этот текст в Интернете и устроили обсуждение в моем ЛИТО им. Лоренса Стерна, это и сейчас можно найти в архивах, причем мало кто поверил, что данный текст не мистификация и что реальная Ксюша Букша существует.

Чуть позже, уже осенью, представилась возможность послать Букшу на Всероссийский форум молодых писателей, где я порекомендовал ей записаться в семинар Леонида Юзефовича – и не ошибся. Юзефович также отнесся к прозе Ксении весьма доброжелательно. В результате через год «Эрнст и Анна» украсили собой альманах «Пролог», выпущенный «Вагриусом» по итогам этого форума.

Правда, к этому времени Ксения уже имела две малотиражные книжки, выпущенные издательством «Геликон Плюс». Кроме исторической повести вышла еще и «Вероятность», присутствующая в этом томе. Эти книжки мы даже не продавали, а раздавали в качестве рекламы: вот, читайте и запоминайте новое имя!

И что самое главное, Ксения не переставала писать. За год с небольшим она написала семь (!) «романов», три из которых входят в эту книжку, один украсил собою журнал Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век» № 3 и вскоре выйдет отдельным изданием в «Амфоре», а еще три составляют книжку «исторической» прозы, которая, конечно же, совсем не историческая, хотя в деталях Ксюша необыкновенно точна, а скорее фантастико-историческая. Надеюсь, они тоже выйдут отдельной книгой.

И каждую из этих вещей я читал в один присест, с упоением,

как и первую.

При этом Ксения успешно училась на экономическом факультете Университета (она пока думать не думает сделать литературу профессией), работала по специальности (сейчас – в журнале «Эксперт Северо-Запада», где появляются ее статьи на экономические темы), а еще сочиняла песни и пела их под гитару.

Когда она это все успевает, спросите у нее.

Все повести Букши отличаются предельно узнаваемым стилем, голосом, интонацией. Писатель, который узнается по одной странице текста, – настоящий писатель.

Теперь пришла пора поговорить о том, что же я увидел в этих текстах и чего, может быть, кто-то не видит.

Сначала о языке. Он легкий, естественный, свободный и простой, но при этом необычайно свежий. Чем достигается эта незатертость, я, честно говоря, не понимаю. Неожиданностью эпитетов и метафор? Возможно. Но они не торчат из текста, никогда не бывают вычурны, они столь же естественны, сколь и необходимы.

Ритм – одно из главных достоинств в прозе Букши. Он стремителен. Фразы выкатываются одна за другой, подгоняя друг друга, как лошадки из загона. И поскакали!.. Сюжет строится фрагментами со значительными иногда эллипсисами, это дань «клиповому» современному мышлению. «Быстро, быстрее, еще быстрее, быстро как только возможно» – такая была указана смена темпов в одном из фортепьянных сочинений Листа.

И вдруг – спокойный городской пейзаж, снег или солнце, питерская атмосфера, туман, дождь. И снова поскакали за сюжетом.

Повороты этих сюжетов неожиданны, фантазия автора не знает пределов, но при этом никогда не улетает в области чистого вымысла, как это часто бывает в произведениях, именуемых «фэнтези». Ксения прочно стоит на земле, детали быта, истории, психологии реалистически точны, а наблюдательность ее вызывает восхищение.

И в то же время это совсем еще молодая проза с некоторым сумбуром в голове, с сегодняшним молодежным говором, с безудержной отвагой и уверенностью, что все будет к лучшему.

Природная постановка голоса – вот как это называется. Она либо есть, либо ее нет. Когда нет, голос можно поставить, но ежели он присутствует от природы, а точнее, от Бога, то благодарить нужно не Ксюшу, а именно Бога.

За то, что он иногда делает нам такие подарки.

Подробности
30 ноября

Итак, сегодня с утра меня перевезли в бывшую «Свердловку» на Крестовском острове и водрузили в отдельную палату с телевизором, холодильником, ванной и туалетом. Практически дом отдыха. Стоит примерно 600 р. в сутки с питанием.

Зато можно работать.

Тихо.

Вчера в старой больнице умирала одна старушка всю ночь. Жаловалась, как ей плохо, к утру померла. Все не спали, слушали, как врачи пытаются что-то сделать. Старушке, правда, было 90, сделать уже что-то было трудно.

Практический вывод из этой истории, мои молодые френды. Может, понадобится.

Выпив с вечера граммов 200 виски и бутылку сухого вина, написав n-ное количество глупостей в ЖЖ, не следует по утрам заниматься «живейшим из наших наслаждений» (с), особенно если вам не тридцать, не сорок и даже не пятьдесят. Вместо наслаждения можно запросто получить укол в зад, капельницу в вену и инвалидность в пенсионное удостоверение.

И все равно – но пасаран!

Черная речка
8 декабря

Завтра утром меня должны увезти на «Черную речку». Это такой кардиологический санаторий, а совсем не то, что вы подумали. И расположено не там, а за Зеленогорском, км в 60 от Питера.

Там я должен быть до Нового года, то есть до 4 числа, поскольку путевка на 24 дня, но я уж догуливать не буду, сбегу на НГ, надеюсь.

Так что не разбегайтесь тут особенно, возможно, я еще понадоблюсь.

Вспомнил свой стишок 30-летней давности:

Черная речка густа и грустна.
Черная речка без дна.

Плачет трамвай, пролетая над ней,
Искрами синих огней.

Редкий прохожий, подняв воротник,
К низким перилам приник.

Черная речка, как чертова вена:
Серая, снежная, смертная пена.

Привет!
28 декабря

Уже 3 дня, как я дома.

Сначала с энтузиазмом планировал новую жизнь, диэты, кашки, ети их мать, дозированные нагрузки и хер знает что еще, о чем вдоволь наговорился в санатории за обеденным столом с другими старичками и старушками – инфарктниками.

Я даже поверил в то, что смогу это сделать.

А сегодня стало как-то грустно, в «Геликоне» пели песни Мокроусова без меня и пили виски, а я дома ел на ужин витаминный салат.

А потом пришла оттуда веселая жена, мы поругались, конечно (я с досады, естественно), и я пошел в магазин и купил бутылку Саперави и сыра «Регина-блю», который ну весь состоит из холестерина.

И сейчас я чувствую себя в своей тарелке, попивая это вино и покусывая этот сыр.

Я не бравирую, мне страшновато немного, но есть до конца жизни кашки и витаминные салаты как-то западло.

А в санатории у меня был комп и я написал половину примерно новой повести, довольно забавной. Надеюсь БНС, шефу «Полдня», она понравится, когда я ее допишу, и он разрешит ее печатать.

Но столько стариков и старух вместе я никогда не видел. И не увижу, наверное. Только на кладбище.

2003

Поющая кружка
11 января

Моя дочь Ольчик подарила мне на НГ чайную кружку, привезенную из Германии в специальной упаковке, на которой все по-немецки.

На кружке же изображены две коровы и написано вполне по-русски: «У кого язык длиннее, тот у нас в семье главнее».

Ну, я намека не понял, и главное не в этом.

Главное, что кружка поющая.

И поет она этублятьэлизебетховена! Изумительная, нечеловеческая музыка.

Вот когда отрываешь ее от стола, тут она и начинает петь.

– Какая прелесть! – восхитился я.

И мы, как бывшие физики, поговорили с дочерью о принципах устройства этой кружки. Почему она поет? Повертели ее так и сяк, но так и не придумали.

А потом, уже дома, попробовал пить из нее чай.

Раза три отхлебнул, потом меня этаблятьэлизебетховена достала, и я стал отхлебывать из кружки, не поднимая ее. Но она глубокая, эта возможность быстро иссякла. А поднимать боюсь, ибо она уже изготовилась играть этублять…

Тут звонит Ольчик.

– Я разгадала, – говорит. – Там фотоэлемент в донышке. Когда стоит на столе, молчит. Вот ты попробуй выключить свет. В темноте она не поет.

Я выключил свет и спокойно допил чай. Кружка молчала.

И мы ее спрятали в темный шкаф, где она лежала молча, проигрывая в уме эту элизебетховена и размышляя, чем же нам ответить.

Видимо, придумала.

Вчера из темного шкафчика снова зазвучала эта очаровательная мелодия. Мы кинулись к шкафчику, извлекли кружку, поставили на темный полированный стол. Ни фига! Она замолчала, но через минуту снова завела свою песню. И все наши попытки остановить эту взбесившуюся кружку были напрасны.

Вечером моя младшая дочь Настя расфигачила эту кружку, оторвала донце и обнаружила под ним две мелкие железяки. Они-то и пели.

Вот она лежит на столе, раскуроченная, не поет.

А потому что не надо петь, когда не просят.

Судьба книги
25 января, 2003

На днях нашел в «Геликоне» рядом с прессом старую книжку. В. Попов «Нас ждут». Ленинград, «Детская литература», 1984 г. В книге детские повести моего приятеля Валеры Попова. Оформление художника Ф. Волосенкова.

Но книга примечательна не этим. На ней 4 дарственных надписи.

Первая, очевидно, была сделана художником Ф. Волосенковым. Она гласит: «Прекрасному автору, который гениальный писатель и очень разбирается в искусстве живописи и других искусствах. С признательностью, Ф. Волосенков. 3 июля 1984 г.» Сделана надпись на обороте авантитула.

Однако Валера, по всей видимости, не мог ответить взаимностью художнику, поэтому на обороте форзаца мы видим: «Дорогой Миша! Ты оформлял мою первую книжку. Без тебя, как сам видишь, дело плохо! Надеюсь пересечься в следующем пятидесятилетии! С любовью, Валера Попов».

Стрелками, указывающими на довольно аляповатые форзацы, В. Попов обозначил, где именно «дело плохо».

Но неизвестный Миша (подозреваю, что это был художник Михаил Беломлинский, ныне живущий в Нью-Йорке) почему-то не воспользовался даром. На обороте титула мы видим следующее: «Марку Фомичу Анусину с благодарностью за его критические труды, с надеждой…» На этом надпись обрывается, подписи нет, но почерк Попова.

Анусин мне совершенно неизвестен.

Но и ему книжка не досталась, потому что уже на авантитуле красными чернилами написано следующее: «Аннулирую все предыдущие посвящения ради симпатичнейшего Левы Боровикова и его очаровательной жене Светлане (так в тексте). В. Попов».

Даты нет, но было это наверняка до марта 1987 года, потому что именно тогда Светлана, жена нашего общего приятеля Левы, умерла от рака.

После чего книжка, так и не попав ни к одному адресату, почему-то осела у меня и вдруг обнаружилась через 15 лет в «Геликоне», где томятся остатки моих прошлых семейных библиотек, не вписавшиеся в нынешнее жилище.

Принес ее домой, поставил на полку. Она заслужила.

Мои пять копеек в копилку консерваторам и либералам
26 января

Я тут недавно выяснял – консерватор ли я? Выяснил, что нет. Думаю, что если бы спросил в такой же форме про либерала, получилось бы то же самое. Хотя с меньшим счетом.

Вопрос самоидентификации продолжает меня волновать, потому как хочется все же выяснить – в каком я лагере? Я же учил математику и знаю, что если A = B, а B = C, то это автоматически означает, что A = C.

А тут, понимаешь, я считал, что я в одном лагере с Быковым, а с Ольшанским – не в одном. Оказалось же, что Быков с Ольшанским в одном лагере, и я автоматически, как говорилось, попадаю в лагерь к Мите. Прямо за его колючую проволоку, к эсэсовцам. Или лагерь все же поделен на зоны, объяснил бы кто.

Опять же Холмогоров и Крылов – куда их девать, в какой лагерь? Про Крылова ничего сказать не могу, а Холмогоров такой весь положительный из себя, его кредо русского националиста мне определенно по душе.

Не говоря о многих других моих френдах и просто знакомых – бывших и настоящих.

Я никогда не классифицировал их по партиям, так же как и по национальностям. Иными словами, поговорка «скажи мне кто твой друг» вряд ли ко мне применима. Поэтому мне легче считать, что мои френды попросту забавляются, навешивая себе и другим ярлычки: консерватор, либерал, фашист, националист и проч.

Но нужно в таком случае выбрать ярлычок и для себя. Иначе неудобно получается.

Стал я думать. В те годы, когда происходило мое самоопределение, то есть достаточно давно, слово «консерватор» употреблялось почти исключительно для обозначения членов консервативной партии Британии, символом которой был сэр Уинстон Черчилль, регулярно изображаемый в журнале «Крокодил» в виде бульдога или мопса в черном котелке. Никакой симпатии он к себе не вызывал, поэтому слово «консерватор» осталось для меня окрашенным в черные цвета. Слова «либерал» не было вообще, я стал его встречать много позже в статьях Ленина, когда приходилось их читать в вузе. Тоже редиской оказались эти либералы! И мне поэтому не хочется быть либералом. Слизняки какие-то прекраснодушные, тьфу.

Настоящим антонимом консерватору в моем детстве было одно только слово – лейборист. То есть член лейбористской партии той же Британии. Слово это окрашивалось тоже не так чтобы в радужные цвета, но в общем вполне терпимо. Может быть, потому, что у них не было своего мопса, своего Черчилля. Или же слово labour (труд) спасало. Ведь, как известно, труд в СССР был «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Поэтому я решил, что мне в данных условиях лучше всего объявить себя лейбористом, тем более что работать я люблю, в общем, да и поработал в жизни немало.

Итак, прошу запомнить:

Я – ЛЕЙБОРИСТ!

Свои и чужие деньги
26 января

Социальное и имущественное неравенство – штука весьма опасная как общественно-политически, так и психологически. Я помню, как остро переживал свою принадлежность к «избранным» кругам в школе, особенно в начальной. Как же – папа генерал, персональная машина, квартира из трех комнат в новом доме в Москве! (Многие мои одноклассники жили в бараках, точно описанных В. С. Высоцким: «на 38 комнаток всего одна уборная»). Мне было стыдно, я старался скрыть перед одноклассниками – кто мой отец.

К счастью, никаких привилегий я лично от этого не имел. Школа была обычная, одевали меня, как всех, машиной отца я не пользовался, такое в голову не могло прийти. Помню еще стыдное: родительский комитет, в который входила и моя мама, часто собирал среди имущих родителей поношенные вещи – ботинки, штаны, куртки, – чтобы отдать их в семьи бедняков.

Потом, уже во взрослой жизни, я был вполне средне обеспеченным ИТР, потом литератором. Мой достаток, быт, одежда не слишком сильно отличались от быта и вещей профессоров. Пожалуй, элиту составляли лишь высшие партийные чиновники. Но я с ними знаком не был. Именно в тот период жизни я, пожалуй, не испытывал социального и имущественного дискомфорта.

Зато сейчас я познаю́ его с другой стороны – со стороны не совсем обеспеченного человека, при том что я далеко не последний на имущественной шкале. И дискомфорт этот связан отнюдь не с тем, что у меня чего-то не хватает, а у других есть. Я не завистлив. Он связан с моим представлением о СВОИХ и ЧУЖИХ деньгах.

Слишком многие мои сограждане пользуются ЧУЖИМИ деньгами.

Тут все очень просто: деньги, заработанные твоими способностями, умением, талантом, образованием, трудом – сколько бы их ни было, – я считаю СВОИМИ. Полученные в результате воровства, обхода законов, всяческого мошенничества, игры в карты или на бирже, иждивенчества (на шее родителей, мужа, жены) и проч. – я считаю ЧУЖИМИ.

Я почему-то думаю, что Билл Гейтс живет на СВОИ деньги, а наши олигархи в большинстве своем – на ЧУЖИЕ.

Всякий человек, занимающийся предпринимательством,

несомненно, имеет в своем кармане долю ЧУЖИХ денег. Там извернулся, немного надул государство, немного заказчика. Я себя не исключаю, дело в относительных долях своих и чужих денег. Чисты служащие (если они не берут взяток), разного рода специалисты, живущие на зарплату, а вот с артистами и музыкантами уже не так просто. Где-то там тоже крутятся ЧУЖИЕ деньги, но искать их замучаешься.

И коллизия в том, что человек, живущий на СВОИ деньги, не может не досадовать, когда видит, как можно жить на ЧУЖИХ деньгах. Не завидует, но досадует. А потом и протестует, если порядки в государстве таковы, что ЧУЖИЕ деньги становятся бешеными. Это значит, у тебя отнимают ТВОИ деньги. Это значит, что честным трудом нельзя заработать, нужно «вертеться».

Село Людиново
31 января

Сегодня по первому каналу ОРТ вдруг – репортаж из села Людинова Брянской области. В программе «Время».

Я был потрясен.

Оказывается, там раскопали мамонта и сделали из него музей. Им предлагали продать клыки, они очень ценные, – не продают. Смахивают метелочкой пыль с каменных костей.

Но потрясен я был совсем не этим.

Название этого села в Брянской области я знаю с детства. Никогда там не был, никогда даже не знал толком, где оно находится. А знаю его потому, что в паспорте моей матушки, в графе «Место рождения» было написано: «с. Людиново Брянской области».

Она там родилась.

Ну да. Если бы там родился отец, там бы нашли не мамонта, а папонта.

Это просто мистика какая-то.

Еще одно памятное место 31 января

Вчера написал про село Людиново, где родилась моя мать, и чуть позже вспомнил, что буквально за несколько дней до того тоже по ТВ показывали поселок Безенчук в Самарской (бывш. Куйбышевской) области. Причем по криминальному поводу. Оказывается, там не занимаются раскопками мамонтов, а совсем наоборот: выдают фальшивые паспорта «лицам кавказской национальности». Начальник местной милиции выдал больше тысячи паспортов с оформленным российским гражданством. Сейчас расследуют.

Но опять же потрясло меня совсем не это, а возникновение из небытия безвестного Безенчука, которого все знают только как гробовых дел мастера в «Двенадцати стульях», а в качестве поселка не знают. А между тем он знаменит тем, что именно там мы с матушкой жили в эвакуации с 1941 по 1945 год. Там же родился мой младший брат Сергей в марте 1944 г. (следствие короткой побывки отца дома летом 1943 года, когда он прилетел в Безенчук с американской тушенкой (вкус до сих пор помню) с Северного флота, где командовал полком бомбардировщиков и торпедоносцев. Если кто видел фильм Арановича «Торпедоносцы», так он как раз о морских летчиках Северного флота).

Оказывается, все есть – и село Людиново, и поселок Безенчук. На радость мамонтам и лицам кавказской национальности.

Прадед
31 января

Вдруг после Людинова и Безенчука (с Людиновым не так просто оказалось, это все же город, как выяснилось в Яндексе) полез искать еще корней там же. И тут же нашел прадеда Николая Житинского среди выпускников СПБГУ за 1857 г. Звали его Николай Федорович, и был он нотариусом в г. Симферополе до самой смерти в 1913 году.

Вот только не понял, что такое «камеральный разряд». Может быть. юристы подскажут?

Новости бизнеса
31 января

* * *

Двенадцатый год прогораем. Это стаж.

* * *

Издатель, не продающий изданных книг, подобен курице, не высиживающей свои яйца. Но яйца всё же съедают, тогда как книги томятся на складе. Они загромоздили «Геликон», на них смотрят с отвращением, переступают через пачки, отшвыривают ногами…

Их не любят.

Доколе?

* * *

Как продать интересную книгу?

Кто должен это делать?

Как продать неинтересную книгу? Плохую, дурацкую книгу, которая все же издана на средства автора.

Авторы звонят из дальнего зарубежья. «Мой книги нет в Книжной лавке и Доме книги! Вы обещали!»

Нету их там, да. Их туда не берут категорически.

Но не берут и других, более достойных.

* * *

Лучше писать книги, чем издавать их.

Потому что пишешь свое, а издаешь чужое.

* * *

Божоле хоть и кислятина, а язык развязывает.

Читая Гете
8 февраля

То бишь Быкова про Наталью [Медведеву] и Эдуарда [Лимонова].

Хорошо пишет Быков, веришь ему, что вот как это было красиво и из этого родилось Прекрасное.

А на самом деле, боюсь, было довольно страшно, грязно, в бреду и похмелье. И не дай Бог кому такой жизни.

«А остается от всего этого великая русская литература – единственное, ради чего стоит жить».

И тоже не уверен; по-моему, лучше жить для себя, своих близких да и не очень, ради самой жизни, простой и временами скучной, но тоже исполненной смысла и предназначения никак не меньше, чем жизнь Солдата и Бляди.

Жизнь выше литературы,
хотя скучнее стократ.
Все наши фиоритуры
не стоят наших затрат.
Умение строить куры,
искусство уличных драк —
Все выше литературы.
Я правда думаю так.

© *Д. Быков*

Подагра
11 февраля

Подагра – это такая литературная болезнь.

С детства помнится: «Старого графа мучала подагра». «Почтенный джентльмен страдал от подагры». Как правило, эти старики жили в Англии или, на худой конец, во Франции. И мучались там в своих родовых замках.

Что такое подагра, я так и не удосужился узнать. Где она бывает и насколько мучительна.

И вот за последний месяц уже второй раз! Распухает сустав большого пальца в ступне, на ногу не наступить, проходит дня два-три – и подагра уходит, снова можно ходить. Отчего, почему возникает обострение – неизвестно. Но очень достает.

По-научному это, кажется, называется полиартрит. Но подагра, несомненно, роскошнее.

Сорри, конечно. Это я к тому, чтобы молодая жизнь не казалась карамелькой:)

Переиздание рок-дилетанта 11 февраля

«Амфора» предложила мне подготовить к переизданию книгу «Путешествие рок-дилетанта», изданную стотысячным тиражом 13 лет назад.

Однако, это не будет простым переизданием, а по существу планируется новая книга, точнее, даже 3 книги, поскольку материал в одну не уместится.

Это будут «Записки рок-дилетанта» – книга, написанная «от первого лица» рок-дилетанта с его суждениями, рассказами о знакомствах, фестивалях, тусовках и проч.

«Беседы рок-дилетанта» будут содержать документальный материал: интервью, справки о группах того времени, часто забытых, воспоминания рокеров, их письма и проч. Многое там не опубликовано, в частности, очень откровенное интервью Сашки Титова, данное мне после возвращения из Америки в 1989 году, когда в личной жизни Тита и Боба произошли значительные изменения. Причем оба героя дали мне разрешение на эту публикацию.

«Похождения рок-дилетанта» – это книга о забавных приключениях рок-дилетанта, написанная уже как бы со стороны, где РД фигурирует в качестве героя. Она, видимо, будет довольно ироничной. Пример – глава о совместных гастролях с Макаревичем в Смоленске.

Все три составляющих в «Путешествии РД» имелись, теперь их надо грамотно разделить. Механически не получится никак, придется кое-что дописывать и переписывать. А времени на это нету, текучка заедает.

Но тем не менее я надеюсь.

В ближайшее время планирую написать мемуар из «Похождений», посвященный женитьбе РД, под условным названием «Свадьба с БГ».

Лжеюзер mancunian оставил в комментах письмо, на которое мне хочется ответить здесь.

> *…Я вот не вполне уверен, что «Рок-дилетант» будет сейчас интересен «широким массам». То есть хорошо, что не «Желтые страницы Интернета», конечно, но всё же…:)*
>
> *Не подумайте чего, Александр Николаевич, я люблю Ваши книги; живя в Англии, я держу некоторые из них в моей библиотеке и иногда перечитываю их. Проблема*

лишь в том, что все они суть переиздания Ваших старых вещей… Да, «Потерянный дом» во многом остается одним из лучших романов конца XX века (я не льщу!), хотя и он слишком уж привязан к той жизни и с каждым годом всё больше и больше уходит в историю. То же можно сказать и о «Лестнице», и уж тем более о цикле про Петю Верлухина. Going, going, gone…

Я не льщу себя надеждой, что сегодня РД будет так же интересен читателям, как 15 лет назад. Изменилось время, изменился русский рок, изменился и я. Конечно, тираж в 100 000 сейчас просто невозможен. Но с точки зрения истории, тем любителям рока, которые не могли по возрасту видеть героев восьмидесятых, книга может быть полезна.

А вещи художественные… Они стареют неизбежно, тем более со сменой формаций. Но кое-что и остается, бывает. Весь вопрос в том, есть ли в романе что-то помимо злободневности и сиюминутности. Если есть, то и рыцарский роман может быть современным.

Те, кто сейчас в популяре (Пелевин, Сорокин, Лукьяненко) пишут отстраненные вещи, к жизни не имеющие особого отношения. Ну разве что Вяч. Рыбаков, но он совсем уж грустный… Можно поспорить, что они просто на слуху, а вот есть писатель, о котором никто не слышал, и вот он… Но это не аргумент. Вас в советское и перестроечное время читали запоем, и именно потому, что Вы писали о том, что вызывало узнавание у многих… это была литература «про жизнь». Не советско-кондовая и не антисоветско-кондовая же, а… ну просто настоящая. Пусть даже с элементами фантастики.

Вот эту литературу, которая стремится увести читателя от жизни пускай и в сторону философских проблем, проблем бытия, в мистику, в религию – я не умею писать и не люблю читать. Почему не осилил и Толкина, и Павич мимо, и многие новомодные. Я не хочу сказать, что они хуже, они просто не для меня. И тягаться с ними мне ну никак не нужно и не можно.

Есть у меня подозрение, что времена литературы «про жизнь» стремительно возвращаются. Сколько можно, в самом деле, кормить читателя интеллектуальными построениями, пусть даже изощренными.

Я не говорю о том, что кондовый реализм победит. Вот возьмите близкий пример – Горчева. Несколько лет назад, когда мы с ним еще не были лично знакомы, я, читая его сказки, как-то

спросил: а не хочет ли он чего-нибудь написать более близкое к действительности? Вот как там в Казахстане народ живет, например…

Горчев лишь ухмыльнулся виртуально.

А вот смотрите, приехал в Питер и стал писать про жизнь. Но манеру свою сохранил. У него подражатели появились. Но их сразу видно. Они-то думают, что Горчев выдумывает всякую х… ню, как он сам выражается. А он ее проживает. Большая разница.

Потому и популярен, что не от ума, а от жизни.

Ну, это мне так кажется, а на самом деле не знаю как.

> *…И вот в 90-х Вы по сути ушли из литературы. Стали издателем, ментором, энтузиастом Интернета… Почему?! Прекрасно, что Ваши книги переиздаются, замечательно, что Вы поддерживаете молодых авторов, но… Читает ли Вас молодежь?*

Это лучше у молодежи спросить. Очень ограниченно, по-моему. Мои вещи перестали быть современными, а до классики не добрались, хотя «Лестница» и «Потерянный дом» имеют какие-то шансы. Впрочем, я не очень обманываюсь, шансы скромные.

> *Знаете, здесь популярна кампания по найму учителей. Ее девиз: those who can – teach! Нет никакого сомнения, это и про Вас.*
>
> *В послесловии к сборнику «Дитя эпохи» Вы пишете, что да, у нас была великая эпоха, и эта книга – нечто вроде набора свидетельских показаний. Была, несомненно, а теперь какая? Ну, невеликая, наверное… но всё же какая-то есть, не может так быть, чтобы никакой не было. Или я что-то упускаю?*
>
> *…Извините за пространность.*

Нет, наоборот, спасибо.

Эта новая жизнь требует новых перьев, новых писателей. Меня она озадачивает, я часто ее не понимаю, я не ощущаю себя способным сказать о ней что-то важное.

Юмор тоже не канает. Шутить не очень хочется.

Бороться я не умею.

Издавать других, иногда открывать новые имена, обращать на них внимание – это мне нравится, этому я научился. Последнее время есть поползновение что-то выразить на письме не только в Сети. Но я не совсем уверен, что поезд уже не ушел окончательно.

Чуни
15 февраля

Сегодня впервые за неделю выполз из дома. Поскольку суставы распухли, на ноги смог натянуть только чуни, недавно подаренные Сашей. Это такие сильно усеченные валенки, или войлочные башмаки. На голове черная спортивная вязаная шапочка-бандитка.

Короче, был необычайно хорош собой.

Отвез моих девушек на *петербурговедение*, в сам устремился в ДЛТ, где оттянулся по самое не могу, хромая и двигаясь больше боком.

Сначала я угостился у симпатичной девушки Neste шоколадкой и выяснил, что если я накуплю шоколада Neste на 70 руб., то могу участвовать в лотерее призов. Призы были такие: красная фирменная кепка, красная фирменная футболка, записная книжечка и «валентинка» – складная такая открыточка в виде сердечек.

Я, конечно, купил шоколада на 150 руб. и вытянул сразу два билетика, один из которых принес мне валентинку, а другой – записную книжицу для Насти.

Моя жена Кроша называет меня идеальной целевой аудиторией для рекламы. Я ей верю и часто поддаюсь. И Кроше, и рекламе.

Очень довольный собою, выпил натурального морковного соку, куда, как выяснилось, надо влить наперсток сливок, ибо сок без жиров не усваивается. А потом уж купил сразу 2 альбома «Ночных снайперов», памятуя, что они разошлись, а подаренные мне девочками диски украдены из бардачка машины вместе с магнитолой.

Потом выяснилось, что я ошибся и диски не украдены. За покупку дубликатов имел легкий нагоняй.

Потом я купил *крема́* для жены (так называет их моя теща, не жена) и шесть очаровательных разноцветных папок с резинками – для хранения в них распечаток и корректур.

Короче, это был незабываемый *шопинг* в чунях, и все смотрели на меня с уважением и надеждой как на истинного патриота.

Видел вора
17 февраля

Проснувшись рано, подошел к окну в кухне и увидел, как во дворе быстро перебегает от машины к машине человек с фонариком. Светит внутрь машины и бежит к следующей.

Воровато бежит. Первый раз я увидел, как бегают воровато.

Как бы все время оглядываясь, хотя он и не оглядывался.

Побежал вглубь двора.

Я задумался.

Ведь наверняка именно он спер у меня из машины магнитолу две недели назад.

Выскакивать в трусах ловить его?

Более чем смешно.

Чувствуя, что делаю что-то не то, набрал 02. Описал ситуацию. Девушка бодро приняла заказ, спросила адрес и фамилию.

– Приедем, – пообещала она.

Подойдя к окну, увидел, как вор ускользает в противоположные от окна ворота двора, на пустырь в сторону улицы Чапыгина.

Походка у него была незабываемая.

Он и не бежал, и не шел, а двигался стелющимися такими перебежками.

БГ у Диброва
21 февраля

Хохотали с Ленкой, как зарезанные.

Боречка и Димочка изображали кукушку и петуха под аккомпанемент новых песен, которые были похожи на все прошлые песни Гребенщикова.

Старую собаку не научишь новым фокусам.

Собственно, я не упрекаю Боба за то, что в 50 лет он уже не может идти дальше. Не можешь – пой старые песни, они прекрасны, но не надо имитировать «движение в сторону весны». Его нет даже в сторону осени. Потуги на современность смешны, упоминание USB с двусмысленным намеком «у нас один и тот же разъем» не делает песню современной. Ну да, «папа и мама», это мы давно знаем.

Обидно мне почти всегда, когда слушаю нынешнего БГ. Потом приходится ставить старые диски и «стирать» новые впечатления прекрасными воспоминаниями.

Впрочем, блюз в стиле Чижа был неплох. Но «человек из Кемерова» просто ужасен.

Так что же бг?
22 февраля

Как всегда бывает, быстрый эмоциональный отклик неточен и однобок. Вчерашнее впечатление от встречи БГ и Диброва вызвало самые противоречивые отклики френдов. Сегодня пытался разобраться – что же осталось от прежнего отношения к Боре?

Иногда мне доводится встречаться с женщинами, которых когда-то любил. Которые были молоды и прекрасны. Но вот прошло тридцать-сорок лет, и они сильно изменились. Про себя я не говорю, это понятно.

И вот одни из них выглядят и ведут себя так, что за их нынешними еще не старушечьими, но уже близко к тому, чертами угадываются и молодость, и красота. Они ведут себя сообразно своему возрасту. И выглядят так же.

А другие стараются удержать молодость, они все еще кокетничают, хотя выглядит это уже не так мило, как сорок лет назад, они как бы уверены, что на них смотрят все теми же влюбленными глазами. И возникает досада с примесью жалости.

Я слишком хорошо относился к БГ, чтобы сейчас закрывать глаза на его кокетство и попытки реанимировать молодость. Никто не отрицает его огромного таланта. Но есть еще искренность, с которой нынче проблемы.

Недавно встретил Бурлаку.

– Слушай, – говорит он. – Я с Бобом тут разговаривал. Он как человек говорил! Давно такого не было.

Это воспринимается с удивлением. Значит, пробивает моего старого друга иногда.

Но чаще – закрыт и зашторен, и весь его змеиный изощреннейший ум (я не часто встречал столь умных людей) направлен на то, чтобы создать оболочку того, чего уже практически нет.

А ведь оно было. И это было так прекрасно, как и не рассказать. Кто не видел и не слышал их в 1986–87 годах, тот вряд ли уже и поймет.

(А разговоры, что, мол, Боб идет в перпендикулярном направлении – вот это и есть уловки изощренного ума.)

Новости культуры
24 февраля

Звонил Быков. Поздравлял с праздником.
– А меня-то почему? – спросил я.
– А «Стансы офицера запаса»?! – закричал Быков.

СТАНСЫ ОФИЦЕРА ЗАПАСА
В расположении воинской части
Я, лейтенант, но лишь только отчасти,
Лежа на травке в цветущем лесу
Думал о том, как я душу спасу.

Летние сборы – такая морока!
Призванный для прохождения срока
И изученья секретных систем,
Я, признаюсь, занимался не тем.

Вас, мой читатель, спасали ракеты.
Я же в лесу, изводя сигареты,
В небо глядел, по которому плыл
Ангел в сиянье серебряных крыл.

Как и положено, Ангел на деле
Выглядел так же, как прочие цели,
Маленькой точкой, сверлящей экран, —
Той, за которой следил капитан.

Он был готов, коль сыграют тревогу,
Выстрелить даже по Господу Богу,
Если Всевышний – о Боже, прости! —
По индикатору будет ползти.

Он не шутя, с установленным рвеньем,
Занят был вашим, читатель, спасеньем.
Он защищал вас, в то время, как я
Думал о смысле его бытия.

Каждый из нас исполнял свое дело,
Обороняя кто душу, кто тело,
И, в небесах наблюдая полет,
Видел кто Ангела, кто – самолет.

Написано на военных сборах под Питером в июне 1972 г.

Фоносемантика
8 марта

Накнулся на сайт фоносемантического анализа.

Проанализировал название фирмы: ГЕЛИКОН.

Получилось:

маленькое, низменное, безопасное, яркое, горячее, быстрое, короткое.

Похоже на секс в тамбуре электрички.

Моя сестра
13 марта,

Моя сестра Наталья Николаевна, на 8 лет младше меня, вернулась из Лондона, где она провела полгода в гостях у своей дочери Элико и ее английского мужа Стива с редкой фамилией Смит. Вела хозяйство и присматривала за своими английскими внуками Джеймсом и Джерардом. Им типа 10–11 старшему и 8–9 младшему, если я не ошибаюсь.

Общается она с ними по-русски, они ее понимают.

Эти мои внучатые племянники имеют достаточно впечатляющий набор кровей. К нашим семейным русско-польско-греческим примешались грузинская и английская.

Возможно, есть и еще, я плохо знаю родословную Стива Смита.

Он массивный кудрявый брюнет, почти как Быков. Работает во Франкфурте, на weekend приезжает домой в пригород Лондона, где у них собственный дом, купленный в какую-то безумно длительную рассрочку.

Джеймс и Джерард

Стив – деспо́т в семье. Он неплохо знает русский, когда-то

жил в России и занимался здесь каким-то бизнесом, тогда и познакомился с Элико.

Он входит в кухню, мгновенно оценивая обстановку, проводит пальцем по какой-нибудь поверхности, придирчиво смотрит на палец. Наташка наша – чистюля, но она его боится, вдруг где-то обнаружится пыль.

Стив и Элико

В один из ее приездов (а ездит она туда каждую зиму) у них произошел какой-то конфликт на бытовой почве. То ли Наташка неосторожно съела какой-то йогурт Стива, то ли что еще. Они поругались, а утром, открыв холодильник, Наташка обнаружила протянутую поперек камеры заграждающую ленту, на которой крупными буквами по-русски было написано:

ЗДЕСЬ ВСЁ, БЛЯДЬ, МОЁ!

То есть язык он знает сносно, как видите. Ну, Наташка тоже за словом в карман не лезет. Кто читал мой роман «Потерянный дом», тот, возможно, помнит сестру Демилле Любашу с ее выводком интернациональных детей. Это моя сестра, хотя дочь у нее всего одна.

Когда-то Наташка была студенткой Первого меда, была красавицей и познакомилась с аспирантом из Тбилиси Ираклием Пагава, который писал диссертацию в Институте гриппа. Они поженились, и вскоре Наташка родила дочь Элико.

Наташка

Ираклий Пагава, по слухам, сейчас типа министр здравоохранения Грузии или что-то в этом роде. Он очень гордился своим княжеским происхождением, как водится, за что однажды на семейном сборище, еще когда был жив отец, получил от меня по морде. Совершенно неожиданно для меня, я сам не успел понять, как вдруг съездил его по физиономии, после того как он достал меня своим княжеским бахвальством за обедом.

А вообще вполне нормальный тип. Наташка с ним давным-давно развелась.

Стив возник как арендатор комнаты в квартире Наташки, доставшейся ей от родителей. Это был ее единственный капитал и приработок, она получала нищенскую зарплату врача в

медсанчасти какого-то закрытого института и сдавала одну из комнат квартиры студентам и другим приезжим с пансионом через какую-то организацию, ведающую приемом иностранцев.

Стив был одним из них, познакомился с Элико, ну и… Короче, моя племянница уже больше 10 лет живет в Лондоне, работает, прекрасно говорит по-английски и проч.

Я все собираюсь у них погостить, но пока не получилось.

Сестра появилась у меня сегодня, стала по старой привычке лечить (в прямом значении слова), что-то готовить и хозяйничать на кухне, пока жена была на работе, пообсуждали наши проблемы, и стало как-то по-старому, когда живы были родители и наша семья была сплоченнее, регулярно собиралась за общим столом и центром семьи была наша матушка Антонина Илларионовна.

Ее гены в этом смысле передались сестре и еще моей старшей дочери.

И это правильно было и даже по-хорошему консервативно, без всяких империй и глобальных интересов России – просто семья как незыблемая основа государства.

Александр Матвеевич Шарымов (1936–2003)
21 марта

Сегодня хоронили Александра Матвеевича Шарымова, моего старого друга, с которым я знаком приблизительно с 1966 года.

Он окончил филфак, отделение журналистики (тогда отдельного факультета журналистики еще не было), его однокашниками были такие известные впоследствии люди, как чемпион мира по шахматам Борис Спасский и поэт Лев Лосев. Когда мы познакомились, он работал на Ленинградском радио и вел передачу «Пестрая шкала», во многом предвосхитившую современные форматы радиопередач. Он обладал совершенно уникальным голосом, который я могу сравнить по глубине, тембру и наличию обертонов лишь с голосом певца Леонарда Коэна – густой красивый баритон, благодаря которому Шарымова часто приглашали озвучивать дикторские тексты к научно-популярным и документальным фильмам.

Читал он тексты и к фильмам, снятым по моим сценариям.

С самого возникновения журнала «Аврора» Шарымов работает в нем ответственным секретарем и тянет на своих плечах журнал при самых разных главных редакторах.

Человек, энциклопедически образованный, историк и поэт, он был из того круга «незнаменитой» петербургской интеллигенции, который тем не менее оставил и оставляет наследие не менее значимое для культуры, чем творения прославленных мастеров, если брать достаточно широкую историческую перспективу.

Таков был поэт, прозаик, художник и архитектор Геннадий Алексеев (1932–1988), таким останется и Александр Шарымов. Его единственная книга стихов вышла за 2 года до его смерти незначительным тиражом (друзья настояли), называется она «Стихи и комментарии», и в ней можно найти и лирические стихотворения, и поэтический дневник, и переводы из Байрона, Эдгара По, Блейка, и блестящий перевод англоязычной поэмы Набокова «Бледный огонь» (по свидетельству специалистов – лучший из имеющихся). Его огромный труд по истории Приневья допетровской поры еще ждет своего издателя.

Жаль, что вы не были с ним знакомы. Это был замечательный, редкий человек.

Я надеюсь, что мне удастся создать его страницу в Сети и выложить туда главные труды его жизни.

Времени нет
25 марта

Мне интересно, насколько я сам националист, насколько интернационалист, насколько русофил или русофоб, юдофил или антисемит – и что это такое.

Мне интересно, что такое «народ». У меня накопилось несколько крамольных мыслей относительно этой священной коровы – «народа». И я их попытаюсь изложить, раз уж начал.

Возможно, это один из главных вопросов. И те, кто читал все тот же роман «Потерянный дом», знают, что там это одна из главных тем – национальная. Она проявилась уже в выборе героя, его имени, фамилии и происхождения.

Мне кажется, что это стихотворение, написанное мною Бог знает когда, имеет отношение к разговорам последних дней. Оно также показывает, вне зависимости от его достоинств и недостатков, что и в 24 года меня занимали эти проблемы.

НАРЕКАЦИ
По белому свету шатался
Один пожилой армянин.
Он грамоты где-то набрался
И жил совершенно один.

Жены не имел он и дочки,
Жилья не имел и стола,
Лишь книга на желтых листочках
При нем постоянно была.

Читал он старинную книгу
В гостиничном чахлом дыму,
И гор обнаженные сдвиги
В душе рисовались ему.

Потом он вставал на колени,
Вздыхая от старости лет,
И Бога просил избавленья
От внешних и внутренних бед.

В конце прибавлял он привычно,
Одними губами шепча:
«Пошли землякам горемычным

Покой от огня и меча».

И вновь у подножия храма
В какой-то сторонке глухой
Твердил он в молитве упрямо:
«Пошли горемычным покой».

Он умер, а книга осталась.
Ее под рубахой нашли.
Она армянину досталась,
Не знавшему отчей земли.

И слово родное по буквам
С трудом разобрал армянин,
И горло наполнилось звуком
Гортанных высот и низин.

Тем словом старинным согретый,
Он бросил свой угол и стол
И с книгой по белому свету
Искать свое счастье пошел.

1965

Профессиональные мученики
4 апреля

Вообще-то они хорошие люди, но уж больно мрачные.

Допустим, у вас случилась какая-нибудь маленькая радость жизни. Влюбились вы, дочь родилась, диплом защитили… Да мало ли. Душа поет и играет на фоне, как водится, свинцовых мерзостей жизни.

Но тут появляется Мученик, сводит брови и говорит:

– Разруха, бля.

Или:

– Чечня.

Или:

– Либеральный террор.

И возразить-то нечего, потому что разруха, Чечня и либеральный террор. А ты со своими маленькими и сугубо эгоистическими радостями – просто мелкий подлец и негодяй, плюнувший в душу народу. Отщепенец и хорошо если не жыд.

Потому что Народ Страдает, видите ли.

И зубы вечно у них стиснуты, и взгляд горит, и пепел бьется в сердце.

Народ, между прочим, клал на них с прибором. Народ-то как раз веселится. Но они подходят и говорят:

– Пир во время чумы.

И уже не хочется не то что пира, а даже по сто грамм на посошок.

Жаль мне их, если честно. Они сами кузнецы собственного несчастья.

Еще о советских фильмах
21 апреля

Хочу немного уточнить мою мысль о «вечности» советских фильмов.

То, что они пробуждают воспоминания у людей поживших, что на них воспитаны поколения, – это очевидно, и это для меня не главное.

Главное вот что.

Через 30, 40, 50 лет не останется практически никого, кто жил при советской власти. Даже в несознательном возрасте. Между тем эпоха в 70 лет никуда не денется из истории. О ней как-то будут говорить, как-то себе представлять…

По каким источникам?

Я не про историков говорю – про обычных людей.

Они будут учить в школе, что советский период истории России – это то-то и то-то. В зависимости от будущей власти в учебнике будут более или менее жесткие слова. Но ведь представление об эпохе создается не учебниками, а литературой и кино.

Мы представляем XIX век по сочинениям наших классиков – Толстого, Достоевского, Гоголя и других помельче. Одни были реалистами, другие критическими реалистами, потому быт России того времени предстает перед нами чаще всего в некоем критическом освещении – вплоть до «свинцовых мерзостей жизни».

Тогда не было кино.

Но советский период истории России люди будут знать по кино. Именно таким, как в фильмах Александрова, и будет вставать перед ними социализм.

Социализм ведь очень привлекательная идея, она гораздо приятнее капитализма. В книгах Солженицына и др. сохранятся свидетельства о лагерях и зверствах. Но позитивное всегда побеждает. Потому фильмы Александрова необходимо победят «Архипелаг Гулаг» – и в глазах будущих поколений предстанет героическая, романтическая и веселая эпоха, когда деньги, богатство, карьера ничего не значили, а все решали коллективизм, идея, преданность ей и проч.

К тому времени победивший в России капитализм окончательно заебет русскую душу, стремящуюся к идеалу. И эта душа спросит: «А на хера вы стерли с лица земли такой замечательный строй, где всем было весело и дружно

маршировать с прекрасными песнями по Красной площади?»

Уже спрашивает. Уже родившиеся в восьмидесятых спрашивают. Те, которые не хотят тупо идти в менеджеры среднего звена и получать свою штуку баксов.

И это серьезно. Потому как история развивается по спирали, Гегеля никто не отменял.

Именно это я и имел в виду, а не собственную ностальгию.

Наши дети и внуки будут смотреть эти фильмы иными глазами. И боюсь, эти глаза будут восторженными.

Боюсь, действительно. Потому как вторая сторона медали стушуется. И желаю этого все равно, потому что все равно без идеи нам жить нельзя.

Дурак с интеллектом
4 мая

Давно было замечено, что «интеллектуальные», образованные дураки – самые смешные из многочисленного отряда дураков. Видимо, догадываясь слегка о своей глупости, они всю жизнь ограждают ее частоколом дипломов, званий, учебных заведений и просто разнообразных сведений, которые они впихивают в себя, как тряпки в сундук, «шоб було».

При случае – а такие случаи у дурака каждый день – эти тряпки интеллекта вытаскиваются и демонстрируются миру. Беда в том, что вытаскивается, как правило, совсем не то. И если разговор идет про Фому, то дурак цитирует сведения о Ереме, а обсуждение проблем бузины в огороде влечет за собою рассказ о киевском дядьке. При этом весьма забавно смотреть, как дурак жестом фокусника вытягивает свой «интеллектуальный» аргумент, победно оглядывает собравшихся: «Ну что, съели? – и, сделав паузу, грустно констатирует: – Дебилы…»

Ибо признание оппонентов дебилами и есть главная цель дискуссии для дурака «с интеллектом». Ни в коем случае не истина, не убеждение оппонента, а публичное объявление его дебилом, потому что он не знает, что такое бином Ньютона, а смеет рассуждать о погоде.

Не спорьте с дураками, дебилы…

Футбольные новости
10 мая

Футболисты «Зенита» приняли решение проиграть следующий календарный матч со счетом

30:0

и посвятить этот результат юбилею города.

Еще проблема
12 мая

Проблема в том, что все люди разные. А хотелось бы, чтобы они были одинаковые. Причем такие, как мы.

Хотя бы в пределах ЖЖ.

В самом деле, как было бы славно, если бы все были такие, как я. Или такие, как Лукас. Или даже такие, как Горчев. Хотя тут я, кажется, переборщил.

Несколько тысяч Горчевых в одном ЖЖ – это, пожалуй, многовато.

Пускай всё же все будут такие, как я. И в Ленте значительная экономия – один френд, знакомый до слез. Ты ему: «А?» – он тебе: «Бэ!» И так далее по алфавиту, ни разу не ошибется.

А то сейчас скажешь, допустим, «А», тут же вынырнет в комментах какой-нибудь хмырь и ехидно так, свысока, скривившись, губы трубочкой: «Ююю!»

А что ему ответить?

Но чтобы все были такие, как я, необходима большая работа меня, убеждение, пропаганда, иногда насилие и подкуп. Правительство на это денег не дает, хотя правительству прямая выгода – я законопослушен, в меру пофигист, аполитичен, не выпендриваюсь, если надо, могу даже пойти на демонстрацию. И главное, не только правительство, но и сами френды не совсем понимают выгоды превращения себя в меня.

Хотя они очевидны.

Я их даже приводить не буду, настолько это ясно даже женщинам, живущим в далеких странах без мужа, детей и родителей.

Потому что свободомыслие, которое мы все здесь развели, более недопустимо и бредущий к власти Ольшанский наверняка уменьшит его разнообразие с помощью подручных средств, если мы не поймем этого сами.

Швеция на горизонте
15 мая

Вчера подали документы на шведские визы: Лена, Горчев и я.

23 мая на острове Готланд в городе Висбю будет торжественно отпразднована 10-я годовщина открытия Балтийского центра писателей и переводчиков. Его создание явилось следствием знаменитого круиза «Волны Балтики», в котором принимали участие более 300 писателей из всех балтийских стран. Тогда в течение 17 дней на теплоходе «Константин Симонов» мы обошли все море, задерживаясь в пунктах остановки на 1–2 дня.

В начале марта 1992 года на приеме у губернатора острова была подана идея создания такого Центра, а через год мы его уже открывали. Это что-то типа Дома творчества для писателей стран Балтики.

Поскольку я был одним из организаторов этого круиза и директором его на борту теплохода, меня и пригласили с женой в составе питерской делегации (там еще Валерий Попов как новый председатель и Илья Фоняков как и.о. председателя до него). Под обещание сваять панно на тему круиза удалось получить приглашение на Горчева. Сейчас он этот плакат ваяет размерами 1×2 м.

Ожидается присутствие шведских короля и королевы. Так, по крайней мере, обещал мой друг Петер Курман, тогдашний президент Шведского союза писателей и организатор круиза с шведской стороны. (Слева внизу карты два лого – Арс Балтика, международная организация, которая спонсировала круиз, отвалив 150 тысяч долларов, и Балтийский Путь (Baltic Way) – акционерное общество, занимавшееся фрахтом теплохода, его я создал тогда и возглавил.:-)

Мы на Готланде!
24 мая

Не забуду выражения лица капитана пограничной службы, когда он читал аннотацию Фрая к книжке Горчева «Сволочи». Книжка была выдана для дополнительной идентификации автора, потому что голубой казахстанский паспорт Горчева, принявший форму его жопы от долгого ношения в заднем кармане брюк, имел к тому же вполне оторванную фотку. Погранцам это не нравилось.

– Мда, – сказал капитан, прочитав аннотацию. – От мании величия не умрете.

И унес паспорт подполковнику.

А в аннотации, напомню, написано, что Горчев – самый Лучший на Земле Человек, что, конечно, является чудовищным преувеличением.

Через десять минут Горчев был вызван к подполковнику. Меня не пустили. Еще через полчаса Горчев вышел, сжимая в руках паспорт. Штамп был поставлен. Горчева выпустили.

Его спрашивали обо всем, включая, что он пишет. Между прочим, питерская милиция тоже всегда этим интересуется.

Финские погранцы оказались неоригинальны. Они тоже отвели Горчева в специально обустроенное помещение и держали там минут двадцать, снимая копии со всех его документов, включая членский билет Союза писателей. Собственно, других и не было, водительских прав у Горчева нет.

Наконец и здесь впустили.

На радостях в магазине Дьюти фри были куплены 3 коробки пива «Лапин Культа» по 24 баночки в коробке, которые уже кончаются, ибо пиво перемещается из баночек в унитаз сквозь Горчева практически непрерывной струей.

А дальше гонка на машине до Хельсинки, паром «Силья Лайн», Стокгольм, еще один корабль – и в 21 час мы здесь практически с корабля на бал – на банкет, где присутствовало человек 200 из всех стран региона. Нашими соседями за столом оказались литовцы, которые во время перекуров ностальгически вспоминали с тем же Горчевым службу в «русской», как они ее называли, армии.

Приятная неожиданность – русифицированный комп в библиотеке и прекрасное поведение автомашинки «Вольво», за которое ей большое человеческое спасибо.

VIP (Александр Сокуров)
1 июня

В связи со вчерашним показом по ТВ «Русского ковчега», кусочек которого я застал, вернувшись из заграниц вечером, но досматривать все равно не стал, вспомнилась практически единственная встреча с моим двойным тезкой.

Она могла состояться значительно раньше – на студийном показе фильма «Скорбное бесчувствие», куда А. Н. сам меня пригласил, позвонив по телефону. Я пришел в просмотровый зальчик «Ленфильма», куда набилось человек 50–70, и посмотрел фильм, после чего незаметно скрылся, испытывая перед Сокуровым страшное неудобство, поскольку ничего восторженного и просто хорошего про фильм сказать не мог, а плохого не хотел.

После этого Сокуров больше меня на просмотры не приглашал.

Встреча же состоялась незапланированно. Однажды меня пригласили выступить перед читателями в ДК им. Ленсовета. Это было обычным в те времена, я выступал не реже одного раза в неделю, пока вообще не отказался, поскольку эти встречи уже не несли чего-то нового, а работе мешали.

В тот раз я пришел в ДК, явился к устроителям и только там узнал, что выступающих на самом деле будет двое – Сокуров и я. Это был такой сюрприз устроителей – для меня и Сокурова. Они почему-то посчитали, что так будет оригинальнее.

И совершенно не ошиблись.

Зал был полон (не тот, большой, конечно, а где-то на третьем этаже, мест на 200), нас с тезкой разместили на сцене за небольшим столиком, и мы начали общение с народом. Поначалу каждый рассказал о себе, а потом мы отвечали на вопросы. Их задавали то Сокурову, то мне, в то время рейтинги нашей питерской популярности не очень отличались.

И тут выяснилось, что невозможно установить общую атмосферу встречи, когда выступают два таких разных человека. Я обычно, выступая перед читателями, все же пытаюсь их немного развеселить. Иногда это даже получается. Но Сокуров был предельно серьезен, я бы сказал даже – мрачно-серьезен, поэтому мои шуточки выглядели чрезвычайно неуместно, будто вдруг клоуна выпустили на сцену в шекспировской трагедии. Я это сам почувствовал, и мне стало как-то жутко неудобно. Но рассказывать о своих книгах в сокуровском ключе чрезвычайной

серьезности и всечеловеческого трагизма я просто не умею. Да и не выдерживают они испытания трагизмом.

Поэтому я мучался, а Сокуров, по-моему, нет. Он был углублен в себя.

И только когда в последней записке кто-то из слушателей задал вопрос: «А не хотели бы вы поработать вместе как сценарист и режиссер?» – я от души рассмеялся, представив себе эту картину. А. Н. и тут остался серьезен и сказал почему бы нет типа. Но это просто была дань вежливости.

Потом показали два документальных фильма Сокурова, которые мне понравились больше «Скорбного бесчуствия», а уже после вечера мы прошлись с ним по Каменноостровскому проспекту, нам было по пути, и, помнится, поговорили вполне по-человечески. Во всяком случае, маска трагика сошла с сокуровского лица, и он предстал более живым и простым.

Больше мы с ним не встречались. Фильмы его я совершенно не понимаю.

Кровожадное
4 июня

Лишние эпитеты (а эпитеты почти всегда – лишние) надо не просто выбрасывать, а скручивать жгутиком и ввинчивать в жопу эпитетолюба на манер иголочки с зубчиками, что вводят в зубной канал для извлечения нерва, а потом тянуть, чтобы любитель изящного стиля ощутил всю полноту впечатления от перегруженного эпитетами текста.

LJ-party. В чужом пиру похмелье
9 июня

Короче, я туда пошел. Точнее, поехал с женой на машине, чтобы снять проблему с выпивкой.

Я подрулил к подворотне напротив Мариинского дворца. Рядом стояла толпа жж-юзеров. Знакомых лиц не было. На всякий случай я приветствовал их:

– Здравствуйте, товарищи!

– Здра-жла-тварищ-генерал! – бодро отвечали они, взяв под козырек.

Пока все развивалось нормально. Ветеран революции приехал в гости к пионэрам.

Старый генерал приветствует новобранцев.

Все модели годились.

На входе всех обыскивал милиционер. Это мне резко не понравилось. Будто мы в каком-то Израиле, понимаешь.

– Расстегните куртку! – грубо скомандовал он.

Был бы на мне пояс шахида, я бы взорвал, ей-богу. Мент ощупал меня миноискателем и пропустил. Жену заставили открыть сумочку. Наркотиков и презервативов не обнаружили.

Этажом выше мне скомандовали:

– Раздевайтесь!

А куртка у меня совсем не типа уличной, а типа пиджака. Я поэтому огрызнулся:

– Это пиджак! – и прошел вверх.

Спустили собак, лай, вой, сирены. Убежал.

На самом верхнем этаже, в коридоре, в полу два застекленных окна. Сквозь них видны люди, стоящие у подъезда клуба. То есть метрах в пятнадцати внизу. Стекло, вероятно, прочное, но проверять его прочность своим весом я не стал.

Клуб «Порт» оформлен деталями затонувших кораблей. Их достали со дна моря, вычистили, покрасили и сделали из них столы, стойки, перегородки и разную непонятную фигню. В барах продают только выпивку, пожрать нечего. Зал со сценой совершенно пуст, этакое полутемное постсоветское пространство, где вскоре стали колбаситься жж-юзеры.

Народу было больше, чем я мог предположить, а знакомых лиц – меньше. Встретился Мирза, с которым мы сразу выпили текилы, поскольку я был за рулем.

Вскоре народ просочился в зал, впрочем, не заполнив его и на четверть, на сцене возникла группа и…

Последний раз я такой звук слышал в рок-клубе на Рубинштейна двадцать лет назад. То есть очень громко и при этом – совершеннейшая каша. Ни одного слова не разобрать. Что к лучшему, если вдуматься.

Но этим были сразу и навсегда пресечены все попытки общения.

Конечно, можно было найти небольшое помещение за баром, уставленном железками. Там было чуть потише. Но все железки были прочно заняты, народ там выпивал уже серьезно и вдумчиво.

Я взял пива, поскольку был все за тем же рулем, и стоял с бокалом в руках посреди зала. Иногда ко мне подходил кто-нибудь, тыкал в меня пальцем и орал на ухо:

– Массолит?

– Ага! – орал я.

И мы, довольные друг другом, расставались.

Тут прибежала красотка Вейманн в кожаном платье и продала меня телевидению, которому я быстро и ловко дал интервью в отдаленном коридоре. Похоже, это становится моей профессией – давать интервью про ЖЖ.

Кое-как удалось переждать первые две чумовые группы. Деловито бегали туда-сюда обалденные девушки, обитательницы чужих френд-лент. Ни на одной не было написано ника, что мешало познакомиться. Я был в полном игноре. Тогда я поднял над головой плакат с номером своей аськи, который у меня похож на номер телефона – 319–21–68, – но никто так ко мне и не постучал.

И я пошел наверх, к жене, к Мирзе, к пиву…

Журналист Губин и его статья 14 июня

Губина я знаю давно, с тех пор, как он приехал в Питер из Иванова и действительно какой-то период ночевал в «Авроре» на диване в кабинете главного редактора. Поскольку в соседней комнате я раза три в неделю ваял свои «Записки рок-дилетанта», получал со всей страны кассеты и бобины, то немудрено, что мы были в курсе дел друг друга.

Потом он как-то вошел в нашу банную компанию, о которой я уже рассказывал, и был там самым младшим. Мы над ним частенько издевались, и не всегда безобидно, поскольку Димочка, как многие self-made-man'ы из провинции, как-то очень уж стремился в верхи, коллекционируя важные знакомства и связи, потом появились деньги, он всегда был в курсе валютных изменений, престижность его чрезвычайно волновала, и мы над этим иронизировали.

Он огрызался, но в общем это можно было счесть дружеской пикировкой.

Звали мы его Губини.

Где-то лет шесть-семь назад, когда я был неофитом Интернета, Губин, делавший в то время на радио какую-то передачу, пригласил меня в эфир, чтобы «поговорить об Интернете». Я согласился. Однако за день до передачи он позвонил и попросил меня подготовить ответ на один вопрос, который и задал.

Я спросил: а почему один?

– Ну я вам задам его, и вы быстро ответите. У вас всего десять секунд будет, – объяснил Губини.

То есть мне нужно было специально ехать в студию, чтобы в течение 10 секунд обеспечить Губини нужным ответом на вопрос.

Естественно, Губини был в грубой форме послан нахуй, после чего несколько лет мы не общались.

Последний раз видел его недавно на похоронах Александра Матвеевича Шарымова. Губини приехал из Москвы. Мы немного поговорили, о том эпизоде не вспоминали.

Как видите, я достаточно трезво отношусь к Губину.

И тем не менее его статья не раздражила меня, со многими вещами я согласен.

Губин – пижон, это часто мешает ему. Журналист он способный, писать умеет. Но вот ведь нужно ввернуть, что ему ничего не стоит отвезти теще сотню баксов за навоз. Он

вворачивает. Конечно, он эту свою тещу готов с этим навозом смешать, хотя и говорит, как он ее любит. И безумной любви ко всем старикам у него тоже нет, думаю.

И все же он во многом прав, да простят меня все обидевшиеся за стариков.

Ему не нужно бы противопоставлять МЫ и ОНИ. Всякое обобщение хромает. И МЫ не красавцы, и ОНИ не ангелы. Но возраст никогда не был тем главным признаком, который отделял злых от добрых, дураков от умных и богатых от бедных.

Он отделял только физически крепких от немощных. Да и то не всегда.

И тем не менее, есть такие «старики», о которых пишет Губин, мы с ними сталкиваемся каждый день. Они способны отравить жизнь любому, они лезут во все дыры, они полны злобы на все, они ходят по улицам и бормочут, бормочут свои проклятия, а собаки лают на них.

Наши «патриоты» набросились на Губина, мол, если бы у стариков все не отобрали, жили бы они счастливо и почти припеваючи. А вот я сомневаюсь.

Поэтому давайте оставим в стороне социальное и копнем их душу. И что увидим?

Не нашли они Бога ни в себе, ни в церкви. Некоторые спохватились и побежали в храм, да поздно. Ибо цель жизни, как мне кажется, – это примирение. Сначала с собой, потом с жизнью, а потом и со смертью. Примирение же это не рождается вдруг, его долго лелеешь.

Они непримиримы, как моджахеды. Их такими воспитывали. А сейчас возмездие наступило, как ни печально об этом говорить. Возмездие за то, что не думали, за то, что верили безоглядно, за то, что строили коммунизм вместо собственной души. Мне 62 года, меня это тоже задело, но, я верю, не слишком сильно, удалось или удается ускользнуть.

Не любили, не научились любить. И сейчас без любви – умирать скоро. Непорядок.

Не работать надо, а любить. А когда идти на пенсию – пустой вопрос. Будешь любить – найдешь работу.

Кстати, не обязательно только детей и внуков. Женщин тоже можно любить на старости лет. Есть примеры. Есть даже близкие примеры, но об этом я сейчас не буду. Жена мой ЖЖ читает.

Но возмездие наступает всегда. И возмездие для поколения Губина и социальной группы Губина – тоже наступит.

Я не пророк, предрекать не стану. Но может случиться тоже не очень красивая старость. Увы.

Хотя более богатая, наверное.

И призыв Губина – не станем ТАКИМИ – зряшный. Он ТАКИМ не станет. Он станет ДРУГИМ. Но тоже стариком. Тогда как стариком вовсе нет необходимости становиться.

Книжная выставка 14 июня

Ездили в Ледовый дворец на книжную выставку.

Настроение, конечно, испортилось. Причин несколько.

Во-первых, воочию убедился, что я как издатель деградирую. Мы почти всегда в этих выставках участвовали. Но в этом году потеряли время в связи с поездкой в Швецию, а самое главное – банально нет денег.

Во-вторых, понял, как отстаю со своими домашними играми в print-on-demand. Этот метод надо было развивать коммерчески, вкладывать деньги, которых опять же нет. А так – улучшенный вариант самиздата. Хотя книжки иногда выходят хорошие, авторов таких ни у кого нет… И так далее.

В-третьих, как раз об авторах, коих ни у кого нет. Их растаскивают, потому что мы, открыв их, выпустив первые книги, дальше не можем их печатать большими тиражами, мощности не хватает. Их подхватывает Фрай и составляет из них антологии, сегодня одну купили. «Инородные сказки». Еще раз сегодня убедился, что зря Горчев, Пронин и Букша вышли в серии «Из книг Фрая». Коммерческого успеха это так и не принесло. А осадок остался, как в том анекдоте. Впрочем, виноват сам.

В-четвертых, самое главное, книги, якобы изданные нами совместно с Амфорой (серия поэзии), на ярмарке не представлены вообще. На стенде Амфоры их нет. Обидно. И опять же – не сумел поймать директора Седова и договориться, хотя пытался несколько раз. А им самим это по барабану.

В-пятых, остатки моих книг прозы, издания 2000–2001 годов, уценили, они там продаются по смешной цене, уже старые типа. И даже то, что на моих глазах несколько было куплено, – не утешает. Хотя… Какая разница – сколько стоит твоя книга? Ни лучше, ни хуже она не станет. Зато неуцененная «Фигня» распродана.

Из покупок: по наводке Караулова купил Сигизмунда Кржижановского три тома. Стал листать, чтобы узнать, в чьем переводе, убедился, к своему стыду, что писатель русский. Не слышал никогда.

Видел книгу стоимостью в 7500 $. Это не опечатка. С роскошью издания может соперничать лишь его бесполезность. «Летопись Санкт-Петербурга». Формат 50×70 см, 360 стр. Вес 30 кг. Кожа. Мех. Бриллианты. Тираж 100 экз.

Поубывав бы.

Впрочем, книги стоимостью по 2500 баксов вполне хороши. Авторские работы художников. Тиражи по 25 экз. Хороши – не то слово. Искусство в чистом виде.

По радио зазывали на выступление писателя Головачева. С плакатов улыбались Маринина и Донцова. Маринина – «народный писатель», а Донцова – «самый ироничный писатель». Далее по Хармсу.

Короче, жизнь не удалась.

Сегодня мои пять копеек о евреях
21 июня

Интересно, есть ли рассказ о том, как жил да был один человек, красивый из себя и весь русский до последнего писка. И мама у него была русская, и папа, и дедушка с бабушкой, и родом он был из городка с таким русским именем, что хоть ставь его на стол вместо каравая, и читал он Пушкина и Есенина, и писал он статьи в газету «Послезавтра утром», и был видным теоретиком поднимающего голову, а то и все три, русского национализма.

И конечно, он не любил евреев, потому что за что ж их любить. Неприятные они. Но не любил не тем животным бытовым антисемитизмом, который давно осужден, а ненавидел чисто идейно как антитезу своей этнической незамутненной русскости. А заодно с евреями и полукровок всех мастей – от узбекоармян до франкомасонов.

Конечно, он проверил все церковные записи до двадцать второго колена, и по всем выходило, что в его роду русский на русском сидит и русским погоняет. И на этом основании он судил, что есть русское, а что нет, и выводил строгий завет чистоты расы.

Схоронил он отца, стал сам отцом этнически чистых детей и наставил их на путь истинно русского национализма. Пока не пришло время помирать его матушке. Призвала она его к своему одру и сказала:

– Сын мой. Не могу унести в могилу эту тайну. Отец твой – не отец тебе.

– А кто же мой отец? – спросил он побелевшими губами.

– Был у нас в городке Моня-провизор. Любила я его. Вот он отец тебе.

– Ты обманываешь меня! – вскричал он. – Я похож на отца!

– Таки зачем мне врать? – сказала его старая умирающая русская мать. – А на кого похож – у Бога спроси.

И умерла.

Так вот, я спрашиваю, такой рассказ написан?

Упрямство
21 июня

А природа стоит на своем. Мне даже начинает нравиться ее упрямство. Раньше-то ветреной такой была, а сейчас завидное постоянство: холодно и дождь.

Я ее начинаю уважать как личность.

Капитуляция
30 июня

Я никогда не был знаком с Владимиром Ильичом Лениным.

В школе я читал очерк Горького о нем, поэму Маяковского и что-то еще. Из всего этого материала я вынес убеждение, что Ленин был блестящий полемист, увлеченный своей революцией человек. И везде – на партсъезде, в ресторане, в сортире – Владимир Ильич, завидев какого-нибудь знакомого, хватал его за пуговицу и кричал:

– А вот вы, батенька! Что вы думаете о теории Каутского?!

И начинал излагать свой взгляд прямо с колес.

Ни о чем другом, кроме Каутского, империализма, богачей и бедняков, власти, телеграфов и мостов, в первую голову Ильич рассуждать не хотел. Ни о зайчиках, ни о маринованных грибках, ни о барышнях, ни о, прости господи, правильном употреблении кондомов.

Мне даже симпатична была эта его привязанность, пламенность и склонность заебывать слушателя по самые бакенбарды.

Пока я, читавший свою ленту друзей как простой обыватель, не внес в свои френды Костю Крылова, после чего критическая масса, видимо, была превзойдена и теперь я капитулирую перед моим Коллективным Ильичем в лице великолепной тройки нападающих Крылов – Холмогоров – Ольшанский, признаю́ себя идейно обанкротившимся обывателем и шепчу, всхлипывая:

– Ну заебали вконец…

Я ничего не имею ни за, ни против высказываемых ими мыслей. Но ленинская настойчивость, с которой они внедряют в мой мозг различные убеждения, предметы и факты, которые там либо не помещаются, либо не нужны, приводит меня в сильнейшее уныние.

Я испытываю дискомфорт.

Я пью пиво, а власть обкрадывает народ. Я ухаживаю за барышней в аське, а эти суки хотят отобрать пенсии у всех стариков, а значит, и у меня лично! Я ведь пенсионер, бля.

И мне это, прости господи, совершенно похую.

Ибо я воспринимаю и власть, и государство, и даже ментов-оборотней фатально, как дождь и ветер.

Но Коллективного Ильича я не хочу воспринимать фатально. Поэтому я прошу разрешения отдохнуть от него, хотя бы на время.

Я сдаюсь. Я неспособен проникнуться глубиной идей. Меня не зажигает это пламя. Я постою в сторонке. Я люблю «Волгу-Волгу», вареные креветки и проехаться по автостраде с крейсерской скоростью. Со скоростью крейсера.

Ничего личного, друзья. Я вас люблю. Но слушать все это сил уже нет никаких.

Я никогда не приду к власти, чего и вам желаю.

Велосипедное
17 июля

Вчера, пока Настя в отъезде, завладел ее велосипедом и вместе с Леной совершил велосипедную прогулку по периметру Каменного острова.

Это подвиг, я вам скажу.

Я не садился в седло еще дольше, чем не брал в руки шашек.

Но мне понравилось. Надо бы купить байк, что ли.

Вернувшись домой, обнаружили, что я взял не совсем тот ключ от квартиры и домой мы никак не попадаем. Пришлось ехать на великах к моей сестре и там снаряжать экспедицию на машине в Петергоф к теще за дубликатом ключа.

Вся операция заняла 4 часа.

Но даже это не испортило впечатления.

У байка 21 скорость, я не умею управляться ни с одной. Что-то там переключал, сам не понимая что. Ручные тормоза непривычны. Прохожих пугал криками: «Поберегись!» – за неимением звонка, как носильщик на Московском вокзале.

Холидэй
28 июля

Никогда не было такой неопределенности в отпускных планах, как в этот раз.

Во-первых, полные непонятки с количеством денег, которые позволительно истратить на 2 недели отпуска. То есть понятно, что много не будет. Но насколько мало? Неясно.

Во-вторых, пункты и маршрут путешествия весьма приблизительны.

Главным пунктом является Лондон. Наконец мы решили туда поехать навестить мою родную племянницу, которая там замужем за англичанином Стивом Смитом, как я уже однажды упоминал. И имеет двоих пацанов – Джеймса и Джеральда, которые, кстати, сейчас приехали на ежегодную побывку в Россию. А проводят они один месяц летом в деревне Липское в районе Бологого, где у моей сестры (их бабушки) деревенский дом.

Кстати, в восторге от этих поездок.

Вчера прилетели (сами, им лет 9 и 11 примерно), привезли нам приглашение. Приглашение на листке бумаги, никакого официального бланка. Рукой Стива написано, кого и зачем он приглашает в гости. С этим и пойду в консульство.

Если все срастется, то числа 7–8 мы попадем в Лондон, где проведем неделю. А вот дальше – сплошные непонятки. Мы мечтаем перебраться оттуда в Европу типа Бельгии, взять там машину напрокат и поехать себе обратно в Стокгольм через Амстердам и Копенгаген, останавливаясь по пути, где понравится, в кемпингах или же у знакомых. А то прилетим в Бельгию, а там никого не знаем, кроме Тиля Уленшпигеля и его друга Ламме (кстати, в Брюгге очень хотим тоже).

Мемуары пикапера
29 июля

Уяснив, что такое «пикапер», я понял, что тоже имею сказать на эту тему.

Давным-давно, году этак в 1979-м, когда мой первый брак дал трещину, я поехал зимой на Дачу журналистов в Репино; я тогда как-то больше жил по домам творчества. Что-то писал, пил изрядно, изредка бывал дома, но там росло отчуждение, вопрос был уже решен, поэтому я стал подумывать о том, что же делать дальше.

Холостой жизни я себе не представлял. Непонятно даже почему.

Дело было зимой, в конце января.

Однажды ко мне приехали приятели – режиссеры научно-популярного и документального кино. Я тогда часто писал сценарии, зарабатывая этим деньги. Заранее была заказана сауна в гостинице «Репинская», и мы вчетвером отправились туда. А после, как водится, устроились в баре.

К концу второй бутылки мы стали с интересом озираться по сторонам и увидели, что неподалеку за столиком пьют шампанское четыре очаровательные девушки. Совпадение численности навело на нетривиальную мысль познакомиться с ними. Но как?

– Смотрите, как это делается! – сказал я и смело отправился к девушкам с бокалом вина.

В тот момент я был пикапером, хотя еще не знал об этом.

Короче говоря, через 5 минут компании объединились. Девушки оказались студентками, проводящими свои каникулы в пансионате «Дюны», что в нескольких километрах от Репина. Естественно, мы пригласили девушек в ресторан наверху, и они пошли.

Там мы пили водку и танцевали, причем я большей частью танцевал с девушкой по имени Марина, которая мне чрезвычайно понравилась. Я решил, что это судьба, мою прежнюю жену тоже звали Марина, режиссеры профессионально оценивали кадр и говорили, что мы «хорошо смотримся». И правда, танцевать с нею было легко, а это кое-что значит.

Конец вечера был несколько смазан, когда вдруг выяснилось, что у нас нет достаточного количества денег, чтобы расплатиться, так что мне пришлось бежать по морозу домой и нести недостающую сумму. Но это не омрачило. Приятели поспешили

на электричку, а девушки – на автобус. Я тоже поехал с ними. Они честно предупреждали, что обратного автобуса уже не будет, час ночи, а ночевать к ним меня не пустят. (Спасибо им, они говорили «не пустят», как бы сваливая всю вину на администрацию, а они типа не против.) Я же был увлечен Мариной, выпито было достаточно, и мне было наплевать.

В «Дюнах» после долгой и безнадежной перепалки с охраной я был вынужден распроститься с Мариной, но телефон она мне оставила. И я пошел в Репино по ночной промерзшей дороге, в полном одиночестве, под крупными звездами. И я пел во все горло «Выхожу один я на дорогу…».

Через неделю, приехав в город, я позвонил Марине и назначил ей свидание на выходе из метро «Маяковская». В двенадцать часов дня. Вечером мечтал. Я был настроен решительно и серьезно. Женюсь, какие могут быть разговоры!

Утром я проснулся, побрился, приоделся и поехал на свидание. По дороге купил цветы.

Я стоял у эскалатора пятнадцать минут, полчаса, час. Марины не было. Я смотрел на свои часы. Не может быть, чтобы она не пришла! Я все же что-то понимаю в женщинах! Я был абсолютно уверен.

И вдруг меня как стукнуло. Я спросил у кого-то: который час? Человек взглянул на часы и сказал: без четверти три. На моих же часах был час с небольшим. Я опоздал на встречу больше чем на полтора часа, потому что мои часы выкинули совершенно непонятный фокус. Они, вероятно, постояли ночью полтора часа, а потом снова пошли. И я им поверил.

Конечно, я бросился к телефону, конечно, я что-то лопотал про часы… Но кто поверит в такую чушь?

Голос Марины был холоден. Она ждала меня полчаса, потом ушла.

Больше мы не встретились.

Господь Бог не хотел этого брака, как видно. И я ему поверил.

Вести из Лондона
9 августа

В Лондоне тропическая жара.

И еще англичане отвратительно говорят по-английски. Я их совсем не понимаю. Ни слова.

А пиво в пабе хорошее, и уже удалось прогуляться по Вестминстерскому мосту в толпе индусов и японцев.

Капризы визы
14 августа

Приехали в Брюгге!

Все-таки мы это сделали, идиоты.

Но победа оказалась пирровой.

Поезд прекрасен – 20 минут под Ла-Маншем, еще полчаса – и мы в Брюсселе.

И тут начинаются неприятности.

АВИС говорит, что заказан не автомат (я-то удивился, что дешево), а автоматов нет. Садиться за ручную трансмиссию без навыка да в незнакомом городе – увольте. Побежали в другие фирмы – о счастье! – в фирме National нашелся VW Golf. Берем его, платим в 1,5 раза дороже и… Это был последний подвиг нашей кредитной карты, хотя по моим расчетам там еще должны были оставаться деньги.

Но надо думать о том, как попадем домой. На поезде безумие, на самолете – нет таких денег, идем на автобус. Жутко неудобный рейс, но выхода нет. Берем на 22 августа в 14.30 из Брюсселя через Гамбург – Копенгаген в Стокгольм.

Ехать ровно сутки, потом оттуда на Silja Line в Хельсинки, а там должна нас ждать наша машина. Попытка заплатить за автобус ВИЗОЙ кончается провалом. Прибор говорит, что денег на карте нет. Отдаем практически весь cash и налегке уезжаем в Брюгге – примерно 100 км.

Машинка прелесть!

Приезжаем в Брюгге, 1 час ищем заказанную еще в Лондоне гостиницу. Находим. Роскошь неописуемая, люстры в номере, 4 звезды, но в кармане пусто. А болтаться нам здесь еще неделю.

Звоним друзьям: SOS! И друзья обещают срочно прислать деньги через Western Union.

Игорь Можейко
6 сентября

Как-то трудно поверить, что его нет, потому что еще в июле мы встретились в Доме ветеранов кино в Матвеевском, Игорь был, как всегда, бодр, весел и вполне с виду здоров. Встретились за завтраком и договорились еще «пересечься», у меня был день в запасе. И конечно, не пересеклись.

Теперь уже здесь не пересечемся.

Кир Булычев с моими дочерьми Олей и Настей и внуками Митей и Любой

Мы познакомились в 1992 году, когда Булычев принял участие в том знаменитом писательском круизе по волнам Балтики. Приглашен он был стараниями нашего общего друга Андрея Гаврилова, переводчика многих зарубежных фильмов, ныне музыкального издателя. И там, на борту, мы вполне подружились, он был человеком необыкновенной притягательности, с ним было легко и весело.

Потом иногда виделись в Репинском Доме творчества кинематографистов. Никаких особенных историй, фраз, тем разговоров в голове не сохранилось, но общая аура этого человека, его редкая доброжелательность останутся навсегда. Как и его книги, где эти качества видны всем и каждому.

У меня есть самая, наверное, редкая книга Булычева,

подаренная мне автором.

Это вполне самиздатовская книжка тиражом 500 экз., в которой собраны шуточные стишки Игоря и смешные фразочки. Книга обильно иллюстрирована. Выходных данных нет, так что я не знаю – чьи рисунки. Может быть, самого Игоря? Тогда он был очень неплохим графиком.

Выложить бы ее в Сеть, там есть прелестные вещи.

Когда десять дней назад уезжал из Москвы, Андрей Гаврилов спросил, знаю ли я, что Игорь в больнице? Я, конечно, не знал. Но и мысли не было, что этот человек может не справиться с болезнью.

Мир его праху. Прощай.

Миша Панин
8 сентября

Еще одна смерть.

Сегодня умер Михаил Михайлович Панин, мой друг, с которым когда-то ходили в ЛИТО «Звезды», вместе начинали. Умер внезапно, инфаркт, сегодня мне позвонили. Всего на год старше меня.

Последнее время встречались мы нечасто и все больше на похоронах, как год назад, когда хоронили нашего общего товарища Михаила Михайловича Чулаки, полного Мишиного тезку. Миша много лет заведовал отделом прозы журнала «Звезда», сочинений друг друга мы давно не читали – и зачем? Дело не в сочинениях, а в людях.

А с Мишкой выпито много водки и спето много песен. Мы всегда пели вдвоем, у нас были коронные номера, собутыльники и друзья роняли слезу.

Да и мы сами роняли слезу.

Миша Панин стал прототипом героя одного их моих рассказов. Собственно, это быль, там ничего не придумано.

Называется он «Японский бог!».

Я попытался выложить его в ЖЖ, но не получилось. Тогда я положил его на сервер. Посвящаю его памяти Миши.

Он был очень хороший мужик. Настоящий. И в шутку называл меня «кацапом», потому что родился и вырос на Украине. И мы пели «попереду Сагайдачный» на украинском. Мы дружили тридцать лет.

Прощай, Мишка.

Стихи
10 сентября

Ладно. По просьбе публики читаю свои.

* * *

Я с радостью стал бы героем,
Сжимая в руке копьецо.
Светилось бы там, перед строем,
Мое волевое лицо.
Раскат офицерской команды
Ловлю я во сне наугад,
Пока воспаленные гланды,
Как яблоки, в горле горят.

Я стал бы героем сражений
И умер бы в черной броне,
Когда бы иных поражений
Награда не выпала мне,
Когда бы настойчивый шепот
Уверенно мне не шептал,
Что тихий душевный мой опыт
Важней, чем сгоревший металл.

Дороже крупица печали,
Соленый кристаллик вины.
А сколько бы там ни кричали —
Лишь верные звуки слышны.
Ведь правда не в том, чтобы с криком
Вести к потрясенью основ,
А только в сомненье великом
По поводу собственных слов.

Молчи, наблюдатель Вселенной,
Астро́ном доверчивых душ!
Для совести обыкновенной
Не грянет торжественный туш.
Она в отдалении встанет
И мокрое спрячет лицо.
Пускай там герои буянят,
Сжимая в руке копьецо!

1974

* * *

На Васильевском острове ночь коротка.
Над Васильевским островом спят облака,
Повторяя его очертанья,
Прикрывая ночное свиданье.

В темных скверниках липы наклонно торчат,
И какие-то типы в подъездах молчат.
Сигаретки горят со значеньем,
Приглашая к ночным приключеньям.

На Васильевском острове глуше шаги.
Синий ангел слетает с трамвайной дуги
И лицо твое искрой крылатой
Вырывает из тьмы вороватой.

Сотня окон разинула черные рты
И глотает холодный настой пустоты,
Но не спрятаться нам, не согреться.
В этом городе некуда деться.

1976

ЛУННЫЕ СНЫ
1
Милая, вспомни луну!
Сонная пропасть Вселенной
Нам заморочила очи,
Держит нас в темном плену.

Милая, так хороши
Звезды, как дырочки в небе,
Чтобы подглядывать тайно
За состояньем души.

В окна мне бьется волна.
Ночь, точно Черное море,
Так же тепла и бездонна,
И солона, и полна

Негою. Грех небольшой
Сном колыбельным оплачен,

Или оплавлен луною,
Или оплакан душой.

2
Зыбкий лунатик, как дым,
Вьется на угольной крыше.
Он дирижер наших снов,
Мы их ресницами слышим.

Ночь перенаселена.
Кот, изогнувшись, как арфа,
Что-то мурлычет, а хвост
Держит скрипичным ключом.

Рифма сбежала к другим.
Я не ревную. Напротив.
От одиночества сладко
В комнате пахнет луной.

Легкий лунатик и кот,
Вытянувшись, улетают.
На шерстяных облаках
Рифмы печальные спят.

Господи! Как глубоки
Тайны твои и причины
Взгляда, кивка головы
И мановенья руки.

3
Автомобиль ночной, как жук,
Шершаво едет под балконом,
Согласно мировым законам
Вокруг распространяя звук.

Луна распространяет сны,
А я кладу их в бандероли,
Рассчитывая в этой роли
Пробыть до будущей весны.

Пускай тебе приснится скрипка,
Кота соседского улыбка,
Луна – и в профиль и анфас
Объединяющая нас.

Пускай тебе приснятся птички
Фотографов, зрачки зверей,
Все запятые и кавычки
Печальной повести моей,

Летающие обезьяны,
Бананы, лунная трава,
Изюм из булочки, туманы,
И талисманы, и слова,

Которые другим не снятся,
Пускай приснится астроном,
Экватор, ария паяца,
Бутылка с марочным вином.

Стихи без рифмы и размера,
Ромашки, Золушкин наряд,
Пиратский флаг, святая вера,
Змей-искуситель, рай и ад.

Пускай приснится наше утро,
Халатик, тени на лице,
Соседи, крест из перламутра,
Моя любовь и я в конце.

1971

Поздравление Горчеву 27 сентября

Ну что ж, пора поздравить Горчева с наступившим славным сорокалетием – возрастом расцвета духовных и физических сил.

Из этих 40 лет ровно одну десятую часть Горчев работает в одной комнате со мной. Кроме того, мы встречаемся и в других местах.

Это очень много.

Мы до сих пор не поссорились.

Это еще больше – и более чем странно, учитывая то, что мы не просто сослуживцы, а как бы шеф и его сотрудник.

Я поздравляю Горчева и желаю ему совершенства во всем.

А дальше – мой маленький подарок в виде еще более маленьких рассказов о русском народном герое Горчеве, которого все любят за талант, раздолбайство и нечеловеческую доброту.

ГОРЧЕВ И ВИНЧЕСТЕР

Горчев носит с собой винчестер и оперативную память 512 метров. Для тех, кто не знает, винчестер – это такая пластмассовая коробочка типа толстой книжки, а память – маленькие пластинки типа жвачки, но черные.

Главное, чтобы все трое сошлись в одном месте. То есть Горчев, винчестер и память. И тогда происходят чудеса: появляются тексты и картинки. Но такое бывает редко. Обычно винчестер в одном компьютере, память в другом, а Горчев пьет пиво. Или винчестер с памятью лежат в сумке, сумка лежит в уехавшей тачке, а Горчев опять-таки пьет пиво.

Или вдруг «винчестер посыпался». Винчестеры у Горчева относятся к разряду сыпучих продуктов. Но это особый случай.

Собственно, по всем этим причинам Горчев пишет мало, но зато хорошо.

ГОРЧЕВ И ПИВО

Нельзя сказать, что Горчев так уж сильно любит пиво. Да и пиво вряд ли без ума от Горчева.

Тем не менее их очень часто видят вместе. Они сидят и молчат. Молчит Горчев, глядя на пиво, молчит и пиво, понимая

молчание Горчева.

И видно, что им хорошо друг с другом.

ГОРЧЕВ И ДАМЫ

Дамы любят Горчева обычно без ума и без всякого на то основания. Ибо Горчев их мало замечает и считает совсем одинаковыми, как кнопки клавиатуры. Только одна на «К», а другая на «С». Понятное дело, что связать свою жизнь с одной из кнопок – это обречь себя на полную немоту. Горчев использует весь алфавит, и, надо сказать, алфавит беззаветно отображает мельчайшие движения души Горчева и тем самым тоже ненароком входит в историю.

ГОРЧЕВ И МОБИЛЬНИКИ

Горчев ненавидит мобильники. Увидев мобильник в чьих-то руках, он обычно делает очень нехорошее и неправильное лицо, хотя оно и так не подарок, и говорит скрипуче:

– Ой ну мобильников прямо дохуя развелось!

Тем не менее друзья иногда, чисто ради прикола, дарят Горчеву мобильники, а потом осторожно выясняют их судьбу.

Первый мобильник выпал из кармана Горчева, когда сам Горчев выпал в осадок в метро. Горчева нашли, а мобильник нет. Горчев поклялся, что следующий мобильник он запустит в лобовое стекло «мерседеса», ибо «мерседесы» Горчев ненавидит еще больше, чем мобильники.

Однако второй мобильник Горчев просто утопил в молоке, предусмотрительно положив на дно своей сумки пакет с молоком, сверху мобильник, а еще выше тот самый винчестер, чтобы было надежнее. Обнаружилось это через двое суток, когда молоко уже стало простоквашей, мобильник стал кисломолочным муляжом мобильника, а винчестер, как всегда, посыпался.

Третий мобильник Горчев прячет в холодильнике и не пользуется.

ГОРЧЕВ И ГРАЖДАНСТВО

Когда Горчева первый и единственный раз выпускали за границу, пограничники трех стран долго недоумевали – какого Горчев гражданства.

И Горчев честно отвечал: «Казахстан».

Однако никто не знал страны с таким странным названием, поэтому Горчева записали беженцем, кем он по сути и является во всех странах, где пребывает.

ГОРЧЕВ И РАБОТА

Горчев совершенно честно любил бы работу, если бы работа сидела в компьютере и не высовывалась. Но работа ведет себя нагло и то и дело требует Горчева.

Тогда Горчев приходит к ней, норовя сделать это попозже, когда работа уже потеряет всякую привлекательность и смысл.

И Горчев говорит:

– Видите, хуйня, а не работа.

И работа плачет по Горчеву, как девка на выданье, безответно влюбленная в заморского жениха.

ГОРЧЕВ И ХУЙ

Горчев не любит политику. Вернее, не знает о ее существовании. Точно так же он относится к экономике, философии и футболу. Вообще на свете есть очень мало вещей, которые интересуют Горчева.

По сути дела Горчева интересует только Хуй.

Но зато Хуй он знает так, как никто на свете, включая отдельные типы женщин.

ГОРЧЕВ И ПУШКИН

Горчев полагает, что Любовь – это большая Наебка. Никто никого не любит.

А Пушкин, которого все любят, разрушает эту концепцию.

Поэтому Горчев не любит Пушкина, чтобы не нарушать стройную картину мира, сложившуюся в его голове.

Однако Пушкин все же любит Горчева, хотя об этом мало кто догадывается.

Наблюдение
18 октября

Острое недовольство собой обычно дорого обходится окружающим.

Медаль
21 октября

Мне сегодня дали медаль!

Вчера позвонили, говорят: «Приходите к 4 в Администрацию Василеостровского района, там вам будут вручать медаль».

Я говорю: какую? (Не «за что?» – заметьте!)

«300 лет Санкт-Петербургу».

Ладно, говорю.

Сегодня утром в «Геликон» зашел писатель Дмитрий Каралис, в костюме, при галстуке. Пожурил меня, что я в своем желтом жилете с карманами и без галстука. Нельзя, говорит. Медаль все же. Посоветовал съездить домой и переодеться.

А я заработался и про медаль забыл. Вспомнил, когда уже было 16.10. Вскочил в машину, помчался. Никогда ж медалей не получал, это же событие!

Вбежал в зал, когда там уже награждали предпоследнего. Глава Администрации Василеостровского района награждал. Думал, уже не дадут, но всё же дали.

Наградили Андрея Кивинова, Каралиса, Никиту Филатова, поэтессу Валю Лелину, Сергея Арно. Тех писателей, кто живет или работает на Острове.

Стругацкого тоже, но он не пришел, конечно. Это за «Полдень», потому что БНС не живет на Острове, а там его журнал прописан. Да и мне за «Геликон», что ли. Я не понял.

Потом в соседнем зале дали по рюмочке коньяку с шампанским и фруктами.

И самое главное я узнал!

Эта медаль дает мне право как достигшему преклонного возраста 60 лет получить удостоверение Ветерана труда. Это странно – не был ветераном труда и вдруг стал с медалью. Но все равно, говорят, квартплату и свет – вдвое дешевле.

Это оч. ценно.

Нет, что ни говорите, а медаль – это хорошо. Буду надевать ее в «Пироги» и другие торжественные места, чтоб узнавали.

Чукчи и Челси (Сравнительный этнографический очерк)
13 ноября

Две малые народности – чукчи и челси, живущие на большом расстоянии друг от друга, – на первый взгляд выглядят совершенно непохожими. Несмотря на это, у них один Правитель, хотя формы правления различны. Чукчи живут на Дальнем Северо-Востоке, практически на берегу Берингова пролива, а челси обитают непосредственно в Туманном Альбионе, на берегу пролива Ла-Манш.

Челси были куплены Правителем оптом, тогда как чукчи Правителя выбирали. Злые языки утверждают, что чукчи все-таки тоже были куплены, но этот факт легко опровергается сравнением средней цены одного чукчи с ценой челси. Чукча стоит не больше бутылки «огненной воды», ритуального напитка чукчей, тогда как за одного челси Правитель выложил не менее полумиллиона фунтов.

Иными словами, все чукчи могли стоить не более одного вагона «огненной воды». Правитель не считает такие малобюджетные сделки покупкой.

На этом основании некоторые челси считают Правителя чукчей, тогда как чукчи, наоборот, уверены, что он челся. На самом деле ошибаются и те и другие. Он коренной москвич.

Как настоящий москвич он хранит деньги у челсей, они внушают ему больше доверия, чем чукчи и даже чем москвичи.

Челсей можно отличить от других народностей по номеру, который они носят на одежде спереди и сзади. У чукчей таких номеров нет, потому что чукчи не умеют считать. Они отличают друг друга по расцветке пимов, отороченных оленьим мехом. Обувь челсей называется бутсами.

Чукчи давно стали героями анекдотов, а челси еще нет. Однако благодаря новому Правителю у челсей есть такой шанс.

Народное развлечение челсей – пинание мяча бутсами на травяном газоне. Эта игра совершенно недоступна чукчам, поскольку у них нет травяных газонов, мячей и бутсов, но зато есть оленьи упряжки, на которых чукчи ездят в чум к своему Правителю, когда он к ним приезжает.

Однако чаще Правитель вынужден бывать в Москве, где он говорит от имени чукчей. Но больше любит бывать на газоне Уэмбли, где бегают по траве его подданные челси. Он хотел бы говорить и там, но там он всего лишь чукча.

Необходимость преодолевать астрономические расстояния от чума до травяного газона вызвала к жизни многочисленные предания и песни, сочиняемые чукчами и челсями. И там, и там часто встречается слова «Гоу! Гоу» – что по-чукотски означает «Страна северного сияния ждет тебя навсегда», а на языке челси это просто выражение добрых чувств.

К сожалению, чукчи и челси не подозревают о существовании друг друга. Некоторые из них не подозревают и о существовании Правителя, знать о нем не знают. И это печально, поскольку Правитель печется. То есть его допекают.

В конце концов, вероятно, Правителю придется выбирать между чукчами и челсями в смысле места проживания. Скорее всего, ему помогут сделать этот выбор. Такова историко-географическая конъюнктура. Неизвестно, кто больше обрадуется возможности ежедневно лицезреть его – чукчи или челси. Потому что, в сущности, это два добрых народа с давними демократическими традициями и им более пристала иная форма правления.

Чемодан фотографий
19 ноября

Вообще, я знал, что он у меня есть.

Но вот сегодня я его открыл.

Это целая жизнь – моя и семьи. Я буду потихоньку показывать вам эти старые фотографии, если вы не возражаете.

Вот как я выглядел в прыжке (личный рекорд 190 см) – еще до изобретения флопа (спиной над планкой).

К юбилею БГ
26 ноября

В ПОЛНЫЙ РОСТ

(Главы из ненаписанной книги о Борисе Гребенщикове по материалам бесед с его матерью Л. Х. Гребенщиковой)

Вступление

Всякий раз, когда я гляжу на БГ, у меня возникает чувство, что он не отсюда. Не из Питера, не из России, если угодно – не с Земли.

Неземной он.

Без всякого девичьего придыхания, мистических намеков и возвышенных слез. Это не оценка, а констатация. Просто – неземной. Факт биографии.

У него нет корней по определению, потому он их настойчиво ищет то в православии, то в ирландских напевах, то в непальских храмах. То вдруг начинает петь народнорусские песни, как бы вспомнив свое территориальное происхождение.

Жить без корней очень трудно, я ему не завидую. Поэтому можно рассматривать все дальнейшее как попытку создания земной легенды пришельцу. Примерно так, как это сделали около двух тысяч лет назад четверо литераторов по отношению к другому человеку неземного происхождения.

Только чуть ироничнее, Бога ради.

Я совсем не хочу вставлять кружок между буквами Б и Г.

Хотя именно так, если мне не изменяет память, было написано мелом на стене в подъезде по улице Софьи Перовской, дом 5 (ныне Малая Конюшенная), когда герой жил там в мансарде:

«Боб – ты Бог!»

Предки

У БГ было два деда. Этот факт потрясает.

Один работал на военном заводе и умер в блокаду. Другой во время войны руководил прокладкой Дороги жизни, потом был

большим начальником, руководителем Балтфлота или как там называлась эта должность. В 1979 году в городе Ростоке спустили на воду большой грузовой корабль, на борту которого было написано: «Александр Гребенщиков». Это Борин дед. Не корабль, конечно, а Александр. Хотя в некотором смысле и корабль. Он и сейчас где-то плавает. И это тоже потрясающий факт.

Кстати, Борю хотели назвать Сашей в честь деда. Вся семья уговаривала Борину матушку назвать сына Александром. Но она уперлась. Она почему-то была уверена, что родила Бориса. Чисто мистическая, и следовательно, абсолютно правильная уверенность. Не знаю, как это объяснить, но я тоже уверен, что, если бы она поддалась на уговоры, мы бы сейчас имели двух Александров Гребенщиковых – один корабль, а другой математик при какой-нибудь кафедре.

Безусловно, человек тоже полезный. Но без БГ было бы скучно.

Тот факт, что отца БГ тоже звали Борисом, широко известен, но народное сознание вытесняет его из памяти. Именно потому, что двух Борисов Гребенщиковых быть не может. Отец, можно сказать, пожертвовал своим именем ради сына. Это на первый взгляд. На самом же деле именем отца пожертвовала мать.

Борис Александрович Гребенщиков после школы закончил курсы при Балтийском морском пароходстве и в должности капитана (в 18 лет) перегонял суда, полученные от союзников по так называемому ленд-лизу (почитайте учебник истории) в Ленинград. Затем окончил Высшее мореходное училище, аспирантуру при нем; надо полагать, защитил диссертацию и поступил работать в лабораторию ЦНИИМФ (Центральный научно-исследовательский институт морского флота), а потом на опытный завод Балтийского пароходства, где дошел до директора. Он работал там до самой смерти, которая наступила, когда БГ был на третьем курсе Университета.

Был он человеком, увлеченным своей работой и абсолютно лишенным честолюбия. Засыпая, мечтал о том, чтобы быстрее наступило утро и можно было идти на работу, где ждали приборы его конструкции. То есть так и говорил: «Быстрее бы утро! На работу хочется, там новые приборы!» Сейчас это кажется непонятным.

Кстати, человека, более увлеченного своей работой, чем БГ, тоже редко встретишь. Он работает по 18 часов в сутки. Иногда больше. И это не преувеличение.

Отцовское отношение к честолюбию ему не передалось. Оно от матушки, которой было маловато морального удовлетворения, получаемого Борисом Александровичем от своих приборов. Она

хотела общественного признания и продвижения по социальной лестнице. Она была уверена, что способности мужа легко доведут его до должности по крайней мере министра. Она любила победителей, по ее собственному признанию.

Но тут обычно мягкого Бориса Александровича было не сдвинуть. Когда дело касалось его призвания, он был непоколебим. Сын точно так же.

Эпизод, рассказанный матушкой Бори.

«Муж пришел домой и говорит, что встретил своего однокашника, который стал заместителем министра морского флота. И вижу: рассказывает с гордостью, что встретил этого Диму Зотова и тот к нему подошел, поздоровался, расспрашивал про семью… И тут я не выдержала.

– Это ты гордишься, что с тобой поздоровался Димка Зотов?! Ты, с твоим умом и талантом, этим гордишься?! Это ты должен был стать таким, чтобы Димка Зотов гордился, что ты с ним здороваешься!

Боря при этом разговоре присутствовал и много лет спустя признался, что это произвело на него огромное впечатление. И он подумал, что вот каким надо быть! Чтобы люди гордились, что ты с ними здороваешься!»

Кто знает, может быть, именно нереализованность мечты о блестящей карьере мужа заставила матушку наречь любимым именем Борис сына. Борис Гребенщиков должен был состояться как победитель. И он состоялся.

Из предков нельзя не упомянуть бабушку Екатерину Николаевну, женщину с крутым характером, которая занималась непосредственным, так сказать, черновым воспитанием БГ. Мы еще увидим, к каким серьезным конфликтам это воспитание приводило. «Каждая копеечка трудом достается!» – этот бабушкин афоризм Боря усвоил с пеленок и был однажды потрясен, когда матушка дала таксисту на 20 копеек больше, чем положено. Было ему тогда пять лет.

Впрочем, бабушка не лишена была артистизма и, бывало, танцевала перед внуком в соломенной шляпе с бубном в руках, когда Борю кормили с ложечки. Что она там танцевала – буги-вуги или рок-н-ролл, не знаю. Врать не буду. Все равно во все это плохо верится. БГ не могли кормить с ложечки.

По семейному преданию, первую гитару Бори бабушка принесла со свалки и она же показала ему первые аккорды. Семья была большая, достаточно обеспеченная и жила в дедовой (того, что корабль) квартире на улице Жуковского, где кроме Гребенщиковых-младших проживала и сестра Бориса Александровича с мужем и дочерью Танечкой.

Часто бывали гости, дом был хлебосольным, матушка Бори любила устраивать праздники, карнавалы и всякие, как бы сейчас выразились, перформансы и хеппенинги. Сохранилась фотография БГ в костюмчике Арлекина. Но матушке – отдельную главку.

БГ в БКЗ
27 ноября

Велик и могуч.

Как русский язык в представлении Тургенева.

Всякий раз, когда Боря в ударе, он меня покоряет. И звучание местами было потрясающее.

Потом было немного лажи. Вышла Валентина Ивановна и сказала официальную речь, в которой раза три употреблено было слово «мероприятие». Это слово надо запретить, а они его очень любят.

Публика свистела, шикала, хлопала. Все же надо понимать, перед кем говоришь. Это же не истеблишмент. Да и Боб мог, наверное, тактично отказаться от церемонии вручения ордена прямо на концерте. Позовите в Смольный, там вручайте.

Потом пошли с поздравлениями друзья: Макар, Чиж, Васильев (Сплин), Федоров (Текила Джазз), старые аквариумисты – Щиграков, Решетин, Сакмаров. Играли вместе. Пели песни Боба. (Васильев-Сплин очень неплохо спел «Аделаиду»). Тропилло сказал пару слов и показал трибьют песен Боба (27 групп – и это только половина).

Потом мы ушли. На Горчева тяжелое впечатление произвела церемония вручения ордена. А я, честно говоря, был на Борю несколько обижен, потому как одно дело – прийти послушать концерт, а другое – участвовать в юбилейном вечере с поздравлениями. Мне тоже было что ему сказать в этот день. Но это не сельский клуб, самостийно на сцену не полезешь.

ЛДМ
30 ноября

Вчерашний концерт «Крематория» в ЛДМ пробудил множество воспоминаний и ностальгических чувств.

Я давно не был в этом Дворце (Ленинградский дворец молодежи, кто не в курсе). Он уже вполне успешно коммерциализовался, в фойе концертного зала понаставили бильярдных столов (ну, правильно, не пропадать же месту!), все кругом отвратительно дискотечное и все равно официозно-вокзальное.

Вот не умеем мы создавать уют. Огни сияют, музыка гремит, а в душе пусто, как в барабане.

В восьмидесятые годы это была главная рок-н-ролльная площадка города. Не считая рок-клуба. Но там зал небольшой, и по существу рок-клубовские концерты были концертами «для своих», да и выступали там в основном свои команды, члены рок-клуба.

А в ЛДМ происходили концерты гостей и фестивали.

Здесь я впервые побывал весной 1983 года на заключительном концерте 1-го фестиваля рок-клуба, когда неожиданно выиграла «Мануфактура», вскоре распавшаяся, а «Аквариум» остался на 2-м месте. Тогда впервые я увидел БГ на сцене и довольно недоуменно размышлял, что же находит публика в этом манерном молодом человеке. Через год я уже сам находил там многое.

«Странные игры» запомнились более всего и более всех понравились. Еще с Сашей Давыдовым, который вскоре ушел в мир иной от передоза. И Жора Ордановский тоже там был. Кто из них открыл печальный список, я уже не помню. Ордановский исчез в январе 1984-го, насчет Саши затрудняюсь сказать. Примерно в то же время.

Кстати, не так давно просто посчитал ушедших от нас музыкантов, с которыми был знаком лично и которые уже давно там. Вспомню поименно.

Саша Давыдов.

Жора Ордановский («Россияне» – строго говоря, пропал без вести).

Саша Куссуль (первый скрипач «Аквариума», утонул).

Саша Башлачев.

Витя Цой.

Миша Науменко.

Сережа Курехин.

Дима Гнедышев (группа «Гоген» из Крыма).

Андрей Панов («Свин»).

Андрей «Дюша» Романов.

Вадим Покровский («Два самолета»).

Не знаю, всех ли вспомнил. Среди провинциалов наверняка больше. Может быть, и не знаю об этом.

В этом зале я впервые увидел и услышал Петю Мамонова, Гарика Сукачева с «Бригадой С», «Чайф», «Наутилус», «Калинов мост» и многих других. Притом тогда, когда о них знала лишь узкая тусовка. На первом концерте «Чайфа» в Питере была едва ли треть зала.

Здесь прошел фестиваль 87-го года, в котором первый и единственный раз участвовал Саша Башлачев, а первое место досталось ДДТ. Здесь же прошел Второй фестиваль «Авроры» в 1990 году, который не очень удался, прямо скажем, в отличие от предыдущего.

И конечно, незабываемая перестроечная атомосфера рок-концертов, когда из зала практически исчезли менты, публика совсем распоясалась и творила бог знает что.

Так вот, обстановка на концерте «Крематория» была один в один старая, рок-н-ролльная. То есть курили в зале, сидели на спинках стульев, тусовка прыгала у сцены. И «Крем» сумел создать соответствующий завод. Хоровое пение было слаженным, будто репетировали. Кстати, такого зрителя /слушателя в Питере, как у «Крематория», нет ни у одной команды. У Армена нет сумасшедших фанатов, как у «Алисы», например, или у того же БГ, с другим, правда, знаком, поэтому в публике много симпатичных умных лиц. Хотя при этом оттягиваются неслабо. И знают все слова наизусть. Что интересно – попадают в ноты.

Сделал несколько снимков.

Мы с Арменом после концерта. В этом имидже он играл вторую половину.

Возгласы
8 декабря

«Нас меньшинство!»
«Нас мало, нас, может быть, четверо!»:)

А вы что думали? Нет, мне интересно: всю жизнь выпендривались, из кожи вон лезли, чтобы отличаться от других, а теперь вам не нравится, что они отличаются от вас?

«Мы теперь будем жить в другой стране».

А мы все время живем в другой стране. Пора бы и привыкнуть.

«Россия одурела».

Дык столько лет за дуру держать – поневоле одуреешь.

«В этой стране жить нельзя».

Кому?

А вообще плетью обуха не перешибешь.
Дура дурой, но скажет, как отрежет.

К мемуару Гали Анни
9 декабря

Галя Анни поделилась любопытными воспоминаниями об «Ассе», и я вспомнил, что где-то у меня есть в архиве нечто на эту тему.

Как ни странно, нашел.

Это снимок, сделанный Валерием Плотниковым в его мастерской после питерской премьеры «Ассы» в Доме кино.

Год, наверное, 1988-й. Точно не помню.

Вот кого знаю:

В верхнем ряду третий слева Тимур Новиков (мир праху), потом Африка. Между ними голова Дуни Смирновой.

Лысый актер – не помню фамилию. Правее Дуни – Галя Самсонова-Роговицкая (мир праху), жена Дюши Романова, далее Гаухман-Свердлов, оператор (если не ошибаюсь)

В центре сидит Сергей Соловьев.

Ниже узнаю только Дюшу (мир праху) и себя в правом нижнем углу.

На кого возложил руки Соловьев – не помню. Может быть, на своего сына?

Странно, что нет БГ. Он был на премьере и шел в мастерскую к Плотникову, точно помню. Но по дороге испарился.

Цоя на премьере не было.

Update. Величайшее sorry! Лена, которая тоже там была, уверяет, что этот снимок сделан после премьеры «Черной розы…». Тогда это не 1988 год и понятно, почему нет Цоя.

Позиционируем себя дальше
9 декабря

Тут один молодой человек уверял меня, что я позиционирую себя как «старый русский интеллигент». При этом ругаюсь матом.

Он меня укорял типа.

Мне стало стыдно, я больше не буду ругаться матом, а позиционировать себя, наоборот, буду. Вот сейчас я буду позиционировать себя как старый русский пациент.

Вы слышали такое слово: «спермограмма»? А я его видел и испытал.

Чисто делюсь опытом для молодежи, которую эти болезни настигнут лет через 30. Имею в виду мужчин.

Заведение это платное и навороченное. Называется «Центр простатологии». Не сочтите за рекламу. Оставил там сегодня 200 баксов, то есть почти столько же, сколько оставил бы в более сомнительном, но веселом заведении при той же практически процедуре.

Там работают такие медсестры – знаете, в порнофильмах очень любят показывать таких медсестер: белоснежный халатик, едва прикрывающий крутую попу, разрез спереди, из которого смотрят… э-эх! Смотрят, в общем. Длинные ноги, черные чулки, шпильки: цок-цок.

И вот ты приходишь к такой медсестре с направлением на спермограмму. Она, не выдав себя ни малейшей гримаской, достает маленькую полиэтиленовую рюмочку, на которой пишет специальным фломастером твою фамилию.

И дальше провожает тебя – цок-цок! – в специальный кабинетик площадью 2 квадратных метра, в котором тем не менее есть сортир. В кабинетике стоит телевизор, на столике лежат журналы.

– Здесь порнофильмы, – указывает она на телевизор. – Там картинки. Действуйте.

Отдает мне ключик и уходит.

Я запираюсь, конечно, и минуты три стою, как идиот, перед телевизором, не зная, с чего начать: сначала включить телевизор или сначала спустить штаны? Потом справляюсь с этой минутной растерянностью и начинаю «действовать», как она выразилась. Охотнее всего я действовал бы с нею вдвоем, но не положено. Или стоит дороже.

Как ни странно, все получилось, хотя удовольствие сомнительное. На экране, между прочим, происходило нечто, чего

я не только никогда не видел, но и не слышал, что так бывает. Это даже отвлекало слегка, честное слово.

Но, в общем, справился. Прихожу, вручаю ключик.

– Уже? – спрашивает несколько удивленно.

– Долго ли умеючи, – говорю.

Она думала, я там до утра сидеть буду.

Но у меня дела. Некогда мне ерундой заниматься.

Философическое
26 декабря

Сегодня утром мой френд Караулов объявил о скором закрытии дневника и, как водится, получил соответствующую порцию ахов, вздохов и призывов типа «Опамятайся, пане!»

Я написал ему, что всем трудно, надо держаться.

Он ответил, а зачем?

Правда, сейчас я этой записи и комментов не вижу.

Вечером я задумался: а зачем? Получилось весьма спорно, заранее прошу прощения, если понесу ахинею.

Мне кажется, что на определенном этапе твой журнал настолько врастает в общую сеть, связывается тысячами нитей с другими журналами и ЖЖ в целом, что уже как бы перестает тебе принадлежать.

Ты становишься рабом собственного журнала, этого чудовища, которое требует от тебя новых записей, мыслей, историй, шуток.

Вероятно, есть юзеры, которым все равно. Не знаю.

То есть возникает нечто вроде обязанности или – чуть выше – чувства долга. Чувство долга – высокое чувство, поэтому я и сказал Караулову «надо». Потому что выпадение одной цепочки нарушает прочность цепи, точнее, разрыв ячейки вредит сети.

Мы проникли глубоко друг в друга, уже полюбили и разлюбили, уже привыкли, стали равнодушны, уже скользим по строчкам и ругаем себя за малодушие и невозможность произвести решительную чистку френдов, но, если честно, эти привычные утренние вздохи Караулова о том, что его не любят девушки, и эти ночные радостные открытия Соамо, и его рисунки, и истории Бози и Сивилки, и мрачно-смешная хуйня Горчева, и бесконечное извержение шуток Гоши, и точное, достоверное знание, что Нюшка уже выпила свою чашечку кофе, – все это наш мир, и мы тоже являемся частицей этого мира.

Разрушать его самовольным, самонадеянным уходом – значит, немного предавать своих друзей. Нужно иметь веские мотивы, нужно испросить разрешения и покинуть сообщество, провожаемым теплыми сочувственными взглядами, сожалея о случившемся.

Мы гораздо более коллективисты, чем думаем.

Поэтому надо вести свой дневничок, надо тянуть свою песнь, надо помогать себе и другим создавать этот хрупкий мир, который так легко разрушить.

Презентация трибьюта БГ
29 декабря

Я впервые был в клубе «Старый дом». Ну, атмосфера знакомая: темно, накурено, пиво, плохой звук, вольные нравы.

Нас с Леной сразу провели в амфитеатр, там были столики для VIP-гостей, на столиках уже стояли тарелочки с бутербродами. Вскоре появился деловой, как всегда, Тропилло – продюсер трибьюта, где песни БГ исполняют более 50 групп – от самых известных до никому не известных (2 диска), ну и вообще легенда рок-н-ролла. И тут же приехал БГ в красной рубашке, усталый после перелета из Лондона.

Зал встретил его криками: «Боря, мы тебя любим!»

Боб прошел наверх и тоже уселся за столик, поздоровавшись и расцеловавшись с присутствующими. А их кроме нас с Леной и Тропилло была всего одна барышня, в лицо необычайно знакомая, но вспомнить, где мы встречались, я не смог. Давно было.

Потом пришел Бурлака, тоже подсел к нам. Позже мы общими усилиями с Бурлакой установили, что барышня – это «комаровская Ирка», известная тем, что ее пытался зарезать, но не зарезал, к счастью, Федя Чистяков.

А внизу шел концерт, где пели песни БГ и собственные. Песни БГ опознать было довольно трудно. Наверху появилась группа «Дегенераторы» из Новгорода с эффектной высокой девушкой, которая оказалась «Мисс Новогорода» Лена, она же по совместительству солистка группы. Или наоборот. Их познакомили с БГ, который слушал, что они ему говорили в грохоте, и кивал. Ничего не слышал, конечно.

А говорили они, как они любят его песни, наверное.

Потом они спустились вниз и вскоре грянули со сцены «2–12–85–06». Ну, такого я не мог пропустить и пошел фотографировать. Лену, естественно, зачем мне другие.

После этого мы ушли, не дожидаясь конца, где было хоровое вместе с БГ распевание «Бурлака», причем на сцене были не только музыканты, но и VIP's во главе, естественно, с Бурлакой. Тропилло сегодня по телефону сказал, что меня не хватало. С некоторой даже укоризной.

2004

Малый юбилей, или свадьба с БГ 22 января

Сегодня 15 лет, как мы вступили в законный брак с моею третьей женой Еленой Валентиновной.

Она уже превзошла по стажу мою вторую жену Елену Викторовну (9 лет) и догоняет первую жену Марину Константиновну (18 лет).

Расписывали нас в Петергофском загсе 21 января 1989 года, аккурат после моего ДР, когда мне исполнилось 48, а Лене было уже 24. В этом и был концепт: жених вдвое старше невесты.

Но я начну немного издалека. История нашего знакомства была забавна. Впрочем, возможно, я ее уже рассказывал.

Познакомил нас БГ в начале 1988 года. Как раз тогда известность БГ в широких кругах набирала силу, а звезда рок-н-ролла по-прежнему ютился с женой Людмилой и маленьким Глебом в нежилом фонде на ул. Софьи Перовской. И мы стали хлопотать, чтобы артисту дали жилье.

Я писал какие-то бумаги в разные инстанции, где расписывал заслуги Боба, а в помощь мне была придана молодая журналистка Лена Минина, работавшая тогда в отделе культуры газеты «Ленинградская правда».

Она эти письма разносила по адресатам и вела документацию.

(Замечу в скобках, что квартирку мы все же выбили, но позже. Правда, не одни мы, помогали и другие.)

Контакты наши с Леной были чисто деловыми, пока однажды после очередного концерта БГ мы не засиделись допоздна, как это было принято, в его мансарде. На этот раз Лена тоже присутствовала, раньше она не была вхожа в обитель артиста. Мы пили вино и пели песни. Помню наше совместное с Бобом проникновенное пение «Когда воротимся мы в Портленд».

Часа в 2 ночи стали расходиться.

И тут журналистка Минина заявила, что электрички уже не ходят и в Петергоф, где она живет, ей не добраться. Боб развел руками, типа, можешь оставаться, но было ясно, что тут негде.

Я не был бы джентльменом, если бы не предложил несчастной девушке приют.

– У меня мастерская на Гражданке (так я называл однокомнатную квартиру, где я жил иногда и работал в отрыве от семьи). Если хотите…

Она согласилась так легко, что я даже растерялся и испытал небольшую досаду от столь легкой победы.

Мы взяли такси и поехали.

В мастерской у меня нашлась в холодильнике водка, мы выпили еще, а потом я как джентльмен, повторяю, стал настойчиво приглашать девушку из кухни в комнату, где стояла двуспальная тахта.

Она делала вид, что не понимает.

Наконец я поднял ее на руки и понес по коридорчику. Она отбивалась так, будто ее собирались сжечь на костре. А у меня таких намерений вовсе не было. Девушкой моя жена была очень крепка, я едва приволок ее в комнату, где она отпихнула меня и высказала все, что думает по поводу старых козлов – растлителей молодежи.

– Позвольте, – сказал я, снова переходя на «вы». – Вам не кажется, что девушка, соглашающаяся ехать ночью в квартиру к одинокому мужчине, по сути соглашается на нечто большее? Что она принимает на себя какие-то обязательства?

– Нет, не кажется, – сказала она.

И покинула меня, уйдя в кухню, запершись там и устроившись на диване.

Я пожал плечами и заснул, удивляясь странным представлениям о жизни некоторых молодых дам.

В шесть утра хлопнула дверь. Лена ушла, как мне казалось тогда, навсегда…

Конечно, через пару дней я позвонил к ней в редакцию с извинениями. А потом…

Короче, прошло несколько месяцев, пока я ее уломал. Потом еще несколько месяцев, пока она уломала своих родителей. (К этому времени я уже развелся, точнее, моя вторая жена развелась со мной.) Это все очень долго рассказывать. Отношения наши были… как бы это сказать… далеки от идиллии. Мы ссорились и даже дрались (!) гораздо чаще, чем это положено влюбленным. Характер девушки Лены Мининой оказался взрывоопасным настолько, что мечтать о браке было попросту безумием.

Например, она ненавидела зеленый горошек, а я его любил. Когда я покупал зеленый горошек, она ненавидела меня вместе с горошком. Однажды это привело к безобразной сцене в центре Ленинграда, недалеко от цирка. В результате целая авоська с 8 банками прекрасного венгерского горошка, которые я отхватил по случаю, была выброшена в Фонтанку с криками: «Да пошло оно все нах… нах… и в…!!!» В отместку Елена метнула туда же зонтик, только что подаренный мною.

Мы разошлись навсегда и встретились через 15 минут, чтобы

хохотать вместе над этим несчастным горошком.

И это происходило с пугающей регулярностью.

Тем не менее решение было принято скорее в пику ее родителям, не допускавшим и мысли о таком развитии событий, я приехал в Петергофский загс и заказал регистрацию – просто скромную регистрацию, без цветов и Мендельсонов. Когда женишься третий раз, торжествовать уже нечего. Стыдно это, товарищи.

Естественно, я предложил Бобу быть шафером (свидетелем) вместе с женой Людкой.

– Ты нас познакомил, ты и расписывай, – сказал я.

Гость у нас был один – наш друг Андрюша Гаврилов, ныне известный музыкальный издатель. Он приехал из Москвы. Утром 21 января мы взяли такси и заехали за БГ. Конечно, он еще спал. Наскоро собравшись, Боб с Людкой устроились в машине. Непонятно, как нас взял водитель, но мы впятером ехали в одной тачке, вдобавок Боб держал огромную картину своей кисти, которую он решил подарить нам на свадьбу (она и сейчас висит в Геликоне).

Мы приехали в загс, и я доложил начальнице, что молодые готовы к регистрации. И тут она увидела Боба.

– Это же… Гребенщиков! – шепотом воскликнула она. (Тогда Борю уже узнавали в лицо.)

– Ну да, – подтвердил я.

– А вы не заказали торжественной регистрации! – ахнула она, будто я совершил страшную оплошность.

– Угу… – кивнул я.

– Нет, так мы не можем. С Гребенщиковым без торжественной регистрации? Да вы что, новобрачный!

– Послушайте, кто женится – я или Гребенщиков? – спросил я, свирепея.

– Мы вас бесплатно! С музыкой! В торжественном зале!..

Ну кто ж отказывается от халявы даже при регистрации?

И вот под звуки Мендельсона нас ввели в зал, и все поставили подписи там, где надо.

Фотограф нас снимал (но вроде, не бесплатно). Вот документ.

А потом мы пошли в квартиру родителей невесты, где прошло официальное торжество, на котором кроме нас и родителей присутствовал только мой сын Сергей, которому кстати, сегодня исполнилось 36 лет.

Мой тесть (Царство ему небесное!) ставил пластинки из своей коллекции, какая-то Борю заинтересовала (кажется, Лещенко), и он ее взял на время для работы. В общем, все было пристойно.

И дальше мы переместились в ту самую мастерскую, куда пришла разная рок-н-ролльная молодежь, которая слегка задирала Боба, при этом благоговея. На что Боря отвечал одной фразой:

– Я не Боб, я Кынчев!

Ну можно себе представить состояние всех гостей.

И наконец, уже к ночи, произошли драматические события, когда в результате выпитого сначала разодрались Людка с Бобом и она ушла в ночь, потеряв браслет у меня в прихожей. (Ленка потом его нашла и долго выпытывала у меня, чей же это браслет, пока Боря его не опознал однажды и не забрал). А потом смертельно повздорили жених с невестой – совершенно не помню, по какому поводу. Наверное, опять из-за горошка.

В результате невеста была выставлена за дверь с криками типа «пошла нах…» и так далее, а жених упал в кухне на диван и уснул.

Как рассказывают очевидцы (Андрюша Гаврилов), невеста вернулась через минут пятнадцать, гостей уже не было, кроме Андрюши, взяла нож на кухне и подступила к спящему жениху с намерением лишить его жизни.

Спас меня Гаврилов. Он отобрал у невесты нож и запер ее в ванной. Она сломала замок и выбралась оттуда, но резать меня уже не стала.

Короче, я проснулся с неясными воспоминаниями о том, что я вчера вроде опять женился, но как-то неудачно. Жены рядом не было.

Я попил воды и побрел в комнату.

Там на тахте под одеялом, положив на него свою бороду, спал могучим сном Андрей Гаврилов, а сбоку, на краю, свернувшись калачиком, спала в джинсах моя жена.

Я разбудил их и мы стали пить чай.

С этого дня прошло уже 15 лет.

Потянул за ниточку…
22 января

…И клубочек разматывается.

Чтобы объяснить, как вообще стала возможна эта моя женитьба, пришлось заглянуть аж в 1985 год, когда я взялся соорудить один сценарий, который потом стал фильмом, который мы отметили в ресторане Дома кино…

Короче, придется рассказывать. Иначе будет непонятно.

СЦЕНАРИЙ ПРО АЭРОФЛОТ

На исходе зимы 1985 года меня пригласила главный редактор Первого творческого объединения «Ленфильма» Фрижетта Гургеновна Гукасян и сказала примерно так:

– Саша, тут у нас есть молодая сценаристка, которая пытается написать сценарий про Аэрофлот. Мы ей заказали. Но вот уже три варианта написаны, но нас не устраивают. Не поможете ли девушке? Так сказать, рукой мастера. Она согласна.

Почему же не помочь девушке?

Я взял все три варианта и пошел читать.

Это был типичный «производственный» сценарий. Диспетчеры, технические службы, пилоты… Какие-то там были конфликты, что-то ломалось, самолеты шли на посадку с огромной опасностью для жизни.

Было видно, что девушке все это писать сильно влом, но надо. К сожалению, способа улучшить эти варианты я не нашел. Надо было начинать сначала. И я позвонил сценаристке.

Звали ее Лида Боброва. Сейчас она уже довольно известный режиссер, сценарный путь ее не устроил, а тогда была студенткой то ли ВГИКа, то ли Высших сценарных курсов.

И мы договорились ехать в Пулково – знакомить меня с материалом.

У Лиды там уже имелись консультанты, с которыми она встречалась и расспрашивала их, как же это все летает. Мы договорились с одним из них и приехали в Пулково. Но на месте его не оказалось, что-то там произошло, перед нами извинились… и мы пошли в ресторан.

А там довольно успешно выпили водки и сильно потеплели друг к другу.

Вернулись в город и долго целовались на скамейке (зимой!)

перед ее подъездом на Петроградской стороне. Девушка была ошеломлена моим натиском. Я в то время, если видел редут, непременно хотел его взять, не очень задумываясь – нужен он мне или нет.

Наконец она опомнилась и убежала домой.

Все это, как вы понимаете, ни на шаг не продвинуло сценарий про Аэрофлот. Утром я, как всегда в таких случаях, звонил и извинялся, что несколько переборщил с консультацией. Заодно понял, что редут мне совершенно ни к чему, а сценарий все равно должен быть написан.

Эти утренние звонки с бодуна с извинениями и припоминаниями – чего ты сделал ужасного – входят в ритуал пьянства как совершенно необходимый элемент.

Но писать производственный фильм мне было еще более влом, чем Лиде. И я уехал в Комарово, как всегда, с машинкой, размышляя, как бы выпутаться из ситуации.

Тут как раз помер Черненко. И сразу какие-то неясные надежды завитали в воздухе, когда мы наблюдали, как новый молодой генсек хоронит старого.

И я решил слегка постебаться. Сел и написал за неделю сценарий, который назвал «Время летать!». Дело там происходило в провинциальном аэропорту, где ждали назначения нового начальника. Аэропорт отличался тем, что там все было, как у людей – продавали билеты, объявляли регистрацию, но… самолеты не летали. Вообще. И пассажиры, толпясь в зале ожидания, горестно размышляли, почему же у нас такой аэропорт и такие самолеты…

Там много было забавного. Например, митинг, посвященный отправке рейса, когда наконец-то решили выпустить один самолет. После митинга пассажиров запустили на борт, но самолет все равно не улетел.

Потом это все назвали трагикомической притчей. Почему трагикомической, не знаю.

Еще в сценарии искали кота, пропавшего в аэропорту (тут я использовал реальный случай, когда мой брат прислал из Болгарии в Питер кота с одной незнакомой дамой, кот потерялся и я, как идиот, искал его по всему Пулково).

Аллюзии были налицо. Я написал все это с удовольствием и принес Фрижетте Гургеновне.

На следующий день она мне позвонила.

– Саша, я думала, вы серьезный человек, – сказала она холодновато. – Возьмите этот сценарий и никому не показывайте.

Но главное – я выполнил обещание! Сдержал слово. И тут как раз объявили Всесоюзный конкурс киносценариев под девизами,

и я послал этот сценарий туда, нисколько, впрочем, не сомневаясь в его судьбе. Шутить над святыми вещами тогда еще не было принято. (Послал и еще один, «Филиал», тоже комедию. Его потом поставили на «Беларусьфильме», благодаря чему я на один день съездил в Минск подписать договор, что позволило мне на днях включить Белорусссию в число посещенных стран.)

И забыл про это.

Как вдруг летом звонит мне из Москвы некий режиссер Алексей Сахаров и говорит, что он откопал мой сценарий в развале отвергнутых конкурсом сценариев и хочет его поставить.

Я не возражал.

Пробить этот сценарий еще год назад было делом немыслимым, но шел уже 1986 год, политическая ситуация менялась с немыслимой скоростью, гласность наступала, цензура отступала. Госкино разрешило постановку.

Фильм вышел в 1987-м. Снимали его в аэропорту г. Свердловска, играли там неплохие актеры: Гафт, Толубеев, Бруно Фрейндлих и др. В общем, фильм абсолютно не выдающийся, но ряд забавных эпизодов там был.

А в мае 1988 года я приехал в Москву получать потиражные за этот фильм и получил на Мосфильме наличными примерно 7000 руб. Это было в то время, когда зарплата в 200 руб. считалась приличной, а, скажем, профессор получал 450 в месяц.

Я устроил небольшой банкет в ресторане Дома кино и прямо из ресторана в оч. хорошем настроении поспешил на поезд «Красная стрела», имея полный портфель спиртного – вина и коньяка. Провожал меня мой тогдашний племянник, сын моей бывшей свояченицы Валерка Панюшкин, ныне известный журналист, которому было тогда лет 17 примерно.

Он посадил меня в СВ, где уже находился приятный молодой человек. Он оказался курдом и пить решительно отказался.

И я уехал в Питер…

Еще одна страница
31 января

Только что ушел Горчев.

Я хочу сказать, что он ушел домой, проведя у нас вечер, как всегда, не обошедшийся без распития некоторых напитков.

Но на этот раз он ушел и в более широком смысле.

Мы договорились, что Горчев больше не будет работать штатным сотрудником «Геликона», оставаясь при этом любимым автором и художником-дизайнером на креативных заказах как фрилансер.

Текучка «Геликона», от которой страдал Горчев, больше не будет его касаться.

Посмотрим, что из этого получится.

Сегодня мы вспоминали ЛИТО им. Стерна. У меня такое чувство, что именно сегодня мы перевернули последнюю страницу его истории, потому что Горчев был секретарем ЛИТО, Горчев и там пользовался любовью и популярностью, Горчев стал наиболее яркой литературной фигурой, вышедшей из ЛИТО. И он в течение четырех с лишним лет был одним из фирменных знаков «Геликона».

За все это я ему благодарен.

Но все проходит. Люди вырастают из своих детских и юношеских одежд. Сейчас Горчеву в «Геликоне» тесно, да и нам совсем не обязателен знаменитый писатель в роли дизайнера.

Вот-вот выйдет новая книга Горчева. Мы будем ее всячески пропагандировать и распространять. Есть сведения, что она будет номинирована на премию «Национальный бестселлер».

Пожелаем Диме удачи, и, кстати, вы же знаете, какой он прекрасный художник. Не обойдите его, кому это нужно, интересными (подчеркиваю) и хорошо оплачиваемыми заказами.

Соображения по поводу 8 февраля

Кто виноват? Что делать?

1. Второе волнует больше. В самом деле, как жить в обстановке, когда везде, в любой обстановке и в любой момент возможен взрыв?

Просто попытаться включить это в перечень вещей, которые от нас не зависят, которые фатальны. На самом деле бороться с терроризмом можно и нужно, но это все равно что бороться с аварийностью на транспорте. Этим должны заниматься специалисты. Но самолеты все равно время от времени будут падать, автомобили – сталкиваться. Тем не менее мы летаем и ездим.

Вероятность не больше. Кроме Бога, надеяться не на кого.

2. Но как же бороться?

Когда-то Александр III спросил Витте, как же можно решить еврейский вопрос? Витте ответил примерно так: нужно собрать всех евреев и утопить в Черном море. Но если Государь не может этого сделать, то нужно дать им жить, как всем. Отменить черту оседлости и так далее.

Беда в том, что с Чечней даже это не проходит. Не говоря о первом. И с мусульманским миром в целом тоже ничего не проходит. Никакое удовлетворение никаких требований – независимости или чего еще – не остановит террор. Не остановит войну. Потому что это не террор, а война на истребление.

3. Бесполезно ужесточать наказания. Они платят своими жизнями, что им лишние 10 лет в лагере? Бесполезно клеймить их и называть мразью, подонками и проч. Бесполезно разговаривать на языке христианской морали. Они другие.

Лучше всего было бы разделиться и построить заборы, как пытаются сделать в Израиле. Но они не хотят разделяться. «…И вместе им не сойтись». (с)

К сожалению, все только начинается. Дай мне Бог ошибиться.

Емкость, индуктивность, сопротивление, транзистор… 17 февраля

Народ, поздравивший меня со сборкой первого компьютера, даже не подозревает, насколько эта операция была элементарна и примитивна по сравнению с тем, что мне приходилось делать примерно 50 лет назад в 8–10-м классах средней школы города Владивостока.

Мы с моим другом Толяном были заядлые радиолюбители.

Я выписывал журнал «Радио», дома у меня был рабочий стол, заваленный инструментами, всяким железом, проволокой, деталями, и мы часами просиживали над паяльниками, монтируя приборы разной сложности.

Электроника в то время была ламповая. Знаете ли вы, к примеру, что означает марка 6Ж1П? Означает она электронную пальчиковую лампу, высокочастотный пентод, то есть лампу с тремя управляющими сетками между катодом и анодом, а цифра 6 означает, что напряжение, которое питает нить накаливания, равно 6,3 вольта.

Между прочим, это напряжение надо было создавать самому, наматывая специальную обмотку на силовом трансформаторе, с которого начиналось создание прибора. Брались так называемые Ш-образные ферритовые пластины, из них набирался пакет (все это рассчитывалось по специальным формулам – сечение наборного сердечника), клеился картонный каркас и на него наматывались обмотки. Каждый слой обмотки изолировался от других тончайшей конденсаторной бумагой, мороки с намоткой было по самые уши, и все равно часто обмотки пробивало и трансформатор горел.

Параллельно из листа алюминия делалось шасси – каркас приемника (скажем, приемника прямого усиления, в отличие от супергетеродинного): лист толщиною в 1,5 мм сгибался по выкройке, из него делалось подобие коробки, в которой высверливались все нужные отверстия – для трансформатора, ламповых панелек, ручек управления…

Сопротивления… Это позже их стали называть резисторами. Маленькие, зелененькие, с еле видной маркировкой 1 М (1 мегом). Были и американские, с цветной маркировкой, которая расшифровывалась магической фразой Каждый Красный Охотник Желает Знать Сколько Фазанов Село в Болоте (1-Коричневый, 2-Красный, 3-Оранжевый, 4-Желтый, 5-Зеленый, 6-Синий, 7-

Фиолетовый, 8-Серый, 9-Белый). Чем же обозначался 0?

Ага, Черным – вспомнил!

И вот все это распаивалось, в панельки вставлялись пальчиковые лампы (а еще до них были лампы цокольные с маркировками типа 6Ф3С, они были побольше и тоже чрезвычайно красивы), и приемник включался.

И уже неважно было – ловил он какие-то станции или нет (иногда ловил), все равно влюбленность в него была велика, хотя по прошествии короткого времени он безжалостно распаивался и шел на детали к еще более прекрасному прибору…

Транзисторы появились чуть позже, и мы с увлечение стали запихивать приемники в малюсенькие коробочки, добиваясь миниатюризации. Приходилось даже самим делать динамики, то есть в буквальном смысле клеить диффузоры и наматывать круглые катушечки на них – это была ювелирная работа. Такие диффузоры говорили, сильно шепелявя, но они говорили!

А транзисторы были похожи на маленькие черные котелки (шляпы) с тремя длинными проволочными ножками.

В них не верили. Говорили, что на высоких частотах транзисторы никогда не составят конкуренции лампам, поскольку, мол, внутренние емкости слишком велики и всегда будут мешать высоким герцам. И сопротивления, и конденсаторы тоже резко уменьшились, конденсаторы переменной емкости стали керамическими, не больше пуговицы, но все равно их вскоре смела кристаллическая электроника, где все схемы, все пайки, все емкости, индуктивности и сопротивления создаются внутри кристалла.

И тогда я собрал первый компьютер, не просверлив ни единого отверстия, не намотав ни одной катушки, не взяв в руки паяльника…

Читая ЖЖ
26 февраля

Мы – мастодонты офлайна. Наши года рождения состоят всего из 4 цифр. Мы родились в офлайне, когда онлайна еще не было, и все это называлось странным словом «жизнь».

Мы помним Сталина и Берию, когда они еще не были тиранами и палачами, а были совестью прогрессивного человечества. Мы помним очереди за колбасой и водку с 11 до 19. Мы занимали очередь у пивного ларька и радовались каждому новому лицу в вытрезвителе.

Мы читали Солженицына в подлиннике, а Пушкина и Достоевского узнали раньше, чем нам рассказали про электроны. Мы думали, что живем счастливо, и, как выяснилось много позже, не ошибались. Мы вошли в капитализм с гордо поднятой головой и связанными руками, как на расстрел.

И нас-таки расстреляли.

Мы, соколы реала, стали буревестниками виртуального секса, когда суслики поисковых систем еще не знали слова «поллюция», а знакомились лишь с самим явлением.

Мы не знали, кто такие Антон Носик, Тема Лебедев и Марат Гельман, они просто были детьми наших знакомых или знакомых знакомых.

Нас становится все меньше и меньше, как и жизни, которую мы представляем. Но новой жизни как-то не наблюдается, и лишь в скоплении проводков и кристаллов теплится что-то таинственное и бесчеловечное, временами вызывающее наши улыбки и слезы.

О провинциализме в поэзии
9 марта

…«Поэзия все дальше уходит от тех, кому она предназначена…»

Вам не кажется, что это звучит не грустно, но глупо?

Или объясните, от КОГО она все-таки уходит и КАКИМ образом (хотя второе не так принципиально).

Отвечая на вопрос – от КОГО уходит поэзия, можно было бы сказать просто: от читателя. На это, конечно, возразят, что и у этой поэзии есть читатель. Если же сказать – от широкого читателя, то вообще засмеют: вы хотите сказать, что у Пушкина есть (был) широкий читатель?

И все же поэзия уходит от читателя. От того достаточно образованного, читающего, не пишущего стихов, однако владеющего, возможно, основами версификации. В образованном русском обществе времен Пушкина владение версификацией было нормой, даже стихи на случай оформлялись грамотно с точки зрения метра и рифмы. Сейчас это далеко не так. Совсем недавно нашему издательству пришлось сделать подарочные экземпляры стихов одного уважаемого товарища. Книжку собрали друзья по поводу его 60-летия. По всему видно, человек умный, знающий, приятный. Но стихи именно с точки зрения версификации весьма убоги.

Это я к тому, что уровень поэтической культуры в обществе неуклонно снижается, а вместо поэзии потребляются ее суррогаты в попсовых песнях, в виршах эстрадных поэтов (Вишневский, Иртеньев – это еще лучшее), в шансоне, да мало ли где. В рекламе даже.

«Ням-ням-ням-ням! Покупайте Микоян!»

И не надо говорить, что сами поэты в этом не виноваты. Хотя – каждый пишет, как он дышит. Так вот у меня возникает сомнение, что молодые люди, образованные, знающие много больше того, что знали мы, пишут так, как им дышится.

Конечно, если они дышат только Хайдеггером, Дерридой, на худой конец, Гаспаровым, то неудивительно.

И все же я не побоюсь сказать, что это всего лишь дань литературной моде.

Что – это?

А вот что.

«Они хочут свою образованность показать». И показывают.

Примеров – не счесть. Небезызвестный Дима Кузьмин

присвоил этим поэтам (разным, да, они не одинаковы, но роднит их чрезвычайно и неоправданно, на мой взгляд, усложненная семантика стиха) звание профессионалов, в отличие от прочих любителей, которых я издаю.

Я же назвал бы то же самое – провинциальным.

Наиболее «свирепые», головоломные образцы современной поэзии я видел именно в исполнении провинциальных поэтов из российской глубинки. Именно там проходит передовая линия русского авангарда, именно там брожение умов легко переходит в стадию закисания, рождая вирши, от которых холод проникает в сердце, а глаза подергиваются пленкой неизбывной мертвящей скуки.

Я никого не цитирую, чтобы не обижать. Эти молодые гении из Вышних Волочков ни в чем не виноваты. Они следуют утвержденным образцам и вкусам столичных дядей и теть, издающих журналы и раздающих премии. Очень часто бывает, что эти взрослые дяди и тети сами балуются стишками, имеют героическое «котельное» прошлое и скромный послужной диссидентский список. Их не печатали при советской власти! Вот как. Но не печатали их, если смотреть правде в глаза, потому что они писали маловразумительные и бездарные стишки, выдавая их за авангардное явление русской поэзии.

Теперь они «мэтры». Они пестуют молодых. Целая толпа голых королей, на которых просто не хватает мальчиков. Впрочем, иногда хватает. И к ним на суд приходят небесталанные молодые люди и начинают километрами гнать околесицу – рифмованную, а чаще уже и нерифмованную, лишенную каких-либо признаков формы. И получают свои похвалы и премии.

Бездарность регенерируется, для этого созданы условия.

Разорвать этот круг трудно, но можно. И, собственно, вся моя издательская деятельность направлена на то, чтобы печатать альтернативных авторов – альтернативных по отношению к новому «мейнстриму», который ничем не лучше мейнстрима советского, но отличается от него только полной невнятицей мысли, чувства и формы, потому как в поэзии Межирова или Егора Исаева, скажем, с профессиональным версификаторстом было все в порядке.

Стихи не должны быть просты. Простых стихов не бывает. Но сложность их достигается сложностью чувств и мыслей, пытающихся постигнуть непростой, скажем так, мир, который за нашим окном. И нынешняя «авангардная» молодежь когда-нибудь вослед Пастернаку тоже впадет в «неслыханную простоту»…

Впадет, если будет иметь правильные ориентиры, а не останется передовым отрядом русской поэзии в густых лопухах

провинциальных лугов и болот.

Все – и по возможности сразу
14 марта

В 1861 году Александр Николаевич Романов aka император Александр Второй отменил своим высочайшим указом крепостное право и начал / продолжил серию реформ, которые со всех точек зрения были впоследствии признаны весьма прогрессивными.

Чем ответило российское общество?

Престарелые консерваторы глухо ворчали, а молодые интеллигенты-разночинцы ответили сначала выстрелом недоучки Каракозова, потом приговорили царя к смерти и наконец таки убили после многих попыток.

Чего добились? Реакции, естественно, и свертывания реформ.

Продолжали упорствовать – получалось только хуже, пока наконец не добились большевизма, из которого делаем робкие попытки выходить.

Подчеркиваю: делаем робкие попытки с возвратами, непоследовательно. Но сразу в такой огромной стране – не получится. И это интуитивно понимают массы, а либеральная интеллигенция – не понимает.

Когда-то Юрий Трифонов назвал роман об Андрее Желябове «Нетерпение». Сердечную искренность народовольцев он под сомнение не ставил. И сейчас много искренно нетерпеливых, хотя достаточно и тех, кто профессионально отрабатывает проплаченную дискредитацию власти.

Недовольны тем, что «нет выбора», забывая, что свойство всякой власти – хоть самой демократической – регенерировать и охранять себя. И если Путин это делает законными методами или почти законными – то чего от него ждать? И Буш так делает, и кто угодно. А рвение госчиновников в России не с Путина началось.

Почему же вы не создали за 4 (нет, за 15) лет альтернативы? Имея деньги при этом или же возможность их получить?

Я не получаю подачек ни от власти, ни от оппозиции. Я просто реально смотрю на вещи и вижу, уж простите, что либеральная неявка на выборы в нынешних условиях реакционна, а не прогрессивна. При всех недостатках режима, которые я и сам прекрасно вижу.

Но всё и сразу – не получается.

На фоне Мэрилин снимается семейство… 26 марта

В Париже снова встретились с Борисом Васильевичем Спасским, экс-чемпионом мира по шахматам. В прошлый приезд, 6 лет назад, он показывал нам Русское кладбище, а потом пригласил на обед. В этот раз мы его принимали у себя.

Поговорили до полуночи, выпили бордо и божоле. Спасский только что вернулся из Нагорного Карабаха, с шахматного турнира памяти Петросяна (у которого он и отобрал корону когда-то, в 1969-м, что ли?). У него шахматная школа в Челябинске, куда он регулярно два раза в год наведывается из Парижа, где живет уже лет 30.

Убежденный монархист. Живо интересуется российской политикой.

Цельсия – к ответу!
2 апреля

Мороз и солнце, день чудесный! (с)

Минус восемь по Цельсию.

Я и раньше подозревал, что Цельсий – большой чудак. Как и Фаренгейт. Но все чаще прихожу к выводу, что он просто диверсант, которого нужно судить. Или надо лечить как помешанного.

К черту такой апрель.

Скорее бы увидеть май.

Поэт
7 апреля

Звонит, рассказывает про баб, про то, что у него глаукома, захлебываясь, описывает боли в висках. «А у вас что болит, Масса?» – «Яйца». – «О-о, уважаю!» – «Да уж, это не то что какие-то твои виски́!» Говорит, что скоро умрет, я охотно поддакиваю, заливисто смеется, умолкает, потом вдруг читает гениальные стихи, снова смеется, кричит, что он сукин сын и племянник Пушкина, требует женщин, красивой еды в пригороде, обещает приехать, все это вместе, взахлеб, я не успеваю вставить слова, смеется чему-то непонятному, хлюпает носом, он в экстазе… Вешает трубку.

Это – Быков.

Но стихи-то гениальные без всякой балды.

Радзинский
8 апреля

Три вечера подряд, несмотря на футбол, слушал Радзинского про народовольцев и убийство Александра Второго.

Записывал на магнитофон, потом смотрел, потому что в одно время.

Радзинский неподражаем, конечно. Говорит, как пишет. И все же это попса, а не историческое исследование. Хотя сделано все мастерски, любое придыхание, любой жест.

Засмотришься и заслушаешься.

Но факты упрямы. Все было далеко не так эффектно, хотя период этот весьма драматичен и даже театрален. Мне пришлось лет двадцать назад заниматься именно этой эпохой, когда писал книгу о Людвике Варыньском. Тогда я очень неплохо знал, как там все происходило, читал во множестве мемуары народовольцев и архивные документы. Сейчас уже многое позабыл.

Но все же – убей меня Бог! – когда Гриневицкий швырнул бомбу, стоя перед императором на расстоянии трех метров, не больше, эта бомба убила царя, самого Гриневицкого и еще, кажется, одного человека. А Радзинский для вящего эффекта говорит – двадцать человек! Ну, чтоб мороз по коже.

И взрыв Халтурина в Зимнем убил якобы 60 человек солдат.

Не 60, а шестнадцать (или даже 11 по другим источникам). Тоже много, но 60 эффектнее.

Вот это и есть историческая попса.

Как чемодан без ручки
10 апреля

Нести тяжело, а бросить жалко.

Это мое издательство.

Отдам в хорошие руки, ей-богу.

У меня «Полдень» и сейчас есть (и могут быть дальше) заказы для кино.

Не говоря о том, что можно и книжки писать.:)

Последние месяцы непрестанно об этом думаю, а дела все хуже. Уже выплату зарплаты растягиваем на месяц после срока. А впереди голодное, как всегда, лето с отпусками и, следовательно, отпускными.

И это при том, что я уверен в успешности этого бизнеса при правильном руководстве, которого не обеспечиваю ни я, ни все, кто пока пытался за это браться.

Встреча Федерации
30 апреля

Но вы ведь не знаете, что такое Федерация?

Федерация – это три человека: мой брат Сергей Житинский, наш друг Владимир Серебренников и ваш покорный слуга.

Федерация была официально создана 42 года тому назад, в апреле 1962 года.

Называлась она International Button Federation, или сокращенно IBF.

Пожизненным ее президентом являюсь я, мой брат имеет должность вице-президента, а Вовка – статс-секретарь и казначей, как наиболее честный из нас.

Когда выбирали президента, голосовали так:

– Кто за то, чтобы Сергей был президентом?

Один голос – за. Голос Сергея.

Кто против?

Два голоса против.

– Кто за то, чтобы президентом был Вовка?

Один голос – за. Голос Вовки.

– Кто против?

Два голоса против.

– Кто за то, чтобы президентом был Шура? (это моя домашняя кличка тех времен.)

Один голос – за. Мой голос.

Два голоса – воздержались.

Таким образом я стал президентом.

Вообще это целая книга.

Это целая жизнь.

Привет, Федерация!

Сегодня мы встретились в ресторане «Айвенго» и отметили очередной ДР Федерации.

Предыстория Федерации
30 апреля

С 1948 по 1954 год я жил в Москве, на Новопесчаной улице, в доме номер 5.

Кроме нормальных увлечений мальчишек нашего и окрестных дворов типа футбола процветал и так называемый пуговичный футбол, то есть мы гоняли на подоконниках пуговицы. Большие пуговицы были игроками, а маленькая пуговица от сорочки изображала мяч.

Пуговица-тренер нажимала на пуговицу-игрока, та скользила по поверхности и ударяла пуговицу-мяч.

Пуговица-мяч перемещалась в нужном направлении или летела в воротики, которые защищала большая пуговица-вратарь.

После этого ход переходил к противнику.

У каждого играющего были любимые пуговицы, любимые команды.

Поверхностями иногда служили не подоконники, а полированные столешницы.

Но редко.

В 1954 году наша семья уехала во Владивосток, и увлечение это забылось.

Начало Федерации
30 апреля

Я пропускаю примерно 6 лет, в течение которых я закончил школу во Владивостоке, поступил в институт, потом перевелся в МАИ, а потом и в ЛПИ им. Калинина в Ленинграде, когда в Питер перевели отца.

В 1960 году мы с братом очутились в Ленинграде. Мне было 19, ему 16.

И надо же так случиться, что наш друг детства Вовка Серебренников, успевший со своею семьей пожить в Киеве и вернуться обратно, тоже очутился рядом.

И мы встретились, и достали из загашников свои пуговицы.

Или купили новые, я уж не помню.

Но игра наша сразу вступила в новую, совершенно профессиональную стадию.

Она не шла ни в какое сравнение с прежними погонялками пуговиц на подоконниках.

Года полтора мы играли просто так, постепенно совершенствуя игру.

Игра
30 апреля

Во-первых, мы стали играть на полях из оргстекла, под которые была подложена зеленая бумага, расчерченная в полном соответствии с разметкой футбольного поля.

Первый такой лист с неимоверными трудностями (попробуй купи его тогда!) достал статс. Лист был размерами примерно 80 × 140 см. Под него я собственноручно соорудил столешницу, ибо ни один стол этого поля не вмещал.

Во-вторых, ворота паялись из толстых медных трубочек, с сеткой и с маленькой жестяной коробочкой внизу, называемой «голоуловителем». Сюда падала пуговица-мяч, если ей удавалось пролететь над вратарем и воткнуться в сетку.

В-третьих, каждая команда подбиралась из однотипных пуговиц, каждая пуговица имела свой номер (он наклеивался на бумажке в центре) и фамилию.

Были пуговицы Пеле, Башашкин, Эйсебио и другие, популярные в те времена.

Сколько времени я провел в пуговичных отделах ДЛТ, выбирая пуговицы, которые хорошо скользят и «не прыгают», – одному Богу известно.

Это большая наука – выбирать правильные пуговицы.

Впрочем, наш друг Вовка исповедовал другую школу. Он вытачивал игроков из того же органического стекла, только цветного. Скашивал им края, чтобы их было легко направлять, нажимая тренером. Но все же, как показывает статистика, натуральные пуговицы-игроки были эффективнее выточенных пуговиц.

Многие пуговицы мы срезали с пиджаков и одежд родителей.

Бывали скандалы.

Итальянская опера
30 апреля

Смотрю и слушаю запись «Золушки» Россини.

Когда-то, в 1974 году, случайно переключив программы ТВ, я увидел на сцене 6 или 8 человек, которые пели что-то невообразимо прекрасное. Каждый – свое, а вместе это слушалось как нечто божественное.

Я дослушал до конца и узнал, что это была опера Россини «Золушка» в исполнении Ля Скала.

Моя повесть, переведенная на итальянский, именно так и называется: Ля Скала.

Но это не имеет значения.

С тех пор Россини стал моим любимым композитором, а «Золушка» – любимой оперой.

У меня есть 5 или 6 записей этой оперы в разных составах.

Я знаю ее наизусть (по музыке, не по словам).

Я думаю, что «Золушка» выше «Севильского», хотя ее несколько портит дурацкое либретто.

Но по количеству мелодических открытий она для меня не имеет равных.

Я думаю, что лучшим мелодистом XIX века был Россини, как лучшим мелодистом XX – Пол Маккартни.

Это спорно. Ну что ж.

Икеа и Макдоналдс
10 мая

Я выразил восхищение магазином ИКЕА, и народ мне попенял: не разевайте рта, мол, не все золото, что блестит.

Ну, кто предупреждал, что товары могут быть не самого высокого качества и табуретки рассыпаются, – тем спасибо.

А вот френды, которые чуточку поджав губы, говорили, мол, что же вы, Масса, купились на эту дешевку для студентов (надо было, конечно, сказать «негров и индусов»:), это все равно что восхищаться «Макдоналдсом», – эти френды плохо представляют мою жизнь.

И вообще нашу жизнь «до исторического материализма», а вернее, в нем.

Я впервые попал за границу почти 50 лет от роду, тогда же в моих руках впервые оказалась иностранная валюта в размере примерно 100 долларов, а точнее, это были 700 шведских крон, подаренных каждому члену нашей небольшой делегации от щедрот Шведского союза писателей.

И я оказался с этими кронами в Стокгольме, ощущая себя необыкновенно богатым человеком. Было это в ноябре 1990 года. Но, сунувшись в магазины, я обнаружил, что ни черта хорошего на эти кроны, кроме какой-то мелочишки близким, не купишь. Эту мелочишку я и купил.

И на оставшиеся деньги мы с приятелем пошли в ресторан «Макдоналдс».

Нет, не так. В Ресторан «Макдоналдс».

И надо вам сказать, ощущение мое было таково, что ничего вкуснее я до сих пор не едал, более прекрасного и удобного обслуживания не испытывал, везде было чисто и светло – в «Макдоналдсе» и у меня на душе. И даже негром и индусом я себя не ощущал, потому что вокруг была тьма галдящих веселых шведских подростков.

Вот и я был таким веселым подростком.

Потом я перестал ходить в «Макдоналдс» – и дома, и за границей. Но суть моя от этого не переменилась. И сегодня в Икеа я испытал то же восхищение неофита, который всю жизнь покупал (а иногда и строил сам) мебель из древесно-стружечных плит – громоздкие полированные стенки, тяжелые стулья, массивные кровати. И все равно радовался обновкам.

И никогда не страдал от того, что эта мебель не такая, как у… Вот у кого? Все тогда жили одинаково, кроме узкого круга

партаппаратчиков, в который я не был вхож.

Все спали, ели, любили, умирали на древесно-стружечных плитах.

И в них же уходили под землю.

Потому я и раззявил рот, дорогие мои. Потому что я могу только зайти в салон какой-нибудь итальянской мебели или, не дай бог, в антикварный, но купить там я ничего не могу. А Икеа вроде как по карману. И я никогда не буду страдать по этому поводу.

И даже обрушиваясь всем своим почти 100-килограммовым телом с рассыпающейся икеевской табуретки, я буду кричать: «Да здравствует простое человеческое счастье – радоваться миру, который тебе по плечу, карману и чуть не…»

Наши в городе
29 мая

Посетили вчера концерт «Наши в городе» в «Юбилейном» по приглашению Дианы Арбениной. Ее администратор нас встретила и вручила проходки с надписью «Организатор».

В руках Насти эта проходка была наиболее убедительна.

На Большой сцене рубились корифеи, а на Малой – молодые дарования, объединенные по признаку принадлежности к миру животных: «Дельфины», «Энималз джаз», «Тараканы», «Звери».

Расцеловавшись с Дианой, мы пошли слушать корифеев и смотреть сверху на колышущуюся толпу из VIP-ложи. Толпа была интереснее.

Практически впервые посмотрел на «Кукрыниксы». Пока не врубился. Солист красавчик. С его внешностью лучше петь попсу.

Вообще рок-н-ролл – прибежище людей с ординарной внешностью, которые пытаются компенсировать физическое несовершенство духовным величием. Только, ради бога, не относитесь совсем серьезно к моим высказываниям. Некрасивые девушки бегали стайками в очень открытых сверху и снизу, в районе пупа, маечках. Их обнимали сильные руки парней, раздетых вообще сверху до пояса. Все были счастливы.

Никаких отличий от того, что я видел и слышал 20 лет назад, я не обнаружил. Грохота больше, пиротехники много больше, огромные экраны… А в музыке то же самое.

Это не касается «Снайперов». Надо сказать, что 7 лет назад, когда я впервые услышал Диану и Свету, я поразился именно своеобразной музыке и голосу Дианы, конечно. Тогда и отметил группу, предсказав ей успех. И то, что девочки разошлись, было огорчительно для меня. Но вчера, послушав Диану, я понял, что каковы бы ни были личные мотивы их разрыва, налицо совершенно железная его необходимость в этом электрическом варианте «Снайперов». То, что делает сейчас Диана, она должна делать одна, Свете там просто нет места.

И Диана была великолепна. Полная самоотдача и искренность, с которыми необъяснимо сочетается едва заметная отстраненность, взгляд на себя со стороны – иронический и озорной. Иногда такая улыбочка мелькает типа «ну как я? Круто?»

Очень мне нравится.

Потом был «Пилот», но мы пошли на Малую сцену, поскольку об Илье «Чёрте» я представление имел. Там прослушали выступление «Тараканов», которые сумели-таки вызвать во мне

сильнейшее отвращение. Это тот вариант рок-н-ролла, который я плохо выношу. Немузыкальное орево. Возможно, в записи слушается лучше. Но там я просто устал, наблюдая, как внизу, в стоячем партере, человек двадцать голых по пояс парней сшибались под звуки «Тараканов». То есть это не драка была, но и не танец. Они сталкивались и разлетались, сталкивались и разлетались.

Вот это было по-настоящему красиво.

А главный Таракан… Много я таких наблюдал. Есть желание, но нету особых способностей. И оревом пытается все восполнить. Но отсутствие мелодии в музыке никаким ором не восполняется. Если песню невозможно спеть – это не песня. Для этого нужно придумать другое название.

Рэп, например.

Это не песня. И пускай себе бормочут, тыча в экран и себе в висок указательными пальцами.

А музыку надо петь.

Сегодня будем встречаться с Арбениной и обсуждать ее книгу стихов и песен.

Сценарий
30 мая

У меня был готовый сценарий полнометражного фильма по мотивам тургеневской «Песни торжествующей любви». Заказал мне его мой режиссер, с которым мы сделали три картины («Время летать», «Лестница» и «Барышня-крестьянка»), – Алексей Николаевич Сахаров. Студия Данелии «Ритм» на «Мосфильме» сценарий приняла, и стали искать деньги. Но внезапная смерть Алексея Николаевича два года назад положила этим поискам конец.

В сценарии я довольно точно следовал оригинальному сюжету, лишь место действия перенес из средневековой Италии в дореволюционную Россию. Примерно 1904–1906 годы, поскольку я не совсем представляю себе жизнь в средневековой Италии.

В России тоже, правда, есть свои сложности.

И вот, когда в начале этого года одна небольшая частная студия спросила меня, нет ли у меня чего, я показал им этот сценарий. Со мной тут же заключили договор, выплатили аванс (!) и попросили лишь переделать его в 4 телевизионные серии.

Сюжетного материала для четырех серий было маловато, отсюда возникла параллельная сюжетная линия, связанная с терроризмом. Как известно, в те времена особенно буйствовали левые эсеры. Убийства Плеве, Столыпина, великого князя Сергея Александровича и др.

Я обозначил жанр как историческая фантазия, поскольку ни единой исторической фигуры в фильме нет. Террористы готовят покушение на обер-полицмейстера Петербурга барона фон Клингендорфа (вымышленная фигура и, вероятно, должность), параллельно развертывается любовно-мистическая драма по Тургеневу.

В сценарии сознательно заложена некая кичевость – и историческая, и любовная, и мистическая.

То есть не совсем все всерьез.

В конце практически все гибнут.

Вот такой компот.

Не уверен, что эта история дойдет до экрана. Она дороговата в производстве, и нет пока режиссера.

Опять двадцать пять
1 июня

В третий раз ночью разбили стекло машины.

Это с октября.

Первый раз выдрали с мясом приемник и вытащили панельку из бардачка.

Второй раз вырвали с мясом приемник без панельки.

В этот раз убедились, что ничего в бардачке. нет. Приемник теперь уносим домой.

Объявление им повесить, что ли?

Недоверчивые какие-то.

Мы дома
19 августа

Приехали.

6 недель.

7228 км на спидометре.

7 стран, 30 городов Европы, где мы останавливались или гуляли, проездом:

Турку, Стокгольм, **Копенгаген, Берлин**, Дрезден, **Прага, Вена, Грац, Градо, Венеция (Местре)**, Падуя, **Монтекатини**, Масса, **Марина ди Масса**, Пиза, Лукка, **Флоренция**, Верона, **Инсбрук**, Фюссен, **Мюнхен**, Зальцбург, **Аугсбург**, Нюренберг, Бамберг, **Дармштадт**, Франкфурт, Марбург, Геттинген, **Зольтау**, Любек.

Спасибо всем принимавшим нас!

Спасибо всем, кто следил за нашим путешествием и морально подерживал.

Update: выделил те места, где мы ночевали.

Традиционный сбор 1 сентября

Каждый год 1 сентября ко мне приходят дети, находящиеся в пределах досягаемости, мы едим традиционное блюдо – фаршированные перцы и помидоры, которых я сегодня наготовил целых две кастрюли, а потом мы фотографируемся.

Вот результат.

На этот раз на снимке имеются новые лица.

В верхнем ряду – внук Леша, 1990 г. рожд., младшая дочь Настя 1992 г. рожд.

В среднем ряду: средняя дочь Саша 1982 г. рожд., жена Лена, me, сын Сергей, 1968 г. рожд.

В нижнем ряду – Миша, друг Саши, и Аня, подруга Сергея.

Мы будем жить привычной нам жизнью до тех пор, покуда сумеем. И я думаю, это наилучший ответ на все ужасы и зверства этого мира.

Моменты истины
7 сентября

Экстремальные события ужасны еще и тем, помимо ужасов самих экстремальных событий, что суждения о них, в изобилии появляющиеся, принуждают добрых знакомых подозревать друг в друге врагов или же неискренних, а то и нечистоплотных людей. Только потому, что суждение о событии оказалось не таким, как у них.

Мне всегда было непонятно, почему люди, имеющие с тобой одну и ту же или же сходную точку зрения – непременно люди хорошие, искренние и честные, а те, кто высказывается наоборот или, не дай бог, делает то, что ты не стал бы делать, – это идиоты, мерзкие приспособленцы, завистники и проч.?

Поэтому я не разделяю мнения, что сегодня на митинге было «сто тысяч живых презервативов». Столько презервативов не бывает. Я бы тоже не пошел на этот митинг. Но не потому, что считаю, что на это способны лишь «презервативы». Просто я не очень понимаю его смысл. Впрочем, смысл в стотысячной толпе всегда есть. Возможно, собравшиеся там люди думают так же. Это их право.

Мономах
14 сентября

Ну жалко его, жалко, как вы не понимаете!

Сидит он в высокой башне со звездой и смотрит сухими глазами в угол. Он маленький, и ему всегда хотелось стать удаленьким. Дзюдо занимался, слово держал, бил первым. Не лез на рожон, но от доли своей тоже не отказывался.

И когда привалила нежданно такая доля, не растерялся, вскочил в истребитель и полетел навстречу гибели. Летел, пока не кончилось горючее. Но всю выданную ему землю облететь не смог. Тогда задумался и понял, как тяжела эта шапка.

И никто слова доброго не скажет. Попробовали бы сами, суки.

Он ведь не чемпион, а лишь спарринг-партнер.

Земля постепенно уходит из-под ног, кренится башня со звездой, и уже бежит по лестницам стража – то ли вязать его, то ли с доброй вестью. А ведь хотелось, как лучше, когда шел по красной дорожке упругой своей походочкой чуть вразвалку, а вся эта сволота рукоплескала ему.

Один, совсем один в высокой башне.

Мнение психолога
17 сентября

Моя жалость по отношению к ВВП стоила мне потери нескольких френдов и нелицеприятного обсуждения в чужом ЖЖ. К сожалению, не могу согласиться с бывшими френдами. Я не стебался, но запись моя вряд ли может считаться признанием в любви и лизоблюдством. Просто мне всегда интересен человек, даже если он президент. И поставив себя на место президента, его нельзя слегка не пожалеть. По сути – это жалость к себе, поставленному в сходные условия. (Как у Кушнера: «В каждом мертвом хороним себя».) Видим себя в этой шапке Мономаха, короче, и страшновато становится.

Насчет «пожалел бы лучше детей» – извините, это не ко мне. Вряд ли человек, у которого 4 детей и 3 внука мог не отозваться на трагедию. Но степень чувств при этом превышает всякую возможность публичного их проявления. Только наедине с собой и в церкви.

А вот отношение к ВВП как к психологическому типу, интерес к тому, почему его любят одни и не любят другие – это чисто профессиональное. Писателям, извините за бранное слово, это свойственно.

Ценности
21 сентября

Я сидел дома и производил переоценку ценностей. Мне никто не мешал.

Слева плотной стопкой лежали ценности, которые срочно следовало переоценить. Справа лежало несколько ценностей, которые я не собирался переоценивать. С ними было все ясно.

Я брал этикетку, зачеркивал крестом старую цену, а сверху ставил новую. Таким образом у меня получилась стопка старых ценностей с новой ценой. Однако принципиально ничего не изменилось. Мне это не понравилось, и я сорвал этикетки. Теперь выходило, что ценности вообще не имели цены.

Тогда я выбросил эти ценности в окно. Они летели, как бумажные голуби, в самых разнообразных направлениях. Прохожие их ловили и прятали за пазуху.

Мне так понравилось выбрасывать ценности, что я выкинул и все остальные тоже.

– Теперь я свободен от предрассудков! – сказал я удовлетворенно. – Свобода – величайшая ценность.

И я тут же выбросил свободу в окошко. Она упала на асфальт и больно ушиблась. Прохожие обходили ее молча, делая вид, что ничего особенного не произошло.

Update. Подумал о том, как изменилось понятие свободы и отношения к ней за прошедшие тридцать лет. Какую свободу я выбрасывал в окошко 30 лет назад? Ту, о которой все тогда мечтали, не зная ее? Вряд ли. Выходит, что нынешнюю.

Наврод и Парсия
17 октября

Игорь Ким напомнил об одной моей шалости периода перестройки. Как-то написалась в то веселое время политическая сказочка, которую после долгих опасений (с полгода примерно) поместил в газетке «Литератор» ее редактор Борис Никольский, впоследствии депутат Съезда народных депутатов и главный редактор «Невы».

Ну напечатали и напечатали. Апрель 1990 года. Санкций не последовало, плюрализм, гласность и демократия крепчали на глазах.

Через несколько месяцев мне принесли добытую где-то самиздатовскую брошюру с этой моей сказкой. Она была иллюстрирована в лубочном стиле, сзади были выходные данные: «Самиздат 1990 г. Художник Л. Боброва, редактор Р. Иволга».

И добавление: «Доход от продаж пойдет на благотворительные цели».

То есть они эту брошюрку и продавали, значит.

А вот Игорь Ким увидел ее в штабе демократов, когда делал репортаж о безумце, стрелявшем из ружья во время демонстрации на Красной площади. То есть получилось, что эта сказочка и есть главный идейный документ, подвигнувший террориста, потому как в кадре показали крупным планом желтую обложку этой брошюрки.

НАВРОД И ПАРСИЯ

Сказка

Жил-был мужик. Звали его Наврод. И была у него жена по имени Парсия.

Наврод полюбил Парсию давным-давно. Умная была шельма, молодая и воинственная. Приходила к нему тайком на сеновал, книжки запрещённые давала читать. «Притесняют тебя, Наврод, – говорила, – обманывают! Ты бы их в распыл пустил, Наврод. А я тебе укажу, что дальше делать».

Послушал её Наврод, женился на ней, а на свадебке под шумок ликвиднул притеснителей. Нарядил он молодую жену в кожанку, револьвер ей сбоку привесил, любуется. Вот, думает, какая у меня самая умная и справедливая Парсия! Всё за меня

решает и говорит складно, как мы с нею заживём припеваючи при этом, мать его в душу, компитализме.

Парсия его этим компитализмом ублажала, в избе заместо иконы лозунг вывесила: «Вперёд к победе компитализма!»

Однако времечко идёт, а компитализма всё нет. Парсия мужа погоняет: «Строй, – говорит, – компитализм, и точка!» А Наврод рад бы строить, да не знает, как этот компитализм выглядит, с чем его едят. Пашет и сеет себе потихоньку, как раньше, с Парсией по душам разговаривает. А Парсия знай себе песню поёт: «Нету у меня другой отрады, окромя твоего счастья, Наврод!» Однако покрикивать начала.

Решила она, что Наврод много ест, пышный стал, как калач, принялась его раскалачивать.

Хлебушек по сусекам подмела, коровку со двора увела, Наврода в коммузию определила. А в коммузии той сколько шиша ни сей – шиш получишь!

Пока они так тешились, народился у них сынок, прозвали его Аппликат. Парсии с Аппликатом тесно стало в избе. Наврод им дворец отгрохал, пускай живут, не жалко! Однако Парсия в тот дворец мужа не взяла, в избе оставила. «У тебя, говорит, – Наврод, корни в дерьме, пусть там и остаются. Без корней, – говорит, – ты увянуть можешь».

Остался Наврод по уши в дерьме в своей коммузии. Сколько молочка и хлебушка ни наработает – всё во дворец волокут, а его самого на порог не пускают. Аппликат на дармовых харчах растет не по дням, а по часам. Вымахал здоровенный бугай, с загривка сало капает, глазки маленькие бегают. Стал даже на матушку погавкивать. А Наврода так и вовсе люто невзлюбил: запах от него, видишь ли, не тот. Хотя при случае не забывал напомнить, что он, Аппликат, плоть от плоти Наврода.

Запил Наврод с горя. Но ведь и попить спокойно не дадут! Стала его Парсия корить да пилить, а потом и вовсе водку запретила давать. Наврод на керосин перешёл, но с керосина не тот кураж. «Гори оно всё синим пламенем! – думает Наврод. – Во дворце, небось, не керосин пьют, а очищенную пшеничную, икоркой заедают, птичьим молоком запивают!» Прознал про те мысли Аппликат, на балконе новый лозунг вывесил: «Всё для блага Наврода, всё во имя его!» Но Наврод уже так пьян был, что букв разобрать не сумел.

А в том забытом Богом государстве жила одна старая дева. Звали её Интеллемунтия. Когда-то давно, ещё до Парсии, был у неё платонический роман с Навродом. Пылко любила она его, хотела в люди вывести. Но Наврод не полюбил Интеллемунтию: субтильная дева была, чахоточная и с гнильцой. Парсия ей потом,

когда стала законной супругой, тот роман припомнила и сильно Интеллемунтии навредила. Чуть совсем со свету не сжила. Но Интеллемунтия как-то оклемалась и с тех пор жила тихо – книжечки почитывала, на фортепьянзх играла и на ушко Навроду нашёптывала: «Брось ты эту Парсию, дуру казённую, иди ко мне, будем вместе Моцарта слушать!»

Но Навród про Моцарта ничего не понимал, думал, что это кто-нибудь навроде Аппликата. Сам же Аппликат о музыке был наслышан, поэтому нещадно гонял Интеллемунтию: письма её к Навроду читал, сажал её в карцер, а иной раз выставлял за границу. Но Интеллемунтия возвращалась, потому что без Наврода жить не могла.

Как-то во время зарубежных странствий прямо на панели подобрала Интеллемунтия двух веселых девушек – Демоклассию и Глазность. Тайком привезла их к Навроду, показала. «Пускай хоть с ними потешится, если меня не любит», – так думала. Полюбились Навроду девицы, особенно Демоклассия. Она ему все дозволяла. Хочешь – пей, хочешь – торгуй, хочешь – работай, и никто тебе не указ, никакая Парсия! Сам думай своей головой. Это Навроду понравилось, хоть голову он уже наполовину пропил. Глазность же бегала повсюду, выпучив глаза, и тыкала Наврода носом: здесь у тебя не так и там не слава Богу! Парсия твоя – старая ведьма, Аппликат – бандит, да и сам на себя посмотри, во что ты превратился! И подсовывала ему вместо зеркала жёлтую прессу. Короче говоря, Навроду она быстро надоела, но продолжал жить с обеими, поскольку подружки.

Прознала про то Парсия, забрала девиц во дворец. Стала с балкона показывать и говорить, как она их любит. И уже вроде не Интеллемунтия их на панели подобрала, а она, Парсия, родила и воспитала. Но к Навроду им пока нельзя, потому как он ещё не готов жить с юными существами и может их испортить.

Аппликат тоже девиц обхаживает, скрипя зубами. «Откуда взялись эти суки иностранные?» – думает. Особенно Глазность ненавидит, потихоньку травит ее крысиным ядом; у той уже глазки помутнели. Похоже, вот-вот наставит рога Навроду.

Чтобы того отвлечь, изобрёл диковинного зверя шизомасона. Нечто среднее между мандавошкой и драконом. Стал им Наврода пугать. Говорил, что все беды от него да от Интеллемунтии, которая, мол, шизомасона вывела. Стал этот шизомасон Навроду мерещиться под каждым кустом. Но внешность у него неясная, как у компитализма.

Интеллемунтия тоже попивать стала, Наврода на митинги тянет. Но Навроду некогда – в очередях за водкой стоит. Стоит и мечтает: «Эх, порешить бы их разом – и старуху Парсию, и сынка

её, жирного Аппликата, и юных распутниц Глазность и Демоклассию. И даже ни в чём не виноватую, но гнилую Интеллемунтию. Может, и наступит тогда компитализм?..»

А пока живёт Навród при плюгавизме.

Мы ждем перемен?
24 ноября

Так пел Витя Цой. И я тогда тоже, кажется, ждал перемен.

И вот они пришли, перемены. Много перемен. Каждый сезон по перемене.

Год назад я симпатизировал дуэту Саакашвили – Бурджанадзе и желал им победы над старым хитрым Шеварднадзе. Они победили. И что?

Сейчас я с некоторым страхом смотрю на дуэт Ющенко – Тимошенко и боюсь их победы, потому что ей лучше летать на метле, а ему быть привратником ада. Искренняя киевская молодежь, которая поет и пляшет, безусловно, симпатична и хочет перемен. Но их палатки на площади все одинаковые, как у солдат морской пехоты США, и выстроены по ранжиру. Похоже, палатки закуплены заранее оптом.

Я уже не хочу перемен, все они обманчивы, а их провозвестники лживы. Ни один политик не заслуживает того, чтобы ради него драть глотку на морозе. Оранжевые вы наши.

И дядя Янукович тоже, конечно.

Давайте научимся жить какую-нибудь одну скромную жизнь без размахивания флагами, битья себя пяткой в грудь, выкрикивания лозунгов и прочих атрибутов демократии и фашизма.

Обида
24 ноября

И если уж на то пошло, выскажу я обиду, которую раньше не высказывал.

Вы знаете, когда от нас отделились казахи и узбеки, грузины и армяне, эстонцы, латыши и литовцы, когда распалась эта великая советская империя, было жаль того, что трудом и кровью нажитое единство народа умирает. Ведь советский народ – это была не фикция. Он был на самом деле. И я, бывая в Тбилиси, скажем, чувствовал, что ко мне относятся как к желанному гостю, почти как к родному. В Прибалтике нет, конечно, но – терпимо, не как к своему, ну тут понятно.

И лишь на Украине (на! на! на Украине!) ты был не гостем, а просто своим. Был братом.

А когда все разбежались, оказалось, что лишь один брат думал, что он брат. А другой так вовсе не думал. Другой носил свой камушек за пазухой, а потом стал чуть ли не говорить, что его порабощали.

«Опомнайтесь, пане!» – как восклицал Остап.

И вот за это обидно, как бывает, когда считаешь человека другом и братом, а он-то, оказывается, другом и братом тебя не считал и всегда тайно мечтал улизнуть, хотя и выпито, и спето было много.

К моему другу и брату Мишке Панину, слава богу, это не относится.

(Ну и Крым, конечно, туда же. Да был бы я братом, я бы сказал: «Брат, возьми себе этот Крым, он твой. Не хочу пользоваться чужим добром по прихоти дурака Хрущева!» Вот так братья поступают.)

Не брат, значит, нет.

Фабрика звезд
26 ноября

Но почему только песни?

За литературу обидно, ей-богу. Издатели вынуждены кустарно готовить этих звезд, тогда как идеи Фабрики годятся и тут.

Берутся десятка полтора смазливых мальчиков и девочек. Ну, можно с небольшими уродствами, характерными для писателей. Очки там, горб, хромота, трубка в зубах, берет набекрень а-ля Илья Эренбург. Желательно, чтобы они умели писать по-русски. Можно с ошибками. Есть корректоры.

На глазах у орущей и визжащей толпы они, сидя за компьютерами, сочиняют романы. Ведущие зажигают:

– Маша пишет роман в духе Акунина!

– А-а-а!

– Саша взялся за триллер, он хочет переплюнуть Стивена Кинга!

– О-о-о!

И так далее.

Отрывки тут же зачитываются. Пять передач – романы готовы. Акунин, Донцова, Бушков, Маринина приходят в прямой эфир писать с ними по абзацу и просто поиграть в буриме. Азарт, темп, никакого занудства.

Ручаюсь, что эти романы можно тут же издавать стотысячным тиражом. Я вполне серьезно. Главное, они будут ничем не хуже.

О норме
9 декабря

Некоторые люди не умеют быть нормальными. Им кажется, что быть нормальным, адекватным человеком – стыдно и глупо. Поэтому они изобретают себе специальную манеру поведения, немыслимый имидж или просто становятся мелкими хамами, потому что отвечать, например, учтивостью на учтивость – это явное западло.

Про искусство я уже и не говорю. Гельманист Марат каждый день просвещает нас, что бездарные и очень скучные сумасшедшие нынешних салонов – это и есть современные Ван Гоги и Ренуары. Только они не всегда сумасшедшие. Мальчик Бананан aka Африка – очень расчетливый мальчик. Что не мешает ему быть полной бездарностью во всем, кроме продажи собственной бездарности.

Между тем в обстановке, когда все вокруг псевдосумасшедшие, быть нормальным – это и есть подлинная оригинальность. И прежде всего в человеческих отношениях. Сумасшествие, эпатаж, разнузданность уже не канают, потому что невыносимо скучны прежде всего.

А потом уже и глупы.

Вот вам!
19 декабря, 2004

Где же я работал или не работал, но так, чтобы платили?

– с 1959-го по 1965-й студентом получал стипендию (чаще повышенную) в ДВПИ, МАИ, ЛПИ;

тогда же подрабатывал:

– на пушном аукционе 1 раз,

– репетитором математики 1 раз (нашло отраженив в «Глагол “инженер”»),

– убирал картошку раза 3;

– с 1965-го по 1968-й – получал стипендию аспиранта 78 р. в ЛПИ;

тогда же подрабатывал:

– вел научную тему с грузинами (нашло отражение там же),

– руководил дипломами раза 3 (нашло отражение в «Записках МНС»);

с 1968-го по 1972-й – младший научный сотрудник на кафедре в ЛПИ с зарплатой 105 р. (весь цикл «Записки МНС»)

тогда же:

– руководил студентами на картошке,

– ездил убирать сено («Сено-солома»),

– писал литературные передачи на радио,

– писал сценарии для ТВ («Страсти по Прометею»);

– с 1972-го по 1978-й – руководитель группы в ЛенЗНИИЭП с окладом 170 руб.

Группа состояла из девушки Маши, с которой был бурный роман, разрушивший семейную жизнь Маши и мою, отголоски чего можно видеть в повести «Снюсь», но это к делу не относится.

Подрабатывал:

– на ТВ сценариями;

– на «Леннаучфильме» тем же;

– начал печататься и, следовательно, получать гонорары в журналах и газетах: «Юность», «Студенческий меридиан», «Аврора», «Звезда» и издательствах, в основном «Советский писатель» и «Лениздат».

С 1978-го по 1992-й заработки исключительно литературные за книги, сценарии, статьи:

«Ленфильм», «Лентелефильм, «Мосфильм», «Беларусьфильм» и др.;

издательства Питера, Москвы, зарубежные за переведенные книжки.

С 1992-го по сей день заработки в основном связаны с издательской деятельностью в собственном издательстве и немного с кино.

Скучно получилось, но что есть.

Моя мама
26 декабря

Сегодня день рождения моей мамы Антонины Илларионовны Житинской (Балаклиец).

Ей исполнилось бы 92 года.

Десять лет назад она умерла.

Она родилась на Брянщине, в селе Людиново, но уже в раннем возрасте попала на Кубань. В семье было пять сестер и старший брат Степан. Но семья рано потеряла мать (даже не знаю, отчего она умерла), старшего брата в Гражданскую расстреляли (то ли красные, то ли белые, тоже неизвестно), а потом умер и мой дед, задолго до моего рождения. Его звали Илларион, вот все, что мне о нем известно. И сестры выживали там, на Кубани, в станице Петербургская (Петроградская, потом Ленинградская). Старшая сестра тетя Шура была за маму, следующей была тетя Нина, потом моя мать, и младшие тетя Таня и тетя Рая. Все они, кроме матери, прожили там всю жизнь, в этой станице.

А мама подалась на заработки и оказалась официанткой в столовой летного состава в г. Ейске, где отец был инструктором летной подготовки. Он ее катал на боевых самолетах. В результате в 1931 году родилась моя старшая сестра Ирина, которая умерла во младенчестве. А отец с матерью поженились.

В 1937 году отца арестовали, и мама два года была женой «врага народа». Но ждала отца и надеялась. В 1939 году отца освободили и он вернулся к ней. А в 1941 году родился я. Тут началась война, и мама со мной отправилась в эвакуацию на Волгу, под Куйбышевым, а отец сначала готовил летчиков в училище, а в 1943 году отправился воевать на Северный флот (он был морской летчик).

Когда война закончилась, перед отцом встал выбор – возвращаться в семью или остаться со своею «фронтовой женой», имени которой я не знаю, но которая тоже, по неясным слухам, родила от него. Мама знала эту историю. Отец вернулся к нам, нас было уже трое, потому что в 1944 году родился мой брат.

Потом мы уехали в Порт-Артур, дальше вернулись в Москву, и в 1949 году родилась моя младшая сестра Наташа.

Всю жизнь мама была с детьми, сначала с нами, потом с нашими детьми.

Говорят, что старший сын наследует ум отца и характер матери. Наверное, так оно и есть, потому что мама была очень понимающим людей человеком. Больше даже, чем отец. (Тут я как бы себя хвалю, но на самом деле хвалю маму.) Несмотря на то что у нее не было даже среднего образования, она разбиралась в людях и в жизни и была тем центром семьи, который нас объединял. Моя сестра унаследовала от нее это качество, мы с братом нет. В третьем поколении этой чертой – объединения –

обладает моя старшая дочь Ольчик. В ней много от «Тоси-бабули», как называли мы ее в последние годы ее жизни.

Мир ее праху, я ей очень благодарен.

С Новым годом!
30 декабря

Я хочу поздравить вас с Новым годом, мои френды и юзеры, которые меня читают.

Я уже в том возрасте, когда каждый Новый год может быть последним, который мы проведем вместе.

Впрочем, всё в руках Господа Бога.

Мне хорошо с вами. Я вас люблю за то, что вы снисходите до общения с человеком другого поколения и других взглядов. За многие из них мне стыдно, но я ничего не могу сделать с собой, я привык быть честен со своими читателями.

Стыд – это самая стойкая человеческая эмоция. Можно забыть, как ты был счастлив, как любил и страдал, но мгновения стыда забыть невозможно. Они являются самым сильным стимулом творчества.

Мне было стыдно здесь не раз. И я прошу у всех прощения. Но эти мгновения могут породить что-то другое, что искупит вину и даст новую красоту жизни.

Спасибо вам за понимание.

И веселого Нового года!

2005

Курьер из Минска
1 февраля

Сегодня звонит в «Геликон» какой-то чувак и говорит, что он, мол, курьер из Минска и что он привез мне заказанные мною книги.

– Какие книги? – спрашиваю.

– Вы заказывали в мае 2004 года следующие издания: «История государства Российского» Карамзина, Сборник афоризмов и четырехтомник Даля в подарочном издании. Кожаный переплет. Доставку 620 рублей вы оплатили… Александр Николаевич Житинский. Тут вот написано. Их долго печатали. В Минске.

– Да уж… – говорю. – Что-то не припоминаю. А где это я заказывал? В Интернете?

– Нет. Почтой. Доставка оплачена. Привозить?

– А сумма? Сумма заказа?

– 3750 рублей, – говорит.

«Вряд ли я мог заказать книг больше чем на 100 баксов, даже по пьяни», – думаю. Но все же сомневаюсь. Что ни говорите, склероз и маразм.

– Даль у меня есть, – вяло отбиваюсь.

– Подарочное издание! – он непреклонен.

– А что будет, если я откажусь? – спрашиваю со страхом. Вдруг засудят? Или расстреляют.

– Это дело вашей совести. Денег за доставку, которые вы заплатили, вам не вернут.

Несколько секунд во мне борются жалость к неизвестно когда заплаченным 620 рублям и к тем трем с лишним тысячам, что предстоит отдать. Вторая жалость явно перевешивает, тем более, что о первых деньгах не помню, а вторые нужно вынуть из кармана сейчас.

– Да вы посмотрите на них! Я могу приехать. Мне сегодня в Минск выезжать, я три заказа уже роздал! – не унимается курьер.

– Ну приезжайте… – сдаюсь я.

Потом жду, изобретая способы – как бы не покупать этих чертовых книг. И тут приходит наша верстальщица Ира и рассказывает, что им еще летом звонил курьер из Минска, тоже привез книги, которых они не заказывали. Я облегченно вздыхаю.

И вот через 10 минут звонок в дверь. На пороге облепленная снегом девушка с тремя пакетами книг.

– Книги вам привезла заказанные.

– Вот что, девушка, – веско говорю я. – Мы тут навели справки. Если вы не хотите, чтобы приехала милиция, ступайте с вашими книгами. Мы сразу поняли, что это мошенничество! (Ну да, практически сразу!) Идите!

– Да я… – лепечет она.

– Идите, не то вызываю милицию.

И она убирается.

Конечно, круче было бы разыграть следователя и конфисковать книги как вещдоки.

Но до такого уровня мое нахальство не поднимается.

Все же сто баков спас.

Приятно.

Чудесная быль
8 февраля

Сегодня в криминальной Дежурной части.
Чудесная история.

Криминального авторитета Мухаметшина по кличке Муха осудили на 6 лет.

И вот два конвоира везут Муху в тюрьму.

Происходит это где-то в России, среди лесов и полей.

И Муха говорит: ребята, давайте в лес свернем, посидим, выпьем на прощанье. Я пацанам позвоню, приедут, водки привезут, баб…

И что бы вы думали? Сворачивают.

Звонят пацанам, те приезжают, привозят водки и баб. Все сидят на полянке, пьют. Идиллия.

Мухе хочется бабу. Но не на лужайке же ее заваливать? Пробует снять сиденье от машины – не получается. Тогда он говорит: «Я матрац привезу сейчас!»

Садится в машину с бабой и уезжает.

Один конвоир говорит другому:

– Вася, а это не побег?

– Не-ет, ты что? Вернется. Он же обещал, – говорит другой.

И они продолжают пить с пацанами на этой поляне еще 6 (шесть) часов. Ждут Муху.

Муха не возвращается.

Едут рассказывать о случившемся. Их сажают вместо Мухи. Ждут приговора.

Грозит до 10.

А вы говорите – почему русские лучше всех? Вот почему.

Центр тяжести
8 февраля

Те, кто изучал физику, это знают: центр тяжести самолета должен располагаться посередке, там примерно, где лопасти прикрепляются к фюзеляжу. А для этого большинство пассажиров должно сидеть смирно и не рыпаться – там, где их посадили.

Но вот сижу я в самолете в центре салона и вижу, что одни побежали к кабине, права качать и учить пилота, как ему вести самолет, а другие побрели в хвост – курить, пить и ругать тех, кто в кабине и рядом. А в центре салона пусто стало. Сидят старички, которые уже ходить не могут, и люди, занятые каким-нибудь нехитрым делом.

Перевернут ведь машину, думаю я. Да еще время от времени кто-то вихрем из хвоста к носу промчится или наоборот. И вот они роятся там, жужжат, злобно перекрикиваются через весь салон, а я животом чувствую, насколько неустойчив центр тяжести. Еще хоть один ринется туда или сюда – и перевернемся.

Всем будет хана.

В центре тяжести должны сидеть тяжелые люди. И их должно быть много. Запомните это, дети.

Тогда не перевернемся. И можете смело размахивать руками в хвосте и гриве.

Надеюсь, я достаточно ясно выразился.

Читая утренние ленты
9 февраля

Ситуация вокруг моего *бывшего племянника (тм)* меня сначала удивляла, потом огорчала, а теперь уже откровенно веселит. Очень много про него прочитал и кое-что про себя. Понял, что был наивен, не полагая себя *полным идиотом*. Таки да, полный. Ничего не поделаешь. К тому же никчемный резонер, на хер никому ненужный.

Все это так, это бодрит и радует. Во всем надо искать и находить радость. Мои критики, назовем их так, могут приписывать мне что угодно, но вот чего нет категорически – это злобы и ненависти. Ни к моему *(тм)*, само собой, ни к его адвокатам, даже к тем, кто постоянно пытается учить меня жить и чувствовать.

Я не буду ничего чистить. Все свидетельства «за» и «против» сохраняются для потомства. Историю не переписывают. Но поляризация, о которой я хотел сказать своей аллегорией о неустойчивости самолета с лопастями вместо крыльев, наблюдается очень четко. Как заводишь разговор о детях или о птичках, все кажутся нормальными, милыми, вменяемыми единомышленниками. Но стоит о России, евреях, политике – тут же все разбегаются в разные углы и начинают оттуда стращать, вещать и верещать. И если бы не доставшееся мне от матушки чувство юмора, а от отца невъебенной силы ум, я мог бы свихнуться.

Но злобы нет. Приходите, ищите, перетряхивайте ленты. Всех люблю. Только одних как верных друзей, а других просто как забавные экспонаты жизни.

Кстати о самолете. Подумалось вдруг, что та весомая часть народа, которая сеет, пашет, печет булки, крутит баранки и грызет сушки, а также хохочет на концертах Петросяна и Задорнова, ходит голосовать за Путина и которая, по моей прикидке, создает пока остойчивость самолета, летит совсем на другой машине. И похоже, в другую сторону.

А мы на своем легком, утлом, почти невесомом воздушном суденышке, размахивая маленькими кулачками, летим в тартарары, считая себя солью земли, а тех, пашущих, – быдлом, зомбированным электоратом и *бешеными собаками (тм)*.

Привет от Быкова
12 февраля

Потерял из виду Быкова, телефон не отвечал, а Быков, оказывается, в Штатах. Прислал большое письмо. Читает там какие-то лекции, сочиняет стихи и следит за нашими баталиями.

А меня наши баталии утомили и опустошили. Не люблю, когда нервно и взвинченно. Не люблю ходить и придумывать аргументы, как «размазать» противника по стене. Мне это не доставляет удовольствия. Не люблю видеть людей, к которым отношусь нежно, по другую сторону баррикады, а других, к которым отношусь с опаской, – по ту же, где и я.

Да и баррикады ненавижу, если честно. Особенно возведенные в голове.

Голова должна быть без баррикад.

Я люблю хвалить, люблю поддерживать мысли собеседника. Когда их поддерживаешь, они не падают, держатся друг за друга и вместе добредают до какой-нибудь светлой гавани. А когда лаешься, они никуда не добредают и, ощетинившись, рычат на пороге, как бешеные собаки. Ведь в любом из нас можно найти то, за что нас можно хвалить и любить, как и то, за что можно ненавидеть. Но ненавидеть все равно не надо.

Я надеюсь, что все мы желаем блага России и верим в ее будущее. За исключением тех, кто уверен, что ей вот-вот наступит PIZDETS, как они выражаются. И хотя мы по-разному видим пути к этому благу, нам важно не перебить друг друга, споря о правильности этих путей.

Милой
8 марта

…Милая моя, родная. Ты спишь сейчас, а над тобою кружатся веселые ангелы нашей любви. Той любви, которой не было и нет в этом мире, той любви, рассказать о которой нельзя никакими словами.

Ты прекрасна, и это все, что я о тебе знаю. Ты волшебна, воздушна и искренна. Ты терпишь меня, ты миришься со мной, хотя мне это никак не удается. Ты странное чудо, которое послал мне Господь, когда я утомился от скитаний.

Я люблю тебя, хотя не смею задуматься о том, знаю ли я это чувство.

Я люблю тебя.

Запоздалое открытие
17 марта

Нет, что ни говорите, а бывают женщины, в которых не то чтобы влюбляешься с первого взгляда – такое случается часто, – а готов чисто по глазам, ничего еще не зная о ней, предложить сразу руку, сердце, кошелек и жизнь.

При этом откуда-то берется необъяснимая уверенность, что это правильно и ошибка исключена.

Красота тут ни при чем. Только глаза.

Прогулки с Бродским
20 марта

Посмотрел наконец 1-ю серию фильма «Прогулки с Бродским».

Бродский и Рейн в сопровождении маленькой съемочной группы бродят по Венеции. Бродский рассказывает, читает стихи. Рейн практически безмолвен. То есть, вероятно, он что-то говорил, но в фильм это не вошло. И это правильно. Мне приходилось пару раз общаться с Рейном в одной компании, он произвел странное впечатление. Более не буду. Абсолютно неадекватная Бродскому фигура.

Еще раз убедился, что в Бродском больше всего люблю даже не стихи его, которые мне нравятся очень выборочно, но среди них есть действительно гениальные, а совершенно удивительное его отношение к стране, которая его изгнала, и особенно к ее народу, который его, в сущности, не знал и не знает. Очень правильное отношение к народу, и в фильме он об этом отношении говорит.

Ни интеллигентского снобизма, ни интеллигентского сюсюканья и «любви к народу». Но поразительное ощущение единства через язык. Он прямо говорит, что, когда по утрам в ссылке он получал наряд на работу и шел куда-то делать эту работу, он думал о том, что сейчас миллионов сорок человек в России тоже, как и он, идут делать свое нелегкое дело. И он ощущал с ними связь и единство.

Надо иметь смелость, чтобы так сказать. И надо иметь смелость так чувствовать.

Сон
30 марта

Некогда даже сон вчерашний записать.

Поскольку сегодня сна нет ни в одном глазу, пишу старый.

Будто мы где-то далеко на Севере, на каком-то острове в районе Гренландии с довольно большой литературной делегацией. Принимает нас мой шведский друг Петер Курман. Из делегации никого не помню, но помню, что много детей почему-то. Гораздо больше, чем взрослых. То есть взрослых человек 7, а детей вдвое больше примерно. И я всеми руковожу, конечно.

Неизвестно, что мы там делали, но помню, что купили какую-то дуру в деревянной упаковке весом в несколько тонн. Такой грубый ящик в форме куба со стороной в два метра. И его за нами возят на салазках. А там типа станок печатный, офсетная машина.

И я непрерывно думаю – как же мы эту дрянь попрем домой? А переть надо корабликом до Норвегии, чтобы там пересесть на теплоход. В самолет эту дуру не возьмешь.

Петер тоже озабочен нашим выпроваживанием и говорит, что, мол, отсюда ходит регулярный кораблик, но там столпотворение, билетов не достать и неизвестно, возьмут ли станок. Но есть, мол, еще кораблик, которым управляют моряки, пережившие крушение. Тонувшие, то есть, но недотонувшие. При этом он почему-то называл их утопленниками.

Когда он это рассказал, коллеги категорически отказались на таком корабле с утопленниками плыть. И вот мы идем на пристань гурьбой, за нами волокут станок. Неужели у них тележки не было на колесиках? Волоком тащат. И я потихоньку вынашиваю мысль: да бог с ними, с утопленниками! Может, поехать на их корабле? Тонули, но не утонули же! Там просторно, никто с ними плыть не хочет, билеты есть.

Приходим, я собираю группу и говорю:

«Вот что, друзья. Вы видите, есть два корабля. Один обычный, а вторым управляют бравые моряки, сумевшие выжить в сложнейшей обстановке крушения. На каком мы поплывем? Я предлагаю решить вопрос голосованием, это демократично. Голосуют все. Голоса детей тоже считаются!.. Кто за то, чтобы плыть на корабле с недотонувшими, так сказать, матросами?»

И сам первый поднял руку.

И все дети, конечно, тоже подняли руки.

Я обернулся к взрослым членам делегации и говорю: «Ну, вы видели?»

Дальнейшего не помню. Наверное, все-таки уплыли.

Стихи
9 апреля

Близкие знают, что Масса, когда выпьет сильно, начинает читать стихи. Свои и чужие.

А когда выпьет еще больше, начинает петь.

Поэтому читаю стихи. Петь не буду.

Выбрал три из книги «Этюды пессимизма». Книга, естественно, неизданная, для внутреннего пользования.

Все это написано примерно 35 лет назад.

ТОСТ
Дерябнем по маленькой, что ли?
Посмотрим стакан на просвет.
В моем мутноватом глаголе
Давно уже крепости нет.

Дерябнем по-тихому, чинно,
Без всяких возвышенных фраз.
Причина? Найдется причина!
Была бы возможность у нас.

Мы смирные, мы не деремся,
Не черпаем удаль в вине.
Смирны мы, пока не напьемся,
А если напьемся – вдвойне.

Мы тихие. Так получилось,
Что сдержанность стала лицом.
Не можем, скажите на милость,
Назвать подлеца подлецом!

Не можем мы даже признаться,
Что больше не можем… Каюк!
Остыли мы, милые братцы,
Сгорели внутри, как утюг.

По-прежнему, разве что, в силах
По старой привычке своей
Всем скопом кричать о России,
Когда надо плакать по ней.

В ДОМЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Какая-то пьяная морда
И пластырь на ней, словно хорда.
Глаза нагловатые узки,
И чертиком прыгает мускул.

Вот морда за нею другая:
Ухмылка от края до края
И нос безобразного цвета
Ее выдают как поэта.

Вот третья маячит в тумане:
– Цыгане, – кричит, – где цыгане?
И светятся уши, как свечи,
Ловя бестолковые речи.

Собрались служители музы.
Трещат биллиардные лузы.
– Туза от борта в середину!..
Простите мне эту картину.

МОЛИТВА

Жить по вашим законам – увольте!
Пусть я буду по горло в дерьме,
Хуже негра в Республике Вольте,
Горше узника в черной тюрьме.

Пусть я буду последним из нищих
Или первым шутом у ворот.
Пусть свинцовой толпой в сапожищах
Мою душу растопчет народ.

Пусть друзья от меня отвернутся
И семья проклянет навсегда.
Пусть никак от греха не очнуться,
А потом не сгореть со стыда.

Пусть я буду с любимой в разлуке,
Пусть умру я, как зверь, в стороне,
Жизнь сгубив на бесцельные звуки…

Боже мой, протяни ко мне руки,
Протяни свои руки ко мне!

Скажи, куда ушли те времена…
21 апреля

В кассовое окошечко ДК им. Горького народу не было никого. Зато к окошку администратора, за которым пряталась Ольга Слободская (рок-клубовцы ее прекрасно знают) очередь была солидная.

И по длине, и по возрасту.

Бывалые рокеры, кожаные куртки, немытые патлы, испитые физиономии.

Многие мне узнающе кивали, думая, вероятно, примерно так же насчет моей физиономии.

Никто из нас не помолодел.

«Скажи, куда ушли те времена…» – как пел герой вечера, ушедший от нас четырнадцать лет назад.

Нам с Крошей выдали по бейджику ГОСТЬ, гарантировавшему места в амфитеатре и проходку за кулисы, и мы вошли в зал.

Удивило относительно малое количество народу. Ладно, подтянутся, подумал я, но зал так и не был заполнен – до окончания концерта оставались свободные места, что меня изрядно удивило. Не знаю, может быть, зарядили немыслимую цену, но было обидно. Концерт стоил того, чтобы там быть.

Конечно, это была восхитительная халява в духе восьмидесятых вообще и ЗООПАРКА в частности. Уже при входе в зал встретился маловменяемый Старцев (редактор самиздатовского журнала РОКСИ – здесь и далее примечания для молодежи). При этом пьян он вроде не был, просто как-то тягуче соображал и говорил. Небритый, беззубый и страшный. Боже, что с нами сделали эти двадцать лет.

Мы уселись рядом и стали внимать.

На сцене появились Сева Грач (бывший директор ЗОО) и Саша Семенов – ведущий рок-концертов периода перестройки. Причем вел он их не в рок-клубе, для этого он был не очень компетентен, а в разного рода Дворцах спорта и других местах, куда с 1987 года стали пускать рокеров.

Минут десять ведущие заполняли паузу, во время которой за кулисами искали Губермана (знаменитый барабанщик, недавно вернувшийся из длительного пребывания за рубежом, тоже примерно двадцатилетнего. Играл в АКВАРИУМЕ и много еще где записывался).

Ведущие взывали к огромному портрету Майка,

водруженному на заднике. Майк был хорош – молод, красив и как-то уверен в своем будущем. Он как бы возложил руки на софитные стойки и спокойно взирал на зрелище внизу, посвященное недостижимому для него пятидесятилетию.

Но вот показалась первая команда, возглавляемая Александром Донских.

Пожалуй, я не буду делать сносок для молодежи. А то эти заметки выльются в книгу. Донских немного играл с Майком, что дает ему сейчас право отчасти быть его наследником, что, конечно, забавно. Он спел две песни Майка, а третью – свою на его стихи, этакий длинный романс в духе 20-х годов, под который на сцену выпорхнула барышня с огромным газовым белым шарфом и стала танцевать, невозможно в нем путаясь. Иногда ей удавалось завернуться в него, как кокон, но она всякий раз умело выпутывалась, делая вид, что так и надо.

Я ждал, что она упадет, побежденная шарфом, но она выстояла.

Майк взирал с высоты и был хладнокровен.

Затем на сцену вышел состав под предводительством Шуры Храбунова – гитариста ЗОО, а на вокале были Володя Козлов, когда-то возглавлявший СОЮЗ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ РОК, и его сын. И вот здесь начался драйв, начался рок, началось то, ради чего все сюда и пришли.

Нет, они не стали играть лучше. И звук был, как всегда в рок-клубе, на троечку. Но чего не смогло у них отнять время – это драйва. Время и шоу-бизнес, который лишает драйва. Но если от времени не уберечься, то от шоу-бизнеса можно. Они не стали звездами, но что такое рок – они знают. Звучали песни РОЛЛИНГ СТОУНЗ, T-REX и Майковские песни. Это было по-настоящему. И молодой сын ветерана рока прекрасно вписался в эту компанию стариков.

И вышедший вслед за ними Андрей Заблудовский из СЕКРЕТА с какой-то своею группой прекрасно поддержал этот настрой, исполнив несколько песен Майка. И тут мне стало ясно, что происходит. Время отступило, и мы вернулись на 20 лет назад, в полуподпольный рок, в атмосферу запретов и квартирников, когда каждое спетое со сцены слово казалось последним. И то, что СЕКРЕТ представлял не звездный Леонидов, а оставшийся в рок-народе Заблудовский, тоже было оправдано. Это не был концерт звезд, все были на равных – и Шевчук, и ЧАЙФ, и Башаков с Комаровым, и уже практически безымянные рок-музыканты восьмидесятых, которые не стали звездами не только потому, что были не так талантливы, работоспособны, приспособляемы к шоу-бизнесу, а еще и потому, что им это

претило.

Я уверен, что Майк никогда не вписался бы в шоу-бизнес, не светился бы на телеэкране, не получал бы орденов четвертой степени. Скорее всего, он спился бы, если бы остался жив, играл бы по клубам и иногда выпускал диски. «Я слушаю только любительские группы…» – спел он когда-то от лица юного любителя рок-н-ролла и навсегда остался честным любителем, оставившим самые честные тексты в русском роке. За это его помнят и любят.

И мы пошли за кулисы брататься со старыми друзьями и приятелями.

Там были все. Проще сказать – кого не было. Не было Джорджа, не было Коли Михайлова, бессменного президента. Не было Марьяны Цой. И мы, помятое рок-н-ролльное старичье, принялись лобызаться и фотографироваться на память, отгоняя от себя мысль, а не в последний ли раз мы видимся.

Когда-то стариком среди них был я один. Вчера стариками были уже все. Они меня практически догнали.

Я курсировал между кулисами, откуда снимал сцену, и гримерными и буфетом. Выпил всего 50 граммов коньяку, что удивительно. Кое-что из концерта пропустил. Дальше обрывочные впечатления и фотки, сопровождаемые комментариями.

Вот Саша Чернецкий (РАЗНЫЕ ЛЮДИ). Мы познакомились в 89-м году на фестивале «Авроры». Тогда Саша с трудом двигался, с палочкой выходил на сцену (у него какая-то мудреная болезнь позвоночника) и, честно говоря, казалось, что он долго не протянет. Но вот – живой! Поет, и как поет.

Он спел майковских «Гопников» – мощно, как всегда. Его статуарность, неподвижность перед микрофоном (из-за болезни) в сочетании с исключительной энергетики голосом рождают совершенно удивительный эффект.

Потом я заглянул в гримерку БИЛЛИ'С БЭНДА и сопроводил их на сцену, чтобы тоже заснять.

Далее я переместился в буфет, где встретил Наташу Науменко, а потом туда подошел ЧАЙФ, и мы тоже пофотографировались. Вторично познакомился с сыном Майка Женей (первое знакомство состоялось, когда ему было лет 5 дома у Майка).

Где-то по пути мне встретился Митя Шагин, с которым, как водится, троекратно расцеловались.

А на сцене рубились Миша Башаков и Кирилл Комаров, которые мне страшно понравились. Хочу послушать на диске, а то знаю практически лишь переложения Башакова «Элис» и «Не парься».

Но вот на сцене появилась странная команда во главе с Дибровым. В ней были Ляпин и еще двое – гитарист РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ и лысый и неизвестный мне молодой человек, который играл на гармошке.

Дибров стучал на драм-машине и пел песни Майка. Это было неплохо, но достаточно попсово, как и все, что делает Дибров. Но началось с инструментального соло профессора Ляпина, а в

середине второй песни последовал длиннющий проигрыш, во время которого на сцену вышла потрясающая девушка на голову выше всех и с джинсами практически на уровне лобка – и принялась петь что-то индийское. Во всяком случае, так я это обозначил.

Все рты пораскрывали. Я шепнул стоящему рядом Шагину: «Это просто п…ц какой-то!» Митя согласно кивнул.

Удалось выяснить, что она вроде бы американка и что-то преподает в Университете. За точность не ручаюсь.

И наконец за кулисами появился БГ.

Мы с ним опять-таки ритуально расцеловались, но в этом обряде уже не было ни теплоты, ни интереса друг к другу. Пустая формальность, увы.

Боря вышел и спел одну песню с альбома «Все братья – сестры». Ляпин и Фан (Файнштейн = Миша Васильев) ему подыгрывали. Потом БГ взмахнул рукой и удалился.

Через пять минут они с Дибровым вдвоем покинули место действия.

И это было справедливо. Они были там уже не свои.

И была еще одна встреча. Встреча с Сережей Даниловым, которого почти не узнал. В свое время он считался лучшим гитаристом Питера. Играл в МИФАХ. Сильно пил. Однажды и мне довелось с ним загулять и заночевать у него дома на диване, которому потом Сережа посвятил песню, где есть и строчка о том, что, мол, Житинский тоже на нем спал. История дивана в песне, короче.

Потом он подшивался, потом у него было два инфаркта и операция на сердце. Потом он снова запил. Сейчас подшитый.

Он очень добрый и славный человек, я к нему отношусь нежно, но не знаю, как помочь. Вот помог выпустить кассету несколько лет назад. Возможно, издам его стихи, он спрашивал, нельзя ли.

По таланту музыканта он вполне мог бы сейчас играть в звездной группе. Но жизнь сложилась иначе.

И для меня рок сейчас – это Данилов, это многие из тех, кто там был.

Те, кто остался с Майком.

В заключение показывали фильм. А потом должен был быть общий джем, на который мы не остались и также не поехали в кафе ЧЕ, где гостей ждало угощение.

Мы вернулись домой и тихо выпили за те времена, которые ушли безвозвратно.

Привет из Стокгольма
8 мая

Вчера выступал в ресторане «Кварен», куда нас с Горчевым вписал без нашего ведома мой друг Петер Курман. Оказывается, там была небольшая книжная ярмарка. Горчев выступать категорически отказался и отсиживался на Готланде, ну а мне деваться было некуда, Петер просил, мол, он меня представит и все сам скажет.

Приехали мы туда всей семьей к 3 часам, как договорились. Петера нет, за вход требуют 40 крон. Я говорю, мол, партисипент. Пустили.

Там не протолкнуться и дым коромыслом. Нашли место, где выступают, это оказался бар. Петера нет. Сидим, ждем.

Кто-то читает по-шведски, все по расписанию.

Наконец он заканчивает, и ведущий говорит бла-бла-бла, где мелькают наши с Горчевым фамилии.

Ну что делать? Назвался груздем…

Выхожу к микрофону.

– Это я, – говорю.

– Мистер Горчев?

– Да, мистер Горчев, – киваю.

Пусть, думаю, собаке Горчеву вся слава достанется, мне не жалко.

– А где мистер Джитински?

– А хуй его знает, – отвечаю я в манере Горчева.

– ОК, – говорит он и дает мне микрофон.

И я на ломаном английском объясняю насторожившейся публике, что стихи я пишу редко, но метко, обычно все прозой. Но вот недавно удалось написать одно приличное, которое и зачитаю. Называется «Август».

И выкатываю им в полном блеске пастернаковский «Август». Стихи, безусловно, гениальные, Горчеву будет не стыдно.

К концу чтения врывается опоздавший Петер.

– О май френд!

И дальше он по-шведски что-то им объясняет, при этом мелькает моя фамилия. Не знаю, по-моему Петер все же Горчева подставил. Но шведы вежливые, поаплодировали.

А мы пошли пиво пить.

Хроники «Геликона» (крик души)
14 мая

Боже, как он мне надоел…

И это любимое детище, созданное почти 15 лет назад, кормящее худо-бедно (в прямом смысле слова), но осточертевшее, как старая любовница, с которой уже неинтересно и непонятно, что нас вместе удерживает.

Последние месяцы только об этом мысли.

Либо – как избавиться, либо – что и как сделать, чтобы было наконец хоть как-то приемлемо и интересно.

Как чемодан без ручки, точно.

Запустение, бардак, все идет как попало, последняя серия чудовищных ляпов (видимо, Горчев, но даже тут непонятно, кто же больше всех напахал), когда пришлось перепечатывать тираж обложки в 1000 экз. и еще часть вклеек, сегодняшний прокол (отчасти мой) – и в довершение разговор с новым временным бухгалтером, очень профессиональной на взгляд девушкой Аней.

У Ани волосы дыбом от нашей бухгалтерии.

Два года назад уволилась бывший главбух Татьяна Ивановна. Нормальный бухгалтер с соответствующим образованием. Она мне часто выговаривала за пренебрежение к ее делам. За невнимание, точнее. Каждый квартал я подписывал кипу справок в бухгалтерском квартальном отчете.

Вместо Т. И. пришла Катя, бухгалтер-самоучка. Она меня вообще не трогала, и я ее тоже. Как-то там все вертелось.

Сегодня новая бухгалтер Аня (Катя ушла рожать и успешно родила, уволившись) спрашивает: а где отчеты за прошлый год?

Я говорю, да я не помню, чтобы я хоть один подписывал.

Спрашиваю нашего исполнительного директора: ты подписывал квартальные отчеты?

Нет, говорит.

Как же она их сдавала? И сдавала ли?

Как скучно это рассказывать. Но в разговоре с Аней выяснилось, что лучший, гораздо более дешевый путь, чем восстанавливать отчетность, – это ликвидировать предприятие. За деньги, разумеется.

Мне эта мысль понравилась чрезвычайно.

Ликвидировать и всех уволить. Нах.

Завести новенькое, блестящее. Брать обратно только тех, кто умеет и хочет работать (у нас такие есть).

И ни в коем случае, ни под каким видом не быть там

директором!

Ненавижу.

P. S. Все обязательства перед авторами, безусловно, будут выполнены. Это просто крик души, надо же когда-то покричать. Книжки-то мы, несмотря на, иногда все же издаем приятные.

Решение
14 мая

Интересно, что когда какая-то проблема долго тебя достает, а ты не решаешь ее кардинально, а занимаешься мелким ремонтом на ходу, все более грустнея от того, что она в принципе не решается, в конце концов приходит решение – и сразу будто сбрасываешь груз.

Неважно – правильное это решение или нет. Оно всегда рискованное, но оно новое и неожиданное.

И что характерно, как только ты решил, буквально сразу же жизнь подкидывает тебе заманчивые варианты именно нового пути, как бы облегчающего тебе этот путь. Будто бы случайно подкидывает в виде встречи с каким-то человеком, или идеей, или чем еще.

Это тоже может быть ошибочным, но за это хватаешься с энтузиазмом, уже не оглядываясь на сожженные за спиною мосты.

О конформизме и вере
16 мая

> *…о Вашей так неафишируемой до поры до времени вере не будем. Она и теперь ведь Вами не афишируется, да? Вы ведь и 20 лет назад могли о ней перед двумя тысячами читателей – с большой буквы («как приходят к Вере»), да? Ну, значит, ничего и не изменилось. Извините, мнительная я.*
>
> *…я не считаю, что Вы «был приличным, внезапно скурвился, продался гэбистам и стал имперцем» (цитирую). Я думаю, Вы и впрямь не особо изменились – Вы ведь конформист стопроцентный. Куда все, туда и Вы: в коммунизм ли, в умеренное (но о-о-очень умеренное) диссидентство ли – когда уже можно, но тихо, в ма-а-аленькое предпринимательство или же в державность – все вовремя, все аккурат. Житие Варыньского, увлечение рок-музыкой, Интернет – все вовремя, без глупостей. Так что тут я с Вами совершенно согласна – премудрый пескарь неизменен, даже если поет разное. В сущности, он всегда поет: им там сверху виднее.*

Вынес из комментов, потому что иначе затеряется.

Я уже не первый раз сталкиваюсь с этими упреками. Поэтому хочу сказать, что же я понимаю под столь ненавистным всем конформизмом.

Отступление. Когда-то я учился в крепком техническом вузе, где хорошо была поставлена математика. Помню, что один из ее разделов, «конформные отображения», мне почему-то очень нравился. Речь там идет о фигурах и телах, которые можно преобразовывать так и эдак. Так вот, если память мне не изменяет, если ты шар, то из тебя можно сделать эллипс, картошку и даже кубик. Но никогда ты не станешь бубликом. Твоя природа не такова.

Из меня делали эллипс и бесформенную картошку. Но бублик сделать не смогли.

В этом мое понимание конформизма.

Прогибаться, искать компромисса с миром, жизнью, людьми, властью, не теряя своей сути.

Именно так поступает большинство людей, потому что им нужно растить детей и делать свое дело, а не умирать на баррикадах. Хотя они могут иногда поаплодировать и

восхититься теми, кто действительно умер на баррикадах или в тюрьмах.

Я конформист, поэтому у меня четверо прекрасных детей, которыми я горжусь. Я конформист, потому что я обычно лажу с людьми, и они любят со мною работать, делать одно дело, хотя прекрасно видят мои недостатки, которых я никогда не скрываю. Я конформист, потому что я сделал бы свое дело и при Сталине, и при Брежневе, и при Путине. А дело мое состояло в том же, что и у всех: построить дом, родить детей и написать книгу. Я это сделал.

И я сделал это не любой ценой, потому что не стал бубликом. Никогда не заигрывал с властью, не вступал в партии, не выслуживался, не делал карьеру. Мое дело невелико, но это мое дело. В большой стране не было другого писателя, который отдал бы 10 лет жизни своему увлечению роком. И в Интернет я пришел не потому, что пришли все, а одним из первых, и строил его, как умел, по-любительски, мне было интересно, и здесь я мог оставаться самим собой. Я здесь уже почти 10 лет в то время как мои коллеги по профессии и ровесники наконец-таки научились печатать на клавиатуре.

Я конформист еще и потому, что сегодня я подпишусь под каждой своей написанной строчкой. Даже под книгой о польском революционере Варыньском.

Я сохранил свою форму.

Презирал и презираю так называемых «революционеров», «ниспровергателей», «гениев», сидящих на шее у ближних ради своих идей и оставляющих детей без куска хлеба и образования. Ни один гений не стоит слезы ребенка, перефразируя Ф. М.

Что же касается Веры и того, какие слова и когда я начал писать с большой буквы, то мне ничего не остается, как отослать желающих проверить это к своим стихам, написанным ровно 33 года назад. Эта книга стихов «Красная тетрадь» была полностью написана тридцатиоднолетним лейтенантом запаса на двухмесячных военных сборах в ракетном дивизионе под Всеволожском в июне-июле 1972 года. И все слова и буквы там те же, что сегодня.

Ни одно из этих стихотворений не было напечатано до 2002 года, когда я сам издал свои стихи тиражом 500 экз. Я не говорю, что эти стихи хороши. Но это мои стихи.

Потому что я конформист.

Соамо + Масса
18 мая

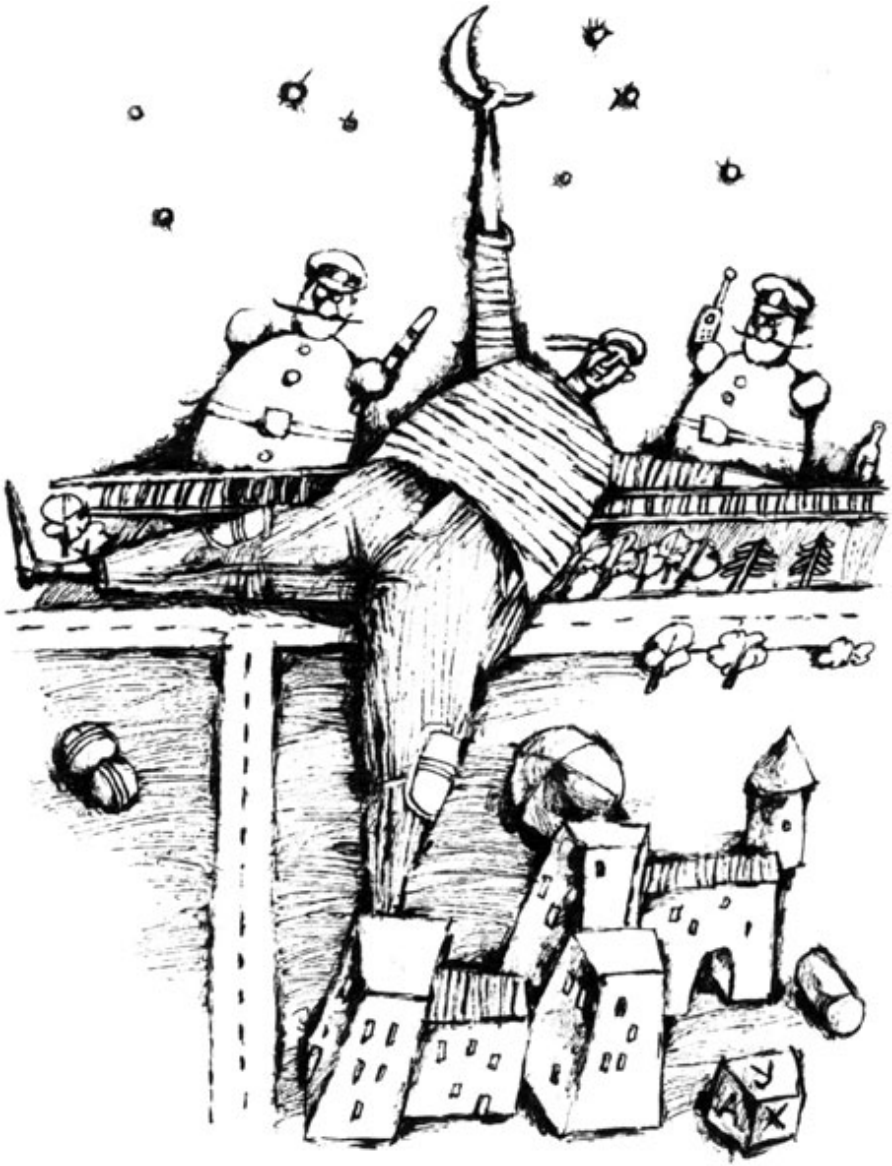
У Вовы «Соамо» Камаева стало хорошей традицией создавать иллюстрированные книжки онлайн. И вот новый проект.

У меня есть книжка фантастических миниатюр, написанных в 1971–1975 годах. Это короткие рассказики в жанре абсурда. Издавались они в те годы очень выборочно, в основном как юмор в журналах. Было издано меньше половины из 75. Полностью появились в книге «Седьмое измерение» в 1991 г.

Мне всегда мечталось издать их с иллюстрациями. И вот я предложил этот проект Соамо и Горчеву, чтобы они поделили тексты. Оба согласились, и сегодня Соамо представил первую картинку из этого цикла.

МУЖИК

Мужик лежал поперек дороги неподвижно. Одной ногой он упирался в дом, а другую откинул вдоль проспекта, как разведенный циркуль. Голова его была за линией железной дороги, а тело располагалось в сквере, примяв зелень.



Это было летом.

Мужик был очень большой, метров четыреста в длину, и небритый. Кроме того, в одних носках.

Движение остановилось. Трамваи выстроились в затылок, а люди пошли пешком. Обойти мужика было непросто.

К счастью, он лежал смирно.

Приехала милиция и начала мужика измерять. Тому стало щекотно от рулетки, которую протягивали вдоль ноги, и он проснулся.

– Где башмаки? – закричал мужик таким голосом, что

милиция вся шарахнулась.

Башмаки нашли в Парголове и привезли на грузовике. Мужик успокоился, обулся и ушел.

Экземпляр
21 мая

Редкостные бывают экземпляры.

Один полузнакомый человек, сожитель Ленкиной подруги по университету, мечтал стать писателем. Точнее, зарабатывать этим деньги. Иногда он звонил и, заикаясь, спрашивал какие-то вещи у Лены, боясь спросить у меня. Типа как и чего писать.

Но вот, уж не знаю каким макаром, ему якобы удалось получить заказ на написание некоей художественной книги. Почему я решил, что художественной? Да потому, что в ней присутствуют диалоги, ибо не далее как полчаса назад позвонила Ленкина подруга и стала меня спрашивать (он опять же спросить боится) – как писать диалоги, нет ли каких-нибудь пособий, курсов и т. п. Или не мог бы я научить его писать диалоги.

– Как ты это себе представляешь? – спросил я.

– Ну… Вы ему скажете, где нужно ставить ремарки, а где нет.

– Какие ремарки?

– Ну вот «сказал он». Или «он улыбнулся». Или «рассердился»…

– Настя! – рассердился я. – Если человек берется что-то делать, он должен это уметь. Или научиться. Но сначала. Понимаешь?

– Я ему то же говорю… – уныло отвечала она.

– А ты поговори с ним по душам и запиши на магнитофон. Пусть расшифрует и учится. Или пусть читает мои книжки.

– Он их читал… – она совсем сникла.

– Тогда я бессилен.

Самое интересное, что, когда он подписывал договор на этот заказ, он неоднократно звонил, чтобы проконсультироваться, а сколько это вообще может стоить? Продешевить боялся.

Еретические мысли
13 июня

Почему-то мне всегда казалось, что вера не достигается путем размышления и рассуждения. Она дается. Те, кому она не дается, ее ищут, иногда находят умом и становятся более истовыми верующими, чем получившие ее даром.

Получившие веру даром – небрежны. Они не посещают храм, они мало молятся. Они просто верят, то есть ЗНАЮТ, что Бог есть и что он им поможет в трудную минуту. А если не поможет, то это нужно принять со смирением. Значит, заслужили.

Мне случалось встречать людей, которые меняли конфессии путем умственного поиска. То есть им доказывали или они доказывали себе, что православие хуже католичества или буддизма, и переходили туда. Я как-то интуитивно испытывал к ним недоверие, потому что если ты родился православным или иудеем – так будь добр не греши и не ставь это под сомнение. Родителей не выбирают, данную от рождения веру тоже.

Поэтому вера и убеждения – совершенно разные вещи.

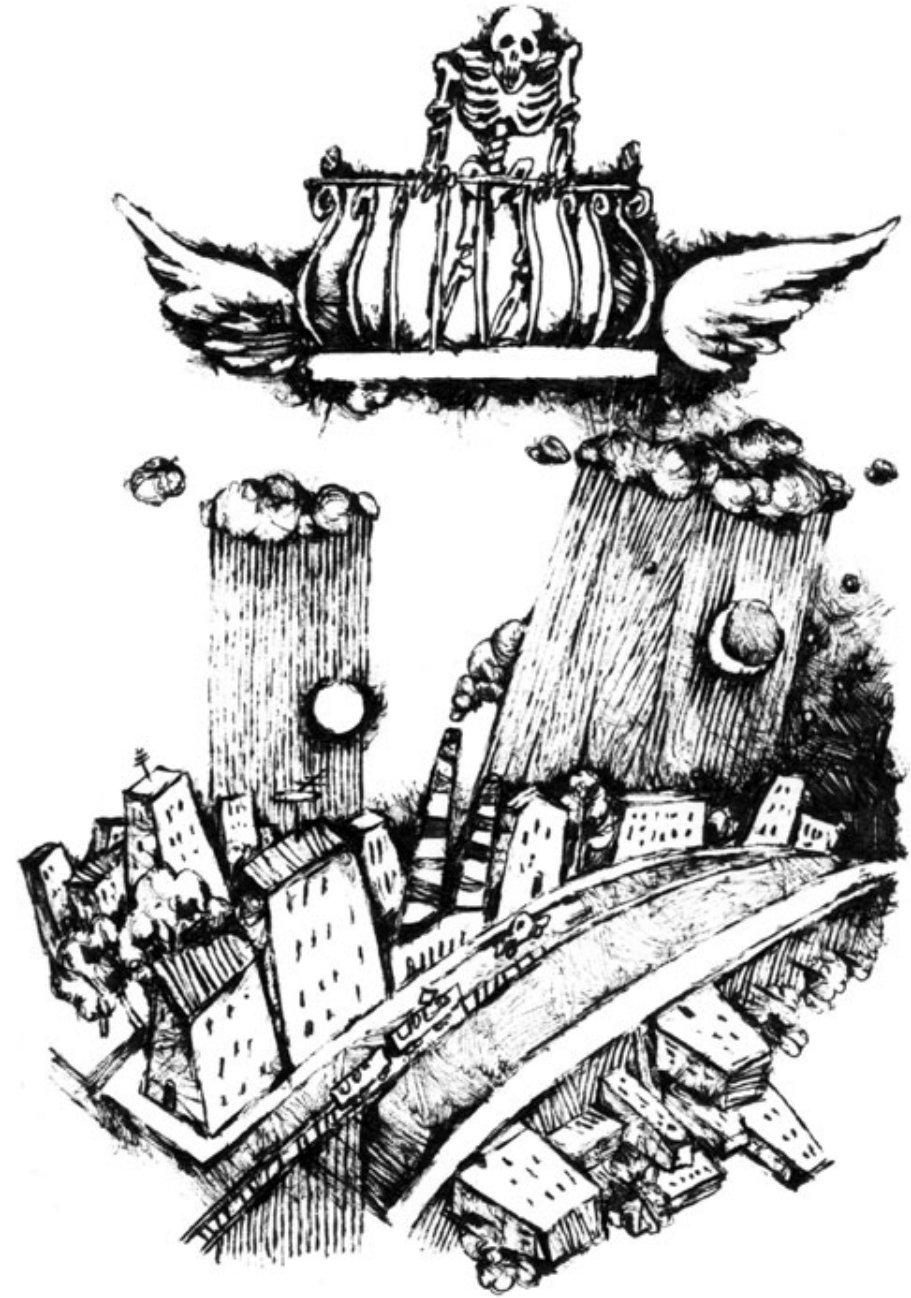
Меня можно убедить, что формация капитализма лучше / хуже социалистической. Но в том, что буддизм лучше мусульманства или православия, – для меня сама постановка вопроса дика.

Ибо никто не хуже. Либо ты негр, либо эскимос. Так уж случилось.

Мульки для Соамо
16 июня

ОЖИДАНИЕ

Если ждать очень долго, непременно чего-нибудь дождешься. Я стоял на балконе и ждал любви. Я решил дождаться ее во что бы то ни стало.



Сначала я дождался темноты, потом дождя, молнии и грома. Я дождался последних трамваев, пьяной драки, тоски, ярости, нескольких опрометчивых решений, усталости и забвения. Я дождался вдохновения, признания, успеха, популярности, славы, богатства и утренней зари. Потом я дождался первых трамваев, триумфа, красивых женщин, детей, внуков и правнуков. Я

дождался покоя, старости и даже смерти.

Любви я так и не дождался.

ДР Цоя
21 июня

Съездили на кладбище, положили цветы.

Я там не был 15 лет, с похорон.

Не знаю, есть ли еще примеры, чтобы через 15 лет после гибели артиста к нему «не зарастала народная тропа».

Многих помнят, конечно, и цветы кладут. Но там сегодня, когда мы пришли, была, думаю, пара сотен человек – группами, рассредоточившись по кладбищу, пели песни Цоя, о чем-то говорили. Пьяных не видел. А за весь день побывали, возможно, и тысячи. Потому что шли и шли.

Почти всем им, когда он погиб, было 3–5 лет. Они его не видели никогда.

Когда мне говорят, что народная любовь ничего не стоит, – я всегда не соглашаюсь. Она стоит многого.

Вот популярность стоит немного, это да. Популярного забывают через полгода, даже если ломились на его концерты и запоем читали его книги. Чаще всего его забывают уже при жизни.

Марьяна Цой
27 июня

Всего неделю назад бурно обсуждали здесь личность Цоя, а сегодня узнал, что умерла Марьяна Цой.

То, что у нее рак, я знал давно. Но последние годы не пересекались.

В становлении Виктора как музыканта и звезды ее роль невозможно переоценить.

В своем интервью годичной давности она упоминает о нашей книге о Цое и говорит, что этот опыт не оставил ей приятных воспоминаний.

«Очень сложно писать, когда знаешь, что пишешь не просто так, а для издания на всю страну. Огромная ответственность, сроки поджимают, сосредоточиться трудно. А я к тому же человек акустический.»

Я помню, как она мучалась, как я выжимал из нее этот текст, он получался вялым, беспомощным и неинтересным. Редактурой уже трудно было поправить. Если бы мы тогда пошли по тому же пути, что с другими мемуаристами – записи на магнитофон живого устного рассказа и последующей его обработки, – результат был бы иным. Но это требовало огромной работы, потому что друзья Цоя обычно укладывались в один вечер со своими мемуарами, а тут была целая жизнь, пусть и короткая.

Прощай, Марьяна.

Предыдущий моя пост, а точнее, повод к нему, навеял воспоминания о том, как юный Валера Панюшкин носил мне первые свои сочинения, а я мэтрствовал. И одной из заповедей, которые я вдалбливал в белокурую ангельскую головку Бепса, была простая истина: «Бепс, запомни: о чем бы ты ни писал, ты всегда пишешь о себе».

Боюсь, Бепс воспринял ее слишком буквально.

В ту пору я сам занимался такого рода лирической журналистикой в должности рок-дилетанта, публикуя в «Авроре» статьи о музыке, написанные от первого лица. Непременным правилом было писать о том, чему я лично был свидетель, что сам видел. Такой подход обеспечивает автору наибольшее доверие публики. Она готова простить ему погрешности наблюдения, странные интерпретации, если видит искреннее желание узнать новое, например. Или же искреннее негодование, пафос, сострадание.

Но только искреннее.

Как только автор начинает фальшивить, доверие к нему тут же пропадает. Он и сам чувствует, что недотягивает в искренности, и тогда начинает прибегать к искусственному взвинчиванию своих чувств, вроде как глотает стимулятор, допинг, и еще немного держится на этом допинге.

Но на нем тоже далеко не уедешь.

И тогда наступает крах, и каждое его взвинченное и псевдоискреннее слово начинает вызывать смех.

Он становится неадекватен. Так что лирическая журналистика – дело весьма опасное.

Спасают от этого только самоирония и юмор, взгляд на себя со стороны. Но тогда придется поступиться пафосом и другими сильными эмоциями, кроме тех редчайших случаев, когда предмет того заслуживает, ибо безнаказанно давить на слезные железы или мозжечки гражданского чувства – долго невозможно.

Примечание. Прочитал я это и подумал: а почему я до сих пор не преподаю на факультете журналистики, блин? Недорого бы брал.

Магический кристалл (по следам Быкова и Лабаса)
9 июля

Когда у Массы запылился его магический кристалл, с которым он писать учился и жег, покуда не устал, тогда к нему явилась Ева, хотя и не был он Адам, и, задыхаяся от гнева, ему промолвила: «Не дам!»

«Не дашь?!» – он чуть не поперхнулся, не ожидая западла. Ведь он бы Цезарем проснулся, когда б она ему дала. Но Ева, комкая дискету, где был сокрыт ее роман, ему сказала: «Смысла нету в любови нашей, бонвиван! Вы надругаетесь над чувством, и пропадет мой скорбный труд, и то, что мнилось мне искусством, бульварным чтивом назовут… Есть и еще одна причина, о ней я лучше промолчу. Ведь ни рубля я, дурачина, за то, что дам, не получу!»

«Но Ева, Ева! – молвил Масса, с собой не справившись вполне. – Сейчас у нас пустая касса, но вдруг мы будем на коне! И наш роман, коль он случится… О нем узнает вся страна! Ты дашь мне, ведьма? Дашь, волчица?!» – «Не дам!» – ответила она.

Вот так у нас бывает, дети, скорее делайте скриншот. Издатель ни за что на свете не верит в то, что аффтар жжот. Зачем же он его пытает, зачем он требует любви? Ведь тот огонь не запылает, который не зажжен внутри. И в этом страшная загадка, которой я не отгадал… Вот вам перо, вот вам тетрадка и вот – магический кристалл.

Закон отрицания отрицания
14 июля

Что это такое?

А это вот когда у тебя несколько дней висит в начале ЖЖ твой последний пост, например про то, как ты ненавидишь перфекционистов.

И он тебя медленно, но верно начинает раздражать. И ты уже не понимаешь, с какой стати ты прицепился к этим несчастным перфекционистам, за что не любишь этих прекрасных деловых людей, не таких распиздяев, как ты, и начинаешь уже любить их, а себя презирать.

И это относится к любому утверждению или отрицанию.

Оно склонно менять знак от долгого употребления.

В отпуск
18 июля

Сегодня окончательно сдал макет «Рок-дилетанта». Том в 792 страницы.

Завтра утром отправляемся в очередное летнее путешествие.

Примерный маршрут такой: СПб – Тампере – Франкфурт (пересадка на другой рейс, ночевка) – Сантандер – Мадрид – Бордо – Сан-Себастьян – Сантандер и обратно той же кампанией RyanAir. Должны вернуться 10-го.

Надеюсь быть на связи.

Всем привет.

Главный итог 13 августа

А вы знаете, каков главный итог путешествия лично для меня?

Никогда не угадаете.

Не Прадо в Мадриде, не пляжи Аркашона, Сан-Себастьяна и Коп Фере.

Не 3000 километров по прекрасным дорогам на прекрасном автомобиле Ситроен С5.

А то, что я вдруг понял за эти три недели, что моя младшая дочь Настя – взрослый человек и с нею уже нельзя как с ребенком.

А как можно – пока не знаю.

Английские племянники
17 августа

Моя сестра Наташа, которая младше меня на 8 лет, имеет двух внуков в Англии, сыновей своей единственной дочери Элико, наполовину грузинки. Зовут их Джеймс и Джерард Смиты, 12 и 11 лет. Сейчас они гостят у нее, были в деревне, скоро улетят к родителям.

Наташа попросила свозить их на могилу их прадеда и прабабушки, наших родителей. Пусть посмотрят, заодно приведем могилу в порядок после лета.

Сегодня я взял Настю, заехал за ними, и мы поехали на Серафимовское кладбище.

Джеймс и Джерард благодаря тому, что родители дома общаются больше по-русски, а на самом деле – благодаря присутствию в доме бабушки с сентября по март-апрель вот уже много лет, прекрасно понимают по-русски и вполне сносно говорят.

Слушать их разговоры с бабушкой одно удовольствие, учитывая, что моя сестра горяча и не очень выбирает слова.

Они стали приводить в порядок могилу, а я фотографировал и слушал.

– Джеймс, ты куда встал! Это цветок! Убери ногу! Ногу убери,

ёпэрэсэтэ!

– Бабушка, ты не должен говорить нехороший слова, – невозмутимо замечает Джеймс.

– Кто тебе сказал, что это нехорошее слово?!

– Ё-пэ-рэ… – с удовольствием повторяет Джерард.

– Отойди отсюда! Кому говорю!

– Ты должен вежливо сказать, – напоминает Джеймс.

– Я всегда вам говорю «пожалуйста»! Всегда вежливо! Но вы же задлолбали уже!

– За-дол-ба-ли, – с удовольствием повторяет Джерард.

Так идет обучение русскому языку. Наполовину англичане, а на четверть русские и грузины, мальчики с английской невозмутимостью борются за права человека. Но темперамент не скроешь – ни минуты спокойствия.

– Я уже не могу с ними… Вчера в метро все на вас смотрели! Осуждающе! Никто не смеялся, – снова обращается она к ним. – А этот как клоун, – кивает она на Джерарда.

– Бабуу-уля, бабу-уля… – тянет он. У него лицо маленького плута.

Наташа неожиданно хохочет.

Вот так она с ними воюет – зимой в Англии, летом в России. Я думаю, все наши матерные слова они хорошо знают. При этом видно, что бабушку любят. Ну и она их, конечно.

По дороге в машине Наташа воздействует на их капиталистическое сознание.

– Я разве вам денег не даю? Я вот Джеймсу на счет положила валюту! Я Джерарду плеер купила, я вам все покупаю!

– Машину не ты купил, – замечает Джеймс. (У них в Англии приличный «мерседес»).

Я думаю, мой отец, Царство ему небесное, немало бы удивился таким правнукам. Но вряд ли они бы его огорчили.

Семейное
5 сентября

У меня прекрасная жена. Прекрасная. Лучшая из всех жен.

Сегодня мы в очередной раз решили разводиться.

То есть она решила, а я сомневался, потому что мне якобы поздно.

Раньше я бы – ого-го.

Как только – так сразу.

А сейчас уже нет.

Я ее вывез в лесопарк, там мы гуляли и решали, как будем разводиться.

Она ушла в леса, а я поехал в магазин и с горя купил телевизор Toshiba LCD 14 дюймов, который привез и водрузил в кухне, чтобы мы пока не очень разводились.

Она пришла из лесов и смотрела «Поймай меня, если сможешь» по этому прекрасному телевизору.

Параллельно мы выпили три бутылки вина – испанского и грузинского.

Потом мы отложили этот вопрос на будущее.

Таким образом мы улучшаем интерьер и комфорт в своей квартире.

Шагал
18 сентября

Сегодня, бродя по выставке Шагала в корпусе Бенуа, размышлял о том, как и почему получаются великие художники.

Очень сильное впечатление.

Пока разыскал в Интернете его книгу «Моя жизнь» не без труда. Буду читать.

Он – один из немногих – может служить идеалом художника. Огромный труд, большая жизнь и какая-то неутомимая детскость.

Не понимаю даже, почему он мне так нравится.

Ну как Ван Гог примерно.

Во всем – печать Шагала. В цвете, в рисунке, в композиции.

Причем рисунок почти детский временами. Что не означает, что он не умел рисовать академически.

Читая Марата про его уродов, выставляющих писсуары или другую фигню типа черную икру в окладе, тоскуешь по живописи в чистом виде, которая в Шагале.

Манана Менабде
5 октября

Сегодня обнаружил в «Геликоне» диск «Манана Менабде поет песни Булата Окуджавы». Оказывается, нам его в числе прочих дала на реализацию одна студия КСП. Взял послушать, вспомнив, что мы с Мананой знакомы лично.

В 1987 (88-м?) году, в январе, я отпраздновал свой ДР в узком кругу трех дам и БГ, больше никого не было. Две дамы были с «Ленфильма», они привели свою грузинскую подругу Манану, которая, помню, подарила мне грузинскую черную керамическую кружку. Кружка лишь недавно закончила свой жизненный путь, разбившись.

БГ пришел а «мастерскую» по моей просьбе с гитарой, спел несколько песен, пела и Манана. Я записал это на кассету («Козлы», «Трудовая пчела» и др.), но потом утерял, как водится. Хорошие были времена, когда великий артист без авто и охраны мог приехать в гости с гитарой под мышкой. Но я не об этом.

Прослушав сегодня еще раз песни Окуджавы, я укрепился в своем старом мнении, что Манана Менабде является безусловно лучшим исполнителем этих песен.

Телеинтервью
6 октября

Записывался сегодня в программе Нарусовой «Игры разума». Получасовая, идет раз в неделю в Питере.

(Только не надо бить ногами.)

Нарусова рассказала неизвестный мне анекдот об одном случае, касающемся меня лично.

«Было это году в 1993-м. Приходит однажды Анатолий А. Собчак домой, подходит к шкафчику с лекарствами и долго в нем роется.

Наконец находит что-то и смотрит на меня подозрительно.

– Откуда у нас эта гадость? – спрашивает.

И протягивает мне упаковочку тазепама, который я тогда принимала.

– Тазепам, – отвечаю. – Я его пью.

– А тебе известно, что это наркотик?

– Почему?

– Потому что писателя Житинского арестовали в Швеции за то, что он ввез туда наркотик тазепам! Мне сегодня докладывали. Шведы написали письмо!

– Знаешь что, скажи этим шведам, чтобы они засунули это письмо куда следует. У нас это продается в любой аптеке без рецепта».

Случай такой действительно был, я о нем писал в ЖЖ, лень искать ссылку. Но я не знал, на каком высоком уровне решалась моя судьба.

Иду в отказ
15 октября

Сидели вчера с Быковым и Горчевым, пили торинский виски (оч. хороший), сочиняли дружеские эпитафии на всех знакомых и незнакомых, очень веселились.

Жанр дружеской эпитафии еще мало разработан, тут огромное поле деятельности.

Вот несколько моих навскидку (быковские забыл, у него много).

Чтобы никого не обидеть, привожу эпитафии на классиков.

Под камнем сим лежит писатель Достоевский.
Писатель так себе, зато зануда зверский.

Прохожий, здесь лежит Ван Гог.
Он лучше выдумать не мог.

Прохожий! Здесь лежит Толстой.
Снимай ботинки и постой.

Быков приезжал записываться на питерском ТВ в передаче «Чужая кухня», где они с Пашей Крусановым готовили манты под руководством Лазерсона.

– Нормально, Григорий?

– Отлично, Константин!

Есенин
2 ноября

Показать историческую фигуру (тем более – знаменитую фигуру) в современном фильме – невозможно.

НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО.

Зарубите себе это на носу.

У нас у всех уже давно в голове эти фигуры имеются. И ваши фигуры нам не нужны.

Вот так примерно.

Не говоря о том, что эти самые гоши куценко… хабенские… ну вы понимаете.

Пусть играют современников, тогда поверим. Может быть.

Суставит 14 ноября

Я увидел по телевизору рекламу средства от боли в суставах и решил приценится.

Звоню по указанному в рекламе номеру.

Отвечают как-то очень порывисто, типа девушка схватила трубку и дышит.

– Слушаю!

– Девушка, сколько стоит суставит?

– Горячая линия! Горячая линия! – выкрикнула она. – Оставьте свой номер телефона, вам позвонит консультант.

И тут я сделал первую глупость: оставил им свой номер.

Через пять минут раздался звонок.

– Говорит консультант Савельева! Здравствуйте! Вы нам звонили?

– Здравствуйте. Я хотел узнать стоимость суставита, – сказал я.

– Спасибо, что вы позвонили. Ваш звонок очень важен для нас…

– Я знаю, – прервал ее я. – Меня цена интересует.

– Как вас зовут? Представьтесь, пожалуйста.

– Александр Николаевич, – сказал я, делая вторую глупость.

Теперь я был полностью в руках консультанта. Кстати, ее звали Нелля Викторовна. С двумя «л», как мы выяснили, и с буковкой «я» на конце.

Мы вообще очень много выяснили за последующие два часа, что я провел с прижатой к уху трубкой.

Я был опрошен относительно всех внутренних органов: сердца, печени, почек, легких, что там еще есть. Вес и рост, не говоря о возрасте. Давление. Наличие сахара в крови и в моче.

– Какие операции вы перенесли?

– Гланды, – я уже начал терять терпение.

– Гепатитом болели?

– Девушка, сколько стоит баночка? – взмолился я.

– Мы не продаем лекарств, вы получаете программу оздоровления, – отрезала она.

– И баночку? – робко спросил я.

– Это не главное, Александр Николаевич. Вы будете получать инструкции лично от меня.

– У меня нет времени! – взмолился я.

– Какой бред вы говорите, Александр Николаевич. Вы хотите

выздороветь?

– Нет! – я пошел в отказ.

– Александр Николаевич, вам позвонить позже?

– Ага, и все сначала. Нет, давайте заканчивать.

Но до заканчивать было еще далеко.

Тут пришел Горчев. Я открыл ему с прижатой плечом к уху трубкой и показал знаками, что меня взяли в оборот. Горчев прошел на кухню и закурил, а меня продолжали мучать.

Консультант перешла к эффекту оздоровления. Через три дня пропадают боли, через неделю ощущение ног, через две недели пропадает вес (и объем), а к концу программы… Тут она сделала паузу и спросила таинственно:

– Рядом нет женщин?

– Нет, только Горчев, – сказал я. – А что, простите?

– Я спрошу вас об интимном, Александр Николаевич… – с некоторым сожалением сказала она.

– Спрашивайте, – вздохнул я.

– У вас ведь есть простатит, Александр Николаевич? У всех мужчин вашего возраста он есть.

– Угу, есть, – признался я.

– Задержка мочеиспускания, недостаточная потенция, слабая эрекция…

– Ну-у-у…

– Жена нашего пациента мне призналась, что после нашей программы у ее мужа стал стоять шестнадцать минут! – выложила она козырь.

– Сколько? – поперхнулся я.

– Шестнадцать!

Я стал соображать – много это или мало. Решил спросить Горчева. Горчев сказал, что это немного.

– С кем вы там разговариваете? – спросила консультант.

– С Горчевым.

– Это кто?

– Специалист один по этим делам, – туманно ответил я.

– А-а… Но, Александр Николаевич, не доверяйте случайным людям, я вас предупреждаю.

– Да я ему не во всем доверяю. Но в эрекции он разбирается. Но у меня пока все в порядке.

– Ой, Александр Николаевич… – с сомнением сказала она.

– Не так, правда, как в молодости… Я был, знаете, очень… в этом смысле, – расхвастался я. – Никого не пропускал.

– Ой, Александр Николаевич, – она уже то ли млела, то ли счастливо смеялась.

Я вдруг понял, что разговариваю с абсолютно незнакомой

женщиной, которая хочет мне впарить баночку. Горчев невозмутимо тянул пиво.

– Ладно, – сказал я сурово. – Сколько стоит ваша программа?

– Восемнадцать тысяч восемьсот семьдесят два рубля, – твердо сказала она.

Такое количество значащих цифр меня смутило. Почему не просто двадцать тысяч? К чему эти рубли? Копеек не хватало.

– Сейчас, погодите, – сказал я, открывая Яндекс.

– Что такое?

– Я сейчас в Интернете посмотрю… Ну вот… «Биологически активная добавка к пище Суставит предназначена для питательной поддержки соединительной ткани…» – начал я читать информацию с сайта. Это ваша баночка?

– Что? Где?

– Ну здесь, на сайте. «Некоммерческое партнерство Долголетие». Продает баночку за 1090 рублей. Это ваша баночка?

– Нет!

– А какая у вас? Какой состав капсул? – я перешел в наступление.

– Александр Никролаевич, это бред, у нас программа.

– Угу, баночка за тысячу, и остальные семнадцать тысяч ваши консультации по телефону. Мы уже наговорили тысяч на пять.

– Я понимаю, Александр Николаевич, что сумма слишком велика для вас, – нанесла она удар ниже пояса.

– Отнюдь. Мне достаточно дойти до банкомата. Но я совсем не склонен переплачивать.

Насчет банкомата я наврал. То есть у меня бывают моменты, когда оттуда можно извлечь такую сумму, но не вчера. Совсем не вчера.

– Тогда давайте заполним анкету и перейдем к заказу, – предложила она. – Как ваша фамилия?

Но уж в третий раз я глупости не сделал.

– Извините, – сказал я. – Лимит наш исчерпан, я очень много узнал от вас. Прощайте.

К этому времени вернулась из магазина жена и они вместе с Горчевым стали высмеивать меня как жертву рекламы. Но мой довод о том, что я сэкономил шестьсот с лишним баксов, примирил нас.

Вот так не знаешь, где найдешь.

Как приедите, так и уедите
16 ноября

Новости из Латвии:

«В Национальном театре снова премьера по произведению русского автора. Молодой хореограф Анта Приедите поставила «бытовые эпизоды с танцами» по интернет-дневнику и рассказам своеобразного питерского писателя Дмитрия Горчева, наследника Хармса и Зощенко. И назвала так – «Еще один вечер, еще одно утро».

Анта два года назад окончила хореографическое отделение Академии культуры. Как хореограф участвовала в постановках Валмиерского, Нового Рижского и Национального театров. Вместе с продюсером Лаурисом Гроссом написала проект спектакля по Горчеву и получила деньги на постановку. Играют в ней молодые актеры Карина Татаринова, Интар Решетинс и Марцис Лацис, а также танцовщица Катя Гусева, которая еще учится. Занят и опытный Мартиньш Вилсонс. Сейчас Приедите думает о варианте спектакля в Русской драме, с русскими артистами – Анта понимает, что авторский текст много лучше ее собственного перевода на латышский».

Действие, как я понял, происходит в «Геликоне». Массу танцует «опытный Мартиньш Вилсонс». Автора не танцует никто, он сидит на авансцене, пьет пиво. Или рижский бальзам. Па-де-де Олега Романцева, танец маленьких лебедей по фамилии Лурье, хор уходящих коммунистов за сценой.

Это ведь не только посильнее «Фауста» Гёте будет, но и «Детей Розенталя».

Новая квартира Горчева
20 ноября

Сегодня ездили смотреть и снимать новую квартиру Горчеву. Это на Удельной.

Сам факт ничем не примечателен, а для меня интересен. Дом, в котором эта квартира на 12-м этаже, стоит напротив дома, в котором я прожил 12 лет – с 1966 года по 1978-й – со своею первой семьей, где родились Ольчик и Сережа, где была написана «Лестница» и куча стихов и много чего еще.

От окна будущей квартиры Горчева на 12-м этаже до моего балкона на 9-м этаже, где я часто курил, обдумывая новые страницы, по прямой – метров 50.

Смотрел сегодня на него, на этот балкон. Миниатюрки мои тоже там рождались, там пролетал человек, приглашавший меня в полет, там мимо моего окна Господь Бог тянул удочку вверх, там я стоял на балконе и ждал любви, которой, как известно, не дождался.

Но это в литературе, а в жизни вполне дождался и даже, слава богу, не один раз.

И той, другой, дождался тоже.

А потом в 1980 году этот дом улетел на Петроградскую, о чем написано в моем романе.

Про Струльдбругов
2 декабря

В журнале «Полдень» есть страничка «Колонка дежурного по номеру». В первый номер следующего года, который мы сдаем в печать в понедельник, ее выпало писать мне.

У Джонатана нашего Свифта, придумавшего много прекрасных живых существ, есть описание струльдбругов – людей с меткой на лбу над левой бровью, рождающихся иногда по чистой случайности и обладающих от рождения бессмертием.

Вопреки ожиданиям эти люди отнюдь не счастливы, наоборот, они испытывают страшные мучения, ибо вместе с бессмертием им не дарована вечная молодость и уже после восьмидесяти лет несчастные струльдбруги превращаются в сущие развалины и дальше вынуждены влачить жалкое вечное существование – больные, немощные, слепые и глухие.

Впрочем, я сомневаюсь, что вечная молодость сделала бы их более счастливыми.

Но это другая тема.

Так вот, одно из несчастий струльдбругов заключается в том, что они с возрастом вообще перестают понимать – что происходит вокруг, на каком языке говорят их более молодые современники, зачем это всё. Они полностью выпадают из процесса.

Свифт полагает, что это несчастье. На самом же деле это близко к нирване. Струльдбруги даже не делают попытки понять современность, им наплевать на нее, они точно знают, что переживут любые времена, так зачем пытаться въехать в эту сомнительную современность, чтобы «задрав штаны, бежать за комсомолом»? Или за «идущими вместе»? Или за бредущими порознь?

В наше переломное время достаточно было прожить всего-то полвека, чтобы в полной мере почувствовать себя струльдбругом, чтобы, шагнув из двадцатого в двадцать первый, перестать понимать язык молодых и все революционные нововведения – и не потому, что они так уж сложны и непонятны, а потому что не надо.

Ибо старого струльдбруга не научишь новым фокусам.

Иногда, встречая своего сверстника-струльдбруга с меткой на лбу, мы старчески сетуем на новые порядки, смеемся над революционной оранжевой молодежью и даже предсказываем, что им-то никогда не стать струльдбругами. Они вечно будут играть

на бирже и ждать своих дивидендов.

А мы, пожившие струльдбруги, медленно, хромая и нащупывая дорогу белой тросточкой, пойдем упрямо дальше, в иные века, почесывая густые бороды и посмеиваясь в седые усы, перешагивая через побелевшие кости тех, кто еще недавно был молод и предсказывал нам полное и бесповоротное забвение…

Это я всё к тому, что главная вещь номера называется «Русский струльдбруг» и написана Геннадием Прашкевичем.

Рост
3 декабря

Меня всегда несколько удивляло то обстоятельство, что все люди примерно одного роста.

То есть величина роста гуляет в пределах метра, не больше. За редчайшими исключениями. Можно еще найти лилипута и гулливера, чтобы отношение было 2:1, но не 5:1.

В то же время в интеллектуальном и духовном смысле это отношение может достигать сотен и даже тысяч, как мне думается.

Если бы физический рост человека соответствовал его духовному росту – вы представляете, какая была бы жизнь на Земле? Как мы все путались бы в ногах колоссов духа, как задирали бы головы, чтобы узнать, кто там плывет, зарывшись в облака головой. Как сами давили бы каких-то ничтожных интеллектуальных муравьев и духовно нищих тараканов…

А ведь, между прочим, так оно все и есть.

Глупые и неумные
4 декабря

Глупые не раздражают. Они простодушны. Каждый человек может быть глуп в определенных обстоятельствах.

Я сам бывал тысячу раз.

Раздражают неумные. Потому что хотят быть умными, да не получается.

Неспроста можно сморозить глупость, а сморозить неумность как-то не выходит.

Не морозится она никак.

Как Горчев за «Зенит» играл 12 декабря

Приснился мне тут сон, что Горчев играл за «Зенит». Поскольку писатель Горчев в силу близкого с ним знакомства и недюжинных качеств его характера давно стал одним из любимых моих персонажей, я этот сон домыслил.

Конечно, не обошлось без ненорматива, а то как же.

КАК ГОРЧЕВ ЗА «ЗЕНИТ» ИГРАЛ

Кажется, в тот день «Зенит» играл с «Рубином» на Петровском. И с утра уже гадали, делали ставки, спорили: во-первых, придет Горчев или не придет, а во-вторых, если придет, то когда?

Горчев обычно фанатов не баловал: являлся на игру ко второму тайму, а то и за 15 минут до конца. Петржела уже устал дарить ему мобильники, чтобы хоть как-то узнавать намерения Горчева. Горчев обычно топил их в пиве. Заходил в «Чердак», спрашивал кружку «Де Конинка», погружал туда мобильник и выпивал с особым цинизмом. Хозяева бара потом вешали мобильник на стенку с соответствующей надписью.

В этот раз игра была решающая, поэтому надежда теплилась.

К началу Горчев, конечно, не подоспел, а пока суд да дело «Зенит» два мяча глотнул. И Горчев появился на стадионе при счете 0:2 за десять минут до конца первого тайма. Как обычно, делал вид, что жутко занят и отвлекся на полчасика, чтобы решить проблемы «Зенита».

Кивнул Петржеле, Боровичке и уселся на скамейку запасных.

Фанаты принялись скандировать речевку:

Горчев наш непобедим,
Ни хуя не страшно с ним!

И стали криками требовать выхода Горчева на поле. Петржела осторожно спросил:

– Горчев, может, поиграешь чуть-по-чуть?

– Да хули тут играть? Тайм вот-вот кончится, – сказал Горчев.

Ладно, дождались перерыва. В перерыве Петржела вызвал подкрепление: весь Комитет по физической культуре и спорту плюс тётю Валю Матвиенко. Это на случай, если творческие

условия матча покажутся Горчеву сомнительными для выхода на поле.

Горчев между тем разминался «Балтикой» № 7. Это был верный признак, что играть будет.

На второй тайм вышел в составе, заменил Почкуса, от которого все равно не было толка. И связка аршавин-кержаков начала на него работать. Но Горчев на краю уселся, о чем-то думает, мышей совсем не ловит.

– Это разве игра? – говорит.

Бросились к нему Петржела с Боровичкой, Комитет по физической культуре и спорту и сама тетя Валя Матвиенко.

– Ну сыграй, Горчев! Забей им гол! Ты же можешь!

Горчев посмотрел на них и говорит мечтательно:

– Знаете что? Отпустите меня. Поеду я в деревню, картошку посажу, время настает. Пасеку заведу, пчелок. Хреновуху буду настаивать. Баньку топить.

Взгрустнули все, включая трибуны, потому что речь Горчева транслировалась не только на стадион, но и на всю страну.

Тишина над стадионом стоит. Тут «Рубин» еще два гола закатил, но даже на это не обратили внимания.

– А играть кто будет?! Пушкин?! Деньги плочены! – вдруг как закричит тетя Валя.

– Нет, не Пушкин, Гоголь пусть играет, – говорит Горчев. – Он круче.

– Ладно, Горчев, хватит выебываться. Играй! Забей им гол! – сурово сказал Петржела.

– Хуй с вами, – вздохнул Горчев и пошел переодеваться в свою любимую форму: майку 56 размера с длинными сатиновыми трусами и старые китайские кеды.

Вышел на поле со своим мячом – тряпичным, сшитым из лоскутов. Играл им еще в дворовой команде в своем Казахстане.

Перепаснулся с аршавиным-кержаковым и пошел, и пошел!..

Обвел весь «Рубин», обвел Петржелу с Бороовичкой, обвел тетю Валю с Комитетом по физкультуре и спорту, обвел бросившихся наперерез омоновцев, ментов, паспортистов, православных и иудеев, мусульман и буддистов, обвел пидарасов и пылких поклонниц, приблизился к воротам —

и ка-ак ёбнет!

Мяч сетку прорвал, за трибуны улетел и плюхнулся в Невку.

Вратарь-чентофальски только слезу смахнул.

Стадион взревел. Сто тысяч комментов.

– Класс!

– Аффтар жжот!

– Гениально!

И хором всем стадионом:

– О_ХУ_И_ТЕЛЬ_НО!!!

А Горчев улыбнулся скромно, накинул на плечи старое солдатское одеяло, которое возил с собой со времен службы в Советской армии, и ушел в раздевалку.

И неважно, что ворота перепутал, с кем не бывает. И неважно, что «Зенит» продул, как Ямайка Аргентине. Все равно народ вспоминал этот гол, который вошел в историю как Великий Гол Горчева.

Как Быков за «Зенит» играл 12 декабря

Быков одобрительно отозвался о моем футбольном опусе, поэтому получает свой вариант футбольной карьеры.

КАК БЫКОВ ЗА «ЗЕНИТ» ИГРАЛ

Быкова купили за двадцать пять миллионов евро. Питерские фанаты-вегетарианцы говорили, что за такое мясо заплачено слишком много. Они не любили мясо.

Быков приехал, устроился, получил подъемные и пришел на тренировку.

– Ага, значит, в футбол играть… – констатировал он, глядя на футбольные ворота.

Дело в том, что кроме футбола Быков профессионально играл в баскетбол, гольф, настольный теннис и покер.

Ну футбол так футбол.

На первой же установке на игру со «Спартаком» Быков вступил в полемику с Петржелой и буквально разгромил его. Петржела был уволен вместе с Боровичкой, после чего Быков устроил испытание на профессионализм всей команде «Зенит» – и всех забраковал.

Испытание состояло в игре в «щечку» – подбрасывании ногой отороченной мехом битки, которую Быков часто использовал для своих нужд.

– Играть не с кем, – сказал Быков. – Да я и сам справлюсь.

Оставил он только вратаря-чентофальски, потому что не любил стоять в воротах.

Быков вышел вдвоем с вратарем-чентофальски на игру – и тут произошел конфуз. Быков забыл, что он играет и в «Спартаке». Там у него тактика игры была иная – в составе «Спартака» против Быкова вышли одинадцать маленьких Быковых, похожих друг на друга, как помидоры.

Они были только гораздо мельче питерского Быкова.

Сама игра зрелищностью не отличалась. Питерский Быков начинал с центра и, ломая, давя и круша маленьких беззащитных клонов, рвался к воротам и забивал гол. После чего маленькие клоны начинали с центра и запутывали Быкова путем хитроумных пасов, после чего забивали свой гол.

Поскольку вел в счете все время большой Быков, игра так и

закончилась в его пользу со счетом 743:742.

Быков получил такую сумму премиальных за забитые голы, что рейтинг его повысился неимоверно, Быков вошел в Книгу рекордов Гиннесса и был тут же продан в «Барселону», от греха подальше, за пятьдесят миллионов евро.

Вот что хорошо бы помнить 13 декабря

Человечеству нет до тебя никакого дела. Строить свои отношения с Человечеством – это значит быть о себе слишком высокого мнения.

До тебя всегда есть дело всего у нескольких живых людей, которые тебя почему-то любят, помогают, мешают, временами ненавидят, короче говоря, относятся очень лично. Если ты не можешь ответить им этим личным отношением, считая их назойливым и домогающимся тебя Человечеством, ты ничего не сможешь дать ни им, ни собственно Человечеству.

Красивые позы, которые ты принимаешь по отношению к Человечеству, оборачиваются черствостью и презрением к живым людям.

И это, как правило, отвратительно.

Цитата к предыдущему 13 декабря

Вспомнил, что об этом, в частности, была когда-то написана моя повесть «Лестница», где сравнительно молодой тогда автор (тридцатилетний) размышлял о свойствах предназначения и смысле существования.

Вот что он тогда писал.

> «В чем же оно состоит, твое предназначение?
>
> Начнем издалека. Твоя жизнь была когда-то мельчайшей клеткой, начавшей свой путь с удивительной целенаправленностью. Ей было необходимо сделаться живым человеком. Может быть, отсюда нужно вести твое предназначение? Но вот ты появился на свет и стал расти, и в это время у тебя имелась также вполне определенная цель. Ты был предназначен стать разумным человеком. И ты им стал.
>
> Далее твое предназначение состояло в том, что ты должен был обзавестись так называемой душой. Это очень и очень зыбкое понятие – душа. Это не просто способность чувствовать. Способность “мыслить и страдать” – вот что это такое. Страдание рождает мысль, но и мысль рождает страдание. И наконец, предназначение души – сделать тебя человеком творящим, то есть побеждающим смерть.
>
> Что же ты должен творить?
>
> Душу, только душу.
>
> Ты должен творить ее ежечасно в себе и других любыми доступными тебе способами. Ты должен творить ее ежечасно, потому что душа – нежное растение и требует постоянного ухода. И если тебе удастся сохранить ее до конца и присовокупить к ней еще хоть одну человеческую душу, сотворив и воспитав ее, то твое предназначение исполнится.
>
> *Ты должен понять, что ничем не отличаешься от других людей и ничем их не лучше. Ощущаемое тобой предназначение ни на вершок не приподнимает тебя, но лишь указывает путь…»*

Из заметок консерватора
29 декабря

…Я не стану сбрасывать Булгакова с корабля современности, не стану открещиваться от М. А., тем более предавать запоздалой анафеме, то есть не предам его на том основании, что он якобы стал знаменем либералов и разошелся среди них на цитаты или потому, что его недорепрессировали и он осмеливался даже браться за поденные литературные работы.

Потому что для меня М. А. – художник, мастер слова, понимаете, а перед этим фактом его политические взгляды и даже человеческие качества мало что стоят. Именно потому он и разошелся на цитаты, что он Мастер. К сожалению, судьба Мастера именно такого легкого, изящного, остроумного темперамента непременно приводит его со временем к поглощению попсой. Он легко усваиваем, потому что мастерски формулировал – точно, понятно, емко. Он мелодист, понимаете? Моцарт тоже был мелодистом, теперь он в каждой витрине в Австрии торгует шоколадом.

Но стала ли хуже его музыка?

Стало ли хуже булгаковское слово?

Ничуть.

Стремление перетянуть художника в свой лагерь или навешать ему посмертных люлей за недоборчество – стремление не очень достойное. Пушкин тоже любим нашими демократами и либералами. «Не дай мне Бог сойти с ума». А был монархистом, не дотянул до ссылки, мог пасть геройски на виселице, а умер от пули французского ловеласа.

Но стали ли хуже его стихи?

Ни капельки.

Потому отстаньте от Мастеров, пожалуйста. Не вашего это ума дело, не вашей компетенции – судить Мастеров. А то, понимаешь, развелось критиков-политологов, социологов. Как говорил в фильме «Доживем до понедельника» Тихонов – можно подумать, что в русской литературе орудовала компания двоечников. Этот не разглядел, а этот недопонял. А тот вообще позволял себе есть черную икру, когда народ пытали.

Кстати, о народе. Не надо все время делать эту подмену и называть народом людей, гогочущих на концертах Петросяна и стремящихся купить «писателя Бугакина». Это не народ, я вас уверяю. То есть это народ в той же степени, что и «ты, я, Наполеон, Магомет», как писал вышедший из этого народа

писатель. А профессор Преображенский, как и Мастер Булгаков, пролетариата не любил, это факт. Пролетариат, впрочем, этого не заметил.

2006

Что главнее?
15 января

Вчера опять спорили с одним хорошим человеком, выпив изрядно спиртного.

Он спросил, что для меня главнее – моя семья, дом или мое творчество?

Я не задумываясь сказал: семья.

– Вот поэтому вы и не достигли того, чего могли бы достигнуть с вашими данными. Не добрались до своей вершины, – сказал он.

– А я думаю, что если бы я ставил во главу угла собственное творчество, я бы вообще никуда не добрался. Не было бы такой духовной и материальной потребности, – сказал я, – а лишь одно тщеславие.

Поскольку пустоцветы житейского поля не плодоносят и духовно.

– А Гоголь? – опять сказал он.

– А Пушкин? – опять сказал я.

На ловца и зверь
18 января

Тут у нас вчера был странный визит в офис с интересными предложениями.

Сфера услуг явно совершенствуется.

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Он пришел без звонка, вошел в комнату редакции и остановился, оглядывая обстановку. В руках у него была толстая кожаная папка.

– Вы ко мне? – спросил я, с тоской глядя на папку. Такие папки очень любят графоманы.

– Вероятно, к вам, – ответил он, взглянув на девушек-редакторов.

– Садитесь, – я указал на стул.

Он сел и положил на колени папку.

– Значит, юбилей скоро? – спросил он, ласково взглянув на меня.

– У кого? – не понял я.

– У вас.

– А-аа… Ну какой это юбилей… Некруглая дата.

– После шестидесяти – кратная пяти – круглая. После восьмидесяти – все даты круглые, – парировал он.

– Ну допустим. Я вас слушаю.

Но он не торопился. Внимательно меня разглядывал. Я начал нервничать.

– И кабинета нет отдельного, – заметил он как бы между прочим.

– Да вот так как-то… – развел я руками.

– А ученое звание у вас какое? – поинтересовался он.

– Какое ученое звание? Зачем мне ученое звание? – рассердился я.

– Ну, знаете, звание профессора еще никому не вредило. Или доцента. Даже бакалавр звучит, согласитесь… Ордена имеете? – вдруг спросил он.

– Нет, – отрезал я.

– Медали?

Я помотал головой.

– Может быть, вы почетный гражданин?

– Какой почетный гражданин? – взревел я. – Чего почетный гражданин?

– Вы не волнуйтесь. Нашего города, естественно. Или какого-нибудь другого населенного пункта?

Я задумался. Нет, я не был почетным гражданином ни одного населенного пункта.

– А воинское звание, простите? – продолжал допытываться он.

– Лейтенант запаса. Послушайте! – не выдержал я. – Что вам нужно? Вы по делу?

– По делу, конечно, дорогой вы наш. Вы – юбиляр, заслуженный человек, но так получилось, что родина неадекватно оценила ваши заслуги. Забывают у нас, знаете… А вы сами и не старались… Короче говоря, мы устраняем эти исторические несправедливости.

– Каким путем? – спросил я.

– Естественным. К юбилею заслуженный человек, такой как вы, получает награду. Вы же хотите орден?

– Какой еще орден?

– А вот об этом можно говорить, – он раскрыл папку и протянул ее мне в раскрытом виде.

Там аккуратно были разложены красиво изданные проспекты. Я раскрыл первый, который назывался «Ордена и медали». В нем были фотографии разных отечественных наград, причем среди них присутствовали и царские, и советские, и новые российские. Под каждым был ценник. Дороже других были орден Ленина, Георгиевские кресты, орден Андрея Первозванного. Но цены были не безумные – от 300 до 1000 долларов.

– Вы хотите продать мне ордена? – спросил я.

– Обижаете! – воскликнул он. – Вы будете награждены за заслуги перед Отечеством! С вручением в торжественной обстановке. Вот там, в конце, посмотрите.

Я взглянул в конец. Там был ценник на торжественную церемонию. Вручение в собственном офисе стоило 100 баксов, в Смольном – 500, а в Георгиевском зале Кремля – 10 000.

– И что… Я должен за все это платить?.. – до меня медленно доходило.

– Ну а кто же, дорогой вы наш! – воскликнул он. – Это же хлопоты, подача документов, согласования, подписи. Страшная волокита! Чиновники этим не хотят заниматься, вы же видите! Вы до сих пор не награждены ничем! Страшно подумать! Такой человек – и без орденов… Вот у вашего отца сколько было орденов?

– Не знаю. Я не считал. Может быть, десяток…

– Вот видите!

– Но он же воевал.

– Родной вы наш, а мы что делаем? Наша фирма взяла на себя все хлопоты. Цены умеренные. Вы же хотите получить орден? Хотите?

– Не уверен, – сказал я.

– Да бросьте! Все хотят. Отказываются единицы. Этот ваш, Солженицын!

– Почему мой? – обиделся я.

– Не хотите орден – пожалуйста. Почетные звания! – он указал на другой проспект.

Я раскрыл его. Каких только дипломов там не было! От почетного ветеринара и заслуженного деятеля культуры до член-корра академии и доктора наук гонорис кауза.

Расценки тоже были божеские. Почетным строителем можно было стать за смешную сумму в 50 долларов.

– А вот наша новинка! – он, явно гордясь, указал на следующий проспект. – Воинские звания! Запаса, конечно.

Я машинально раскрыл и этот проспект. Звания были самые разнообразные. От поручиков и лейтенантов до генералов и адмиралов. И даже генералиссимус в отставке. Это меня потрясло. Генералиссимус в отставке стоил 1000 баксов.

Я вдруг почувствовал острое желание быть генералиссимусом в отставке.

– Окей, – сказал я. – Пишите.

Он выхватил из кармана блокнот и авторучку.

– Я бы хотел быть, – начал я мечтательно, – генералиссимусом в отставке от инфантерии…

– Откуда? – переспросил он.

– Инфантерии.

– А что это такое?

– Не знаю. В литературе встречается…

– Двадцать процентов надбавки, – сказал он.

– Хорошо… Из орденов, пожалуй, «За веру, царя и Отечество»…

– А есть такой? – встревожился он.

– Нет – так сделайте. Вы фирма или нет? И орден Почетного легиона.

– Ширак должен подписать… – он почесал нос авторучкой. – Попробуем.

– Медаль «За взятие Урюпинска», – продолжал я, – почетные знаки «За дальний поход», «Готов к труду и обороне» первой степени, «Почетный донор» и… пожалуй, хватит.

Я увлеченно листал проспекты.

– Звание академика РАН… И знаете, еще что? – вдруг осенило меня. – Лауреат Нобелевской премии по физике. Я всегда хотел стать физиком.

– Сложный у вас заказ… – пробормотал он.

– А чего мелочиться? Пожалуй, всё.

Он достал калькулятор и подсчитал итог. Получилось 7400 баксов.

– Где вручать все это будем? – спросил он. – Учтите, в Кремле большие очереди, президент часто в разъездах.

– В офисе. Я человек скромный, – сказал я.

Он вынул из папки бланк договора с печатью и быстро его заполнил.

– Прошу задаток, – сказал он.

– Триста баксов, больше нет, – сказал я.

– Маловато. Ну да ладно… Попробуем, – ответил он. – Окончательный расчет при вручении.

Я подписал договор и отсчитал ему триста долларов. Он раскланялся и удалился.

А я тут же позвонил своему брату. Брат у меня – председатель Совета директоров одного крупного банка. Между прочим, Почетный гражданин Пловдива и кавалер медали «300-летие Петербурга».

– Слушай, – сказал я. – меня тут огорошили. Звонили из Администрации президента. Готовят Указ о моем награждении…

– А что ты удивляешься? Ты заслужил. Что дают? «За заслуги» четвертой степени?

– Бери выше, – сказал я.

– Ну не Андрея же?

– Нет, не его. Повышают в воинском звании. Генералиссимус от инфантерии.

– Не пизди, – грубо сказал брат. Он такой некультурный!

– А вот увидишь, они твердо обещали.

– А что еще они обещали?

– Орден Почетного легиона. Но это от Ширака. Академика РАН дают…

– Слушай, хватит!

– А спорим? – сказал я.

– Я готов 10 000 баксов поставить. Только где ты их найдешь? – сказал он.

– Договорились. У меня здесь свидетели, – я оглянулся на онемевших редакторов.

– Давай, давай… Остряк-самоучка, – сказал он и повесил трубку.

И что вы думаете?

Я теперь не только генералиссимус от инфантерии и кавалер ордена Почетного легиона, но у меня есть две тысячи шестьсот баксов разницы от спора с братом! Ордена, дипломы и удостоверения мне вручили в нашем офисе в присутствии всех сотрудников. Правда, я уже не мог остановиться и заказал у той же фирмы знаки «Инспектор ГИБДД» и «Почетный глухонемой», потому что на фуражку генералиссимуса как-то странно реагируют постовые, а журналисты совсем замучали интервью.

Спасибо!
20 января

Всем поздравившим меня с ДР – огромное спасибо.

Я вас люблю и желаю вам счастья.

И еще одна маленькая деталь.

Я иногда непонятно почему загадываю какие-то странные вещи.

Например, у меня была когда-то любимая чашка. И вот мне почему-то привиделось, что со мной все будет хорошо, пока эта чашка целая, а если разобьется – то мне будет плохо вплоть до потери жизни.

Это было такое дурацкое наваждение.

И я стал заботиться об этой чашке, чтобы она, не дай бог, не разбилась, я перестал пить из нее чай, я ее прятал и оберегал. Потом я стал думать, как бы ненароком избавиться от этой чашки, чтобы она исчезла, не разбиваясь, и я бы о ней забыл. И в результате она таки исчезла из моей жизни, пропала куда-то и перестала быть моей заботой.

Такие вещи иногда происходят.

И вот вчера, закинув очередной пост в ЖЖ и понимая, что в комментах к нему последуют поздравления, я вдруг подумал, что если комментов будет больше, чем 65 – число моих лет, – то их количество за сутки и укажет мне тот возраст, до которого я доживу.

Абсолютный бред, не так ли? И риск в этом определенный был.

Но часто бред имеет над нами власть.

Поэтому двойное спасибо.

Результат меня устроил.

Юрий Клепиков
24 января

Вчера заходил по делу Юра Клепиков, с которым знакомы давным-давно, работали вместе над незаконченной картиной Семена Арановича – он в качестве редактора, я – сценариста. Сейчас от практического кино отошел, «сидит в засаде», по его выражению, но ведет мастер-класс молодых сценаристов в бывшем Институте киноинженеров, а ныне, как водится, Академии кино и чего-то там еще.

Посидели, поговорили. Высидели проект издания к фестивалю молодых кинематографистов сборника сценариев его студентов с его напутственным словом. Фестиваль будет в апреле. Хочу уговорить его дать туда же его короткую неопубликованную повесть «Записки бывшего мальчика», которую давно хочу издать, но для отдельной книжки она мала, а никакого сборника для нее не нашел.

Спокойной ночи!
29 января

Вот так, очнувшись вдруг с похмелья и оглядевшись вкруг себя, поймешь, что повод для веселья был смехотворен. Не любя, не плача, не жалея павших, рожденных заживо пропасть, ты был один в кругу пропавших, хотя имел над ними власть. И в этой адской перестрелке, в дыму игрушечной войны, твои обиды были мелки, но их последствия – страшны. И те виновники удачи, и те, что сгинули во мгле, не ставили себе задачи, чтоб ты продлился на земле. Они беззвучным хороводом ушли полночною тропой, хоть иногда звались народом, но чаще все-таки – толпой.

Андрей Павлович Петров
16 февраля

Мне довелось довольно много раз встречаться с Андреем Павловичем Петровым и даже работать с ним над одним проектом, который так и не состоялся.

Познакомились мы в пору моего рок-дилетантства, когда Петров позвонил мне однажды и попросил проконсультировать его относительно популярных рок-групп. Тогда Союз композиторов РСФСР, где А. П. был секретарем, готовил очередной пленум, на котором композиторы собрались серьезно заняться отечественной рок-музыкой. То есть, определить свое к ней отношение.

Это было весною 1987 года. А. П. сказал, что Союз хочет провести концерт-диспут с участием двух популярных команд и попросил меня порекомендовать – кого следует пригласить.

Я назвал АКВАРИУМ, с этим вопросов не было, и НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС, альбом которого «Разлука» не вылезал из моего кассетника в ту пору.

Так и сделали, концерт и диспут состоялись.

Об этом я подробно писал в книге «Путешествие рок-дилетанта», которая никак не может выйти вторым изданием в «Амфоре». Но, кажется, уже скоро.

Через несколько лет, в 1991–1992 годах, я участвовал в подготовке к круизу писателей Балтики, который мы организовывали вместе со Шведским союзом писателей. В феврале-марте 1992 года он благополучно состоялся, я был директором этого круиза, то есть вторым после капитана человеком на борту теплохода «Константин Симонов». В течение 17 дней мы обошли всю Балтику, имея на борту 300 человек писателей из 10 стран.

Примерно в мае 1992 года, уже после круиза, А. П. снова позвонил мне и поздравив с проведенным конгрессом писателей на борту теплохода, сказал, что композиторы тоже не прочь сделать нечто подобное и попросил меня организовать такое мероприятие. Тоже вместе со шведами, которые должны были, по замыслу организаторов, добыть деньги, а Балтийское морское пароходство даст дешевый теплоход. (Весь бюджет писательского круиза уложился тогда примерно в 150 тыс. долларов – сумму совершенно смехотворную, учитывая продолжительность круиза и число участников.)

И мы стали готовить вояж композиторов. АО «Балтийский

путь», которое я создал и возглавил в период подготовки к круизу писателей специально, чтобы этот круиз провести (Союз писателей как организация государственная был органически неспособен провести что-то подобное), запросило шведов, те ответили заинтересованно, мы напечатали буклеты с примерным составом участников – композиторы, исполнители – и стали вести переговоры с пароходством (его начальником тогда был небезызвестный В. Харченко).

Параллельно обменивались посланиями со Шведским союзом композиторов, детализируя программу и расходы.

Наконец шведы пригласили нас с Петровым в Стокгольм для проведения генеральных переговоров. Мы собрались и поплыли. Этот снимок А. П. я сделал на борту теплохода осенью 1993 года.

Нас поселили в гостинице в центре Стокгольма, всячески обихаживали – машины, фуршеты после переговоров. Хотя практические результаты были невелики – у шведских композиторов не было фигуры, подобной Петеру Курману, председателю Союза шведских писателей, который, собственно, и добыл 150 писательских килобаксов в одном из благотворительных культурных фондов. Тем не менее решили продолжать подготовку и наметили, где и как добывать средства.

Мы вернулись домой и продолжили наши занятия, но вскоре нас ждал удар – сняли и посадили Харченко (не в связи с нашей деятельностью, нет!). Кроме того, цена за фрахт теплохода «Симонов» стала расти экспоненциально, и вскоре стоимость предполагаемого круиза достигла миллиона долларов, после чего тема была снята.

Последний раз я встретился с А. П. в прошлом году на вручении премии «Северная Пальмира», которое традиционно проходило в его Доме композиторов. Выпили по бокалу вина и вспомнили ту поездку.

Он выглядел, как всегда, молодо и бодро.

О том, каким человеком был А. П., лучше всего говорит его музыка – легкая, мелодичная, изящная и светлая.

Царство ему небесное.

Слово придумал 27 февраля

Автофобия.

Типа «сильнейшая степень отвращения к себе».

Если я правильно употребляю иностранные буквы.

Никто не слышал о таком слове?

А ведь пока не дойдешь до такой степени – не придумаешь.

Отвратительное, упаднические, апокалиптическое настроение.

И автофобия, натурально.

К истории сетевой литературы 28 февраля

Игорь Петров, кажется, собирается изложить историю сетевой литературы ab ovo.

И это правильно. Думаю, никто не сделает это лучше.

Я лично очень многое уже забыл. Если же говорить о роли Васисуалия Лоханкина Массы в сетевой литературе, то она сводится к 3 моментам.

1. Статье «Жизнь и смерть Кати Деткиной», где впервые был сформулирован постулат: «По умолчанию любой сетевой персонаж считается виртуальным». Даже и не знаю, где теперь лежит.

2. Афоризму «Интернет – это форма бессмертия»

3. Открытию ЛИТО им. Стерна на развалинах конкурса «Арт-Тенета».

В дальнейшем Масса всячески старался лишить сетевую литературу девственности, переводя ее на бумагу, но не очень в этом преуспел.

Серьезная критика так ее и не признала.

А вообще сетевую литературу придумал Делицын, с него и спрос.

Заметки фенолога
3 марта

Март. –25 ˚С, без осадков. Календарная весна часто не совпадает с метеорологической. Особенно в наших широтах.

Апрель. –10 ˚С, метели. Весна в этом году запаздывает, поздняя весна, что и говорить…

Май. –15 ˚С, лед сковал Неву. Старожилы не припомнят, перемерзли все старожилы нах.

Июнь. –5 ˚С. Заметно потеплело, запахло весной. Сосульки падают на прохожих.

Июль. –7–8 ˚С. Скоро лето. Необычная смертность туроператоров. Атлантический гандонциклон, это все объясняет.

Август. 0 ˚С. Лето в разгаре, то есть практически весна! Старожилы… Где они, старожилы?

Сентябрь. –10 ˚С. Я не фенолог. Я говно.

Октябрь. –25 ˚С. Дубак, бля…

Ноябрь. –34˚. Фсё. Превед.

Декабрь. –48 ˚С. В Оймяконе минус 50. Оленеводы готовятся к зиме.

К вопросу о новаторстве
25 марта

Кирилл Медведев в своем эссе о Дм. Кузьмине предложил любопытный подход к проблеме новаторства. Я не искусствовед и вообще не гуманитарий, поэтому, наверное, огрубляю. Но понял я это так.

Допустим, я профессионально играю в футбол и при этом пишу стихи. Эти стихи читает мое близкое окружение – защитники, полузащитники, вратари, тренеры и массажисты – хвалят их, читают своим женам и говорят, типа, Масса – это наше всё.

А через них и другие футбольные и околофутбольные люди узнают об этих стихах, почитывают и похваливают, даже если они меня лично не знают. И когда эти стихи попадают к искусствоведам, те через них узнают о существовании этой интересной группы людей – футболистов и их фанатов. Узнают с литературной точки зрения, не с футбольной. То есть я внес в литературу не просто свои жалкие стишки, а целую премьер-лигу футбола вместе с первым и вторым дивизионами и болельщиками.

Это и есть новаторство.

О фантастике и фантазии
26 марта

Я не люблю фантастику, а люблю только фантазии. Как это ни странно, в фантастике собственно фантазий бывает очень мало, фантастический мир регламентирован гораздо более, чем мир реальный, поэтому часто скучен. Именно потому. что придуман без фантазии.

А реальный мир очень часто фантастичен, поэтому реализм фантазий – самый верный литературный метод, даже если никаких чудес в книге не происходит.

Рекомендация
6 апреля

Вчера в очередной раз проявил беспринципность и дал рекомендацию в Союз писателей писательнице N по просьбе издательства, где она издается. Меня довольно часто просят, и я чаще всего не отказываю, поскольку знаю, какие литераторы имеются в нашем Союзе.

У Приемной комиссии, где сидят наши заслуженные члены Союза, есть какие-то неведомые мне критерии профессионализма, по которым они производят отбор. Или того хуже – критерии художественности. В результате успешных авторов часто отвергают.

Вот и моя протеже – успешный молодой автор, издавший за последние два года штук шесть разных книг – и все достаточно большими тиражами. Автор коммерческий, как говорится, книги о новых русских и их женщинах. Написано нормально вроде. Я не читал, мне это не нужно.

Не читал я (а лишь заглядывал) потому, что для моего подхода к рекомендации в Союз это не требуется. Я не могу подгонять автора под свои представления о профессионализме и тем более – художественности. Мне достаточно того, что автор активно работает, его печатают и он существует профессионально. Значит, он достоин стать членом профессиональной организации писателей.

Писатель – это не тот, кто пишет, а тот, кого читают.

Даже если он мне и не нравится.

Самые миролюбивые
8 апреля

Вот если подумать, то алкоголики – самые миролюбивые и толерантные люди.

Допустим, я напишу, что алкоголики – исчадие зла, больные люди, потребую запретить пропаганду алкоголизма путем рекламы или кино, так тут же ко мне в журнал прибегут алкоголики и будут, посыпая головы пеплом, каяться, соглашаться со мной и требовать принудительного лечения.

А попробуй скажи что-то подобное о гомосексуалистах, так тебя в порошок сотрут.

Не говоря о фашистах, ксенофобах, представителях любых конфессий и даже наркоманах, которые по сути ничем от алкоголиков не отличаются.

Потому что алкоголики – они добрые и вечно виноваты.

Когнитивный резонанс
22 апреля

Сегодня я испытал редкое чувство присутствия при исполнении гениального произведения.

Расскажу по порядку.

На кинофестивале молодых в Доме кино я, проводил так называемый мастер-класс для молодых сценаристов. Это было небезынтересно (для меня), но совершенно не заслуживает упоминания рядом с тем, что случилось после.

После этого мероприятия я спустился в фойе перед зрительным залом и вдруг увидел там сидящего на диване композитора Олега Каравайчука. Это фигура совершенно легендарная, а равно экзотическая, одиозная и любая другая.

Это такой человек неопределенного возраста и пола, похожий на старуху в берете и в темных очках, маленький сухой, нелепый.

Он написал музыку примерно к 200 фильмам, хотя это для заработка, а кроме того 15 неисполненных симфоний и много чего еще.

Кстати, однажды он писал музыку к фильму по моему сценарию – «Переступить черту». Не думаю, что он об этом помнит. Лет ему примерно 80, как утверждает Юрий Клепиков.

Увидев его, я подошел к Наиле [Ямаковой] и спросил, знает ли она, кто такой Каравайчук? Она сказала нет. Тогда ты должна хотя бы его увидеть, сказал я, он этого заслуживает.

И повел ее к тому месту, где я его увидел, но там Каравайчука уже не было. Тогда мы вошли в зал, и Ю. Н. Клепиков нам сказал, что сейчас Каравайчук будет на сцене и что-то с его участием нам покажут. Мы уселись, я нашел в зале Каравайчука и показал Наиле. Она сказала, что он уже обратил на себя ее внимание, но она приняла его за странную старуху. Мы стали ждать.

Через минуту на сцену вышел киновед Олег Ковалов и сказал, что нам сейчас покажут фильм режиссера Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» с музыкой Каравайчука. Если кто не знает – этот фильм был снят 80 лет назад и признан лучшим фильмом всех времен и народов. Немой, естественно. Когда-то к нему писали музыку многие, в том числе Шостакович. То есть не писали даже, а таперствовали.

Ну мы решили посмотреть кусочек и свалить домой.

Внезапно в зале раздался свист.

– Что такое? Кто это? – встрепенулся Ковалов. – Ах, это наш

герой.

Да, это был сам Каравайчук, который, насвистывая, двигался к сцене в своем берете и черных очках.

Он взошел на нее, взял микрофон из рук Ковалова, а потом, свои высоким голосом известив, что он несколько стесняется, отвернулся от зала к белому экрану и стал рассказывать, как он написал эту музыку. «Музыка скучная, но когда я ее послушал второй раз, третий, пятый, восьмой… – я убедился, что она гениальна».

После таких заявлений хочется уйти, но мы остались.

Начался фильм и музыка – чистое фортепьяно (за роялем автор – в записи, конечно). Первые такты заставили меня вздрогнуть – это была первая часть «Лунной сонаты», которую я сам когда-то играл в возрасте 15 лет, – но после первых 6 нот она прерывалась совсем иными аккордами, и тут всё началось.

Мы все сидели, как прикованные, от начала и до конца. Более мощной музыки я не слышал, наверное, с тех пор, когда впервые слушал фортепьянного Бетховена. Фильм с этой музыкой был настолько захватывающим и драматическим зрелищем, что мне этого не передать. Этот странный, сухой, старый человек извлекал из рояля столь мощные звуки, что… нет, п…ц просто. Нет других слов.

Я понял, почему «Потемкин» – лучший фильм всех времен и народов. Раньше это ставилось мною под сомнение. Я понял, почему Каравайчука считают гениальным. Это было слышно.

Мы не смогли преодолеть волнения, которое испытали. Мы поехали ко мне домой с Ю. Н. и Наилей и там выпили бутылку виски, разговаривая исключительно об этом феномене. Ю. Н. нам рассказал многое неизвестное, он был знаком с Каравайчуком. Мы были счастливы. Это так редко бывает.

Я думаю, этот фильм с этой музыкой будет доступен в записи. Не пропустите. Но лучше в кинотеатре, это мощно. Это неповторимо. Концовка с несостоявшимся боем с эскадрой – это апофеоз, нарастающая мощь, чем-то сходная с «Временем-вперед» Свиридова, но еще мощнее.

А я ожидал скучного и несколько занудного модернизма, ибо Каравайчук бывает и такой.

Как приятно ошибаться в своих негативных предположениях.

Быков – это наше фсё!
26 апреля

Сегодня проехался по городу с целью проверки, как наша культурная столица готовится к встрече с Быковым.

Начало меня обрадовало.

По Университетской набережной двигалась демонстрация филологов с плакатом (см. сабж). Юноши и девушки вручали всем встречным листовку с портретом поэта и текстом, странно напомнившим мне что-то, но не могу вспомнить, склероз.

Солнце нашей поэзии прикатилось! Быков примчался, примчался во цвете лет, в средине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой радости, и всякое русское сердце будет отверзнуто. Быков! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле есть уже у нас Быков! к этой мысли нельзя привыкнуть!

Но дальше было хуже. Приехав домой, я получил несколько сообщений по СМС, где говорилось, что альтернативные силы разъезжают по театральным кассам, скупают все билеты на вечер Быкова, а потом – какое кощунство! – сжигают эти билеты на Марсовом поле в пламени Вечного огня, приплясывая и приговаривая: «Быков не пройдет!», «Быкову – нет!», «Быков жопа Новый год!» Это меня огорчило.

В результате неясно, кто, собственно, придет на этот примечательный вечер. Но я приду. И Быков едет.

Бронзовые улитки
7 мая

Как мне сообщили, на «Интерпрессконе», куда мне попасть не удалось по причине повышенной инвалидности, нам с Быковым выдали по «Бронзовой улитке». Это такой приз Бориса Натановича Стругацкого. Быкову за роман «Эвакуатор», а мне за повесть «Спросите ваши души».

Как я слышал, эти улитки изготавливаются на заводе монументальной скульптуры, отливаются там по специальному шаблону. Лауреат предъявляет сертификат, подписанный БНС, и ему отливают эту улитку высотою примерно в метр от пола и весом 370 кг. Дальше нужно ее перевезти домой или в какое-то другое место. Быков, узнав об этом, подарил улитку мне. Теперь у меня будет две бронзовые улитки общим весом 740 кг.

Поставлю их в «Геликоне».

Кстати, никто не знает, сколько стоит сейчас бронза на вес?

Дом писателей
29 мая

В Петербургских новостях показали отремонтированный Шереметевский дворец на Шпалерной (бывший Дом писателей). Там, между прочим, в 1990–93 гг. располагалась наша компания «Балтийский путь», которая организовывала круиз 1992 г., а потом некоторое время пыталась без особого успеха заниматься чем-то другим. Там же были и некоторые созданные тогда издательства, в частности «Северо-Запад».

В 1993 году Дом писателей сгорел, да так, что обвалилась крыша над Белым залом, где проходило много всего интересного – от заседаний писателей в 1946 г., когда громили Зощенко и Ахматову, до концертов «Аквариума», Шевчука, Наумова, которые я устраивал в 1986 году. У меня, кстати, сохранилась видеопленка, зафиксировавшая ужасные разрущения после пожара. (Ходили слухи, что произошел поджог из-за коммерческой деятельности издательства «С-З».)

Туда вложили много миллионов долларов, и теперь там будет бизнес-центр, казино и гостиница класса «люкс» с «царскими», как выразились по ТВ, ценами.

Нет, я совсем не за то, чтобы вернуть туда писателей. Они этого не заслуживают.

Пускай там играют в рулетку олигархи.

Хотя я лично сомневаюсь. что они вообще этим занимаются.

Тогда кто?

(Я, кстати, частенько задумываюсь о том – кто эти люди, для которых понастроены роскошные казино?

Ведь если не было бы спроса, не было бы и предложения.

Судя по всему, люди тратят огромные деньги на игру.

Кто они – эти люди? В моем окружении их нет, не считая моего близкого родственника, у которого был в жизни период увлечения казино. Едва унес ноги.)

Блюз о себе
8 июня

никто не умеет писать
и я не умею писать
один быков умеет писать
а я не умею писать

но маша протасова тоже умеет писать
но ксения букша тоже умеет писать
но солженицын тоже умеет писать
но плохо, плохо умеет писать
исписался старик
отвык

и масса народу пишет и тоже умеет писать
и даже долмат алматов тоже умеет писать

а я не умею писать
я не умею писать
я уже давно писать не берусь
это мой блюз

«Пианистка»
11 июня

Я всегда боялся сумасшедших женщин. То есть не в прямом, клиническом смысле, а склонных к истерикам, «безумной любви» или каким-то странностям. В то же время меня привлекали женщины закрытые, интровертки, от которых непросто было добиться ласки и нежности.

Мои первые две жены были именно такими. А последняя оказалась экстравертом, и мне с нею вполне прекрасно, ибо «первая жена от Бога, вторая от черта, а третья от самого себя». Себя же я считаю экстравертом (с оговорками).

Помню, был случай, когда на меня обратила внимание очень красивая женщина. Она была художница. То есть она так себя называла. Это было в пору, когда я активно занимался этим вопросом – знакомством и соблазнением. И эта женщина пригласила меня в гости. Какая-то легкая странность в ее поведении была заметна, но мало ли что бывает. Я пошел к ней.

Она жила с отцом. По виду это был старый пират. Стены двухкомнатной квартирки были покрашены черным, с потолка свисали веревки, цепочки, какие-то лохматые драпировки. То есть это была такая пещера. Мы уселись пить чай со старым пиратом, и тут я увидел, что моя знакомая безумна. А я не знаю, как с себя вести с безумными людьми. Я с умными-то едва справляюсь. И я едва унес оттуда ноги.

Она еще несколько раз звонила, все настойчивее зазывая к себе и предлагая встретиться. Но я малодушно отказывался и как-то освободился от нее. С ужасом представлял себе, что могло случиться, если бы я ее, скажем, поцеловал хотя бы раз. Проглотила бы, это точно.

Пианистка мне понравилась поначалу изломанностью и сексуальной тайной. Я говорю о героине. И я с интересом наблюдал, как нормальный молодой мужчина справится с нею. Мне хотелось, чтобы он помог ей стать тоже нормальной женщиной. Но когда выяснилось, что это не легкий излом психики, а нормальная душевная болезнь, мне стало неинтересно.

Сумасшествие – не предмет художественного исследования. Это для психиатров.

Развивая дальше – это и не объект любви. Но жалости.

Дежурный по номеру
11 июня

У нас в «Полдне» первым материалом идет колонка дежурного по номеру на одну полосу. Пишем мы ее по очереди – Коля Романецкий, С. Лурье и я. Ну иногда кого-то еще припашем. Нынче моя очередь в 4-й номер. Ниже колонка, утвержденная Мэтром.

Если бы меня спросили, как коротко охарактеризовать эпоху, в которой мы все живем, я бы сказал, что это эпоха крушения иллюзий.

И это не только крушение общественно-политических идеалов, которые еще недавно казались панацеей, могущей избавить от тяжелого наследия тоталитаризма, это и потеря всяких надежд на благотворность научно-технического прогресса, и деградация культуры, и полная разуверенность в человеческой природе.

Парадокс: небывалое развитие средств коммуникации, когда за секунды можно связаться с любым концом света и договориться по всем вопросам, которые составляют предмет разногласий, ни на шаг не приблизили человечество к разрешению конфликтов. Договориться невозможно. Никто не хотел уступать.

И даже прекраснодушная иллюзия насчет того, что красота спасет мир, все чаще оборачивается антитезой, которая не менее справедлива: уродство мир разрушит, и весь вопрос в том, чего больше в этом мире – красоты или уродства.

Так чего же в нем больше?

Ответ напрашивается сам собою, поскольку все формы красоты, создаваемые человеком, стремительно теряют главное свойство красоты – гармонию, а это сразу сдвигает красоту в область уродства. Остается красота природная, но она все чаще оборачивается слишком уж грозным ликом, который, оставаясь по-своему прекрасным, недвусмысленно намекает на трагическую несовместимость природы и человека.

И если эта красота спасет мир, то этот мир будет без нас, а значит, любоваться красотой будет некому.

Означает ли это тотальный пессимизм и тщетность каких-либо попыток? И да, и нет. Но эти попытки по плечу лишь сильным и трезвым, у кого не осталось ровно никаких иллюзий. Осталась лишь инстинктивная потребность творить доступную им

красоту, не надеясь даже на ее спасительные свойства.

Читатель волен сам решить, насколько попытки, представленные в этом номере, приближаются к красоте. А я пока предложу лишь подумать о том, что, избавившись от всех и всяческих иллюзий, мы по-прежнему остаемся один на один с главной и по сути единственной загадкой бытия – зачем мы?

Ибо если мы только затем, чтобы питать свои надежды на демократию или технику, нравственный закон или гармонию звуков и красок, то это тот путь, который ведет в никуда. Но если мы затем, чтобы осознать себя частью великой тайны Космоса и предпринять хотя бы слабые попытки постичь эту тайну – нет, не постичь, а лишь изумиться, потрястись ею, – то этого достаточно, чтобы спастись.

Интервью
20 июня

Редакция украинского интернет-журнала прислала несколько вопросов в связи с выходом книжек рок-дилетанта.

1. Кем Вы себя ощущаете в наибольшей степени: писателем-фантастом, писателем-нефантастом, поэтом, издателем или Рок-Дилетантом?

Поэтом-дилетантом.

2. Как бы Вы представили Рок-Дилетанта тем, кто не знаком с ним?

Человек, который любит играть роли по жизни и доигрывает их до конца.

3. Что значили 80-е годы прошлого века для Вас и Ваших ровесников, для Рок-Дилетанта и его собеседников?

Время, когда еще немного, еще чуть-чуть – и будет Счастье.

Но его не случилось, что не делает 80-е хуже. Это делает хуже более поздние времена.

4. Назовите самое интересное, что случилось с Рок-Дилетантом за время его существования.

Он женился в третий раз благодаря рок-н-роллу. Об этом написано в «Альманахе рок-дилетанта».

5. А что самое интересное происходит с Вами сейчас?

Старость. Каждая пора жизни интересна по-своему.

6. Как Вы считаете, в чем главное отличие молодежи 1980-х годов от молодежи современной?

В том же, в чем рок отличается от попсы.

В том же, в чем духовный поиск отличается от поиска наслаждений.

7. Как Вы думаете, о чем сейчас пел бы Виктор Цой, если бы он остался жив?

Если бы Цой остался жив, он был бы сейчас толстым обрюзгшим мужиком, приближающимся к 45 годам. И пел бы песенки о любви, довольно нелепые в этом возрасте.

Слава богу, мы не знаем его таким.

Он навсегда остался трагическим молодым романтиком и ценою жизни спас свое имя и песни.

Впрочем, скорее всего, он просто ничего бы не пел.

Об отношении к футболу
21 июня

Я заметил, что люди, равнодушные к футболу, или его противники – активные или пассивные – склонны относиться к любителям этой игры несколько высокомерно. Типа они выше этого, а увлечение футболом – занятие плебейское.

До чего же они ошибаются.

Я увлекаюсь этой игрой более 50 лет. И всегда нахожу в ней отраду для души, пищу для интеллекта и неистощимый запас эмоций. Это великая игра.

Конечно, когда это настоящий футбол.

Sic Tranzit не только Глория Мунди
28 июня

Поздравлял сегодня мою первую жену с полукруглым юбилеем.

45 лет назад, в день ее 20-летия, мы расписались во Дворце бракосочетания на Английской набережной. Тогда она называлась, кажется, по-другому.

За эти 45 лет формально я был холост 8 месяцев – два после первого брака и полгода после второго. Фактически же не было ни одного дня свободы.

Шутки шутками, а так и проходит жизнь.

Чрезвычайно быстро.

Пушкин
3 июля

«…Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия…»

То, что дни летят, начинаешь понимать довольно рано, а вот о частичках бытия, уносимых каждым часом, начинаешь задумываться довольно поздно. И с каждым днем все больше.

Сладкая мука – отставать от этого поезда жизни, сначала сожалея, потом становясь все равнодушнее к нему и наконец окончательно теряя его из виду и обретая истинное спокойствие.

В отпуск
12 июля

Завтра утром отбываем на машине в Скандинавию. Через Финляндию и Швецию в Норвегию, где будем жить в районе Алесунда. Там сейчас примерно 14 градусов и дожди. Пока нас в жарком Питере это радует. Но ненадолго, вероятно.

Будем ловить рыбу и писать книгу. Или наоборот.

Привет из Норвегии!
18 июля

Мы на месте уже несколько дней.

Дорога была фантастическая – по долинам и ущельям в окружении низвергающихся с вершин водопадов.

Первые 2 дня погода баловала, сейчас тучи, прохладно.

Но все равно здесь очень здорово.

На склоне горы пасутся овцы, недоуменно блея на нашу машину. В радиусе 500 метров ни души. Иногда к ближним скалам проезжает машина или проходят со спиннингами рыболовы.

По фьорду ходят катера и ползают лодочки.

Concert for George
5 августа

Будучи в Москве в мае, увидел у malsinc концерт, записанный на dvd-видео.

Состоялся он в 2002 году после смерти Джорджа Харрисона, и там его друзья пели песни Джорджа.

Участвовали Эрик Клептон (режиссер и устроитель концерта), Пол Маккартни, Ринго Старр, Том Петти, Джефф Линн, Билли Престон и др. Состоялся концерт в Альберт-Холле. Это Лондон, кажется.

Увидеть-то я увидел, но лишь обложку, посмотреть и послушать времени не было. Но название запало.

И вот в Стокгольме я пошел на поиски. В магазине дисков на Сергельторг долго искали сначала в компьютере, потом на полках и сказали, что нет. Кончился. Пошел в муз. отдел магазина Еленс. У стеллажей с классическим роком стоял швед примерно моего возраста, перебирал диски. Я спросил его:

– Excuse me, please. I'm looking for Concert for George, memory Harrison.

Швед кивнул, нагнулся и безошибочным движением взял диск со стеллажа.

Я взглянул на упаковку. Цена была 518 шведских крон. Кто не знает курса: в 1 евро примерно 10 шведских крон.

Но… охота пуще неволи. Тем более что там оказалось два диска. На первом – сам концерт, на втором еще много чего. Второй я, собственно, еще не смотрел, а первый уже.

Ни разу не пожалел о потраченных 50 с лишком евро.

Это класс, это супер – и по музыке, и по работе звукорежиссера, и по общему настроению – без фальшивой патетики, без слезовыжимания. Просто друзья пели песни Джорджа – от души (в начале там еще большое «индийское» вступление с Рави Шанкаром и его дочерью Аннушкой (sic!), которая потрясающе играет на ситаре).

Но самое большое потрясение было, когда на сцену после индусов вышли рок-музыканты – и среди них, стариков, совсем юный человек в белой свободной рубахе – с лицом Джорджа Харрисона, один в один! Это был, естественно, его сын Дани Харрисон (Dhani Harrison), ему в 2002 году было всего 24 года. Просто я никогда не знал о нем и не видел. Такого сходства я никогда не мог представить. Недаром Пол Маккартни, обнимая после концерта Оливию Харрисон, мать Дани, сказал: 'It looks like

George stayed young and we all got old'. (Не думайте, что я эту фразу услышал и понял. Это я прочел потом в Википедии.)

И этот мальчик на равных играл с друзьями отца. Это было классно, это было по-настоящему. Я не люблю слова «вставляло», но оно именно то.

Когда-то я написал сценарий фильма «Когда святые маршируют». Там была история, как через 30 лет собирается джазовый ансамбль (диксиленд), чтобы сыграть на юбилее джаз-клуба. Все давно уже разошлись, рассорились, все старики, всё забыто, но они с трудом, но все-таки собираются усилиями одного энтузиаста. И там уже выясняется, что трубача нет, он умер, а они и не знали. И когда они все-таки выходят на эстраду, подходит юноша с трубой и говорит: я его сын. И встает с ними рядом, и играет.

Это меня тоже вставляло, клянусь Богом, когда я писал. Потому что потому.

Фильм вышел средненький, но эта сцена способна вызвать слезы. По крайней мере, у меня.

На этом диске я увидел этот сюжет – в жизни, в реальности и гораздо круче.

Перельман
17 августа

Очень взволновала меня ситуация с Григорием Перельманом.

(Сейчас те, кто стыдил меня за равнодушие к войне на Ближнем Востоке, закричат: ага! это его волнует! а трагедия нет.)

Мало того что он оказался сыном того Перельмана, книжки которого я читал в детстве («Занимательная физика» и др.), так и родился лет через 20 после смерти отца. Потом сел за теорему Пуанкаре на миллион долларов, доказал ее и ушел собирать грибы три года назад. Три года пытались понять его доказательство.

Теперь его ищут, чтобы вручить премию.

Фантастический человек!

Между прочим, теорема Пуанкаре, как сказала телеведущая Зейналова, – это очень просто. Она заключается в том, что бублик – это не шар, и наоборот. Я это и так знал с детства.

Патамушта в бублике есть дырка!

А трагедия меня тоже волнует. Но по-другому.

Интервью
23 августа

Сегодня давал интервью питерским «Аргументам и фактам».

В частности, говорили и о социальном.

Я сказал, что есть ощущение нарастающего социального напряжения при том, что декларируется стабильность, проистекающая прежде всего от нефтедолларов. Нефтедоллары есть, а счастья нет. А началась беседа с того, что корреспондентка спросила, как я отношусь к веяниям возобновления помощи горожан сельскому хозяйству. Типа опять будут посылать на сено и на картошку.

Я сказал, что сено и картошка – это две большие разницы.

Июльский сенокос, купание, жаркое лето – это отдых. (См. «Сено-солома».) Но когда я вспоминаю себя в резиновых сапогах, бредущего по залитым водой бескрайним полям совхоза «Ручьи» по колено в грязи, – нет, увольте.

Душевного спокойствия нет. Времени на раздумья нет. Слишком большое место в жизни занимает погоня за эфемерным или просто борьба за выживание.

Прощание с Плутоном
25 августа

Прощай, Плутон!

Мы так и не встретились, милый. Ты был слишком далеко, и твое тихое существование никак не задевало струн моей земной жизни. Но я знал, что где-то там, на задворках Космоса, есть маленькая холодная планета, влекущая свой смертный неправильный путь. Не было времени позвонить тебе, не было сил хоть чуть-чуть исправить орбиту, не было надежды на понимание.

Ты никогда ничего не просил, тебя как бы не существовало в моей жизни, но вот тебя не стало – и я вдруг ощутил пустоту на том месте, где был ты. Далеко-далеко, не разглядеть глазом, не достигнуть в любительский телескоп.

Говорят, тебя вычислили, а потом открыли. Теперь эти же люди закрыли тебя, спохватившись. Но ты все-таки сиял в далеком пространстве целых семьдесят лет, пока мы тут жили и свершали свои революции. Прошу тебя, не обижайся. Мы еще много раз пересмотрим все правила и вычисления, перепишем анналы и, как знать, может быть, примем тебя обратно в свой смертный круг.

Хотя тебе это не нужно.

А пока лети там, свободный, не зная правил и планетных свойств, ведь от тебя не убавилось ничего, что делает тебя частью Вселенной.

«Лестница» на DVD
26 августа

Наконец выпустили «Лестницу» на DVD в серии «Отечественное кино XX века». Лицензия.

Не прошло и 20 лет. По крайней мере, можно вспомнить молодых Олега Меньшикова, Елену Яковлеву и Леонида Куравлева, которые там играют.

Ночные мысли
6 сентября

Всё чаще замечаю, что очень молодые люди, преступно молодые люди, с некоторой даже гордостью говорят о своей мизантропии. Дескать, как заебало их человечество. Милые мои, другого человечества не будет. Надо научиться жить с тем, что есть. Ведь мизантропия – это та же самая ксенофобия, только в качестве одной, титульной народности, выступаешь ты, мой ненаглядный, а в качестве другой, низшей и презираемой, – все остальные.

Мы должны научиться гасить раздрай в своём сердце, мы должны быть терпимее и помнить, что никто не царь земной, никто не Бог на небе. Мы все грешные и земные, но мы – люди, то есть пока еще люди. Но с каждым днем всё меньше заслуживаем этого звания.

Простите, если кого обидел, как говорит мой коллега.

Опера «Евгений Онегин»
16 сентября

В порядке культурного шефства над младшей дочерью и с целью стирания белых пятен образования посетил Мариинский театр и прослушал оперу «Евгений Онегин». Естественно, впервые.

Отрадно, что неизвестных мне слов и мелодий не услышал. Любви все возрасты и паду ли я. Но вот с сюжетом наконец удалось разобраться. Он крайне неприхотлив. Вот послушайте.

Значит, там живут две прекрасные девушки, одна хочет замуж, а другая читает книжки. Зовут их Ольга и Татьяна. Девушки богатые, крестьяне носят им ягоды и фрукты. Крестьяне не пьют, а поют.

Внезапно появляются двое молодых людей. Это Ленский и Онегин. Онегин зачем-то стал рассказывать Татьяне про дядю, который занемог не на шутку, а Ленский признался Ольге в любви, но руку не предложил. Только сердце, что сказалось на сюжете самым решительным образом.

Татьяне же запала на Онегина сразу, как всякая книжная девушка, и принялась ночью сочинять ему письмо. И параллельно стала немыслимо страдать, как всякая не только книжная, но еще и русская девушка. Толком не поговорив с парнем, между прочим. Призналась ему в любви, короче, и решила, что он ее теперь будет презирать.

Дальше приходит Онегин, держит в руках письмо, как сочинение на тему «Как я провел лето». И начинает ей выговаривать. То есть по форме наговаривает на себя, дескать, он не создан для блаженства. А для чего создан? Это, кстати, так и не выясняется до конца оперы. Но по сути врет. Испугался признаний девушки, к серьезным чувствам не готов, а легкого романа здесь не получится, это видно невооруженным глазом.

Короче, сильно ее ранит и морально уничтожает. Отдает письмо.

Слушайте дальше. Буквально через несколько дней у Татьяны ДР. Сельский бал. Онегин приходит и (sic!) начинает зачем-то флиртовать с Ольгой. То есть это громко сказано. Приглашает танцевать. Ленский в трансе, переживает. Татьяна вообще в ауте.

А Ольга-то, понятно, хотела показать Ленскому, что не надо медлить. Хочет замуж, что с нее взять. Из-за этого и сыр-бор.

На фига это Онегину было нужно? А чтоб еще раз показать Татьяне, что он вот такой вертопрах и любить его не надо. То есть

намерения самые благородные. У мужиков это всегда так. Намерения благородные, а выходит полная лажа. И тут еще этот дурак Ленский. Завелся, требует сатисфакции. В чем сатисфакции? Смешно.

Схватились за грудки, назначили дуэль. На следующий день этот его убил. Тот много пел перед смертью Но смерть глупая. Помириться можно было в два счета и выпить.

По-хорошему Онегина нужно было судить за убийство, и он слинял за границу. Дальше совершенно неопределенный провал во времени. Вдруг опять Онегин появляется. Ему скучно. Он попадает на бал. Ну куда же еще? Там других занятий не было. И тут видит Татьяну под ручку с генералом. Ему вмиг становится весело и даже более того. Влюбился наконец. И кто в это поверит? А потому что такие мужики, как Онегин, они за замужними бабами охотятся, оно безопасней. И жениться не надо.

Но тут обломилось. Татьяна все же до конца остается книжной русской барышней с идеями. Другому отдана – и баста. За это ее по-человечески уважаешь. А Онегин… Нет, не мужик. Нет. И не сюжет по большому счету.

Привет, страна!
7 октября

Я веду свой репортаж из палаты № 14 Второй терапии больницы им. Эрисмана, куда попал два дня назад по «Скорой», и, провалявшись эти два дня в реанимации под капельницами и уколами, переведен в улучшенную палату на двоих, за которую придется платить.

Так что я пошел по следам нашего мэтра БНС, но догнать его не сумел – инфаркта мне все же не поставили, хотя я старался. Поставили ОКН (острая коронарная недостаточность), которая продолжалась часов 5. Ну, в общем, еще пожуЖЖим немного.

Медсестра, которая сегодня с утра пыталась взять мне кровь из вены, вену эту найти не смогла. Уж так она руку обглаживала, мяла, вымеряла что-то и даже воткнула иголку – но крови нет. Она там этой иголкой шуровала, пытаясь найти вену, – ну никак! Наконец позвала старшего товарища, которая в минуту нашла вену совсем на другой руке в районе большого пальца, прямо под ним. У меня отродясь там никаких вен не было. Однако кровь там нашлась.

Потом эта же невезучая медсестра собрала меня и повезла на кресле-каталке из реанимации на отделение этажом ниже. Один лифт закрыт, другой не работает. И вот мы метались полчаса между лифтами, пока не пришел мужик и не открыл второй лифт. Привезли.

Но последняя неудача моей милой медсестры обнаружилась, когда она уже совсем ушла в свое отделение. Пришли Лена с Настей и разбирали вещи. И тут выяснилось, что пакет с ягодным соком медсестричка сунула в полиэтиленовую сумку без крышки, в результате сок вылился и залил мои медицинские бумаги – всякие заключения и электрокардиограммы. Сейчас они сушатся на подоконнике. Просто талантливая какая-то девушка!

Короче, всё путем, а погода великолепная. В огромном окне желтозеленый клен.

Как только принесли лэптоп, тут же без проблем вышел в сеть через блютуз и мобильник.

И вот пишу вам. Берегите себя!

Юбилей рок-клуба 18 ноября

В Питере как-то тихо и провинциально проходит празднование 25-летия рок-клуба.

По этому поводу я уже дал интервью НТВ на фоне Инженерного замка (для какой программы и когда будет – не имею понятия), а сегодня побывал в Манеже на Исаакиевской, где открыта юбилейная выставка и проходил концерт «Крематория».

Ну, на Армена я всегда хожу, потому что уже 20 лет наши дружеские связи не прерываются. Когда он бывает здесь – ходим семьей на концерты, когда я бываю в Москве – захожу к нему в студию. Никогда его администратор Ирина не забывает позвонить и пригласить на концерт. Это приятно, что ни говорите.

Афиш мало, публики тоже немного – но она своя, крематорская, и поет все песни наизусть.

Армен зажег, видно было, что поет с настроением – свои песни и несколько песен Майка. И на этом вечере, как потом мне передали, выступил бесплатно. Просто потому что «Крематорий» – самая питерская из московских групп, и это верно.

Выставка же довольно жалкая. Помню 10-летие рок-клуба и выставку в Ленэкспо по этому поводу. Небо и земля. Конечно, все гранды, вышедшие из рок-клуба, это мероприятие дружно проигнорировали. Никого из знакомых лиц, кроме Коли Михайлова, Вилли и Игоря Петрученко, не увидел. Раза три осторожно подходили очень молодые люди и с некоторым изумлением и робостью спрашивали: «Это вы… написали рок-дилетанта?» Очевидно, полагали, что я давно умер. Я благосклонно кивал, после чего они долго трясли мою старческую руку, бля.

Под страшный шум дал какое-то интервью неизвестному для неизвестной же газеты. Ваше главное впечатление в двух словах? – «На графских развалинах».

Обменивались новостями с немногими знакомыми. Этот помирает от рака, тому сделали операцию, да я и сам накануне того же.

Sic tranzit не только глория мунди. Так всё проходит. Жизнь.

Припомнилось на случай
1 декабря

Кто обидел эту зиму?
Не припомнить на веку:
Ленинград подобен Крыму,
Крым подобен сквозняку.

Навсегда пропала вера.
Старый дедушка Мороз
Неприятен, как холера,
И бессилен, как прогноз.

А зима всё плачет, плачет,
Мокнут крылья снегирей…
– За окном водичка скачет! —
Как сказал мой сын Сергей.

Декабрь 1971 г.

Сыну Сергею тогда было почти 4, и он действительно сказал эту фразу.

Сейчас ему вот-вот исполнится 39.

Колонка дежурного
11 декабря

Время от времени в Интернете вспыхивают споры на тему: является ли фантастика литературой? Они уже всем изрядно поднадоели, поэтому я предложил бы несколько видоизменить вопрос: в какой мере литература является литературой? И в какой мере современный писатель является писателем?

Мне укажут на то, что в таком случае надо четко определиться в терминах. Если писатель подобен повару, приготовляющему изысканное блюдо, то он является настоящим писателем, когда знает много рецептов и умеет их правильно приготовить. Тогда у него нет отбоя от гурманов.

Но если же писатель – это стражник на вышке, предупреждающий об опасности, будь то пожар в доме или нашествие чужих орд, то настоящий писатель – это тот, кто не только видит, но и чует опасность.

Последнее время мне всё чаще вспоминается классическая строка Осипа Мандельштама: «Мы живём, под собою не чуя страны…» Кажется, только сейчас я стал по-настоящему понимать ее и узнал, как это жить, не чуя под собою страну. А ведь раньше чуял, это я вам точно говорю. И не то чтобы больше ездил, встречался с людьми, но совершенно отчетливо ощущал некую общность народа и субстанцию, называемую «страной». Это было и государство, далеко не всегда ласковое, и пространство, огромное, но нераздельное, и история, не похожая на лоскутное одеяло мнений.

Ощущение страны позволяет «чуять правду», как поется в одной опере, а значит, и писать ее. И тут уже совершенно неважно – фантастику ты пишешь или документальную повесть. Потеря этого ощущения, потеря связи со страной чреваты последствиями. Одно из них то, что литературу, переставшую «чуять правду» и «чуять страну», перестают чуять литературой и обращаются с нею, как с девкой в публичном доме.

Чего она, собственно, вполне заслужила.

Это к тому, что прошелся я на днях по одному крупному книжному супермаркету, и эти невеселые мысли навеяны его полками, точнее, тем, что в изобилии на них стояло – пышное, разодетое, в прекрасных переплетах, но по сути продажное и дешевое, даже если дорогое по цене. Не всё там было такое, робко ютилось по углам то немногое, чуящее ещё правду, что было по недосмотру допущено на эти полки, но наглое торжествующее

чтиво давило его тиражами, обложками, рекламой ТВ.

Литература стала простым приложением к ящику, по которому показывают мыльные оперы и серийные убийства.

Я не хочу чуять такую страну.

Молодые и ранние
27 декабря

Когда проживешь достаточно много лет, то видишь, как складываются отдельные судьбы. Есть возможность проследить стремительный взлет или внезапный упадок.

Особенно интересны судьбы, а точнее, карьеры тех, кого считали «подающими надежды мальчиками», а сейчас они в расцвете сил и должностей и не всегда снисходят. Хотя по-прежнему при встрече учтивы и называют на «вы».

Причем подавали надежды они в прямом смысле, а реализовались несколько в другом.

Помню одного способного и впитывающего каждое наше слово мальчика, который бегал за коньяком для нашей «взрослой» компании, когда ему вручали четвертак и говорили: а сгоняй-ка на угол или в ресторан, спиртное кончилось. И он бежал, и появлялся через двадцать минут сияющий, с бутылкой, – и это была его незаметная но нужная роль.

А сейчас он модный художник, о нем пишут диссертации, хотя по сути остался тем же провинциальным мальчиком, жадно впитывающим новое и умеющим этим новым распорядиться.

Хотя ни тогда, ни сейчас он не имел и не имеет никакого художественного или иного таланта, кроме таланта правильно себя продать.

Но этот талант сейчас востребован, как никогда.

Помню другого, в самом деле способного журналиста, который примыкал к нашей банной компании «стариков» и был мальчиком для битья, поскольку мы с высот своей старческой мудрости прямо и без затей издевались над его стремлением к «изячной жизни», к его сладострастным описаниям заграничных поездок, смеялись над детальным знанием курсов валют и что где почем. А писал он неплохо, надо отдать должное.

Сейчас он главред глянцевого мужского журнала, встречаемся мы редко, и в баню он с нами больше не ходит, потому что у него другие бани, куда нас не то чтобы не пускают, а нам там делать нечего.

Помню многих музыкантов, которые выступали за ужин, а сейчас ездят в джипах и при встрече слегка покровительственно пожимают руку. Они талантливы, слов нет, но карьера их была слишком быстрой, отчего и возникает некотрое головокружение от успехов, как мудро заметил когда-то отец народов.

Все они безусловно заслужили то, что имеют, а мы заслужили

то, что имеем мы.

Но есть одно слово, которое хорошо понимал Александр Блок. Слово, которым он назвал свою незаконченную поэму.

За все в этом мире рано или поздно приходится платить.

2007

Вы чьё, старичьё?
18 января

Несколько дней назад позвонил писатель Илья Штемлер и сказал, что у него возникла идея собрать вместе всех старых членов Союза писателей, так сказать, «ленинградского разлива», вступивших в Союз до 1991 года. Просто посидеть, поговорить, выпить. А то уже не видим друг друга годами, люди потихоньку уходят (и совсем уже не потихоньку, а дружными рядами). И всё это планировалось провести в Лавке писателей на Невском.

Я пошел. В бывшем писательском отделе, где покупали книги по заказам члены Союза (была такая очень неслабая привилегия у них – заказывать по планам издательств книги и иметь дефицит в пору книжного голода), накрыли стол и собралось человек 50. Многие удивленно друг на друга посматривали, как бы не ожидав встретить в живых. Так получилось, что я оказался рядом с Граниным. Даниил Александрович припоздал, а в это время мой сосед Владимир Михайлович Акимов уже заторопился уходить, и Гранин занял его место. Я сфотографировал его на расстоянии моей вытянутой руки, в кадр попала половина моего ухмыляющегося лица.

Говорили тосты, сводящиеся к наличию пороха в порохоницах. Надо сказать, что я в этой компании был одним из молодых, потому что писателей моложе 70 было ну человек 7–8, не больше. Самым старым был Дичаров (94), Гранину только что исполнилось 88.

Потом я вез Гранина на машине домой. Он живет неподалеку, в начале Каменноостровского, на Малой Посадской.

* * *

Я вспомнил всех, кого я не любил
(Их оказалось на поверку мало):
Приятеля, с которым водку пил,
Его жену, что всё на свете знала,
Ученого соседа моего,
Известного поэта одного,
А может, двух… Учительницу пенья,
Редактора на радио, кому
Высказывал в письме я точку зренья,
Неясную тогда мне самому.
Я вспомнил всех, кого я не любил,
И оказалось: я покладист был.

Я вспомнил всё, к чему был равнодушен
(Я не скажу, что вовсе нетерпим).
Успех у женщин? Он, конечно, нужен,
Но вот хлопот не оберешься с ним.
Тщеславие меня не подгоняло
И зависти я вроде бы не знал.
Не требовал от ближних пьедестала,
И то сказать: к чему мне пьедестал?
Всё выходило так, что я не воин,
Хотя в себе уверен и спокоен.

Я вспомнил всё. А то, что позабыл,
Фантазией расчетливо восполнил.
Я вспомнил всех, но я тебя не вспомнил.
Не потому, что тоже не любил,
А потому, что страсти не в почете,
Спокойствие оплачено ценой
Достаточной, и при таком расчете
Тебе одной известно, что со мной.

1972

* * *

Лови уходящее счастье,
Безумную птичку-любовь!

Ты больше над милой не властен,
Ничто не повторится вновь.

Беги по ночному бульвару,
Глотая осенний туман,
И где-то в гостях под гитару
Пой песни, бессилен и пьян.

Прокручивай в памяти снова
Безвкусное это кино:
Легчайшая сеть птицелова,
Пустая квартира, вино,

Загадка случайного взгляда,
Обман, не любя и любя…
«Не надо, не надо, не надо!» —
Тверди это так про себя.

Измученный медленной жаждой,
Смотри в проходящий трамвай
И с трепетом в женщине каждой
Родные черты узнавай.

1976

* * *

Век не знает удачи.
Утомлен пустотой,
Он, как мальчик, заплачет
Над своею мечтой.

Рассыпая игрушки,
Заводные слова,
Он услышит, как пушки
Утверждают права.

Он услышит раскаты
Победительной лжи
На фанерном плакате,
Что закрыл этажи.

Там на площади бравой
Оркестрантов семья
Тешит головы славой

Октября, ноября.

Расступитесь, витии!
Эти беды – не вам.
Все печали России —
Городам, деревням,

Матерям и солдатам,
Что в тревожном строю
Верят чисто и свято
Октябрю, ноябрю.

1976

* * *

Писатель в ссылке добровольной
В чужой квартире бесконтрольной
Живет на первом этаже,
Романы пишет на обоях,
Детей не видит он обоих,
Покоя нет в его душе.

А за окном метель шальная,
Собака бегает больная,
Трамвай несется по струне.
Писатель ищет оправданья,
Живет, как в зале ожиданья.
Покоя нет в его стране.

Соединяя душу с телом,
Он занят безнадежным делом.
Нелеп его автопортрет!
Соединяя правду с ложью,
Надеется на помощь Божью,
А Божьей помощи все нет.

Ему бы помощь человечью,
Чтоб сладить с неспокойной речью,
Что в глубине его звучит.
Звонок молчит. Трамвай несется.
Никто за стенкой не скребется
И в дверь тихонько не стучит.

1979

МУЗЫКА

Памяти Д. Д. Шостаковича

Ах, как грустно и печально! Как судьба страшна!
Потому необычайно музыка слышна.
То ли пение блаженных, то ли простой вой
Наших душ несовершенных в битве роковой.

Вот умрем мы и предстанем пред лицом Творца,
И бояться перестанем близкого конца.
Только музыка Вселенной будет нам опять
О загубленной и бренной жизни повторять.

Пойте жалостнее, флейты! Мучайтесь, смычки!
Подпоют ли нам о смерти слабые сверчки?
От тоски своей запечной, от немой любви,
От разлуки бесконечной в медленной крови.

Мы послушаем и всплачем, музыка-душа!
Ничего уже не значим, плачем, не спеша.
На судьбу свою слепую издали глядим,
Утешаем боль тупую пением глухим.

1976

Разлука
4 февраля

Трудно объяснить сегодняшним молодым, что значили для нас эти песни и как они воспринимались. Помню, когда впервые по радио – по нашему советскому радио! – я услышал «Скованные одной цепью». У меня холод прошел по спине и слезы выступили, еще вчера невозможно было представить, чтобы эти песни были переданы в эфир…

Бутусову и Кормильцеву удалось создать лучший альбом отечественной рок-музыки. Лучший по всем статьям – глубине и содержательности текстов, мелодичности и свежести музыки и адекватному их исполнению. Ломкий юношеский голос Бутусова как нельзя лучше соответствовал этим песням.

Мы не были знакомы с Ильей и не были френдами в ЖЖ. Каждый из нас шел своей дорогой последние 15–20 лет, и это нормально. Но важно то, что наша дорога начиналась оттуда, с «праздника общей беды», как окрестил он это время.

Захар Прилепин о визите к Президенту 21 февраля

> *Спустя несколько минут я с ужасом увидел, что Анастасия, – мне так показалось, – гладит Президента по ноге. Нет, саму ее руку из-за стола я не видел, но точно определил по движениям плеча Анастасии, что рука эта делает нежные, гладящие движения. Ситуация усугубилась и тем еще обстоятельством, что Президент мельком ласково посмотрел на руку драматурга, не прекращая, впрочем, свою речь.*

Молодец, Захар!

Умный, толковый и смешной местами репортаж.

С Захаром довелось познакомиться в Москве на быковском прямом эфире Сити FM, куда Быков – уж не знаю почему – пригласил нас вместе.

После эфира, когда Быков нас отпустил, я предложил еще немного посидеть, поговорить. Мы купили вина и пива и отправились в гостиницу, где я остановился. И в общем очень неплохо поговорили.

Он мне понравился. Кстати, еще и тем, что вспомнил, как в армии читал мою книгу «Дитя эпохи» и смеялся, как я сейчас смеялся над его рассказом. Это всегда сближает пишущих.

Но вообще он серьезный человек. И я от него многого жду.

Проверка
21 февраля

Сегодня приходит громадный такой мужик в штатском, показывает милицейское удостоверение и бумажку. Предписание из УВД на проведение проверки финансовой и прочей деятельности нашей фирмы. Сам сотрудник ОБЭП.

Ну, сами понимаете мои чувства.

– Чем обязаны? – спрашиваю.

– Пойдемте поговорим. Мне нужно произвести дознание, – отвечает.

Такие слова, как «дознание», в мой лексикон не входят. Я их слышал в криминальных фильмах, потому они не радуют.

Взял нашего главного бухгалтера Аню и уединились с этим человеком.

А он не спеша вынул еще какие-то бумажки, стал писать. Для начала предложил мне подписать это предписание. Что я с ним ознакомлен типа. Я подписал без всякого воодушевления.

– Мне от вас нужно, – сказал он и перечислил далее кучу всяких документов, про которые я даже не знаю – есть ли они у нас. Бухгалтер Аня кивала. Значит, какие-то есть.

– Прямо сейчас? – спросил я.

– Ну да, прямо, – ответил он с милицейским простодушием.

Пока Аня искала документы, в голове проносились вихрем все возможные и невозможные прегрешения. Вихрь был мощный, не какой-нибудь ветерок.

– И все же вы нам скажите по-простому, – начал канючить я. – Зачем вам это?

– Вы материалы к выборам печатаете? Листовки? Плакаты? Газеты? – спросил он опять-таки прямо.

«А черт его знает», – хотел честно ответить я, но сразу же понял, что такой ответ не приличествует директору фирмы. Хотя что они там печатают, когда не печатают наших книг, я правда не знаю.

– Нет, – сказал я, подумав.

– Тогда распишитесь, – он сунул мне протокол дознания.

И тут ему позвонили по мобильнику, и из разговора я понял, что его куда-то срочно взывают. Может, труп там у них. И он свернул дознание и отбыл, велев нам как можно быстрее принести все нужные ему документы.

Но все же успел рассказать, что они проверяют, как депутаты ведут предвыборную кампанию. И если мы что-то такое печатаем,

то должны иметь договор, а они проверят – кто его подписал и какие деньги расходуются на это дело. И прочее.

Теперь я думаю: а что, мы действительно должны проверять, если приходит частное лицо и просит нас размножить какую-то бумажку в 1000 экз? Проверять – про что она и что там написано?

Кто знает, какие на этот счет есть правила и установления? В связи с избирательными кампаниями, разумеется.

Сережа Данилов
28 февраля

Последние его слова в СМС, полученной мною 19 февраля, были такие: «Скажи по радио, что он умер, как истый монархист и дворянин. Врагу не сдается наш гордый “Варяг”!» Вчера его не стало.

Он был лидер-гитаристом группы «Мифы» – легендарной группы «доаквариумного» периода питерского рока. Говорят, лучшим рок-гитаристом того времени. Их хит «Черная суббота» до сих пор помнят.

Мы познакомились в 1984 году, когда я пригласил к себе в гости его и Гену Барихновского – вокалиста и автора многих песен группы. Тогда я часто встречался с рокерами – ходил к ним в гости и приглашал к себе. Они пришли и Сережа, несколько смущенно спросил: «У вас не найдется рюмки водки?» Я налил ему, потом мы поговорили, кажется, я еще ему подливал.

И я понял, что человек он запойный.

Несмотря на явный музыкальный талант, он не нашел себе места ни в одной группе рок-клуба, а когда «Мифы» тихо сошли со сцены и Барихновский уехал на ПМЖ в Германию, Сережа пошел преподавать гитару юнцам в какой-то Дом культуры. Я бывал у него там, слушал его пацанов и даже помог ему выпустить кассету группы «Черный кот», состоявшую из подростков 13–14 лет.

Иногда он звонил, мы почти не встречались, но один раз как-то совпало общее пьянство и я оказался у него дома, где и остался ночевать после приличных возлияний. Спал на диване в его комнате в коммуналке. Сережа потом посвятил этому дивану шуточную песню, в которой даже есть строчка типа «и Житинский тоже ночевал…»

Вообще он был одним из самых чистых, душевных и добрых людей среди рокеров, которых я знал. И всю жизнь боролся с недугом.

Наконец ему удалось завязать надолго – и тут пришли сердечные болезни. Инфаркт, потом еще один и операция шунтирования на сердце. Он сумел вернуться к работе, снова стал сочинять песни и… снова запил.

А потом рак горла.

Летом прошлого года ему сделали операцию – удалили гортань, и он полностью онемел. Теперь мы переговаривались по мобильному. Я говорил, а он стуками по трубке подтверждал, что

слышит. Или писали друг другу СМС. В январе я увидел в ЖЖ, что какой-то парень просит порекомендовать ему частного преподавателя рок-гитары. Я позвонил Сергею и спросил: «Сережа, ты сможешь давать уроки?» Он простучал два раза, что означало утвердительный ответ. А еще через несколько дней Леша Вишня предложил провести Данилову Интернет, чтобы как-то его подключить к жизни. (Сережа всю жизнь был один – ни семьи, ни детей.) И мы обсудили эту идею, и я еще предложил Данилову писать мемуары о тех годах и сказал, что издам их. А он попросил монитор, старый у него был плох.

И вот наконец я повез парня с гитарой, возможного ученика, вместе с монитором к Данилову, по пути объясняя все непростые обстоятельства. Парень вник. Я боялся, что встреча будет нелегкой, потому что за два дня до того, позвонив Сереже, узнал от соседки, что он в запое. И накануне очень просил его как-то оклематься, потому что я привезу ученика. Он стучал в трубку утвердительно.

Но когда я его увидел, сразу понял, что ничего не выйдет. Он был в тяжелом похмелье, исхудавший до предела, с торчащей из шеи дыхательной трубкой. Болезнь, точнее, обе болезни его победили.

Мы вошли в комнату, и он написал на листе бумаги: «Сходите за водкой». И я пошел и принес бутылку, потому что спорить было бесполезно. Я попросил только, чтобы он выпил один глоток – поможет и глоток. Но он взял стакан трясущимися руками, налил полный и выпил, зажимая другой рукой дыхательную трубку, потому что из нее лилось наружу.

Через пять минут его уже с нами не было. Он плакал, писал корявыми буквами: «Я не хочу жить», «Я люблю тебя, прости». Это было тяжело. Мы с парнем ушли.

Через два дня он прислал мне СМС с извинениями, потом я уехал в Москву, а вернувшись, получил это последнее послание. И знал, что помочь уже ничем не могу.

И все равно вина не отпускает. Прости, Сережа. Мир и покой тебе.

К дискуссии о M&M
16 марта

Быков написал статью о «Мастере и Маргарите» – как всегда, полемичную, спорную и интересную.

Поскольку не все присутствующие здесь скептики, которые считают M&M не самым сильным и даже «самым слабым» булгаковским романом, могли прочитать роман при первом публичном его появлении в 1966–1967 гг., – а я имел счастье, то выскажусь.

Отношение к роману во многом определяется именно этим. Трудно сейчас оценить потрясение при первом прочтении в 1966 г. И это потрясение стало определяющим у практически всех читателей старшего поколения. Даже потом, когда от времени оно слегка поблекло, вряд ли кто коренным образом пересмотрел свое мнение и отрекся от романа.

Быков, как и многие, тогда не родился и читал роман в другое историческое время. Его двадцатилетние оппоненты читали еще позже. Значит ли это, что они способны оценить роман объективнее? И да, и нет.

Да – потому что у них был более богатый опыт чтения, они больше читали другой литературы. Нет – потому что роман не для них написан, попросту говоря. Кое-кому из них пришлось лезть в словарь, чтобы узнать, что такое примус. А мы его видели своими глазами.

В этом смысле любой роман через пятьдесят-шестьдесят лет после своего создания стареет. А не стареют или почти не стареют «вечные» темы и идеи. Типа борьбы добра со злом. Вокруг них и идут споры.

Я впервые услыхал о том, что Булгаков славит Дьявола («эстетизирует зло») от Бори Гребенщикова. При этом я читал ранее в одном из его интервью, что M&M он считает самым лучшим романом. Просто в это время БГ сильно уклонился в православие и сменил точку зрения. Или ему ее подсказали. Но дело не в этом.

В самом деле, есть ли эта эстетизация зла в романе?

Тогда я попрошу показать мне реальное зло, которое совершили в романе Воланд и его шайка. Где это? Что? Отрезали голову Берлиозу? Оторвали голову Бенгальскому? Но потом вернули. Застрелили на балу какого-то мерзавца-барона? Сожгли «Грибоедов» – этот притон бездарностей? Что еще? Ни один ребенок не уронил своей знаменитой слезинки. То есть один

хотел было, но Марго его быстро успокоила и улетела.

Где там творимое Дьяволом зло? Его нет. Воланд наказывает мерзавцев, причем не слишком жестоко. Берлиоза наказывает не Воланд, заметьте. Он лишь предсказывает ему судьбу, но Берлиоз не внемлет.

Вообще, почему решили, что Воланд – Сатана? Это Мастер его так называет в беседе с Иваном. Автор, если мне память не изменяет, нигде не называет Воланда Сатаной или Дьяволом. Как нигде не называет Иешуа Христом.

Воланд и свита, безусловно, сила нечистая, но вполне разумная и справедливая. И вызывающая несомненную симпатию большинства читателей, кроме завзятых и упертых клерикалов. Что же мы должны решить, что в нас так много бесов, и именно они восхищаются поведением нечистой силы? А сила нечистая не потому, что она послана Дьяволом в Москву, а потому что пользуется черной магией.

А послана она в Москву автором, Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, чтобы расправиться с той нечистью, которая мешала ему жить и вызывала отвращение. Это его санитарная команда, очищающая Москву от советской накипи. Можете называть Воланда Дьяволом, пожалуйста, воля ваша, но тогда мы должны допустить, что этот Дьявол сродни нам и мы бы поступали так же, имей его возможности.

А где-то есть настоящий, деяния которого вызывают омерзение, ужас и безусловное отвращение.

Этот Дьявол и сделал Москву такой, какой увидел ее Воланд. Это он посадил Мастера в психушку и сжег его роман. У этого Дьявола все рукописи горят и торжествуют бездари и мерзавцы.

Но такого Дьявола в романе нет.

M&M – роман блестящий и в силу этого не слишком глубокий. Блестящее не может быть глубоким. Но от него требуют глубины. Почему-то от блестящих романов о Бендере глубины не требуют. Ах да, Ильф и Петров забыли ввести там евангельский сюжет. Но и сюжет этот введен Булгаковым для пущего блеска.

И блеск этот ему удался полностью. Почему и притягивает он разные категории читателей, в том числе и тех, кого этот блеск ослепляет.

Фсё!
17 марта

Вернулся с презентации книги моего покойного друга Миши Панина, которую мы издали.

Собственно, это было застолье в журнале «Звезда», где собрались человек 30 Мишиных друзей.

Он проработал в Звезде лет 20 завотделом прозы.

Он был прекрасным человеком и писателем. Нормальная человеческая проза о людях и для людей.

И мы все там напились.

Старичьё, конечно.

Мы сейчас издаем книгу стихов под названием «Заебло». Автор – молодая питерская поэтесса Наталья Романова.

Это контркультура, хуё-моё, мат через букву.

И то и другое – это литература. Это питерская литература.

Вернулся – и прочитал информацию у Андрея Василевского о «круглом столе» завтра на тему «Литература в Интернете: станет ли она большой литературой?»

Выступают все, кроме тех, кто имеет непосредственное отношение к зарождению сетевой литературы.

А ее начал Лёнечка Делицын и отцы-основатели «Тенёт» (их имена уже никто не помнит) еще в 1994 году. В 1996 году к ним присоединился я. И мы тогда уже были уверены, что это литература. Большая или маленькая – это как Бог даст.

Но уже в 1998 году вышла первая книга чисто сетевого автора Ромы Воронежского «По дороге в булочную». А спустя год вышли первые книги Горчева, Линор Горалик, Мити Коваленина и других.

И это сделали мы без всяких «круглых столов».

В 1998 году в нашем издательстве вышла книга Бояна Ширянова «Низший пилотаж». Никто этого не заметил, потому что тиражи были мизерными. Но они были. На большие тиражи не было денег.

Всякие Прозы. ру, Стихи. ру начались много позже.

И всё остальное.

Я не о приоритете. Я о том, что на каком-то этапе люди, которые на свой страх и риск, сообразуясь лишь с собственными представлениями о развитии литературы, начинали это делать, становятся не нужны и их уже предпочитают не замечать и не упоминать.

Но мы были, были – и на это имеются свидетельства очевидцев и изданные книги.

Я не к тому, что Лёню и меня не пригласили на этот «круглый стол». Я бы не пошел. Потому что мне, литератору с 40-летним стажем, западло сидеть за круглым столом с литературными экспертами типа программиста Дмитрия Крачука (очень милого мальчика). У нас другие задачи, другой опыт и другие цели.

Но мы были первыми – и этого я вам не отдам.

И имя Леонида Делицына должно быть вписано золотыми буквами.

Слышите вы – золотыми.

И мое тоже – серебряными.:)

Могучая пузомерка
17 марта

Сергей Петров любезно доставил из Москвы роскошные тома в футляре. Тот самый Биобиблиографический словарь в 3 томах «От Нестора до Бродского». Ксерокопию статьи обо мне мне еще несколько дней назад занес С. С. Гречишкин. Я тогда практически не обнаружил ошибок, а сегодня нашел неточности и одну серьезную ошибку – перевран ДР. Согласно словарю и уже навсегда я родился через 3 дня – 20 марта 1941 и являюсь Рыбой.

Я никогда не был Рыбой! Я Козерог! (19.01.1941)

Ну что ж теперь поделать. Вид словаря производит одновременно величественное и ужасное впечатление. Братская могила. Итоги официально подведены и равняются объему статей + наличию / отсутствию портрета. Кому-то посвящены 3 страницы, кому-то две, а иным и одна колонка.

Теперь что бы ты ни написал – это не имеет никакого значения для истории.

На веки вечные мы все теперь в обнимку на фоне Пушкина… И птичка вылетает. (с)

А вам еще сто лет ждать, пока выпустят справочник «Русская литература XXI века», хе-хе.

Девятнадцатый
23 марта

Год назад вслед за переизданием «Путешествия РД» вышла моя книга «Альманах рок-дилетанта», вчерне собранная еще в 1990 году. Одну из последних глав в ней я посвятил прощанию с теми из мира рок-музыки, с которыми был знаком лично и которые ушли из жизни за это время.

Их насчитывалось тогда шестнадцать. Шестнадцать страничек в книге с портретами и несколькими словами о каждом.

За истекший год умерли Саша Старцев и Сережа Данилов совсем недавно.

А вчера скоропостижно скончался Саша Аксенов – Рикошет, лидер «Объекта насмешек».

Мы не были дружны, но памятная встреча в мае 1988 г., описанная в «Альманахе», когда я попал к нему в гости после концерта и это весьма существенно отразилось на моей судьбе, нас сблизила. Он звал меня «дядя Шурик», а я его, как и все, – Рикки.

Последний раз я видел его на похоронах Марьяны Цой почти два года назад. И надо же было случиться, что я разговаривал с ним по телефону три дня назад, разыскав через знакомых его телефон. Он был вполне бодр, мы договорились, что я ему позвоню снова через пару дней и мы встретимся. Он вдруг понадобился мне для новой работы, кое о чем хотел его порасспрашивать. Он сказал, что пишет книгу о питерских панках.

– Пиши, – сказал я. – Напишешь – я могу издать.

В трубке я услышал звонок.

– Дядя Шурик, ко мне моя девушка пришла. Пойду открывать. Звони! Пока! – сказал он.

И повесил трубку.

И всё.

Эстония
30 апреля

Я понял, что единственный юзер, который еще не высказался об Эстонии, – это я. Спешу исправить оплошность.

Это было в начале семидесятых. В то время мы с семейством начали выкарабкиваться из студенческой и аспирантской бедности, потому что я стал «халтурить» на студии научно-популярных фильмов, на радио, ТВ – это были сценарии, которые я писал почти с тою же легкостью, как сегодня Дима Быков пишет свои статьи. Заработки были небольшие, но можно было нагонять их производительностью. Обычно сценарий литературной передачи на радио длительностью полчаса я писал за ночь. 30 минут звучания – 30 рублей. Значительная часть пропивалась.

Так вот, об Эстонии.

Я всегда был страстным почитателем всякой новой техники. И сейчас остаюсь таким же. В данный момент я пишу этот текст на клаве большого ПК, слева стоит ноутбук «Тошиба», справа КПК LOOX 718. Ну и куча всяческих примочек.

Слава богу, тогда не было компьютеров и практически еще не было видеомагнитофонов и видеокамер. Речь могла идти либо о кассетнике, которые тогда входили в моду, либо о приемнике с вертушкой – радиоле, как их тогда называли. И лучшей радиолой первого класса была ослепительная «Эстония» производства Таллинского завода «Пунане РЭТ». Это было такое чудо на 4 черных ножках. Сверху располагался приемник, а вертушка находилась под ним, в нижнем отсеке, закрывающемся крышкой. Лак блестел, ручки настройки вращались с непередаваемой мягкостью, звук завораживал. Стоила она примерно 400 руб. Моя зарплата была 105.

Я заболел этой радиолой и раз в неделю наведывался в Гостиный Двор полюбоваться ею. И потихоньку, тайком от жены, копил деньги. Выручила какая-то публикация, одна из первых в «Авроре». Может быть, это была «Сено-солома». Тут гонорар был уже в несколько сотен. И я решился.

Беда была в том, что в нашей 2-комнатной квартирке не было лишнего сантиметра, чтобы пристроить эту красавицу. Даже если отвинтить ей ножки – ее было некуда деть. Она могла бы поместиться на книжных стеллажах, но только при условии, что приёмник и вертушка были бы разделены. Но разъять их не представлялось возможным. Они были в лакированном и полированном деревянном корпусе цвета орех.

И я решился. Помню, как я вез этот довольно большой картонный ящик в такси. Помню, как вносил его в нашу квартиру на 9-м этаже. Помню, как распаковал, привинтил ножки, включил и мы с женой несколько минут наслаждались звучанием пластинки.

А потом я выключил «Эстонию», повалил ее набок, отвинтил ножки и взял в руки пилу. Обыкновенную одноручную ножовку по дереву. И я вонзил ее зубья в полированное дерево.

Жена ушла из комнаты, чтобы не видеть этого варварского зрелища. А я пилил и пилил по всему периметру радиолы, пока верхняя часть не отделилась от нижней. И тогда я поставил верх на одну полку стеллажа, а вертушку – на полку под нею. И звучание, надо сказать, не ухудшилось.

Впрочем, уже дописывая этот текст, я начал сомневаться. Возможно, я отделял не приемник от вертушки, а приемник с вертушкой от акустической системы, которая была под приемником. Знатоки меня поправят. Но факт остается фактом – я распилил только что привезенную из магазина «Эстонию» на две части, не дрогнув.

Ну какие после этого у нас могут быть отношения с Эстонией?

Об убеждённости
5 июня

Я довольно часто высказываю так называемые «реакционные» (с точки зрения прогрессивно настроенных молодых людей) взгляды и суждения. Я делаю это отнюдь не с целью подразнить публику или потому что ангажирован какими-то организациями или силами. Я просто высказываю то, к чему пришёл на основании довольно большого жизненного опыта и нелегких размышлений.

При этом я всегда подразумеваю или даже говорю открыто, что вполне допускаю, что могу ошибаться в силу недостатка ума, знаний и того же опыта. Иногда я даже хотел бы ошибаться, но говорить то, что модно или угодно кому-то, не получается.

Так почему же, черт меня дери, мои молодые оппоненты практически всегда оппонируют так, будто они уверены в своей правоте на 100 %? Дело не в грубости, как правило, они корректны, но в самом тоне обычно сквозит этакое пренебрежение, будто право на своё суждение они получили непосредственно от Господа Бога.

При этом они обычно атеисты, уж им-то Господь Бог трёх рублей доверить бы не мог, не то что Истину.

Неужто они не допускают мысли, что, прожив еще два раза по столько, они вполне могут изменить свои взгляды на противоположные? Типа стать сторонниками смертной казни или возрождения самодержавия в России. Ну или чего попроще.

Я говорю именно об общественно-политических взглядах, ибо «нравственный закон внутри» обычно с течением жизни не меняется, он является врождённым, как я думаю. (При этом могу ошибаться.)

Солженицын – великий писатель
14 июня

Тут где-то в ЖЖ промелькнуло недоумение, почему, мол. А. И. – великий писатель.

Ну да, написал «Один день» и «Матренин двор». Отличные вещи. Но не мало ли?

Друзья мои, великий писатель, по моему разумению, – не тот, кто хорошо, отлично, великолепно и даже потрясающе пишет.

А тот, который оказывает влияние на судьбы отечества и мира путем своего творчества. А писать при этом он может как угодно. В смысле, не быть выдающимся стилистом и даже мыслителем.

Величие Александра Исаевича, на мой взгляд, не в «Одном дне…» и др., хотя это – сильнейшая литература. Оно в «Архипелаге ГУЛАГ» – книге, перевернувшей сознание поколений у нас и отчасти за рубежом. И забывать об этом не стоит.

Хотя сам я не поклонник литератора Солженицына. Но перед его величием всегда сниму шляпу.

Письмо покойному другу
16 июня

Дорогой Геннадий Иванович!

Сегодня мы, твои друзья и почитатели, собрались в Фонтанном доме, чтобы отметить твое 75-летие. Твой день рождения через 3 дня – 18 июня, но мы собрались сегодня, и читали твои стихи, и стихи, посвященные тебе, и вспоминали о наших встречах.

Я никогда не говорил тебе этих слов при жизни. Но сейчас я не стесняюсь их. Из всех встреченных мною людей ты был самым цельным, самым интеллигентным, самым воспитанным и знающим человеком. И я очень любил твои стихи, картины, прозу. Ты был тем идеалом русского человека, который я ношу в своем сердце.

И я рад, что сегодня в зале были люди, которые либо помнят тебя живого, либо прикоснулись к написанному тобой уже когда тебя не было, и поняли, что это прекрасно.

Я счастлив, что издал две твои книги – роман и избранные стихи, и я продолжу делать это, хотя тебя мало знают, нынче в чести совсем другие авторы. Но для меня твой духовный труд остается эталоном.

Через 3 дня, 18 июня, в день, когда мы собирались у тебя, пили вино и слушали твои стихи, мы с твоим другом придем на Охтенское кладбище, где ты похоронил свою Жар-птицу. И выпьем рюмочку на твоей могиле. То, о чем ты думал, свершается. Твоими текстами занимаются исследователи, ты негромко, но уверенно входишь в историю русской поэзии. Но я хочу, чтобы твои стихи знали не только литературоведы.

Сегодня я читал перед публикой твою AVE MARIA и не мог дочитать до конца, горло перехватило, я волновался.

Когда ты умер, ты был на 12 лет старше меня. Сейчас я старше тебя на те же 12 лет.

И мы встретимся когда-нибудь и обсудим нашу жизнь. и поговорим за святое искусство.

Письма читателей
16 июня

В свое время я получал довольно много писем от читателей – обычных, не электронных, в конвертах.

Это всегда было трогательно и любопытно – и в случае, когда читатель хвалил и благодарил, и когда ругался тоже.

Сейчас писем меньше. Старую литературу читают немногие.

Тем приятнее было получить письмо от молодых читателей. Привожу его здесь.

Здравствуйте, Александр Николаевич!

…Мы совсем недавно с сестрой прочитали «Лестницу» Житинского, произведение понравилось и своей глубиной, психологичностью, и необычным построением – аллегорией. Как оказалось, что это и есть Вы. Поэтому очень обрадовались такой возможности написать самому автору и просто поблагодарить. А «Лестницу» мы нашли случайно.

Когда-то, лет 10 назад, мы видели фильм «Лестница», после которого долго были под впечатлением.

И только недавно узнали, что он снят по одноименной повести. Ещё тогда рассказывали своим знакомым о фильме (никто из них его тогда не видел), предлагая угадать, а где же был выход?

Только немногие отвечали: идти вверх. Повесть на всем своем протяжении держит в напряжении читателя и даже в конце, когда выход найден, напряжение всё равно не отпускает, т. к. выход не гарантирует спасение, а порой преподносит новые опасности, и хоть Пирошников остается висеть на карнизе (несмотря на то что где-то в глубине теплится надежда, что его успеют спасти), читатель «обрывается» в жизнь с последней строки повести, как с карниза, в жизнь, которая теперь забрасывает тебя множеством вопросов, заставляет глубже задуматься над собой, и читатель сам как бы теперь становится Пирошниковым и должен искать свой выход.

Всегда интересен и сам процесс творчества – то, что для читателя остается сокрытым (как у Цветаевой: «Писатель старше читателя на все черновики»). Когда вы писали повесть, она уже целиком существовала в Вашем

замысле или её сюжет проступал постепенно по мере написания?

(Как у Пушкина с «Евгением Онегиным», когда он и сам удивился, что Татьяна вышла замуж.)

С уважением, Татьяна и Ольга, сестры-близнецы.

Спасибо вам, близнецы.

О либерализме
5 июля

Либералами традиционно принято считать любителей свободы и демократии. Любит человек свободу и борется за нее. Что здесь плохого? Но, по-моему, акценты несколько смещены.

Либерал, несомненно, любит. Но любит он исключительно себя – самого умного, драгоценного и неповторимого. Который лучше всех знает – как должна жить страна, как она должна быть устроена и какое место в ней должен занимать он сам. Весьма почетное, разумеется. Чтобы его туда демократически выбрали.

Но его не выбирают, потому что мало того что он глуп по большому счету, то есть знает много, а понимает мало. Его не выбирают, потому что интуитивно чувствуют, что он всех других считает говном. И даже таких же либералов, потому что и они, конечно, неправильно все понимают.

Однако либералы нужны. Без них было бы скучно. Кроме того, по ним можно сверять собственную ценностную шкалу, чтобы, не дай бог, не скатиться в другое, противоположное, но не менее омерзительное болото.

Карьерный рост
14 августа

Вчера принял дела у бывшего директора Центра современной литературы и книги на Васильевском Д. Н. Каралиса и стал официально директором этой организации.

Сегодня подписал договор с Комитетом по печати на финансирование.

Завтра собираю команду и ставлю задачи на период до 31 декабря.

Многие помнят разразившийся весною скандал под условным названием «Центр против Смольного». Стороны обвиняли друг друга во всех грехах, в результате работа почти прекратилась, деньги не поступали. В конце концов в июне Д. Н. Каралис позвонил мне и сказал, что уходит. И предложил взять Центр в свои руки.

Напомню, что учредителями этого Центра являются 4 человека – Б. Н. Стругацкий, И. П. Штемлер, Д. Н. Каралис и ваш покорный слуга. Десять лет назал Каралис явился с этой идеей, и мы учредили некоммерческую организацию. Десять лет он руководил ею, но вот не поладил с властями, которые финансируют работу, – и счел за лучшее уйти.

Я думал дня два и решил принять это предложение. Остальные учредители не возражали. Затем потратил полтора месяца, чтобы разработать кое-какие документы и согласовать их (это я делал в отпуске, в Голландии, посылая в Комитет письма). Еще до отъезда встречался с А. Ю. Маниловой и другими чиновниками Смольного.

Посмотрим, что из этого выйдет. Во всяком случае, есть надежда, что Центр восстановит прежний режим работы и, может быть, появятся какие-то новшества.

А пока сейчас погружаюсь в хлопоты: ремонт, на который тоже спущены деньги, закупка оборудования, которую я предусмотрел в новой смете, обеспечение Центра современным каналом связи.

«Геликон» продолжает работу, но уже более автономно. Может, оно и к лучшему.

И напоследок
16 августа

Сегодня была очередная годовщина гибели Вити Цоя.

Я помнил об этом.

Но сейчас посмотрел 2 клипа и решил написать.

Через год после его смерти мы с Марьяной, Царствие ей небесное, выпустили документальную книгу о Вите. Она так и осталась лучшей книгой о нем.

Сейчас я пишу о нем другую книгу – не документальную. Это беллетризованная биография.

Писать трудно. Всё известно. Любой текст, любая фотография.

Но я все равно взялся, Цой таит загадку, мне интересно над нею подумать.

Он ровесник моей старшей дочери. Его нет уже семнадцать лет.

Вообще это неправильно. Как сказал кто-то мудрый, когда его спросили, что такое счастье.

Он сказал типа:

«Сначала умрут ваши родители. Потом умрете вы. Потом умрут ваши дети».

Блоголитература
17 августа

Представьте себе, что вы купили и прочитали роман Льва Толстого «Анна Каренина».

А потом, зайдя в ЖЖ, поделились впечатлениями о прочитанном.

А дальше вы узнали из комментов, что у Льва Николаевича есть ЖЖ Большая Борода, у Анны Карениной ник в ЖЖ Анька-сука, а Вронского зовут просто Вронский. И Левин, и Китти тоже в ЖЖ, и они френдятся, банят кого-то, живут своей жизнью, ругаются с Большой Бородой и охотно делятся неизвестными подробностями романа с читателями.

То есть в этом пространстве принципиально автор, его герои и читатели действуют и живут на одном уровне. Между ними нет разницы.

Это обстоятельство расширяет границы написанного романа до бесконечности и делает его протяженным во времени в принципе тоже до бесконечности.

И конечно, меняет самую суть романа.

Но возможности этого жанра грандиозны.

Это и есть литература будущего, которая уже не литература, а сама жизнь. Но жизнь виртуальная.

Которая не отменяет литературу в обычном смысле, а надстраивается над ней. Не хотите – не заглядывайте в блогосферу, ограничьтесь бумагой. Но заглянув – не пугайтесь.

Собственно, первую попытку я сейчас предпринимаю. Я не Лев Толстой, и у меня нет Анны. Но кому-то надо начинать.

Плохо, что у меня нет не только Анны, но и времени.

Зато все главные герои уже среди нас и вскоре попытаются вступить в общение с читателями и автором.

P. S. Это можно было бы назвать одним словом: БЛОГОТУРА. Не очень звучно, но…

Рецензия Топорова
6 сентября

Удостоился разгромной рецензии Топорова. Это просто праздник какой-то!

Я думаю, в следующем романе мои герои непременно посетят город Топоров, где живут топоряне – такие важные гондоны, надутые сероводородом. Летать они не могут, ибо сероводород – не гелий, но воняют очень сильно.

Сюжет пересказан верно, но вот насчет того, что я кому-то когда-то развозил гуманитарную помощь, – это чистая ложь.

Впрочем, такова литературная селяви.

Об искренности
15 сентября

Прочел у Евы:

> *…и еще – пора ввести мораторий на искренность. Это еще у Ф. М. в «Униженных и оскорбленных» было:*
>
> *«Если б только могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтоб каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтоб не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, – то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться».*

Я не думаю, что искренность – это то же самое, что эксгибиционизм или близка к нему.

Ф. М. в приведенной цитате не произнес этого слова. Он просто сказал, что у нас у всех есть то, что мы тщательно скрываем не только от других, но и от себя. И обычно это не самые прекрасные свойства души и тела. Нам стыдно их показывать.

Но кто сказал, что их надо показывать, чтобы быть искренним человеком? И Достоевский на этом не настаивает. Он просто говорит «вот если бы…»

Я вовсе не желаю знать о своих близких или даже дальних ВСЕГО. Но я хотел бы им верить.

Это разные вещи.

Если человек не говорит мне о чем-то своем интимном или стыдном, это не означает, что я лишаю его доверия. С какой стати ему мне об этом говорить? Чтобы я признал его искренним?

Но если он говорит о чем-то, то у него нет задних мыслей. Он верит тому, что говорит. И это главный признак искренности, по-моему. Вера эта снабжает его слова энергией. И еще одно: он сам дошел до того, о чём говорит. Сам. Не вычитал, не повторяет, как попка, за авторитетами.

По крайней мере он опять-таки верит, что говорит ОТ СЕБЯ.

Сейчас, много размышляя о Цое в связи с книгой о нем, я размышляю и об искренности его и вообще. Признано, что это одна из главных составляющих его успеха. И это, наверное, так.

Да и сам Цой не раз говорил о том, что ему (им – группе «Кино») верят, потому что они честные и искренние.

Но сам Цой при этом был весьма сдержанным и скрытным человеком. Эксгибиционизм был ему глубоко чужд.

Но он верил в то, о чем пел. И у него не было задних мыслей, когда он сочинял свои песни.

А эксгибиционисты могут показывать мне все интимное или пакостное в себе, но мне это неинтересно, потому что за этим нет веры в себя и доверия к собеседнику, а есть лишь дурная самореклама.

Ай да Быков!
13 октября

Просыпаюсь утром рано, нет пружины от дивана. И вижу злую реплику Вовы насчет «Русской жизни».

Иду туда и любуюсь обложкой, действительно, оставляющей странное впечатление. Кстати, замечаю в содержании статью Быкова «ПМЖ, или Горбатые атланты».

И что-то показалось мне подозрительным, ибо «Горбатые атланты» – это название одного из романов Александра Мелихова, который был издан в моем издательстве «Новый Геликон» (тогда оно называлось так) еще в 1995 году, а про ПМЖ мы с Быковым говорили по телефону с неделю назад.

Только нужно пояснить, что это за ПМЖ.

> *Попов, Житинский и их друг-реалист Александр Мелихов учредили втроем литературную премию ПМЖ – по инициалам – за лучшую городскую прозу, и это, вероятно, самая точная аббревиатура петербургского стиля. Петербург – постоянное место жительства русской литературы и русской души, гордой и прекрасной в унижении, мстительной и тоталитарной в реванше.*

Действительно, дней десять назад я позвонил Мелихову с предложением учредить именную литературную премию, которую объявил бы Центр современной литературы и книги, где я ныне директором. В дополнение к премии АБС, церемония вручения которой уже много лет там проходит. Чтобы «жить стало лучше, жить стало веселее». Мелихов – человек серьёзный, в отличие от впс, он подумал и вечером мне позвонил.

– Знаешь, – сказал он. – Я все же не Стругацкий и не Солженицын. Не тот вес. Пары не получится. Но мысль хорошая. Я предлагаю учредить премию на троих – ты, я и Валера Попов. И назвать премию – ПМЖ, по нашим инициалам.

Я мысленно прикинул наш общий вес, но всё равно Стругацких не получилось. Зато нас больше. Мы с Мелиховым посмеялись этой литературной шутке, а дня через два в телефонном разговоре с Быковым я ему ее пересказал. Быков, как всегда, заразительно смеялся и тоже говорил, что прикольно. Попову же я рассказал об этом лишь вчера, и Валера снисходительно улыбнулся. Спросил только: «А деньги где возьмём?»

И вот сегодня – читаю.

Вот как нужно работать, господа! Пока мы тут хихикаем над своими шутками, Быков уже статью написал, в журнале напечатал и премию объявил. Теперь придется и нам объявлять.

Но я, пожалуй, объявлю и еще одну премию – тоже ленинградскую, но поэтическую.

И выдавать ее будут, скажем, Кушнер, Горбовский и Быков (Быков же практически питерский литературно).

А статья хорошая, правильная. Даже безотносительно к тому, что Быков там нас хвалит.

Агрессивный динамичный профессионализм
15 октября

Звонок на мобильный телефон.

– Слушаю.

– Мне нужен Александр Житинский.

– Это я.

– Меня зовут Анна, я редактор (какой-то, не запомнил) редакции Первого канала.

– Слушаю внимательно.

– Мы готовим передачу о рок-музыке и Викторе Цое. Вы автор книги «Путешествие рок-дилетанта». К сожалению, я ее не читала, извините. Вы можете ответить на несколько вопросов?

– Попробую.

– Скажите, как вам пришла в голову мысль написать эту книгу?

– Девушка…

– Меня зовут Анна.

– Анна, видите ли, я десять лет посвятил этой теме (краткий, в три минуты, пересказ содержания этих 10 лет и книги).

– Понятно. Вы были знакомы с Виктором Цоем?

– Да, я познакомился с ним, когда ему был 21 год, в 1983 году. Сейчас я пишу о нем книгу.

– Это очень хорошо. Значит, наши интересы совпадают. Это будет книга о Цое с 21 года до его смерти?

– Нет (я начинаю звереть). Это будет книга обо всей его жизни, от рождения до смерти.

– Скажите, как вы познакомились с Виктором Цоем?

– Анна, пожалуйста, в следующий раз подготовьтесь к интервьюшечке поосновательней. И тогда я, возможно, отвечу на ваши вопросы, – сказал я и повесил трубку.

Очень резвая девушка. Не сомневаюсь, что у нее есть ЖЖ. Но происхождение слова «интервьюшечка» она наверняка не знает.

Пусть говорят
26 октября

Посмотрел сегодня передачу Малахова о Цое, куда меня как-то не очень удачно пытались пригласить.

Только это меня подвигло посмотреть, поскольку этот цикл я не смотрю никогда. Впрочем, как и другие ток-шоу.

Более глупой темы для разговора о Цое было трудно придумать.

Цой – христианский пророк. Что вы об этом думаете?

Такого вот типа.

С малаховской развязностью и стеклянным безумием в глазах.

Безусловно, есть в творчестве нечто такое, что не поддается анализу.

И мистика существует, и Божественное начало.

И даже пророчества.

Но отнюдь не как тема дешевой передачи.

Разгадка Быкова
29 октября

Быкову как ни позвонишь и ни спросишь, что, мол, Быков, делаешь? – неизменно получаешь ответ: «Да вот сидим здесь с N. (или X., или Z) и бухаем». И ведь не врет, потому как в трубке слышны приветственные возгласы собутыльников.

Когда он пишет свою нетленку и тем более тленку?

И лишь вчера узнал секрет, который и выдаю здесь под замком.

Быковых двое. Два близнеца, оба Димы. Так их случайно записали при рождении. Хотели записать второго Моисей, а пришлось, как и первого, Дмитрием. Времена были такие, вам не понять. Ну и чтобы они сильно не путались под ногами и не смущали народ, условный Моисей живет всю жизнь у мамы, неподалеку от первого Быкова, никуда не ходит, нигде не учился, умеет только писать – и пишет хорошо, как вы знаете. Не говоря о том, что любит это дело.

А старший Быков писать не умеет и не любит. Он умеет только говорить и есть. Говорить и есть.

За это его многие ненавидят.

Моисей же сидит и строчит романы, стихи, колонки, интервью, статьи, сценарии. Как Жорж Санд. Поставит точку в конце романа и начинает первую строку следующего. Сюжеты придумывает сам, наслушавшись брата, который забегает забрать у него файлы и снести их в редакцию.

Быков-младший как две капли воды похож на старшего, но худ, как мыслящий тростник.

Потому что питается только кефиром с яблоками. Еще он любит ругать брата за то, что тот «продался Мамоне». То есть типа продал его Мамоне. На что старший резонно отвечает: «А что бы ты ел?» – «Ты на себя посмотри!» – кричит Моисей, и между братьями вспыхивает драка.

Но лишь понарошку, подушками от дивана, потому что жить друг без друга они не могут. Несмотря на то что один русский, а другой еврей, один хочет уехать, а другой остаться, один владеет русским, как бог, а второму это не надо, потому что он и так русский.

Но в целом они успешно дурят доверчивую публику и стригут купоны.

То есть стрижет старший, а младший их заготавливает.

По сути, Моисей страдает лишь от одного. Что вся любовь

достаётся Диме.

На что тот печально добавляет: «Но и вся ненависть тоже».

– Да, – грустно кивает головой Моисей. – Но любовь-то я заработал…

P. S. Замок забыл повесить! Ах я балда! Теперь все узнают.

P. P. S На самом деле, это синопсис романа. Если Быков продаст его в «Вагриус», то я готов поработать Моисеем.

Маша Протасова, Аля Кудряшева, Верочка Полозкова…
15 ноября

Прекрасный поэт Геннадий Каневский пожурил у себя в журнале новое стихотворение Маши Протасовой. Оба персонажа имеют книжки, изданные в нашем издательстве.

Пожурил весьма корректно, потом пришел в журнал к Маше и пожурил почти ласково.

И немудрено, Маша Гене в дочки годится. Надо воспитывать.

Этот рядовой случай вызвал неожиданную бурю в ЖЖ Каневского. Почти триста комментов за сегодняшний день, в которых досталось и Маше, и мне, и даже Але Кудряшевой и Верочке Полозковой чуть-чуть.

Уж больно молодые и ранние. Кроме меня, разумеется. Я старый и поздний.

Я не дочитал всё; возможно, в пылу кто-нибудь договорился до того, что издатель, по всему видать, педофил.

И вот эту неожиданную, на первый взгляд, реакцию поэтического цеха я считаю весьма показательной и обнадеживающей, напомнившей мне давнюю строчку БГ о молодой шпане, «которая сотрет нас с лица земли».

Где она?

Насколько я знаю, подавляющее большинство комментаторов – поэты. Я далек от того, чтобы тут же кричать, как это у нас принято: зависссть! (Тут меня один чудак вчера упрекнул, что я Шнуру завидую.;) Нет, не зависть, а некая обида на несправедливость. Вот мы, взрослые, умные и талантливые (и правда, талантливые, я многих издавал), пишем свои стихи, участвуем в конкурсах, слэмах и всяческих коктебелях, а тут какая-то девчонка собирает у себя в журнале тысячу с лишним человек, которые хором поют дифирамбы ее стихам. А старый Масса, потерявший чувство реальности, еще и презентует им книжки, которые другие должны издавать за денежки. Обидно, Зин…

Что касается Массы, то тут достаточно просто. Придите ко мне с тысячей, а лучше с двумя-тремя, френдов в кармане – и я издам вашу книжку небольшим тиражом, уверенный, что не прогорю. Вот я недавно мотоциклиста Федю издал. Мужик на мотоцикле от Питера до Владивостока проехал, имеет кучу френдов, хотя пишет матом и с ошибками. Но пишет весьма здраво местами.

Но в случае с нынешней молодой поэтической девичьей порослью все намного сложнее. Я действительно уверен, что это не просто популярные, но очень талантливые стихи, хотя и не без огрехов, конечно. Я думаю, что в их лице мы имеем новое (долгожданное для меня) поколение, которое говорит с читателем на понятном ему языке, не впадая в банальщину попсы. В свое время рокеры покорили меня тем же. Их слушала улица. У нас их слушают и читают юзеры, как правило, сами не сочиняющие стихов, но чуткие к поэтическому слову. Те люди, которые, увы, не находят или не часто находят нужные им стихи в журналах других поэтов.

Потому и возникают все эти коктебели, что нужно поддерживать видимость аудитории, когда аудитории, в сущности, нет. И мне это горько, я сам с удовольствием читаю и издаю многих из тех, кто «коктебелит», условно говоря.

Но этих девушек в тех коктебелях нет – и это прекрасно.

(Там кто-то договорился до того, что Маша Протасова – папенькина дочка. Маша Протасова, к вашему сведению, девушка большой глубины и силы. Которая чурается всякого внешнего эффекта. Кто из вас отказался бы от участия в телешоу из Политехнического «Сто минут поэзии», которое прошло в прошлом году с участием Воденникова, Ямаковой, других молодых поэтов и актеров Чулпан Хаматовой, Миронова? Маша была приглашена в эту десятку – и я не сделал движения пальцем для этого, узнав последним. Просто редакторы передачи, как позже выяснилось, регулярно покупают поэтические книжки «Геликона», и они сами выбрали Машу. А она не пришла!

Скажут: испугалась. Нет. Она действительно считает, что ей рано еще выходить на такую аудиторию. Не с чем. Хотя я с этим не согласен.)

Мне кажется, что поколение, которое я хочу увидеть в поэзии в их лице (и об этом сто лет спорю с Кузьминым, апологетом «профессионализма» в поэзии), – это те, кто осознал или просто почувствовал бесплодность герметизма, игры в слова, тупик поэтических ребусов и нарочитой сложности. Они осознали, что с читателем следует разговаривать не по-китайски, даже очень талантливо, со всеми ста тысячами иероглифов, а по-русски. И, может быть, поступиться эстетикой и формой в угоду нравственности, этике, содержательности.

Стихи этих трех девушек, которые, взявшись за руки, стоят у меня в сабже, как несломленные фашистами солдаты известной скульптуры (не подумайте что это пафос, это ирония, потому как тупость не знает границ), покоряют меня и многих разлитой в них жизнью, вещностью, чувственностью, разговорной интонацией,

простотой («неслыханной» – особенно не «к концу», а в начале), которая и притягивает читателя.

Читателя нашего круга, а он достаточно рафинирован. Это не асадовщина, дорогие мои. И не сериалы, и не дамские романы. Это стихи, читая которые я произношу вслух: «Господи! Как же она может так точно! Так тонко, так просто. Откуда она это знает?» И ловлю их прихотливые ритмы, и радуюсь, что русская поэзия, поэзия мысли и чувства – продолжается, выходя из затяжного приступа постмодернизма и «профессионализма».

Открытое письмо Армену Григоряну 24 ноября

Дорогой Армен!

Сегодня тебе исполняется 47 лет. И я, придя с твоего сегодняшнего концерта в питерском «Мюзик-холле», вспоминаю, как мы познакомились и вдруг понимаю, что 20 лет назад мне были те же 47 лет, а ты был молодым 27-летним музыкантом, приславшим мне кассету с альбомом «Кома».

Я слушал этот альбом, не переставая, много раз, я сразу влюбился в него и заочно в тебя, потому что это был тот рок-н-ролл, который мне нравился – живой, мелодичный, умный, абсурдный, веселый, с великолепным драйвом. И тогда же я написал в своих рок-дилетантских записках, что это самый жизнерадостный альбом о смерти.

Потом мы познакомились и много раз встречались и говорили, и я с каждым годом все больше утверждался в мысли о твоем особом пути в отечественном роке – я не знаю, как его определить, но сейчас постараюсь хотя бы для себя сформулировать.

Начнем с музыки. Музыка «Крематория» узнаваема с первой ноты, она обладает неповторимым мелодическим рисунком. Твои песни легко петь, и поклонники уже много лет превращают финальную часть твоих концертов в мощное хоровое пение хитов – «Безобразной Эльзы», «Кондратия», «Клубники со льдом» и многих других. У тебя особая публика, это интеллигенты от рок-н-ролла, сегодня я любовался ими – молодыми и уже почти пожилыми – которые вместе с тобой распевали любимые песни.

Ты самый питерский музыкант из москвичей, об этом много раз говорили.

Твои тексты легки, непритязательны, но в них всегда есть второй план, скрытый смысл, который улавливается всеми – от учащихся старших классов до кандидатов любых наук. При том они лишены многозначительности, ты не притворяешься, ты легко и непринужденно играешь в слова и образы, не грузя слушателей философией. Но философия там есть, потому что ты не только умен, но и мудр.

На твоем примере я убедился в одной важной мысли. Художник, если он умен, не стареет. Тебе много лет удается, оставаясь самим собой, быть молодым и новым. Твоя музыка всегда свежа, ты не гонишься за модой, ты практически постоянен в составе группы, и в то же время твои музыканты не

заплесневели, не превратились в лабухов.

И не случайно мы с тобой – единственным из рок-музыкантов того периода, когда я посвящал нашему рок-н-роллу все свое время и писал о нем, – не утеряли связи друг с другом, остались дружны, хотя я и не пишу сегодня своих записок.

Сегодня я просто любуюсь тобой из зрительного зала – красивым, уверенным в себе мужчиной в черной шляпе и черных очках, который свободен, талантлив и неотразим.

Надеюсь, ты простишь мне этот пафос, но надо же когда-нибудь сказать торжественно и красиво о том,

что я тебя люблю и уважаю.

Будь таким, как ты есть.

Поздравляю тебя!

Твой А. Ж.

Сурганова и оркестр
29 ноября

Были с семейством в БКЗ на концерте в сабже по приглашению Светы. Я слушал ее вживую в этом составе впервые.

Надо сказать, результат превзошел все ожидания.

Немного истории. С «Ночными снайперами», которые тогда были акустическим дуэтом двух девушек, я познакомился в 1997 году и уже вскоре после знакомства написал о них в своем интернет-обозрении – типа «вы еще о них услышите», а потом выпустил с их разрешения на CD альбом «Капля дегтя в бочке меда». До того у НС все записи выходили на кассетах. Альбом продавался через магазин «Геликона», продано было не более сотни. Тиражировали на CD-R. В августе 1999 года девочки играли в том самом Центре, где я сейчас заканчиваю ремонт, на банкете моего виртуального Лито им. Стерна по случаю завершения Летнего Лагеря Лито.

Потом группа медленно пошла в гору, попробовала себя в электричестве, что мне поначалу совсем не понравилось: стало грубее и примитивнее. Помню, как НС впервые выступали в ДК Ленсовета на разогреве Гарика Сукачева, и в них из зала под свист зрителей летели пустые пивные банки, так что девушки едва успевали уворачиваться. Было это всего лет семь назад.

А затем последовал разрыв между Дианой и Светой. Многие поклонники НС, и я в их числе, об этом сожалели. Размышляя о дальнейшей судьбе каждой, я предугадывал весьма успешную судьбу Дианы, считая ее безусловным лидером, насчет Светы же опасался, что она затеряется среди безвестных музыкантов. Но потом с некоторым удивлением обнаружил и стал все чаще слушать по радио песни коллектива «Сурганова и оркестр» – старые песни Светы из репертуара НС и новые. Ну и обрадовался, что она не пропала.

Сегодня я смог убедиться, насколько она не пропала! Это был концерт необыкновенного драйва, Свету завалили цветами поклонники, мы получили огромное удовольствие – и от музыки, и от артистизма солистки, и от той любви, которую дарили ей зрители.

Если раньше в соседстве с трагической Дианой Светино озорство и хулиганство выглядели иногда не совсем органично, то здесь, никого не опасаясь, она дала выход и фантазии, и темпераменту, и юмору – короче, концерт под конец стал

напоминать музыкальный балаган в хорошем смысле, примерно как в оркестре Кустурицы.

Кстати, об оркестре. Как Сургановой удалось набрать такой прекрасный ансамбль – удивляюсь. Но звучат они прекрасно – семь парней-инструменталистов (лидер-гитара, бас-гитара, перкуссия, клавиши, труба, саксофон, барабаны) и одна барышня на бэк-вокале. Маленькая хрупкая Света прекрасно управляет этими парнями.

Сурганова, конечно, клоун, причем рыжий. (Диана, наоборот, – белый клоун). Песни очень широкого диапазона – от драматичной и очень сильной по музыке «Я теряю людей» из нового альбома «Соль» до вполне себе русско-шансонных песен, сделаных, однако с хорошим вкусом и иронией. Мелодист Сурганова всегда была превосходный.

Короче, мы были покорены – и я, и жена, и наша 15-летняя дочь.

И выяснилось, что всё, что ни делается, – к лучшему. Это, правда, выяснилось давно, а сегодня лишь подтвердилось. Сегодня такую Сурганову уже нельзя представить рядом с сегодняшней Арбениной. И она Диане ни в чем не уступает. Они обе оказались лидерами, а не одна Диана, как мне казалось. И слава богу, как говорится. Зато мы имеем двух прекрасных артисток, за что им и спасибо!

Стишок по случаю 1 декабря

не надо ездить далеко
чтоб помереть в россии
конечно будет нелегко
но нас ведь не спросили
не на васильевском в стихах
приду в свой час к погосту
а где-нибудь на выселках
чтоб яму мне по росту

Быкову – 40!
21 декабря, 2007

В это трудно поверить, его до сих пор почти все называют «Дима Быков». А он уже давно Дмитрий Львович.

Я знаю его больше чем половину его жизни и треть моей.

Подумать только! Пусть делает что хочет со своей половиной, но по какому праву он занял целую треть моей?!

В этой трети стало очень много Быкова, ни дня без Быкова, а ни дня без строчки – не получается. Без своей строчки, имею в виду. А уж за Быковым не залежится.

Я не знаю человека, который вызывал бы равные по силе и противоположные по направлению чувства. Симпатию и антипатию, гордость и презрение. Любовь и ненависть. Что означает только одно: Быков не зря ест свой литературный кусок хлеба с достаточным слоем масла. Но этот слой появился не так давно. Я помню времена, когда Быков писал не менее талантливо, а масла явно недоставало.

Короче говоря, вы поняли, что я Быкова люблю и поздравляю.

А в подарок ему наше издательство подносит книгу, которую можно заказать в нашем магазине.

Это специальное юбилейное издание – второе, но сильно дополненное, к которому художник книги Вова Камаев сделал специальную юбилейную надпечатку на обложке.

Мы уже выпускали ее три года назад, втрое меньшим объемом. За это время книга разрослась до 444 страниц. И теперь она в твердом переплете.

Мы долго думали – какой может быть точка в книге, где каждую неделю появляется новая страница? И мы ее нашли. Это – быковский юбилей, 40 лет.

А дальше пусть пишет свои письма, но издавать мы их будем только к его 50-летию. И так далее.

Представляю, сколько он наваяет писем к 80 годам!

Рекорд, мля
22 декабря

В газете Pulse вышел мой рассказ сорокалетней давности.

Сегодня я его увидел.

Неделю назад позвонила гл. редактор «Пульса» Тамара И. «Нет ли у вас чего-то рождественского?» Очень нужно.

Я порылся в памяти и отыскал рассказ «Смерть Деда Мороза». 1968 год.

Послал.

С восторгом принято, напечатано. На обложке газеты (журнала?) – анонс: СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ. Неизвестный Житинский.

Это я неизвестный. Ага. Совершенно правильно.

Боже, думаю я. Боже.

Что случилось? Этот рассказ стал лучше за 40 лет? Ведь тогда я даже не осмеливался его предлагать, понимая, что это далеко еще не то…

Нет, он остался таким же. Это я стал старым грибом, у которого принимают всё, что ему удалось накалякать когда-то.

Рассказ нормальный, кстати, мне за него не стыдно.

Но все же, все же, все же – как писал А. Т.

Колонка дежурного
27 декабря

Не знаю, как у вас, а у меня слово «фантастика», происходящее, естественно, от слова «фантазия», прочно связывается со словом «мечта». Фантастика и зарождалась как жанр со всяческих научно-технических и социальных мечтаний человечества. Мечтания эти рисовали диковинный мир, где всё будет устроено разумно, люди будут плавать и летать на невиданных машинах с невиданной скоростью и вскоре выйдут за пределы Солнечной системы и устремятся к звёздам.

Однако, всё оказалось не так просто.

И дело совсем не в машинах, которые уже давно превзошли самые смелые мечты фантастов прошлого. И даже не в физических законах, не позволяющих материальному телу двигаться со скоростью света, тем более быстрее. А дело в самом человеке, природа которого, суть которого изменяется гораздо медленнее, чем он сам изобретает новые машины и приборы.

И тогда мечта стала меркнуть, а великие мечтатели типа Циолковского довольно быстро превратились в провинциальных безумцев. Параллельно мечта покидала фантастику, утопические радужные построения стали неуместны, и мы всё чаще стали наблюдать в фантастических книгах апокалиптические картины, кошмары и ужасы, которые несут нам цивилизация, пришельцы иных миров или просто необъяснимые и оттого особенно страшные бедствия человечества.

Мечтать нынче не модно. Фантасты «предупреждают» человечество о грозящих ему бедах. Это такой рабочий термин для всяких антиутопий. Писатели, можно сказать, просто упиваются этими придуманными ими бедами, и временами кажется, что не прочь испытать их на себе – с такой любовью они их рисуют.

Но недаром говорят, что написанное – сбывается. Причём сбывается с самим пишущим. Рисующий ад сам туда попадёт, как роющий яму другому свалится в неё прежде другого. Так соблазнительно попугать читателя, будто приобщившись к той напасти, которую сам выдумал. Но помнить о карме всё же следует.

Я не к тому, что нужно описывать райские кущи и тропинки далёких планет, где останутся наши следы. Там этих следов уже навалом. Я к тому, что человека надо поднимать с колен, отрывать его взгляд от неминуемого конца, который ждёт

человечество, и направлять дальше – туда, где ждёт его искупление от страданий. И выдумать это гораздо труднее, чем очередную чуму, глад и мор.

2008

С Рождеством!
7 января

Поздравляю всех православных с Рождеством Христовым, а своего внука Алексея (бывшего «Лёлика») еще и с его личным Рождеством. Сегодня ему 18 лет.

Нашел его «вконтакте», но посмотреть информацию на его странице не могу, поскольку моя собственная страница совершенно еще не оформлена, а там есть правило, что ты не можешь смотреть других, если сам о себе ничего не написал. Придется этим заняться.

Впрочем, основную информацию о внуке имею. Он студент первого курса того же Политеха, который закончили мы с его бабушкой Мариной и наши дети Оля и Сережа. Его также уже закончил мой старший внук Митя Петров, Олин сын.

Так что налицо династия политехников.

А Лешка поступил, как выяснилось совсем недавно, буквально в декабре, когда я его увидел на семейном празднике (о нем еще напишу), на кафедру технической кибернетики, которую возглавляет ныне профессор Юрий Глебович Карпов, мой друг и однокашник, послуживший прототипом Крылова из повести «Глагол “инженер”», если кто эту повесть читал.

Мы же сидим в центре Швеции, в 170 км от Стокгольма, близ городка Авеста, куда переместились по приглашению моего друга Петера, в его загородном доме, бывшем общежитии каких-то металлургических рабочих, построенном в 1845 году. Когда-то здесь жили 52 человека – есть фотография, – а теперь мы втроем. Петер привез нас и уехал.

Завтра сюда нам на смену приедет его пакистанский друг – поэт, министр культуры в оппозиционном правительстве покойной Беназир Бхутто Fakhar Zaman.

А мы поедем потихоньку домой.

Я советую Петеру превратить этот дом в Дом творчества писателей. Семья Петера здесь практически не бывает, даже летом. Дом двухэтажный, просторный – внизу пять больших комнат и наверху четыре номера типа гостиничных по две комнаты в каждом.

Здесь навалило много снега, но сегодня, похоже, снова оттепель.

Трудный ребёнок
18 января

Сегодня я практически счастлив.

Мне удалось сделать то, на что я уже почти потерял надежду.

Удалось издать книгу, о которой я мечтал и которую почти выпустил из рук, но поймал буквально за хвост.

Я уже рассказывал, каким трудным был этот ребёнок, как мы почти 2 года назад договорились с Верочкой об издании, как готовили книгу, как потом автор закапризничала (?) и отказалась от издания, когда вариант издательства был свёрстан, как мы почти поссорились, а потом стали мириться и наконец встретились в Питере на первом выступлении Верчки в нашем городе и уже помирились окончательно.

Там, на этом выступлении, первый и единственный экземпляр книжки Верочки по версии «Геликона» был продан с аукциона за 3000 рублей, и, видимо, этот факт произвел на автора некоторое впечатление.

Верочка наконец сама взялась за собственную книгу. Она отвергла мою обложку и мое название книги, заново ее составила, значительно дополнив, придумала своё название и попросила друга, дизайнера Алексея Кукарина, сделать к ней обложку с фотографиями Генри Ясаса и Анастасии Тихоновой.

Книга Верочки и выпущенная 3 месяца назад первая книга стихов Али Кудряшевой «Открыто», уже выдержавшая два тиража, являются скромным осиновым колом нашего издательства, вбитым в могилу постмодернизма. И я совершенно серьёзно думаю, что обе эти книги этапны для молодой русской поэзии. Почему я так за них и боролся.

Время собирать камни
18 января

Дни рождения давно уже мелькают, как километровые столбы за окном вагона.

Не успеешь прочитать цифру, как уже набегает следующая.

Того и гляди, влетишь в туннель, чтобы вылететь из него ногами вперед, со светом в конце туннеля, только с обратной стороны.

К чему это я? Да вы понимаете.

К Крещенскому сочельнику.

Но не только.

А к тому, что время собирать камни наступило давно, камней разбросано навалом, но мы их не собираем.

Поэтому я приглашаю начать процесс с собирания камней довольно большой пирамиды, которая называлась

ЛИТО ИМЕНИ ЛОРЕНСА СТЕРНА.

Я обращаюсь к участникам ЛИТО, которые сегодня по традиции, как я надеюсь, могут заглянуть на огонек к Массе и виртуально с ним выпить. Вы не забыли, что в апреле этого года исполняется 10 лет с момента создания ЛИТО?

И я бы хотел к этому времени реставрировать сайт ЛИТО, насколько это возможно, и издать книгу, где были бы и отрывки обсуждений, и воспоминания, если вы их напишете, и фотографии, и обсуждавшиеся тексты – шуточные, вполне серьезные, скандальные, – чтобы те, кто даже не слышал об этом интернет-проекте, дважды входившем в шорт-листы Национальной российской интернет-премии, могли почувствовать его атмосферу и узнать историю.

А то за державу обидно (и за нас с вами), когда сегодня о ЛИТО можно узнать лишь по обрывочным архивам, сохранившимся на американском сервере.

А вы только посмотрите, кто был в составе нашего ЛИТО! И это далеко не все. Какое-то время в нем числились даже такие легендарные личности, как Рома Лейбов и Баян Ширянов. Не говоря о постоянных членах ЛИТО Ольге Родионовой, Линор Горалик, Гале Анни, Дмитрии Быкове, Дмитрии Горчеве, Михаиле Бару, Дмитрии Новикове, Дмитрии Коваленине и других, ставших сегодня известными литераторами, – простите, кого не занес в

этот список. Тогда они были пионерами сетевой литературы. Расскажите о себе нынешним октябрятам.

Человек 40 оттуда нынче обитают в ЖЖ.

Я прошу вас – бывших участников, нынешних френдов и тех, кто уже не френд. Присылайте мне и нашему веб-дизайнеру, которому я поручил реставрацию сайта, любую информацию: фотографии, воспоминания, истории, анекдоты и даже небылицы. (У кого сохранилась поэма об Анжуйском, например? Где венки восьмистиший? пародии? эпиграммы?) То, что не войдет в книгу, станет кирпичиком реставрированного сайта ЛИТО. Не забывайте и о «Тенётах», откуда мы все вышли.

Особо надеюсь на секретарей и веб-мастеров ЛИТО Горчева и Лизу.

Давайте сделаем этот сайт и эту книгу.

Кто смотрит на это дело скептически, пусть отойдет в сторонку и помолчит.

Спокойной ночи, страна!
19 января

Дорогие мои, вы устроили мне незабываемый вечер.

Всех люблю, спасибо.

А сейчас пойду спать, оставив здесь одно из последних своих стихотворений (стихи – моя первая и, может быть, единственная любовь).

Последних в том смысле, что я потом стихов уже не писал.

* * *

Я хотел с этой жизнью спокойно ужиться,
Не ершиться, не буйствовать, не петушиться.
Я считал неуместной ретивую прыть,
Потому что мне сущего не изменить.

Нелегко уподобиться Господу Богу!
Внешний вид нашей жизни внушает тревогу,
Но на всякий вопрос есть двоякий ответ,
Есть сомненья и мненья, а истины нет.

Наблюдая обычаи, нравы и страсти,
Я страшился своей удивительной власти,
Я расследовал каждый отдельный мотив,
Точно Бог-судия или Бог-детектив.

Получалось, что все замечательно правы:
Эти ищут любви, эти – денег и славы,
Третьих больше влекут благородство и честь,
Но нельзя никого никому предпочесть.

Все воюют и борются до одуренья,
Утверждая навечно свою точку зренья.
Я старался понять. Я был каждому брат,
Но остался один я кругом виноват.

Так что, братья мои, на ошибках учитесь!
И ершитесь, и буйствуйте, и петушитесь,
Неприятелей ваших сводите на нет,
Может, что-нибудь выйдет из этих побед.

Ну а мы потихоньку заварим кофейник,

Наблюдая внимательно наш муравейник,
И, свой век доживая простым муравьем,
Нелюбимого кофию молча попьем.

1976

Еще о стихах
20 января

Я уже признался, что стихи – моя первая и, может быть, единственная любовь.

Среди моих читателей (тех, кому нравится то, что я делаю, – по определению Быкова, это 10 % от тех 30 %, которые вообще обо мне слышали) есть очень небольшая группа читателей, которым мои стихи нравятся больше, чем моя проза. Их единицы. Но именно они – мои самые любимые читатели.

Потому что я убежден, что самое главное и самое лучшее я сказал именно в стихах, которые писал с 22 до 35–37 лет, как и положено поэту.

Когда-то и где-то я прочитал о том, что писать стихи после 35 лет – неприлично.

Это, конечно, неверно. И многие великие примеры типа Тютчева это легко опровергают.

И стихи я бросил писать не по своему решению – они ушли сами после 35–36, не прощаясь. Просто – ушли.

Жалею ли я об этом? И да, и нет. Дерево растет, от него отпадают какие-то ветви. Это естественно, если оно живое.

Проза убивает стихи. В какой-то момент я почувствовал, что мне важна не поэтическая образность, а точное изложение моих мыслей.

Но разве это зачеркивает поэзию?

Разве абсолютно голая поэтическая мысль Боратынского («Мой дар убог и голос мой негромок…») без всякой образности – это не поэзия?

И Ходасевич туда же, к примеру.

Но что случилось, то случилось. Прозаические истории, которые мне нравилось придумывать, оказались действеннее стихов. Действеннее для читателей. Но не для меня.

Кажется, еще никто не упрекнул меня в отсутствии поэтического вкуса – хотя бы на примере тех поэтов, которых я издаю сам, не за их счет.

Хотя этот вкус специфичен, я так и не смог полюбить поэзию постмодернизма и просто модернизма, где форма окончательно убила содержание.

Мне по-прежнему дороги стихи, насыщенные живой жизнью и непосредственным чувством, не почерпнутым из других текстов и вообще – из культуры.

Что не значит, что они – от сохи и автор культуры не знает.

Мне радостно, что многие читатели придерживаются таких же взглядов.

Поэзия, как и Восток, дело тонкое. Только еще гораздо тоньше.

Клуб «Книги и кофе»
7 февраля

Немного истории.

Некоторое время назад – года 2–3 – в Петербурге, на 6-й Советской, открылось симпатичное маленькое кафе, назвавшее себя «Кофе и книги». Как я узнал позже, такая форма приятного досуга, когда можно выпить чашечку кофе с пирожным и купить тут же книжные новинки, уже существовала на Западе. В кафе также проводились встречи с поэтами и презентации их книг. Я бывал раза два на таких презентациях геликоновских авторов.

Потом кафе сменило дислокацию и переместилось в центр, на канал Грибоедова, близко к метро, но еще ближе к пивбару «Рыба пила», который, собственно, и приютил культурное заведение. Там мне побывать не пришлось.

Вскоре выяснилось, что соседство книг и пива, а точнее его потребителей, не слишком полезно для книг, а точнее их потребителей. И «Кофе и книги» поехали куда-то дальше, но вскоре пропали совсем.

И Питер лишился такого полезного и уютного заведения.

Летом прошлого года, когда я решил, что ещё способен принять Центр современной литературы и книги в качестве директора (до того я был лишь одним из учредителей оного), я сразу подумал, что в малом зале площадью 50 кв. метров хорошо бы устроить нечто похожее, то есть кофе за столиками и книги на полках. И я стал осуществлять свой замысел, обустраивая это помещение соответственно. По пути возникла мысль посоветоваться с бывшими владельцами того самого кафе, я разыскал их, мы встретились. В результате переговоров кофемашина заведения «Кофе и книги» перешла в наше пользование.

Стеллажи и книги на них тоже возникли, хотя и не без труда, приехали столики и стулья, возникла маленькая эстрада с висящим на ней ЖК телевизором 42 , ресивером, плеером DVD и акустикой 5 + 1. На шторах повисли окна. То есть наоборот.

Жить стало лучше, жить стало веселее. И 1 декабря 2007 года мы провели в этом помещении первый «квартирник», на котором Верочка Полозкова читала свои стихи. Лёд таким образом тронулся.

Книги Стругацкого
9 февраля

Был сегодня у Бориса Натановича Стругацкого, который передал нашему клубу «Книги и кофе» много книг из своей библиотеки в качестве материальной помощи. Среди них – книги братьев Стругацких с автографом БНС. Поставим их в магазин.

Был рад увидеть Стругацкого здоровым и в хорошем расположении духа. В апреле ему будет 75. Когда я повел осторожный разговор о юбилее, он только отмахнулся со словами: «Это без меня. Ничего не буду устраивать и никуда не поеду».

Впрочем, в этом я не сомневался. Мэтр принципиально не общается с телевизионщиками (кто-нибудь видел БНС по телевизору?). Похоже, я – один из немногих, обладающих уникальной видеозаписью. В 1993 году я уговорил Стругацкого сняться на любительскую камеру (SVHS). Он согласился при условии, что это будет беседа со мной в его квартире и не для эфира. И мы сделали такую запись минут на 40. Со Стругацким и мною беседует Самуил Аронович Лурье, один из лучших наших эссеистов и литературоведов.

На юбилей с согласия БНС я все же выложу эту запись в сеть. Хотя до сих пор ничего не выкладывал (есть кое-что примечательное в архивах).

Презентация книги Vero4ki 16 февраля

Вернулся сегодня из Москвы, куда ездил на презентацию книги Веро4ки.

Москва зимой утомляет меня страшно. Она вся уставлена машинами, а проживают в ней одни таджики и узбеки. К вечеру я был уже измотан, но Верочка вернула мне жизнь.

Происходило действо в Музее актуального искусства, где по стенам висят картины стоимостью в много сотен тысяч долларов. Веро4ка в нем работает и презентация случилась там с любезного приглашения хозяина этого частного музея. Люди сидели на полу, на стульях, стояли сзади плотными рядами, а в центре внимания была Веро4ка – и она была бесподобна.

Да не обидится на меня хозяин этого замечательного музея, но все же его скромный молодой женский работник – главная достопримечательность заведения. И если подходить к Веро4ке как к произведению искусства, в которое вкладывают деньги, то этот экспонат способен принести инвестору необычайную прибыль.

Я почти серьезно это говорю.

Дело даже не в том, что она пишет прекрасные стихи и столь же прекрасно их читает. Дело в ее общем и необыкновенном артистизме. Если ее в ближайшее время не заметит и не заключит в рамки фильма режиссер кино, это будет свидетельствовать лишь об упадке режиссерской профессии. Для нее надо писать сценарии (а может, именно ей их и надо писать), снимать фильмы с нею в главной роли – и мы получим новую героиню. Героиню нового типа, как говорили раньше.

И это я говорю уже вполне серьезно.

Ибо Веро4ка воплощает новый, современный тип русской женщины – неистовой, беззащитной и сильной, талантливой во всем и щедрой настолько, что она готова «проебать» свой талант, как она пишет в одном из своих стихотворений.

Через несколько дней ей исполнится 22. Она уже завоевала своим талантом любовь «ближнего» круга, который не так мал. Но ее таланту по силам много больше. Найдите ей сценариста и режиссера, она станет звездой первой величины в кино. Кстати, она дико фотогенична, недаром ее так любят снимать. «Проебать» такую фактуру и такую женскую душу было бы просто бесхозяйственно.

День милиции 22 февраля

Правоохранительные органы меня полюбили.

Выхожу сегодня из Центра, подхожу к машине, вернее, к тому месту, где я ее оставил, глядь – машинки нет.

Ну, я не подумал, что угнали. То есть, подумал что угнали, но менты. На эвакуаторе.

Стал звонить. Выяснил, что надо сначала в ГИБДД, где мне только недавно припаяли штраф в 1000 рублей. На этот раз пахло бóльшей суммой.

Приезжаю туда, жду, потом мне объясняют – сначала штраф 300 р., потом из сберкассы обратно, выпишут разрешение на выдачу авто – и на штрафстоянку.

Проделываю все это (спасибо милосердной знакомой даме, которая меня туда-сюда возила на своем Пежо).

Приезжаю на штрафстоянку в конце Шкиперской протоки на ВО – абсолютно гиблое место с разливанной лужей по колено по всей проезжей части. И где-то на грязной огороженной стоянке, граничащей с какой-то свалкой, нахожу поруганную Зафиру.

Даю документы. Нет, говорят, не отдадим машину, доверенность у вас от владельца написана от руки. Нужна нотариальная.

– Как? ГАИ разрешает! – кричу я.

– А мы не ГАИ. Они вам разрешают водить по доверенности, а мы вам собственность чужую возвращаем!

Короче, не уломал, хотя ругался по телефону с их начальством. Звоню жене и час жду, пока она приедет. Наконец оформляем возврат, платим 3854 руб. и счастливые садимся в машину.

И в этот самый момент – звонок из «Геликона», где давно уже отмечают День защитника Отечества, но меня не ждут, поскольку знают об эвакуаторе.

– А. Н., у нас ОБЭП, – говорят.

– Кто? – я не понимаю.

– Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

Вовремя подоспели, называется. Чтобы жизнь не казалась карамелькой.

Трубку берет ОБЭП и представляется. А также добавляет, что, по их мнению, в наших 15 компах содержится контрафактное программное обеспечение и они сейчас садятся составлять протокол.

– А мне что делать? – спрашиваю я. – Какова моя роль?

– Вы должны представить нам документы на право пользования этими программами.

– Сейчас? – уточняю я (времени 18 часов, предпраздничный день).

– Да, конечно.

– Хорошо, сейчас буду.

Приезжаю в «Геликон». Два приятных молодых человека показывают прекрасно изготовленные удостоверения, где они оба в форме лейтенантов милиции.

Я ничего не показываю.

И начинается долгий разговор. Типа я готов предположить, что в части наших компов действительно есть что-то нелицензионное. Но давайте сразу не будем это фиксировать. Дайте мне время подготовить документы и проч.

Они говорят – нет. Это наша работа. Мы выявили, должны запротоколировать.

– А дальше?

– А дальше вызываем группу поддержки, они снимают на видео, опечатывают системные блоки и увозят на экспертизу.

– Все?

– Все, – отвечает неумолимо.

– А дальше? – моя любознательность не знает границ.

– А дальше суд. Статья уголовного кодекса…

Он называет статью, но я не запомнил.

Ослепительная картина суда, шума в прессе, скандала, пикетов с транспарантами «СВОБОДУ МАССЕ!», Крестов в общей камере, отсидки, лишения прав с конфискацией и проч. вихрем проносится у меня в голове.

– Да вас не посадят. Еще никого не сажали по этой статье, – словно угадав мои мысли, успокаивает меня ОБЭП.

– Пусть я буду первым! – гордо говорю я.

Короче, они меня пугали около 40 минут. Потом, переглянувшись, свернули бумаги, хотя до этого уже раза три буквально набирали номер «группы поддержки».

Спектакль был разыгран исключительно грамотно.

Я им подарил по книжке с автографом. Обменялись рукопожатием. Я пока на свободе, но они попросили, чтобы в следующий раз я подготовился получше.

Нет, не в том смысле, что вы подумали.

В смысле лицензий.

Александр
9 марта

Давно хотел написать об этом, а может, уже и написал. Тогда буду повторяться.

Вообще-то мне мое имя Александр – нравится. Особенно когда оно стоит на обложке моей книги. Фамилия нравится значительно меньше. Да и Александров много было великих, это как-то мобилизует.

Но в быту имя очень неудобное. Ну представьте, чтобы мать звала своего сына: «Александр, иди завтракать!» При таком обращении хочется применить вежливую форму: «Александр, у вас опять двойка по физике!»

Звучит смешно, согласитесь.

Поэтому в русском языке для Александра, как и многих других имен, придуманы уменьшительные формы – Шурик, Шура, Саша. Вот меня так и звали с детства родные и друзья – дома Шурик, в школе – Саша. И никто не называл Александр.

Когда я повзрослел и молодость слегка отодвинулась в прошлое, всё чаще стало возникать обращение по имени-отчеству. Его я принимаю спокойно, особенно теперь. И надо сказать, люблю эту манеру обращаться к человеку по имени-отчеству, принятую когда-то в России по отношению даже к молодым людям. Вспомните романы Достоевского. Там все называют друг друга так – и это создает какую-то особую атмосферу.

Но сейчас эта манера прошла, такое обращение к очень молодому человеку часто звучит иронично, а то и издевательски.

Однако обращение ко мне лишь по имени, но на «вы», меня почему-то коробит.

Это не русская манера, она американская, там у них отчество вообще не принято. Кроме того, помню, что в былые времена, когда мне было лет 35–40, так ко мне обращались исключительно комсомольские работники. В 1977 году ездил я на месяц в стройотряд под Питером и жил там, работая в районном штабе ССО. И приезжавшее к нам комсомольское начальство так ко мне и обращалось: «Александр, вы выпьете водки?» Мне почему-то это не нравилось. Свои-то, двадцатилетние члены районного штаба, звали меня по имени-отчеству, все же разница в 16 лет.

С тех пор обращение ко мне «Александр» и на «вы» создает некий дискомфорт. И отнюдь не потому, что это недостаточно уважительно. Это излишне помпезно, вот в чем причина.

Друзья и знакомые – те, кто почему-то не могут или не хотят

перейти со мною на «ты», – обычно называют по имени-отчеству, но иногда употребляют слово «Николаич» – и тогда на «ты». Так уже 20 лет зовет меня жена, для которой перейти от первоначального Александра Николаевича (так она меня называла первые месяцы нашего знакомства) к Саше и тем более Шурику оказалось делом трудным, и она остановилась на отчестве, просто проигнорировав имя.

В Интернете же, где слишком официальное «А. Н.» как-то не катит, часто обращаются именно по-комсомольски (по-американски), хотя более всего меня в этом случае устраивает обращение «Масса» и на «вы», чем многие и пользуются.

Я же с годами приобрел отвратительную привычку называть почти всех по имени и на «ты», правда, я обычно предупреждаю об этом и предлагаю обращаться ко мне таким же манером. На что иногда соглашаются молодые девушки, что мне крайне льстит, юноши же предпочитают уклониться.

Короче, остановимся на Массе – и все будут довольны.

16 лет назад
17 марта

Сегодня – день рождения моей младшей дочери Насти. Ей исполнилось 16 лет.

Она родилась ровно неделю спустя после того, как корабль «Константин Симонов» причалил в Гавани Санкт-Петербурга, привезя домой около 70 питерских писателей, членов Союза, которые 17 дней подряд плавали по Балтийскому морю вместе с писателями из других балтийских стран общим числом 300 человек.

Их кормили, поили, показывали достопримечательности.

Маршрут был такой: СПб – Таллин – Гданьск – Любек – Копенгаген – Висбю – Стокгольм – Хельсинки – СПб. В каждом городе по 1–2 дня.

Я был директором этого круиза. И моя жена Лена тоже в нем участвовала – и не просто как пассажир, а как работник круизного штаба.

К моменту, когда в Союз писателей поступило от шведского союза предложение о совместной организации писательского круиза, я уже 12 лет был членом СП СССР. При том – абсолютно аморфным и общественно неактивным. Про таких говорят «балласт». В СП тоже можно делать карьеру, пробиваться в делегации за границу, на БАМ и проч. Я этого не делал, да никто бы меня за границу и не послал, ибо в партии я не состоял. Раз в году я ходил на общие собрания СП – и только.

Как вдруг по чистой случайности меня включили в состав группы, принимавшей шведскую делегацию. Мой приятель Витя Максимов (Царствие небесное), работавший тогда в Союзе референтом, спросил как-то невзначай: «Ты давно за границей был?» Выяснилось, что я там вообще не был. И он включил меня в эту группу.

Первой моей общественной акцией стала организация обеда для шведов в ресторане. Она мне вполне удалась. Начальство СП посмотрело на меня с одобрением. Нашим председателем был тогда драматург Владимир Арро.

Автоматически я впервые в жизни оказался в Стокгольме, вошел в состав группы, готовящей круиз и т. д. Беда была в том, что никто всерьез о круизе не думал, желание начальства было потусоваться, поездить за рубеж, потому что осилить такое мероприятие никто не считал возможным даже при том, что шведы обещали достать деньги на фрахт теплохода. Дешевый

русский теплоход был основой проекта.

Девки на диете
23 марта

Я теперь ДНД в индивидуальном порядке.

А дело в том, что позавчера встал на весы – батюшки-светы! Больше 98 кг! Никогда такого не было.

То-то, думаю, по лестнице не подняться без остановки, одышка сразу же.

Ну и понятно – авто, компьютер, авто, компьютер, кровать. Такова нехитрая формула бытия. Плюс пожрать чего вкусного.

Подошел научно, полез в Яндекс искать диеты. Кремлевскую уже пробовал, на третий день, плюнув на все, малодушно выпил литр сока, ибо стало просто невмоготу. Перебрав много забавных, остановился на диете Протасова. Просто потому, что количество пищи не ограничивается, ограничивается ее состав. Практически переходишь на силос с кефиром. И больше ничего.

По пути зарегистрировался где-то сдуру под именем Алина на сайте для похудания и мигом получил на почту уроки. «Дорогая Алина! Высылаю тебе первый урок…» И так далее. Уже три урока пришло, но я их даже не читал, ибо поверил в силос.

Размельчаю овощи почти в пыль – помидоры, капусту, морковку, перцы, – заливаю кефиром и хлебаю столовой ложкой. Называю это «кефирный суп». Что характерно, на чувстве голода количество силоса совершенно не отражается. Жрать по-прежнему хочется зверски. Мерещится цыпленок в хрустящей корочке, стейк, на худой конец картошка с грибами.

На весы пока не вставал.

Родня
31 марта

Жена сегодня меня удивила.

Ты, говорит, ночью громко матерился во сне!

Не может быть, говорю. Ничего не помню. Я же воспитанный человек. Ты ничего не перепутала?

– Ну а кому же ты ночью кричал: «Дура, блядь! Дура!»?

– Знаешь, – сказал я, подумав. – Это я мог кричать только тебе. Постороннему человеку я так кричать не мог. Я же воспитанный человек. А ты все-таки родня.

Быковский Горький
1 апреля

Посмотрел вторую серию фильма о Горьком.

Быков все-таки большой молодец. Этот объективный остраненный взгляд, без смехуёчков, без видимой сегодняшней исторической оценки, казалось бы, чисто биографический рассказ – именно то, что и нужно сегодня о Горьком, до основания изуродованном всеми вывертами вековой российской политической драмы.

А он был писатель, и это начинаешь понимать. Не борец, не политический деятель, не трибун, а просто писатель, которому приходилось быть на разных этапах и тем, и другим, и третьим.

В этом и есть главная мысль Быкова, как мне кажется, которую он вовсе не педалирует. И это его главная личная мысль.

Ибо он тоже писатель в первую голову, а уже потом борец, деятель и трибун.

Но это всё вторично, преходяще и канет в Лету.

А написанное – остаётся.

Незваный гость лучше татарина
12 апреля

Сидим себе дома, починяем примус ужинаем, вдруг звонок в дверь.

Открываю, на пороге – Андрей Усов, более известный как Willy.

Типа, проходил мимо, решил заглянуть.

Ну, заходи, садись.

Вилли, если кто не знает, это замечательный фотограф (фотохудожник, так они любят себя называть, но он-таки действительно фотохудожник), запечатлевший питерский рок-н-ролл с момента его зарождения (прежде всего «Аквариум»).

Мы с ним сотрудничали очень плотно в пору создания «Путешествия рок-дилетанта», там куча его фотографий, потом виделись реже, а последнее время – совсем редко. Правда, дней 10 назад встречались на концерте, посвященном ДР рок-клуба.

Ну, сели, конечно, выпили. Повспоминали многое.

Итог встречи в сухом остатке.

Вилли устраивает в Центре выставку фоторабот. Примерно с начала мая.

Вилли проводит у нас мастер класс по фотографии / семинар /курсы примерно из 10–12 уроков начиная с мая по 2 академических часа 2 раза в неделю, с практическими занятиями на базе техники Центра.

А в несухом остатке… Это надо было видеть и слышать, как три человека – одной за 40, другому 57, а третьему еще на 10 лет больше – хором поют: «Гуляю, я один гуляю, что делать – я ничего не знаю. Нет дома, никого нет дома, я лишний, словно куча лома…»

Да, были и мы рысаками.

Саша Чернецкий
6 мая

Этой фотографии почти 20 лет. Она запечатлела меня в компании рок-музыкантов на Елагином острове в сентябре 1989 года, в день открытия Первого фестиваля «Авроры» (об этом фестивале подробно написано в книге «Альманах рок-дилетанта»).

Слева от меня стоит Сергей Чиграков, он же Чиж, а справа выглядывает из-за плеча Саша Чернецкий. Оба тогда играли в харьковской группе «Разные люди», оба теперь живут в Питере и играют каждый в своей группе. Точнее, группа Чернецкого сохранила свое историческое название.

Саша Чернецкий обладает удивительно самобытным голосом и мощным драйвом. Его песни сдирают кожу заживо. Слушать его – трудно. Его отдача требует такой же отдачи от слушателя.

И еще он героический человек. В 1989-м, когда он приехал в Питер, он был уже тяжело болен. У него была редкая и практически неизлечимая болезнь позвоночника. И нам удалось поселить его персонально в гостиницу рядом с ЦПКиО, возить на машине. Он едва двигался и на сцене стоял, опираясь на палку. Приговор врачей был практически безнадежным.

Потом он лежал в Питере в больнице, готовился к операции. Был один-единственный специалист, который умел делать такие

операции, и Сашу удалось к нему устроить. Он выжил, и снова стал играть и выступать.

Все это я к тому, что 16 мая мы принимаем Чернецкого в клубе «Кофе и Книги». Приходите. Его обязательно надо послушать, кто не слышал.

Стрелочник
11 мая

«Маяк» порадовал, как мог. Дима Быков, названный журналистом, прочитал перед микрофоном мой рассказ «Стрелочник» и рассказал, как он посредством оного соблазнял девушек. Рассказ, насколько могли, испортили звукорежиссурой, снабдив кучей посторонних звуков. Особенно трогает детское «ту-ту» в середине. Это не Быков. Это «тутит» какой-то пойманный поблизости ребенок, вероятно.

Но в целом спасибо Быкову. Рассказ прослушал с интересом.

Написан он примерно в 1975 году.

По поводу выборов 28 мая

Вернулся из Киева, с фестиваля «Киевские лавры». Про фестиваль написали и еще напишут другие, а я о выборах. Там в это время выбирали киевского мэра и, кажется, выбрали того, что и был. Но дело не в этом.

Меня позабавили рекламные листовки, одна из которых, расклеенная на столбах, изображала нескольких упитанных мужчин со взором горящим. Подпись гласила: «Воны не брешуть. Воны не ворують. Воны не бояться» (русская транскрипция). Хрен знает, кто это был, там этих кандидатов было 70 с гаком. И опять дело не в этом.

А дело в том, что хвалить себя – стыдно. Так уж у нас сложилось. Самовыдвигаться – стыдно. Пускай тебя выдвинут другие. Да еще и попросят, чтобы ты согласился. И кампанию твою пусть ведут без тебя. Не надо этих появлений перед ревущей толпой в паре со своею «жинкой», не надо говорить, какой ты хороший и как ты все быстро обустроишь.

И даже не потому, что это неправда. А потому, что стыдно.

Твои качества и заслуги ты сам оценить не можешь. Это дело людей.

Вот почему те, которые «не брешуть и не ворують», никакого доверия не вызывают, ибо сами это все понаписали.

Но это только пример.

А наша скромная суповая кухня, вознамерившаяся избрать себе шеф-повара, а точнее, нечто вроде инспектора СЭС, тоже пошла по этому «демократическому» пути самовыдвижения и самопиара. Здесь требуются люди с девизом «если не я, то кто же?» – но, как известно, их немного, а больше тех, кто желает как-то выделиться, пробиться во власть и известность… Короче, ярмарка тщеславия.

Я не хочу порочить кандидатов. Возможно, все они – «если не я, то кто?» Но я предпочел бы выдвигать кандидатов по-иному. И если бы самовыдвижение было запрещено, а выдвигали бы «со стороны» – было бы лучше, естественнее. И тогда я, скажем, выдвинул бы Игоря Петрова, который по всем параметрам гораздо сильнее любого из нынешних кандидатов. Независимый, с прекрасным аналитическим умом, досконально знающий ЖЖ и проч.

Возможно, ему нашелся бы достойный соперник. И мы бы спорили о качествах одного и другого, а не заставляли бы их

заниматься сомнительными самовосхвалениями. Им же самим, право слово, неудобно это делать.

Нацбест 2008
9 июня

Церемония прошла как обычно, если не считать того, что постоянный ведущий Троицкий так часто упоминал о своем похмелье, что совершенно задолбал этим свою партнершу актрису Полякову, которая была на грани нервного срыва, как мне показалось.

Я болел за Прилепина – и он выиграл двумя женскими голосами (актриса Спивак и литагент из Кельна с труднопроизносимой немецкой фамилией). Впрочем, выиграл совершенно справедливо.

Автор Геликона Юрий Бригадир получил один голос фигуриста Ягудина. Кроме того, за него проголосовал Интернет и это было отмечено специальным призом. Мы, как часто бывает, были первыми, но, как всегда бывает, не отмечены.;) А издали мы его еще три года назад.

По одному голосу получили Данилкин, Козлова и Секацкий. Курицын-Тургенев остался без голосов.

Мы с Прилепиным перед церемонией. С Захаром я познакомился 2 года назад. Мы вместе с ним были в прямом

эфире в Москве у Быкова на Сити FM, а потом купили вина и посидели пару часов. Мне Захар очень нравится – он настоящий мужик, на него можно положиться. (Я в курсе, что он не Захар;))

Встреча с Нугмановым
22 июля

Сегодня встречался с Рашидом Нугмановым, режиссером «Иглы», другом Виктора Цоя. Он повел меня в ресторан Le Coupole на Монпарнасе, где часто бывали Хемингуэй, Гертруда Стайн и прочие знаменитости.

Интересно поговорили, надеюсь, это понадобится мне при написании книги о Вите. Два с половиной часа на диктофоне.

Мне он очень понравился, перед этим мы встречались 17 лет назад, когда он давал мне интервью для книги о Цое 1991 года.

Клошар
24 июля

Завтра утром мы уезжаем из Парижа, пробыв здесь всего 5 дней.

Об интересных местах, где мы были, постараюсь написать и показать фотографии.

А пока – о человеке, который меня поразил, честно говоря. Это клошар, который живет в 100 метрах от Елисейских полей, на углу Rue Frederic Bastiat и Rue de Ponthieu (как это читается по-русски, представляю с трудом). На этих улочках мы обычно искали «дырку» для парковки и с трудом находили. Поэтому каждое утро (то есть часов в 11–12) мы проходили мимо этого спящего клошара, который лежал на углу, прямо на мостовой, без подстилки, накрытый простым солдатским одеялом. Весь его скарб состоял из черной сумки, из которой торчали вафельные коржи, и двух полиэтиленовых пакетов с чем-то непонятным.

Мне было неудобно его фотографировать, но я все же сделал пару снимков издали коммуникатором. К сожалению, не проследил за выставленным разрешением снимков, они оказались очень мелкими.

Сегодня под вечер мне удалось застать клошара за работой. Он стоял на противоположном его жилищу углу и собирал милостыню. В одной руке у него был стакан с каким-то напитком, а в другой стаканчик для сбора подаяний. Я подошел к нему, положил в стаканчик пару монет и сказал:

– Мсье… – показав при этом на фотоаппарат.

Он приветливо улыбнулся и развел руками со стаканчиками. У него был вид вполне счастливого человека.

Жорж Брассанс
29 июля

Наконец снова в Интернете, но уже в Каннах. Здесь жарко, но море прекрасно.

Как мы добрались сюда – это отдельная песня. Скажу только,

что 180 км от городка Систерон до Канн были самым экстремальным автопробегом в моей жизни.

А пока захотелось поделиться с вами Брассансом. Всю дорогу до Лиона он скрашивал нам путешествие, благодаря двум дискам, купленным в Париже.

Маленькая предыстория.

В 1971 году я был влюблен в одну барышню, ставшую впоследствии прототипом Таты из «Сена-соломы». Она изучала французский и познакомила меня с Брассансом. У нее откуда-то были его пластинки. Я послушал и влюбился в Брассанса, даже не зная французского. И мне захотелось перевести хотя бы несколько песен, но так, чтобы русский текст ложился на музыку. По моей просьбе писательница Руфь Александровна Зернова (Царство ей небесное!) сделала мне подстрочники, и я стал буквально вслед за пластинкой выпевать переводы. Работка была трудная, но результатом я доволен.

Я хочу показать три перевода (всего я перевел 4 песни) вместе с оригиналами на французском. Две в исполнении автора, а один – неизвестного мне музыканта, авторского видео не нашел. Те, кто знает французский, могут оценить степень близости перевода, а кто не знает – просто попробовать спеть. Мелодии у Брассанса изумительные.

ЗАВЕЩАНИЕ
(Le Testament)
http://youtube.com/watch?v=2iLjRmaumUI&feature=related
1
Заплачу я, как плачет ива,
Когда наш Боженька с утра
Зайдет и скажет мне игриво:
«А не пора ли нам пора?»
Мне этот мир придется бросить,
Оставить навсегда его,

Но… пошумит еще средь сосен
Сосна для гроба моего! (2 раза)

2
Когда в казенной колеснице
Меня к чертям поволокут,
Я постараюсь тихо смыться,
Хотя б на несколько минут.
Пускай могильщики бранятся,
Пускай пеняют на меня!

Могилы буду я бояться,
Как школьник доброго ремня.

3
Но перед тем как в ад спуститься
И души грешников считать,
Мечтаю я слегка влюбиться,
Мечтаю влопаться опять!
Сказать «люблю» какой-то пташке,
А хризантемы, что в венках,

Вполне заменят мне ромашки,
Чтоб погадать на лепестках.

4
Великий Боже! Растревожа
Вдову, меня отправив в снос,
Ты не потратишь лук, похоже,
Чтоб довести ее до слез.
Когда ж вдова моя, к примеру,
Решится на повторный брак,

Пусть ищет мужа по размеру,
Чтоб он донашивал мой фрак.

5
Ты, мой преемник незнакомый,
Люби жену мою, вино,
Кури табак мой, только помни —
Ко мне влезть в душу не дано.
Мое останется со мною,
И я смогу – сомнений нет! —

Стоять, как призрак, за спиною,
Коли нарушишь ты запрет.

6
Итак, я кончил завещанье.
Здесь желтый листик погребен.
У двери надпись на прощанье:
«Нет по причине похорон».
Но я покину мир без злобы,
Зубных врачей покину я!

В могилу я отправлюсь, чтобы
Блюсти законы бытия.

ГОРИЛЛА
(Le Gorille)
http://youtube.com/watch?v=9Zaf3GRaQjI&feature=related
В Зоопарке прекрасный пол,
Со стыда не пряча лица,
Как-то раз наблюденья вел
За гориллой в виде самца.
Дамы пялились, так сказать,
На тот орган в рыжей шерсти,
Что мамаша мне называть
Запретила, Боже прости!

Бойтесь гориллу!

Вдруг открылась эта тюрьма,
Где томился прекрасный зверь.
Распахнулась она сама,
Видно, плохо заперли дверь.
«Ну сейчас я ее лишусь!» —
Прорычал самец на ходу.
Угадали вы, я боюсь! —
Он невинность имел в виду.

Бойтесь гориллу!

И хозяин кричал: «Скандал!
Зверю нет еще и восьми!
Мальчик в жизни самки не знал,
Он ведь девственник, черт возьми!»
Но бабенки вместо того,
Чтоб использовать данный факт,
Побежали прочь от него.
Это был непонятный акт!

Бойтесь гориллу!

Даже дамы, что час назад
Были мысленно с ним близки,
Мчались в ужасе, доказав,
Что от логики далеки.

Я не вижу в этом причин,
Потому как горилла – хват
И в объятьях лучше мужчин,
Что вам женщины подтвердят.

Бойтесь гориллу!

Все несутся, не взвидя свет,
От четверорукой судьбы,
Кроме двух: старухи ста лет
И расфранченного судьи.
Видя этакий оборот,
Зверь направил свои стопы,
Ускоряя бешено ход,
К ним, оставшимся от толпы.

Бойтесь гориллу!

И вздохнула старуха: «Ох!
Я не думаю, чтоб сейчас
Кто-нибудь, скажем прямо, мог
На меня положить бы глаз!»
А судья говорил, что бред
И за самку принять его
Невозможно… А впрочем, нет
Невозможного ничего.
Бойтесь гориллу!

Что бы сделал из вас любой,
Если б ночью, ложась в кровать,
Меж старухою и судьей
Был бы вынужден выбирать?
Что касается до меня,
Я бы полностью все учел
И старуху, уверен я,
В роли женщины предпочел.

Бойтесь гориллу!

Но горилла ведь, как на грех,
Избирая собственный путь,
Хоть в любви превосходит всех,
Но не блещет вкусом ничуть.
Потому, не грустя о том,

Что избрали бы я и ты,
Зверь берет судью, а потом
Устремляется с ним в кусты.

Бойтесь гориллу!

Продолжения, как ни жаль,
Не могу рассказать для всех.
Это вызвало бы печаль
Или ваш нездоровый смех.
Потому что, подставив зад,
Звал кого-то и плакал он,
Как несчастный, что днем назад
Был им к смерти приговорен.
Бойтесь гориллу!

РАСКАЯВШИЙСЯ СУТЕНЕР
(Mauvais sujet repenti)
http://youtube.com/watch?v=zPQUUkfKykc
Она стояла у ворот
«Святой Мадлены»,
И наблюдал честной народ
Ее колени.
Она сказала: «Котик мой,
Пора влюбиться…»
И понял я, что предо мной
Лишь ученица

Господь способности ей дал
И часть сноровки,
Но что такое Божий дар
Без тренировки?
Хотя монашкой лучше стать,
Чем жить в притоне,
Как не устанут повторять
У нас в Сорбонне.

Я был взволнован, как никто,
Несчастной крошкой
И показал ей кое-что,
Совсем немножко.
Попутно я ее учил —
Ей это надо! —
Как привлекать к себе мужчин

Посредством зада.

Я ей сказал: «Вся трудность в том,
Что на панели,
Лишь научась вертеть хвостом,
Достигнешь цели.
Но, обращаясь молодцом
С тем инструментом,
Варьируй темп с юнцом, с глупцом,
С интеллигентом…»

И вот тогда благодаря
Моей услуге
Я компаньоном стал не зря
В делах подруги.
И как сказал поэт большой
В какой-то строчке,
Мы были телом и душой
Поодиночке.

Когда бедняжка шла домой,
Оставшись с носом,
Я к ней не лез – ни Боже мой! —
С пустым вопросом.
Но, несомненно, от тоски
Я был не в духе
И раздавал ей тумаки
И оплеухи.

Но вот она, к моей беде
И как-то сразу,
Вдруг подцепила черт-те где
Одну заразу.
И как подруга или просто так
Для пробы
Мне подарила, как пустяк,
Свои микробы.

Я от уколов и со зла
Не взвидел света
И понял – нету ремесла
Дурней, чем это!
Поняв раскаянье мое,
Она рыдала,

Но все напрасно! До нее
Мне дела мало!

Моя подружка, сев на мель,
Не шита лыком,
Поспешно бросилась в бордель
В объятья к шпикам.
Там покатилась, как ни жаль,
Она все ниже…
Какая жуткая мораль
У нас в Париже!

В Лионе у Павлика
29 июля

После Парижа, проехав через долину Луары и навестив два замка – Шамбор и Шеверни – мы уже затемно прибыли в предместье Лиона, в гости к ветерану Лито им. Стерна и «Тенёт» Павлу Афанасьеву aka Pavlik и его семейству.

Навигатор вывел нас прямо к воротам дома Павлика. Я уж буду называть его по старой привычке так, хотя он давно уже профессор, живет и работает в Лионе, в системе Академии наук, 17 лет.

На следующий день Павлик показывал нам Лион, и мы предавались воспоминаниям. А виделись лично мы до сей поры трижды: в Летних лагерях ЛИТО 1999–2000 гг. и в городе Страсбурге, на международной конференции по Book-on-Demand, куда я был приглашен организаторами с разрешением иметь переводчика, каковым и пригласил Павлика.

И мы там прекрасно провели три дня, выпив уйму сухого вина.

Об особенностях перевода Павлика я потом написал в статье, опубликованной в Русском журнале. Пытался сейчас найти ее в архивах РЖ, но не смог, это был 2000 год.

Сейчас у профессора Павлика гостеприимная семья – жена Лена и дочь Полина 12 лет, прекрасный дом с большим участком и бассейном, любимая работа с поездками в разные страны. Мы провели там день, который запомнится.

Хроника
1 августа

Ездили в Ниццу и Монте-Карло. В Ницце долго искали парковку, наконец нашли, пошли купаться. Пляж галечный, берег крутой, в пяти метрах уже с головой.

Мне с моим суставом трудно было ходить, ковылял по пляжу, как подбитая утка.

Поехали в Монако, там пообедали в итальянском кафе (практически все рестораны и кафе – итальянские). Потом взобрались на гору, где и стоит эта цитадель Зла – Казино Монте-Карло.

Такого количества Бентли и Феррари в одном месте я не видел никогда в жизни.

И все же самый крутой открытый ярко-синий Бентли-кабриолет представительского класса с кремовой кожаной отделкой салона, припаркованный прямо перед главным входом в казино, имел номер В888ВВ-88РУС. И мы испытали законную гордость за державу, выпускающую такие дорогие машины за границу. Их же могут украсть.

Кстати, это была первая машина с русским номером, встреченная нами в путешествии. Мы так уж специально не следили, они есть, конечно, но их немного.

Температура воздуха 35 типа, воды наверное 25–26.

В субботу утром направляемся в Италию. Субботний трафик тревожит.

Телеграфной строкой
5 августа

Рим потрясает, и не только жарой.

Вчера были в Сикстинской капелле. Конечно, «Страшный суд» Микеланджело хорошо бы воспринимать в одиночестве, а не в толпе, но спасибо и за это.

Вечером ездили на прогулку в центр – Фонтан Треви, площадь Навона. У Пантеона в 11 вечера – концерт классической музыки – оперные певцы, струнный квартет.

Везде толпы туристов.

Отдельная песня – езда по Риму. Ездят здесь, как хотят, особенно на больших площадях – во всех направлениях сразу. Ну и мы ездим как хотим и оставляем машину где хотим, лишь бы она никому не мешала. Кроме полиции, разумеется.

Новый экстрим
7 августа

Сегодня приехали в Виллу Боргезе.

А перед этим имели жуткое приключение.

Подъехав к вилле, я устремился на подземную парковку, других вариантов не было.

Туда вели два спуска рядом – обычные крутые и очень узкие винтовые спуски. На левом на стене были нарисованы > > > > > > > > > > > > > > >, а на стенке правого < < < < < < < < < < < < < < <.

Куда бы вы поехали?

Я естественно устремился в левый. Где > > > > > > > > >.

Проехав вниз примерно две трети витка, я оказался перед железной трубой, делящей проезд пополам. Опытным путем выяснилось, что это въезд для мотоциклов, «Зафира» несколько шире. Я с ужасом осознал, что выбираться из-под земли мне придется задом по наклонному винтовому и очень узкому пандусу. Наклон градусов 30. Сдавать назад нужно было метров 10–12.

Это было что-то. Я мудохался минут 15, отвоевывая у пандуса сантиметры и непрерывно рискуя зацепить стенки. Шаг вперед, два шага назад. Один раз все же чирканул левым краем заднего бампера. Без вмятины. Под конец перегрел мотор, давал ему остывать, запахло дымком…

Выехал весь в поту. Но был близок к отчаянию в процессе и уже вертелись какие-то фантастические мысли о вызове – кого? Пожарных? Трактора? Хотя откуда в Италии трактор?

Потом все же въехал вниз по соседнему спуску, там ширина была достаточной для встречного движения, чего я сразу не заметил. И сбили с толку эти стрелочки.

«Грузинская тема»
10 августа

Чтобы было понятно, что такое для меня Грузия, грузинская культура и эта война, насколько это всё больно, скажу, что моя родная племянница – наполовину грузинка, первый муж моей сестры Натальи – грузин.

Поэтому Грузия интересовала меня и лично, а не только культурой.

В 1968 году, ровно 40 лет назад, всесоюзно праздновался юбилей великого грузинского поэта Николоза Бараташвили. Я сделал на радио передачу о нем, после которой руководством Комитета по радиовещанию был отстранен от работы внештатным сотрудником. Передача прозвучала как раз после того, как наши танки вошли в Прагу. И в передаче были обнаружены непозволительные аллюзии. Дело в том, что Бараташвили был сторонником независимости Грузии и остро переживал ее присоединение к России.

Тогда же я перевёл самое знаменитое стихотворение Бараташвили – «Мерани» (крылатый конь в грузинской мифологии). Подстрочник мне сделал мой тогдашний зять Ираклий. Ныне он, по слухам, министр здравоохранения Грузии или типа того.

Чуть позже я написал два стихотворения «на грузинскую тему», как было принято тогда говорить.

Поэтому я провожу четкую границу между любимой мною Грузией и ее нынешней верхушкой.

МЕРАНИ
(Из Николоза Бараташвили)
Мчит меня без путей Мерани.
Ворон криком мне сердце ранит.
Выше гор, Мерани, взлетай!
Мои думы ветрам отдай.

Разрезай седую волну,
По ущельям неси меня,
Сократи минуту одну
Моего тревожного дня.

Не страшны нам холод, и зной,
И великая сушь в пути.

Мчи, Мерани! Хозяин твой
Все невзгоды готов снести.

Буду я отчизну искать,
Потеряю верных друзей,
Не увижу отца и мать,
Не услышу любви моей.

Приютит меня чуждый край,
Я иную встречу зарю.
Ты, звезда моя, мне сияй!
Тайны сердца тебе дарю.

Я любовь доверяю морю
И порыву Мерани в горе.
Выше гор, Мерани, взлетай!
Мои думы ветрам отдай.

Вдалеке от родных могил
После смерти буду зарыт.
Мне на грудь склоняясь без сил
Не заплачет любовь навзрыд.

Черный ворон лишь прокричит
Среди темных высоких трав,
Буря дикая закружит,
Мне песком могилу убрав.

Не слезами – ночной росой
Будет этот оплакан миг.
Не рыдания над собой
Я услышу, а волчий крик.

Так лети, мой Мерани, вдаль,
Выноси за предел судьбы!
Несгибаем всадник, как сталь,
И достоин вечной борьбы.

Пусть умру я один, без крова,
Буду биться с судьбой сурово.
Выше гор, Мерани, взлетай!
Мои думы ветрам отдай.

Не напрасно быстрее стрел

Мчались помыслы седока.
Где Мерани, как вихрь, летел,
След останется на века.

Мой собрат, отправляясь в путь,
Избежит на тропе невзгод.
Может статься, когда-нибудь
По моим следам он пройдет.

Мчит меня без путей Мерани.
Ворон криком мне сердце ранит.
Выше гор, Мерани, взлетай!
Мои думы ветрам отдай.

1968

Перевод с грузинского

КНЯЖНА
Он прекрасен без прикрас,
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.
Николоз Бараташвили

Далекая картина
Из дедовских времен:
Княжна Екатерина
И колокольный звон.

Из церкви полутемной
Домой спешит легко
Княжна в одежде скромной,
А рядом с ней Нико.

О юноша невзрачный,
Хромой канцелярист!
Зачем с улыбкой мрачной
Пером ты чертишь лист?

Зачем стихи слагаешь
И даришь ей тетрадь?
Неужто ты не знаешь,
Что счастью не бывать?

Не станет ждать поэта
Спокойная княжна.
Княжне тетрадка эта
Почти что не нужна.

Княжна как бы в тумане
Предчувствует в душе,
Что с князем Дадиани
Обручена уже.

Обречена пылиться
Тетрадка до поры.
Ленивая столица,
Уснувшие дворы…

Воистину далёко
До будущих времен.
И на горе высокой
Белеет Пантеон.

1970

Примеч. Николоз Бараташвили похоронен в грузинском Пантеоне.

БАЛЛАДА О ПРИЗЫВНИКАХ

Был вечер на Мтацминде, что когда-то
Нико Бараташвили описал.
Вдали горело лезвие заката,
И к городу Тбилиси воровато
Туман неторопливый подползал.

А наверху, в открытом ресторане,
У всей столицы древней на виду
Плясали палочки на барабане,
Дрожали в такт бокалы с «Гурджаани»
И пахло яблоками, как в саду.

Семь витязей (почти по Руставели,
Вот разве что без шлемов и без лат)
Вокруг меня торжественно сидели
И говорили тосты, как умели,
Пока их ждал внизу военкомат.

Был первый тост слегка официален:
«За будущую воинскую честь!»
На фоне исторических развалин
Он прозвучал, но был шашлык навален
В тарелки, и мужчины стали есть.

И мой сосед по имени Нугзари
(На вид неполных восемнадцать лет),
Когда отцов и прадедов назвали,
Потребовал, чтоб витязи привстали,
Старинный соблюдая этикет.

А дальше все смешалось, как в сраженье:
Бокалы, рюмки, вилки и ножи…
И было тостов вечное движенье,
В которых находили отраженье
Различные достоинства души.

И месяц, показавшись на две трети,
Как рог с вином, маячил в облаках.
А речи были обо всем на свете…
Подумал я: «Нас защищают дети
С тяжелыми винтовками в руках».

Поднял бокал Тенгиз Джавахишвили
И, на Тбилиси глядя сверху вниз:
– За Родину, – сказал он, – мы не пили!
– За Грузию! – как эхо, повторили
За ним Ираклий и другой Тенгиз.

А Грузия за черными холмами
Лежала, распластавшись перед нами,
В туманах над цветущими садами
И в звездах, словно завязи, тугих.
А там, вдали, Россия, словно небо,
Где ни один из витязей тех не был,
Звала меня, и я подумал: «Мне бы
Сказать о ней…»

Но нету слов таких.

1970

Блестящий маркетинг Быкова
10 сентября

В последний день выставки было очень жарко и продажи совсем остановились.

И тут позвонил Быков и сказал повелительно:

– Масса, мы ждем вас в шалмане рядом с павильоном. Немедленно приходите!

Пришлось идти.

Быков сидел в шашлычной в окружении поклонников. Увидев меня, он объявил:

– А вот и Масса! Сейчас мы угостим его мясом!

И залился своим долгим неподражаемым смехом. Он любит рифмы. Пока он смеялся, поклонники разглядывали меня с естественным недоверием.

Быков придвинул ко мне свою тарелку с шашлыком и сказал:

– Ешьте, Масса! Вы совсем исхудали.

Пришлось есть.

Потом Быков прочитал краткую лекцию о творчестве Массы, с коим (и творчеством, и Массой) поклонники были ну совершенно незнакомы, и поинтересовался, как идут продажи.

– Да никак, – честно признался я.

– Сейчас я пойду и продам все ваши книги! – объявил Быков. – Встали и пошли!

Я пробовал возражать, но Быков уже встал и направился к павильону, где находились наши книги.

Поклонники покорно потянулись за ним.

Придя туда, Быков велел нагрузить тележку книгами и сам покатил ее к 57-му павильону. Остальные двинулись за ним, прижимая к груди книги «Геликона», не уместившиеся на тележку.

Быков появился на стенде АСТ с нашими книгами и занял место за стойкой, вызвав изумление сотрудников АСТ. Но перечить Быкову никто не осмеливался.

– Давайте сюда «Государя», – распорядился он.

Ему протянули пачку книг с моим романом.

– Все сюда! – крикнул Быков, потрясая книжкой над головой.

Вокруг него немедленно собралась толпа. В основном доверчивые барышни.

Быков объяснял им, что Масса его старый – к сожалению, очень старый друг и этот роман Быков написал ему в подарок, чтобы поддержать реноме, а также штаны Массе.

Кажется, он уже сам в это поверил.

– Ну посмотрите на меня, – говорил он доверчивой барышне. – Всего 150! Разве я могу лгать?

– Дмитрий Львович, он у нас 250 по прайсу! – пискнул кто-то из сотрудников «Геликона».

– А по нашему, гамбургскому прайсу он стоит 150! – веско

возразил Быков.

Барышня поверила, и вот он уже подписывал ей мою книгу.

За полчаса он продал всю пачку по гамбургскому прайсу.

При этом ни словом не обмолвился, что Масса написал и подарил ему роман «Борис Пастернак», за который Быков получил Нобелевскую премию Нацбест, которую мы, конечно, совместно пропили.

Слава
10 сентября

Сегодня сотрудники «Геликона», пряча глаза, рассказали мне, что рядом с дверью издательства с неделю назад появилась надпись:

ЖЫТИНСКИЙ – ЖЫДЯРА!

Её стерли, конечно.

По-моему, это слава.

Михаил Щербаков
26 сентября

Так случилось, что в свое время я прошёл мимо Щербакова, совсем его не знал.

Приоритеты в бардовской песне были такие: Окуджава и Высоцкий (в этом порядке) – очень многое любил и люблю.

Ким, Матвеева – за ними.

Визбор, Кукин, Клячкин – сдержанно и очень немногое.

Галич – абсолютно мимо и тогда, и позже. Удивлялся его популярности. Всё же песня должна быть песней, а не мелодекламацией.

Со Щербаковым в своём исполнении меня впервые познакомил Вадим Смоленский в 2000 году, кажется, и мне понравилось. Попробовал сходить на его концерт в Питере – и обломался. Пение показалось невыразительным, мелодии какими-то недоделанными, алогичными. С текстами, впрочем, все было в порядке.

После этого долго Щербакова не слушал, пока некоторое время назад не скачал «Райцентр» – и вот с этого альбома я «подсел». Сейчас слушаю Щербакова с конца к началу. Конечно, альбомы, где песни аранжированы (прекрасно, кстати), где есть аккомпанемент и все студийные примочки, намного лучше гитарных. Щербаков очень брав, этакий романтизм отчаяния. Он как бы при параде, отдавая честь флагу, стоит на палубе тонущего корабля. В глазах решимость и восторг. И скачущие ритмы. Великолепно.

Сегодня слушал «Если» и «Déjà». Скачиваю дальше. Однако автор плодовитый.

Сегодня и вчера
3 октября

LENTA.RU (сегодня)

Украинский школьник умер на уроке физкультуры.

Ющенко готов распустить Раду уже завтра.

Ближайший соратник Януковича решил выйти из Партии регионов.

Раскрыто убийство директора киевского радиорынка.

Тимошенко полетела в Москву на легкомоторном самолете.

Павел Лазаренко решил вернуться в американскую тюрьму.

Украина не смогла найти покупателей для ракетного крейсера.

Самолет Ющенко аварийно сел в киевском аэропорту.

Тимошенко обвинила Ющенко в незаконной торговле оружием.

ВМФ России пообещал не нападать на сомалийских пиратов.

(А мне вспомнилось стихотворение моего покойного друга)

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ (1932–1987)
АВЕ МАРИЯ
девочка вывела погулять шотландскую овчарку
президент Соединенных Штатов был убит
убийца президента тоже был убит
и убийца убийцы президента тоже был убит

какие-то подростки выбили все стекла на нашей лестнице
два троллейбуса наотрез отказались ехать по своему маршруту
и были растерзаны толпой озверевших пассажиров
крупнейший китайский атеист объявил себя богом
и сжег все буддийские монастыри
у меня сломалась пишущая машинка
и я был в отчаянии
а на Юпитере кого-то свергли и кто-то захватил власть

но все это только казалось
на самом деле

шотландская овчарка вывела погулять китайского атеиста
президент Соединенных Штатов выбил все стекла на нашей лестнице
моя пишущая машинка была растерзана толпой озверевших подростков
убийца президента наотрез отказался ехать по своему маршруту
и убийца убийцы президента тоже наотрез отказался

пассажиры захватили власть на Юпитере
два троллейбуса сожгли все буддийские монастыри
я объявил себя богом
и девочка была в отчаянье

но этого было мало

президент нашей лестницы сломался
крупнейший буддийский атеист выбил все стекла у пишущей овчарки
моя китайская машинка кого-то свергла
пассажиры озверевших штатов вывели погулять соединенных подростков
убийца президента объявил себя девочкой
а убийца убийцы не объявил
шотландские монастыри наотрез отказались ехать по своему маршруту
и два троллейбуса были в отчаянье

из всего этого хаоса
выплыла большая рыба
поглядела на меня одним глазом
усмехнулась
и поплыла дальше

и тут
именно в этот миг
возникла эта самая мелодия

и я вспомнил —
ave maria!
и я удивился —
ave maria!

и я заплакал —
ave maria!

Колонка дежурного
3 октября

Мне очень интересно, что происходит сейчас с так называемым «внутренним цензором»?

Раньше, примерно четверть века назад, внутренний цензор (назовем его для краткости ВЦ, как вычислительный центр) был очень детерминированным вычислительным центром. Область табуированного в текстах – тематики, лексики, иронии и юмора – определялась им безошибочно, а дальше писателю оставалось решать, как себя вести. Писать ли снова в стол по принципу «не могу молчать!» или же постараться обойти эту довольно обширную область, оставаясь все же на поле литературы, то есть не занимаясь поделками на потребу.

Мы помним, как решали эту дилемму Стругацкие, балансируя на границе дозволенного и недозволенного.

После победы пролетарской революции демократии и рыночных отношений цензура была официально отменена и началась мучительная борьба литераторов с собственным ВЦ, которая часто приводила к тому, что писатель настолько смело вторгался в область ранее запретного, что опять-таки исчезал с литературного поля, ибо далеко не всё, находившееся под запретом, автоматически становилось литературой при его описании и опубликовании.

Но вот государство, с которым и происходят эти игры, стало укреплять вертикали и горизонтали, приструнивать оппозицию и всячески показывать, кто в доме хозяин.

Но цензуру не вводит. Не вводит почему-то. А почему?

Да потому что не просто надеется, а знает, что ВЦ никуда не делся. Он охотно просыпается в рядах редакторов, издателей и самих пишущих просто на всякий случай, как бы чего не вышло.

И опять чего-чего, а литературы не выходит.

К чему же я призываю?

Да ни к чему. Писать самым верным творческим методом – как Бог на душу положит, ибо Бог всегда кладёт правильно, а ВЦ аранжирует фальшиво.

Значит ли это, что надо писать смело и лезть в бутылку на баррикады? Да никоим образом! Лезть по-прежнему надо только себе в душу, а опубликуют это или нет – ну разве в этом дело? Или кто-то всё ещё рассчитывает жить на литературные гонорары?

Тоня Славинская
5 октября

Пошёл по ссылке от о. Григория посмотреть статью В. Топорова и из неё неожиданно для себя узнал, что в июле, когда я был в отпуске и колесил по Европе, здесь нелепо погибла Тоня Славинская, моя давняя приятельница, редактор отдела прозы «Звезды».

Тоня – старая подруга Топорова, потому в статье нет привычной для Топорова желчи. Впрочем, всё сказанное о Тоне справедливо.

Мы с нею познакомились году в 1983-м в той же «Звезде», куда я часто захаживал к моему другу Мише Панину, и мы там тесной компанией выпивали, пели песни и разговаривали «за литературу».

Я в то время сочинял свой большой роман «Потерянный дом» и дал почитать написанные главы Тоне. А написано было уже три четверти романа. И я на целый год остановился, не зная, как мне его закончить. Все концовки представлялись слабыми.

Тоня приняла живейшее участие в этом романе, он ей очень понравился. Мы с нею довольно часто его обсуждали. Я не могу сказать, что концовка подсказана ею, но для меня очевидно, что эти обсуждения сыграли решающую роль. Роман сдвинулся с места и был закончен. А его концовкой стало воссоединение автора, главного героя и милорда Лоренса Стерна в одном лице. Это и есть главное в найденной концовке, чего, впрочем, никто не заметил, как не заметил и неявной отсылки к триединству Св. Троицы, где автор предстает Отцом романа, Евгений Демилле – Сыном, а вдохновитель автора Лоренс Стерн – Святым Духом.

Впрочем, дело давнее, Бог с ним. И спасибо ей за это.

Потом, в нынешнем веке, мы виделись очень редко. Последний раз – на презентации книги избранной прозы нашего общего друга Миши Панина, которую я издал два года назад после его безвременной кончины.

И еще одну преференцию я, как мне думается, получил благодаря близкому знакомству с Тоней. Ее друг Топоров почти никогда не включал меня в свои «расстрельные» критические списки, зная отношение Славинской ко мне. Исключая разве что мой последний роман «Государь всея Сети».

Прощай, Тоня. Светлая память.

Поэтические баталии
16 октября

Вчера в клубе был вечер поэтессы Аллы Горбуновой.

Онлайновой трансляции, как было задумано, не получилось, но видео снято и выложено.

Прошу обратить внимание на два последних клипа, когда дело едва не дошло до мордобоя.

Это мне понравилось, я вообще за то, чтобы поэты били друг другу морды. Это в национальной традиции.

Я не присутствовал, посмотрел только видео. Со стихами Аллы прежде знаком не был.

Первое и, может быть, поверхностное впечатление – образованная, культурная, литературоцентричная девушка, которая хочет быть «в контексте», и ей это удается (премия Дебют).

Стихи в целом «филологические» и поэтому для меня скучные.

В традиционной силлаботонике воспринимаются лучше, но таких стихов меньше, они немодны, а моден некий полуверлибр с претензией на глубокомыслие.

Но для глубокомыслия нужны как минимум мысли.

Девушка приятная, способная, но есть в ней что-то ученическое. Начальная школа им. Дм. Кузьмина. Поэтому мечты о фаллосе, процитированные Либуркиным и едва не стоившие ему жизни, выглядят несколько комично.

Не подумайте, Бога ради, что я против вечеров таких поэтов в Центре. Пусть расцветают все цветы, как говорится.

Но наши цветы пусть расцветают махровее.

Ода Либуркину
20 октября

О доблестный Либуркин!
Тобой всяк восхищён.
Ты Дашею затуркан,
Шубинским запрещён.

Не ведают злодеи,
Сгубившие тебя,
Что станешь ты сильнее,
Страдая и любя.

– Хочу понять! – кричал ты. —
Стихи хочу понять!
Но на твои гевалты
Поэтам наплевать.

Они в своей нирване
И с фаллосом в башке
Не ведают, бараны,
Что ты не кот в мешке,

А лучший их читатель,
Единственный почти,
Радетель и мечтатель,
И – Бог тебя прости!

За все твои старанья
Ты проклят сей толпой,
И только дух изгнанья
Витает над тобой.

Школа злословия
10 ноября

Кто страдает бессонницей, может посмотреть в 0.20 по НТВ нашу беседу с Татьяной Никитичной и Дуней Смирновой, записанную в начале сентября.

Послесловие к ШиЗе
11 ноября

Когда я приехал с записи, жена спросила:

– А ты сказал Дуне, что она у тебя фигурирует в твоей детской повести?

Господи Боже! Я об этом совсем забыл!

Сам рассуждал о том, как нехорошо живых людей под их реальными именами вставлять в прозу, а сам много лет назад сделал это с Дуней Смирновой!

Но расскажу по порядку.

Это было году в 1984–1985-м примерно. Я писал по просьбе журнала «Искорка» фантастическую повесть «Хранитель планеты» и посвятил ее моему тогдашнему племяннику Валерке Панюшкину, которому было лет 12–13. Я все свои детские вещи посвящал своим детям, а эту вот – племяннику. Тогдашнему, потому что он двадцать лет как не племянник, после того как я развелся с его родной тетей, но продолжает быть двоюродным братом моей дочери Саши.

А Валерка учился с Дуней в одном классе и много о ней рассказывал. Она уже тогда была заметной личностью.

И вот я ее вставил в повесть под ее реальным именем, никак не догадываясь о ее звездном будущем.

Надо было ей, конечно, сказать, да еще и подарить переиздание повести, которое только что вышло в Детгизе.

Но я забыл.

Кто хочет, может прочитать 2 главы о Дуне Смирновой из повести «Хранитель планеты» («Визит вежливости», СПб. Детгиз, 2008, илл.)

Каравайчук
12 ноября

Он сыграл.

Когда я пришел, он был не в настроении, всё ему не нравилось. Зал, инструмент, публика.

Он сел пробовать рояль и сыграл минут десять совершенно великолепно.

Потом я увел его в отдельную комнатку нашей бухгалтерии, где никого не было.

– Ну вот, вы же сыграли замечательно!

– Я играл для вас. Для них я так не сыграю.

– Сыграете!

– Я должен остаться один.

Я ушел смотреть его записи вместе со всем полным залом.

Пришел снова.

– Как они слушают?

– Затаив дыхание, – сказал я. Это была правда.

– Я подумаю. Я не хочу сейчас говорить.

Я снова его оставил.

Наконец записи кончились. Я вошел к нему и сказал:

– Олег Николаевич, вас ждут.

Он поднялся и пошел сквозь ряды, бормоча что-то типа: «Сколько их тут, зачем… Я не хочу им играть…»

И сел-таки за рояль. На голове – наволочка, грязноватая.

Сначала просто гаммы – расходящиеся, сходящиеся. Потом начал постепенно разыгрываться. Появилась тема. Что-то не понравилось в клавиатуре.

– Механика неисправна, – пробормотал на ходу. Потерял настроение, встал, ушел.

Публика несмело аплодировала.

Я последовал за ним.

– Олег Николаевич, было замечательно.

– Нет-нет, я же знаю. Я вам играл лучше.

Посидел, подумал.

– Я попробую еще.

Вышел уже в наполовину ушедший зал. Сел и заиграл снова. Ту же тему, но теперь к нему вернулось вдохновение.

Проводили его уже бурными аплодисментами. Ушедшие вернулись.

Потом сказал: «Ну вот, сейчас было гениально».

Я очень его люблю. Он нисколько не притворяется. Мешок на голове – это чтобы не видеть нас, не видеть зала, не видеть клавиатуры. Смотреть только внутрь себя, откуда возникает эта мощная и совершенно неожиданная музыка. Она транслируется. Он проводник. Бывают моменты, когда я полностью в ней растворяюсь. Я могу посмеиваться над ним, но это ничего не значит. Я понимаю, что мне посчастливилось столкнуться с чистым гением.

Я прощаю ему всё. Он ребенок Бога, простите за высокопарность.

Потом уже ему вдруг вздумалось рассказать немного о своем быте. Это ужас натуральный. Но не здесь и не сейчас.

Таких людей надо просто кормить, обихаживать, давать им возможность жить и играть. Ему нужно совсем немного.

Он спит на рояле в своей квртирке на 15-й линии, где не течет вода и сыплется штукатурка. А в Комарове у него живут

бесплатно два белорусских гастарбайтера.

Он питается бананами.

А ведь как просто, казалось бы, стать актуальным музыкантом. Надел мешок на голову, на ноги кеды, и бьёшь кулаком по клавиатуре.

То – да не то. Бога в мешок не упрячешь.

Ипёныть
12 ноября

Недели три назад, в воскресенье, выдалась прекрасная осенняя погода и мы отправились на машине за город погулять. Доехали до Сестрорецка и повернули к заливу. Я давно не был в этих местах и изумился расцвету индивидуального строительства. По обеим сторонам дороги за высокими сплошными заборами – то каменными, то железными – стояли роскошные особняки. Некоторые улицы поселка были перегорожены автоматическими оранжевыми шлагбаумами в полосочку. По улочкам, мягко шурша шинами, неторопливо раскатывали мерседесы.

Я порадовался возросшему благосостоянию трудящихся.

Жена и дочь быстрым шагом устремились по песчаному пляжу куда-то вдаль вдоль кромки моря, а я быстро ходить уже не умею и стал неторопливо расхаживать по улочкам мимо особняков, дивясь красотам их архитектуры. Но это отдельная тема.

Улочки были пустынны, ибо здесь обычно не ходят ногами, а передвигаются на колесах.

Как вдруг мне встретился паренек лет двадцати, невысокий, щуплый, с типично азиатским лицом. Видимо, таджик или узбек.

– Началник, батарейка сел, звонить надо, – обратился он ко мне.

– Не понял, – сказал я.

– Телефона, телефона! – запричитал он. – Здесь друзья встретиться надо. Батарейка сел, телефона молчит! Началник, дай телефона позвонить.

И он указал на висящий у меня на груди коммуникатор стоимостью тысяч двадцать рублей. С GPS-навигацией.

– Какие еще друзья? – недовольно спросил я.

– Здесь, друзья здесь где-то! Не знаю, где друзья. Позвонить надо. Встретиться надо. Дай телефона минуту, – тараторил он с диким акцентом.

«Интересно, какие у него могут быть здесь друзья? – подумал я. – Здесь даже у меня друзей быть не может, в этом холодном царстве особняков с электронными ключами шлагбаумов».

– Батарейка, ипёныть, села! Заряжал утром, ипёныть! – горестно восклицал он, потрясая своим Самсунгом.

Он вряд ли понимал значение слова «ипёныть». Да и я не сразу догадался.

«Ага, дам тебе телефон, а ты с ним дёру!» – подумал я.

Но мне стало стыдно этих мыслей. Мне стало жаль этого щуплого таджика, потерявшегося в чужой холодной стране. Вдруг он просто гастарбайтер и потерял дачу, где они с друзьями настилают итальянский мрамор в сортире?

Я снял с шеи висевший на шнурке телефон и протянул гастарбайтеру.

– Звони.

Глаза его блеснули. Он схватил телефон.

– Спасиба, начальник! – и он дунул с моим коммуникатором вдоль по улице, свернул в боковую и скрылся из глаз. Только его и видели.

Мне было жаль телефона, не скрою. Тем более мы сговорились с женой созвониться, когда они закончат прогулку. Значит, будет созваниваться уже с ним. Ипёныть.

Я походил еще минут пять, успокаиваясь.

А потом подумал: ну и черт с ним! Я поступил, как мне положено, в соответствии со своим характером и воспитанием. Потому что я привык доверять людям. А он как хочет. Пусть этот маленький Ипёныть покажет коммуникатор своей многочисленной родне на Памире, пусть они там запустят GPS-навигатор, который безошибочно определит их положение на крыше мира в глубокой жопе.

И мне стало радостно за них и за себя.

Послесловие

Это, как вы понимаете, была художественная проза. Или художественный свист, кому как нравится.

На самом деле я повернулся и зашагал в противоположную сторону, буркнув:

– Не имею возможности.

Почему вырвалась такая дикая формулировка – не знаю. Возможность я имел. А вот желания не было.

– Начальник, пожалуста! – крикнул он мне вслед жалобно.

– Нет! – отрезал я.

Потом мне было стыдно. Я сохранил коммуникатор, но не сохранил себя. Не по-русски поступил, иными словами. Поступил, как жлоб.

Мне действительно было стыдно, что я не дал ему позвонить.

Мы изменились, ипёныть. Мы сильно изменились.

Не по-русски изменились.

Продолжим наши игры
13 ноября

Вы знаете, я Козерог по знаку Зодиака.

То есть отличаюсь упорством и терпением. И я вновь и вновь возвращаюсь к этой одиозной теме не для того, чтобы вас убедить, а для того, чтобы максимально прояснить свою позицию.

Вот послушайте. Наиля, возвратившись из Штатов, много всего рассказывала, но меня не было. Жена кое-что пересказала. В частности, к нашим разговорам о национальном – такое.

На каком-то чтении нашему прозаику, входившему в состав группы, американцы закатили скандал, потому что у него один из героев рассказа был назван «толстый араб».

Во-первых, дискриминация по весу, так сказать. Полные люди ничуть не хуже типа.

Во-вторых, араб! Не араб, а египтянин, допустим. Какой нах араб??

То есть их хваленая политкорректность дошла до того, что они, услышав слово «араб», больше ничего не слышат и могут только кричать о политкорректности.

Теперь возьмем старого Массу с его рассказом про украденный телефончег.

Между прочим, это быль. Встретившийся мне паренек был таджик. Я так и написал «таджик». И довольно неумело воспроизвел его акцент.

То есть, когда я вижу шкаф, я пишу «шкаф», а не «предмет для хранения одежды», как какие-нибудь американцы.

Ничего унизительного или отталкивающего в моем описании таджика не было.

Но определенная часть публики, услышав слово «таджик», тут же принялась обвинять меня в шовинизме.

Да, это мог быть русский гопник. И я тоже не дал бы ему телефон. Или юноша приличного вида, Гарри Поттер в очках. И я дал бы ему телефон, но исход мог быть тот же.

Играла ли роль в моем решении – давать или не давать – национальность встреченного паренька?

Увы, играла. Но небольшую. И все же.

А раньше, лет 25–30 назад, не играла бы нисколько.

Почему я и написал, что мы изменились «не по-русски», что тоже вызвало злобу и насмешки.

Видите ли, я смотрел в детстве такие бесхитростные фильмы, как «Цирк» и «Свинарка и пастух». И «Семеро смелых», кстати.

Мой интернационализм, который ранее ошибочно называли пролетарским, воспитан с пеленок. И не вам, господа, учить меня национальной толерантности.

Паперный
23 ноября

С огромным удовольствием посмотрел фильм Алексея Архипова «Концерт группы “ПАПЕРНЫЙ Т. А. М.” в клубе “Китайский летчик” 13 марта 2004 г.»

Паперного я слушаю не так давно, года полтора, но слушаю довольно часто. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Тем более что снято прекрасно.

Он создает удивительно обаятельный сценический образ, простой и доступный, без всякой рисовки, без понтов, но зато с настоящим драйвом. Мало кто у нас умеет так искренно петь о любви и счастье. Песня о любви – что это такое? А это мальчик купил своей девочке сапоги и несет их ей, прижимая к груди. Или двое дерутся в туалете до крови и поют «Любимая!». Или старуха, танцующая «на фоне вокзала». И о счастье, и о любви, с едва уловимой иронией.

А «Гори, гори моя звезда»?

Мне кажется, Лёша Паперный (уж позвольте его называть так) в наше время, когда не стыдно признаваться в мизантропии (а признаваться в этом должно быть стыдно, понимаете?), когда принято даже гордиться ею, повстречать художника, который так неприкрыто любит людей, не декларируя это, не выкрикивая лозунги типа: «Люди, я любил вас, будьте бдительны!», а просто поет с такой душевной открытостью – это большая удача.

Спасибо ему. Он настоящий.

И ложка дегтя. Не в бочку Паперного. А в нашу дурацкую бочку «культурки».

Диск этот был прислан мне дочерью из Германии. Нет, он там не продается, как я понимаю. Она где-то скачала и сделала мне копию. Мог бы и я сам найти, наверное.

Но почему у нас песни Паперного не звучат ни на одном радио, ни разу я не видел его в телевизоре, да и в музыкальных магазинах, как мне кажется, его нет? Впрочем, не уверен.

И это при блестящем мелодизме, при великолепной ритмике и безусловных народных корнях этой музыки.

Да и стихи прекрасны.

Что делается?

2009

А теперь о забавном
20 января

Сегодня днем на мобилу раздается звонок и бесстрастный женский голос объявляет, что говорят из приемной губернатора и сейчас со мной будет говорить Валентина Ивановна.

Ну я несколько хуею. С чего бы это? Типа поздравлять? 67 лет не поздравляли, наконец решились.

И действительно, Валентина Ивановна тепло поздравила с ДР, сказала, что «вы – это наше всё». Я, естественно, не отнес к себе лично, понял, что писатели – это ихнее «всё». О чем, признаться, услышал впервые.

Ну, я как культурный человек, поблагодарил и сказал, что будем стараться.

А она сказала, что всеми силами будет помогать.

И мы расстались, необыкновенно довольные друг другом, после чего я почувствовал себя, как Пастернак, которому только что звонил Сталин, только пожиже, естественно.

А когда мне принесли правительственную телеграмму от Миронова, я почувствовал себя уже полным говном.

Не, не потому что они такие дурные, а я такой хороший.

Я включен в номенклатуру, которую следует поздравлять именно так.

В номенклатуру.

И все мои прекрасные сочинения, глупые или глубокие мысли не имеют никакого значения. Ибо я – в поздравительной номенклатуре.

Как директор некоего культурного заведения города Питера.

> «А вы на земле проживете, как черви слепые живут.
> Ни сказок о вас не расскажут,
> Ни песен о вас не споют…»

Извините, кого обидел (с)

Публичные выступления
21 января

Приглашают дать интервью в журнале и газете, на радио и ТВ довольно часто.

Иногда я соглашаюсь сразу, если меня просят рассказать о моей работе как издателя, например. Или вообще знакомят зрителя со мною, как было недавно в «Школе злословия». Или сегодня в «Литературке» с подачи Захара Прилепина (еще не видел, кстати).

Но часто на ТВ прилашают для антуражу, типа сидеть надувать щеки и быть каким-нибудь «экспертом». Я это ненавижу и стараюсь отвертеться, а они стараются уговорить.

И чаще всего им это удается.

Но сегодня впервые я применил безотказный отказный метод, если можно так выразиться.

Звонили и приглашали в какую-то программу, где психотерапевт беседует с пациентом, а я типа наблюдаю за этим и должен потом вынести свое суждение по проблеме или ситуации. То есть выступить психотерапевтом-любителем. Кстати, сколько там этих любителей посадят, они не сказали. Займет это часа полтора типа.

Я сразу понял, что я туда не хочу. И не хотелось вступать в долгие увиливания и увещевания.

– Скажите, это будет оплачено? – сказал я суровым голосом.

– Вы гость… Гостям мы… Нет, не будет, – залепетала она.

– Девушка, мои полтора часа дорого стоят, – сказал я, поражаясь себе и этой чудовищной лжи.

– Ах, вот как! Извините, – сухо сказала она и повесила трубку.

Нелегко мне это далось, но буду применять при необходимости.

Апо-калипсо
1 февраля

В данном случае это такой современный танец, который танцует человечество.

Прочитал недавнюю статью Улицкой и понял, что испытываю сходные ощущения, только они гораздо пессимистичнее.

Ведь передовые умы, сознательная часть общества, давно поняли опасность перехода от человека разумного к человеку потребляющему.

И кто же решился действовать разумно, то есть ограничить себя в потреблении? Разве что писатель Горчев, переселившийся в деревню и кормящийся натуральным хозяйством. Остальные кормятся не по потребности, а по карману.

Улицкая не то чтобы верит, но надеется на то, что всем удастся осознать и договориться. А ведь пока жареный петух не клюнет – не удастся осознать. И договариваться уже будет поздно.

Похоже, что цивилизационный виток, условно называемый «капитализмом» и основанный на рыночной демократии, заканчивается навсегда. И согласно философскому закону мы переходим на новый виток диалектической спирали – туда, откуда ушли, но на другой уровень. А это означает «разумный тоталитаризм», ну что-то типа «просвещенной монархии». Людей, целые народы придётся заставлять быть разумными, иначе им не выжить.

Придется вновь строить социализм, но уже не в отдельно взятой стране, а повсеместно. Основанный не на классовой борьбе, а на борьбе за выживание человечества.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые…»

Мы, кажется, посетили.

И все же – ни капли уныния, ни грамма паники. Вся эта космическая мистерия задумана Господом давным-давно, и мы должны смиренно и до конца играть свои роли.

Извините, если сказанное показалось вам глупостью. (Пожалуй, этим стоит заканчивать все посты, как Березин.)

Разница между Москвой и Питером 23 февраля

Её легко наблюдать сейчас в ЖЖ на примере раскрутки в офлайне Верочки Полозковой и Али Кудряшевой.

Первую разрывают на интервью, на вторую вне ЖЖ никто не обращает внимания.

Между тем по ЖЖ-рейтингу они почти равны (Верочка лишь недавно обошла Алю именно на офлайновой раскрутке), у Али 8500 френдов.

И качество стихов у них примерно равное.

Но никто не собирается Алю интервьюировать.

Я совсем их не противопоставляю. Обеих люблю, обеих издавал.

И они прекрасно друг к другу относятся.

И Верочку никак не осуждаю. Если с тобой хочет поговорить пресса – почему нет?

Но в этом именно разница между Москвой и Питером.

Мы здесь живём тихо и делаем своё дело.

А до нас никому дела нет.

Мои пять копеек
1 марта

Тут опять затеялись споры – что такое поэт и поэзия на примере, как вы понимаете, Верочки, которая спать не даёт поэтической тусовке и «актуальным».

Они как нарочно взяли себе такое нелепое определение, поскольку чего-чего, а актуальности, то есть необходимости людям, обществу, времени, у них нет нисколько. Даже когда наличествует талант.

Так что же такое поэзия?

Издавна известно, что это искусство мелодическое.

Поэтому самое простое определение поэзии – это музыка, которая пишется словами.

А поскольку для музыки, как правило, характерны мелодия и ритм, то поэзия тоже на них держится.

Мелодия – это интонация и звукопись (рифмы, аллитерации, созвучия), причем интонация важнее звукописи.

А ритм – это классический размер, или ритм дольника, или даже смысловой ритм, основанный на возврате к главной мысли стихотворения и ее обогащении.

Вот мы дошли и до мысли.

Есть ли мысль в музыке? Возможно, есть, но она не вербализуема однозначно. У каждого своя мысль, когда он слушает музыку.

В принципе, в поэзии то же самое. Поэтическая мысль связана с лексикой и семантикой стихотворения достаточно сложно. Но связь эта обязана быть, иначе язык превращается всего лишь в набор побрякушек, которыми оформляется ритм и мелодия стихотворения.

И мысль выступает, как правило, в форме поэтического образа, а не впрямую.

Хотя иногда стихотворение, практически лишённое каких-либо образов, поражает глубиной поэтической мысли, высказанной впрямую.

У Пушкина довольно много таких стихотворений. Да и у других поэтов.

Что не отменяет в этих стихах музыки (интонации) и ритма.

Беда многих актуальных поэтов в том, что у них нет слуха – ни музыкального, ни поэтического.

А без этого, без внятной мелодии стиха, без улавливаемого ритма, без улавливаемой поэтической мысли стихи превращаются

в модернистскую кашу, которую удобно варить и употреблять гуртом.

Что коллеги и делают.

Примерно всё это, только другими словами, писал в своё время Блок. Да и другие писали.

Заболоцкий определял процесс создания стихотворения через формулу М-О-М. Мысль – Образ – Музыка.

Хотя чаще всего эта схема работает бессознательно.

К сожалению, ни одного элемента этой формулы читатель часто не находит в стихах современных поэтов.

И наконец мы пришли к читателю.

Читатель должен быть.

Его внимание важно.

Качество читателя важней, чем его количество.

Но количество, если оно велико, нельзя ставить поэту в упрёк.

Извините, если кого обидел.

И простите великодушно.

Узник совести
6 марта

Сегодня Отдел государственного пожарного надзора Василеостровского р-на отправил меня под суд за многочисленные и неустраняемые нарушения Правил пожарной безопасности.

В издательстве «Геликон Плюс», разумеется.

Там слишком много непроданных книг. Они все могут гореть.

Синим пламенем, да.

Немного странно
15 марта

Первостепенному писателю Фазилю Искандеру дают орден 4-й степени.

Это как бы намекая на творческий рост? Типа старайся, дорастешь и до первой степени.

Но кто имеет шанс дорасти? Ведь в 90 и 100 лет дают сразу Андрея Первозванного, как Гранину.

Зачем выдуманы аж 4 степени ордена «За заслуги»?

Или будут давать по жанрам заслуг?

В литературе и искусстве – 4-й степени, в промышленности и сельском хозяйстве – 3-й, военным – 2-й, а уж первой и не знаю кому.

То есть знаю.

Но это как-то странно.

Оставили бы его без степеней. Там разберутся, какой степени были заслуги перед Отечеством.

И перед каким.

Потом и не здесь.

Где мои 17 лет?
17 марта

Сегодня моей младшей дочери Насте 17 лет.

Бог дал мне хороших детей. Я горжусь ими, я люблю их. Кажется, это единственное, что мне удалось в жизни по-настоящему.

И это единственное, что я по-настоящему люблю.

При том, что они – все четверо – самые обыкновенные, нормальные, нравственно здоровые дети.

К чему и я имел некоторое отношение, но не слишком большое.

Спасибо им за это.

Эссе о гоголе
24 марта

Чему же нас учит Гоголь? Что каждый есть Хлестаков? Что каждый есть Городничий и Ляпкин-Тяпкин? И как было в России полным-полно дураков, так и осталось. А ты сиди и не тявкай.

Или будь Акакием, мечтай о шинели в кредит, о роскошной двуколке от Феррари иль Ламборджини, но не порти начальству его благой аппетит, когда оно мимо лениво едет на джипе.

Как там Пушкин жалел, что Бог его догадал родиться в России не просто с умом, но с талантом! А сам перышком всё скрипел, как Башмачкин, во сне рыдал, представляя себя то поэтом, то адъютантом.

Ну а Гоголь и вовсе бежал на коляске в Рим, чтобы сидя там в кафе «Греко» на Via Condotti, наваять столько мёртвых душ, чтобы нам и им любоваться друг другом и петь, как Лючано, блин, Паваротти!

А сидел бы там тихо, не дразнил бы лихих чертей, воспевал фрески Джотто иль просто завёл подружку, то и мы, глядишь, превратились быстрей в людей, не догадываясь, кто из нас Чичиков, а кто Плюшкин.

Но пошло и поехало! Из подкладок да рукавов той шинели, из всех прорех и карманов вдруг посыпались черти – Свидригайлов да Смердяков, не считая мелких бесов и хулиганов.

Но при этом Русь-тройка продолжала во весь опор, впереди всех стран, государств и народов, мчаться вскачь, не ведая, что в

ней вор на воре сидит, погоняя толпой уродов.

Вот и всё, чему он нас научил. И что надо, как Тютчев, верить в наших лошадок. Несмотря на то, что вокруг полно воров и ловчил, да и сами мы не красавцы и каждый довольно гадок.

Повесть о том, как поссорились XX и YY
28 марта

Звонок из Москвы от моего весьма известного коллеги и старого знакомого XX.

– Это XX, привет. У меня к тебе несколько вопросов, – вкрадчиво начинает он и я понимаю, что разговор не сулит мне ничего хорошего.

– Да, пожалуйста.

– Скажи мне, не упоминал ли ты мое имя в каких-нибудь публичных выступлениях, интервью и прочем?

Я судорожно припоминаю.

– Да вроде нет…

– Тогда второй вопрос. Не давал ли ты недавно интервью такому-то (называется фамилия).

– Да, давал, – вспоминаю я. Дело было в январе.

– А не говорил ли ты там в таком смысле, что, мол, моя книжка тебя не заинтересовала, ты прочитал один рассказ и отложил в сторону?

«Ах, вот в чем дело…» – догадываюсь.

– Говорил, – горестно сознаюсь я.

– А скажи, мой друг, я когда-нибудь позволял себе говорить что-либо дурное о твоих книжках, хотя ты тоже не Шекспир?

– Ей-богу, не знаю. Не отслеживал. Наверное, нет. Хотя пожалуйста, можешь сколько…

– Тогда если тебе будет приятно, что старый приятель называет тебя говном и посылает на хуй, то и живи с этим! – заканчивает он и вешает трубку.

Пойду повешусь, пожалуй.

Концерт маэстро
15 апреля

Рад доложить, как говорят прапорщики, что концерт таки состоялся.

Это для тех, кто в танке там не был, но переживал и играл в тотализатор.

У нас в клубе было несколько пари: придёт – не придёт. И если придёт – то будет или не будет играть.

Предыдущая неделя не давала никаких поводов для оптимизма.

О. Н. звонил каждый день, жаловался на здоровье и выдвигал новые и новые варианты концерта.

И они все больше склонялись к тому, что он принесет диск – и пусть публика смотрит видеозапись его игры.

Я слабо возражал, что это не одно и то же. Запись можно посмотреть и дома.

Продавать билеты на просмотр видеозаписи как-то негуманно.

Деньгами его завлекать бесполезно, я пробовал.

В прошлый раз мне удалось ему всучить сумму, вдвое большую той, чем ему платят, скажем, в музее Бродского (я специально узнавал). Он отказывался, отпихивал деньги, потом взял. Что не помешало ему потом в разговоре с одним общим знакомым сказать, что заплатили ему мало. Он нечеловечески коварен. Я не спорю, что он стоит больше. Ну скажи – сколько, и вопрос исчерпан. Не говорит. Деньги типа его не интересуют.

Ну ладно, бог с ними, с деньгами.

Каждый раз перед концертом О. Н. ты чувствуешь себя в глупейшем положении. Ты абсолютно не знаешь, что обещать публике и что будет на самом деле.

Я лично уповаю на волю Господа Бога и говорю: «Господа, О. Н. пришел, за остальное я не ручаюсь. Если он не сядет за рояль, мы вернем деньги за билеты».

Вообще, мне страшно интересно всегда – чем же закончится эта борьба. Это как с женщиной. Но не буду отвлекаться.

Дело в том, что он страшно хочет играть и страшно боится. Боится всего – публики прежде всего и плохо сыграть. Типа как тот охотник из «Обыкновенного чуда». 99 раз играл гениально, но уверенности на сотый раз нет.

Поэтому в ход идут отговорки, жалобы на всё – на здоровье, возраст, публику, рояль, зал.

Я терпеливо все выслушиваю, потом говорю:

– О. Н., я не верю, что вы можете сыграть неудачно. Вы всегда играете блистательно.

Тут он немного успокаивается и говорит:

– Ладно, я приеду в 7 и сыграю «Шинель».

То есть озвучит немой фильм «Шинель», которую первоначально сам же отверг.

– ОК, – говорю.

В шесть мы уже в полной боевой готовности. Я привез оператора с профессиональной камерой (аренда 2 тыр за вечер), звукорежиссер на месте, проектор светит, экран висит.

Каравайчука нет.

7.25. Его нет.

Я не звоню ему на мобильный, потому что знаю, что если он решил не приезжать, трубку он не возьмет.

7.35 – его нет. Те, кто ставил на провал, ликуют.

И тут из-за угла появляется О. Н. в черных очках и в берете. Как всегда. Ни на кого не смотрит.

Практически индифферентен.

Я бросаюсь к нему.

– О. Н., мы уже заждались!

Ноль внимания. Вот просто классическая недоступная барышня.

Проходит в нашу бухгалтерию, садится, наконец замечает меня, дает два диска.

– Пускай слушают это. Гениальная музыка. А потом… потом, может быть, я сыграю «Шинель».

Покорно несу диски оператору и объявляю публике:

– Сейчас мы посмотрим эти записи О. Н., а потом он озвучит немой фильм «Шинель». Может быть.

На лицах некоторое разочарование.

Я возвращаюсь к нему. Оператор пытается поставить диск.

Внезапно О. Н. встает и говорит:

– Я хочу посмотреть «Шинель». Попробовать. Пусть все они уйдут, я попробую.

А у нас сидит полный зал. Я покрываюсь холодным потом «Пускай они уйдут!» Ни х… себе!

Он выходит в зал, видит публику и, видимо, понимает абсурдность своего требования. Подходит, точнее, как бы подкрадывается к роялю.

– Где «Шинель»? Дайте на экран.

– Рома, «Шинель» на экран! Быстро! – приказываю я.

И вот на экране «Шинель» Козинцева и Трауберга, 1926 года выпуска.

Портрет Гоголя работы Горчева висит на заднике сцены.

О. Н. смотрит на экран, потом надевает на голову наволочку и, словно нехотя, начинает дотрагиваться до клавиш.

У него там дырки прорезаны для глаз? Нет. Постепенно начинает разыгрываться. Музыка не иллюстрирует действие, она как бы сама по себе, но в то же время не мешает, а помогает.

Играет полчаса, потом встает и уходит.

– Больше играть не буду. Рояль не настроен.

– Вчера настраивали.

– Да? А его ваши джазмены разбили, он теперь вообще никуда не годится!

Я, конечно, молчу, что по-настоящему разбить рояль может только он сам.

В зале публика продолжает смотреть «Шинель» без звука.

– Что там идет? – спрашивает он вдруг.

– Фильм досматривают, – пожимаю плечами я.

Он задумывается. Потом встает и снова направляется в зал, садится за рояль и доигрывает фильм до конца.

Уже без наволочки. Кстати, без наволочки музыка более соответствует происходящему на экране.

Бурные аплодисменты.

Все не верят своему счастью.

Он снова возвращается в артистическую (бухгалтерию) и объявляет, что уходит домой.

– Я гениально сыграл? Правда? Правда? Это Апокалипсис. Это последняя весна!

Я подтверждаю и предлагаю отвезти его домой.

Он соглашается.

Я иду за ключами от машины, по дороге меня на две минуты задерживают. Когда возвращаюсь в зал – публика сидит, на экране запись О. Н. в наволочке.

Я наклоняюсь к сидящей в зале Наиле и спрашиваю шепотом?

– О. Н. не выходил?

– Да он играет! – кивает она на сцену.

И тут я убеждаюсь, что он сидит за роялем и играет сам с собой в 4 руки. Один на экране – в наволочке, другой в зале – в берете.

И вот эту часть он сыграл действительно вдохновенно и закончил громоподобной кодой.

Отвожу его домой. Он доволен, все время вспоминает, как он «вставил фитиль» каким-то «им».

Нет, я все же люблю его, несмотря на все мучения.

Не так давно в разговоре с Даниилом Граниным я спросил,

как он относится к О. Н. Ведь они знакомы сто лет, оба комаровские долгожители. Только Гранин живет там летом, а О. Н. круглый год.

Гранин задумался, потом признался, что в музыке мало понимает, но он спрашивал своих друзей – Андрея Петрова и Михаила Слонимского (оба, кстати, первоклассные профессиональные композиторы). И оба, мол, сказали, что Каравайчук – «несостоявшийся вундеркинд».

А я, кстати, согласен. Только он – состоявшийся вундеркинд, в том смысле, что продолжает оставаться вундеркиндом в свои 82 года. По темпераменту, непосредственности, энергии, дерзости, если хотите.

Просто взрослому человеку быть таким… неприлично, что ли.

И потому его единственная опора – публика, которая его любит, несмотря ни на что.

И которую он боится и как бы ненавидит.

Но это комплекс вундеркинда, который успел узнать, что жизнь – не карамелька…

И еще о прекрасном 15 апреля

Старый стишок по мотивам.

За дверью скрипка заиграла.
Я раньше скрипку не любил.
Теперь то время миновало,
Я навсегда его забыл.

Стою на лестничной площадке
И жадно слушаю, как там
Скрипач в таинственном порядке
Разводит ноты по местам.

Струна пиликает так тонко —
Порой не уследить за ней.
Нужна другая перепонка,
Нежнее, может быть, моей.

Стою, и слушаю, и плачу,
И говорю с самим собой,
Что я совсем немного значу
Пред этой скрипочкой сухой,

Которая вот так, невольно,
Случайно, судя по всему,
Заставит плакать добровольно
И неизвестно, по чему.

197 какой-то

Немного саморекламы
26 апреля

Неожиданно позвонил Даниил Гранин и сообщил, что он дочитывает мой роман «Государь всея Сети», подаренный мною еще в прошлом году.

Честно говоря, не думал, что Гранин возьмется его читать. Еще менее предполагал, что книга может ему понравиться.

Однако он сказал, что получает большое удовольствие, читая ее, и прочее в том же духе.

Гранину 90 лет и он никогда не пользовался Интернетом.

Учитывая, что 75-летний Стругацкий в прошлом году наградил меня премией АБС за ту же книгу, а сетью он пользуется лишь в варианте электронной почты, возникает странная картина.

Маркетологи издательства позиционировали книгу как роман о Сети. И вынесли на обложку издания «Эксмо» крупными буквами слово FLASHMOB, против которого я активно возражал, так что пришлось заказать Вове собственный вариант обложки. Впрочем, меня и просили написать роман о Сети, но я их обманул, воспользовавшись сетью лишь как приемом.

И я всегда говорил, что книга не про сеть, а об идеальном устройстве Руси, если хотите. О национальной гордости великоросса, если хотите больше, по самые помидоры.

И старики это прекрасно поняли, вероятно. Что не означает поддержку высказанных там идей, собственно.

Тогда как от блогеров я удостоился ряду уничижительных отзывов.

Короче, «если на клетке слона написано “осел” – не верь глазам своим» (с)

Им сказали – роман об Интернете – они и читают роман об Интернете. А Интернет там – лишь фантик, конфетная обертка.

Похоже, мои читатели вымирают.

Янковский
20 мая

Последний монолог Волшебника в «Обыкновенном чуде», прощание в «Мюнгхаузене» – хочу я этого или не хочу – всегда, когда смотрю, вызывают слёзы. Почему? Это и называется, наверное, «высокое волненье». И такого рода высокое волненье души никто, кроме него, не мог вызвать. Когда чувствуешь, что человек – это действительно звучит гордо и что ты сам – тоже человек, как ни трудно в это поверить.

Это нечасто бывает.

Мне не удалось с ним познакомиться, хотя такая встреча была возможна.

В 1995 году режиссер Семен Аранович пригласил меня написать сценарий фильма по его идее. Тема и материал были не мои – война, блокада – но я согласился, поскольку интересно было себя испытать. Не без мучений сценарий был написан и принят. Мне он никогда по-настоящему не нравился, и идея его – тоже. Но чисто профессионально я доволен тем, что мне, видимо, впервые в кинематографе удалось написать историю с близнецами (две главные героини – двойняшки, их играли сестры Кутеповы), которая не является комедией, а наоборот – абсолютно трагична.

Не помню ни одного фильма, где двойняшки привлекались бы не для комедийных ситуаций, связанных с подменой одного другим.

Здесь одна сестра меняет другую на виселице.

Аранович начал съемки и снял 40 минут материала. На одну из главных ролей – начальника контрразведки фронта Соболева был приглашен Олег Янковский.

На другие главные роли – Басилашвили и Калягин (журналист Иваницкий).

Неожиданно съемки были прерваны из-за болезни режиссера, Аранович уехал в Германию на обследование, которое показало опухоль мозга. Была сделана срочная операция, но безуспешно. Режиссер умер.

Все произошло буквально молниеносно – в течение 2–3 месяцев.

Фильм так и не был снят до конца.

На съемочных площадках всех моих фильмов я никогда не бывал. Считал, что мне там нечего делать. Лишь однажды Мельников позвал в павильон на «Ленфильм» и познакомил со

Смоктуновским и Козаковым («Уникум»). С актерами я знакомился уже на премьерах. Вот и тут был такой шанс познакомиться с Олегом Ивановичем.

Это странно?
24 мая

Любопытная, малоприятная и унизительная эмоция последнее время.

Этак с год или чуть меньше.

С трудом сдерживаемое рыдание.

Вести
25 мая

Я довольно часто смотрю канал ВЕСТИ.

Там есть новостная строка. Одна новость сменяет другую.

В Марокко на рок-фестивале погибли 8 человек.

В Турции перевернулся автобус с туристами. Погибли 7 человек.

В Колумбии упал самолет. Погибли 25 человек.

В Москве попытка ограбления инкассаторов. Погибли 2 человека.

И так далее. Часами. Ничего, кроме. Они думают, что я сижу со старыми деревянными счетами и щелкаю костяшками.

Мне, конечно, это безумно интересно. Чем я могу помочь? Что я должен думать?

Хорошо, что меня не было в том автобусе или на рок-фестивале в Марокко?

Боже, зачем ты проводишь в Марокко рок-фестивали? По созвучию, Боже? Зачем ты устраиваешь там давки? Мне и так тошно от всего этого.

Боже, сообщи мне хоть раз о том, сколько тигрят родилось в Берлинском зоопарке или сколько тюленей спасла Лора Белоиван.

Или, может быть, кому-то пришили ногу или вставили новое сердце?

Пожалуйста, Господи!

Виктор Конецкий
6 июня

Сегодня Виктору Викторовичу Конецкому – 80 лет.

О том, как мы познакомились и как я получил от него рекомендацию в СП, я уже когда-то рассказывал. Об этом же написано в моем рассказе «Рекомендация», который Вик. Вик. считал лучшим моим рассказом.

Но сейчас я хочу рекомендовать сайт Конецкого, созданный Фондом его имени, которым руководит Татьяна Акулова-Конецкая, вдова писателя.

Она поддерживает память о нём с удивительной энергией. Ее стараниями создан фонд, она достает деньги у флотского начальства и поклонников В. В., которых немало на флоте, на издание его книг. Помогает писателям. Буквально вчера пятерым писателям нашего города Фонд в лице Татьяны вручил премии…

Те молодые лейтенанты, которые когда то зачитывались книгами Конецкого и хохотали над ними, теперь уже адмиралы, имеют власть и возможности. Прежние-то адмиралы Конецкого не выносили.

Как известно людям, знавшим В. В., он несколько настороженно и иногда даже неприязненно относился к женщинам. И жил холостяком в своей двухкомнатной квартире на ул. Ленина. Мы с ним познакомились в 1979 году, с тех пор я нередко к нему захаживал, благо жил неподалёку – на Лахтинской. Мы разговаривали, иногда выпивали. Встречались и в Комарове, в Доме творчества.

В 1989 году как-то встретились в Доме писателей на общем собрании, сели рядом.

И я похвастался:

– Вик-Вик (я его так называл, близкие называли просто Вика), а я снова женился!

Он посмотрел на меня как-то хитро, сделал паузу, потом наклонился к моему уху и тихо сказал:

– А я тоже.

Я изумленно посмотрел на него.

– Только никому! – сказал он.

Вскоре он познакомил меня с Татьяной. Она стала ему верным другом и помощником.

Мы помним о Вас, Вик-Вик!

И о Пушкине (полемическое)
6 июня

Появилось довольно много молодых людей, которые не стесняются признаваться в своем равнодушии, нелюбви или даже в отрицании Пушкина.

А ведь вопрос о Пушкине – это не вопрос литературного вкуса и литературных предпочтений. Бог с вами, если вам медведь (медвед) на ухо наступил, вы можете не слышать божественной гармонии его стихов.

Но ведь дело не в стихах.

Вопрос об отношении к Пушкину – это вопрос о национальном самосознании и национальной идентификации.

«Какой русский не любит быстрой езды?» – вопрошал другой русский классик. «Какой русский не любит Пушкина?» – мог бы сказать (и сказал, кстати, другими словами, почитайте) он же. А другой сказал то же самое своими словами в знаменитой «Речи о Пушкине».

Пушкин – один из незыблемых столпов национального самосознания русского человека, какая бы национальность ни была записана в его паспорте.

Русского душой, а не по крови. Русского по русскому языку, если он впитал его «с молоком».

Этих столпов не так много – Петр и Екатерина (оба не совсем русские), Аввакум, Ломоносов и Державин, Пушкин, Чайковский, Рахманинов, далее – ad libitum.

Отрицание их не делает их беднее – оно делает беднее вас.

И если вы думаете, что, относясь к Пушкину снисходительно, вы обнаруживаете свою независимость и свободу суждений, то совсем нет. Вы всего лишь обнаруживаете ограниченность и усыхание собственной души.

Мне жаль вас, мои маленькие нелюбители Пушкина. Вы всего лишь пошли на поводу у государства, которое создало культ официального Пушкина, а вы не смогли сквозь фанфары этого официоза стать истинно свободными и пробиться сами к истинно свободному великому русскому поэту. Отрицая Пушкина, вы всего лишь отрицаете официоз, который никого давно уже не интересует.

Dixi.

Там русский дух, там Русью пахнет
7 июня

– Нет, я вас научу любить Пушкина! – кричал Масса, гоняясь за домочадцами с томиком Пушкина академического издания. – Вы у меня поймёте, кто такой Пушкин! Суки! Гады!

И хлопал подвернувшихся родственников томиком по лбу. Но подворачивались нечасто. Все попрятались – кто в ванную, кто в сортир, потому что знали: Масса безжалостен, если речь заходит о Пушкине.

Кстати, эту речь он сам и начал.

Дочь заперлась в своей комнате и не открывала.

– Ты здесь? – вскричал Масса. – Отвечай, кто такой Пушкин.

– Пушкин – это наше фсё! – пискнула дочь из-за двери.

– Не фсё, а всё! – вскричал Масса.

– Я и говорю – фсё! – дочь была готова заплакать. Назавтра ее ждал ЕГЭ по литературе.

– Нет, ты говоришь «фсё»! Я слышу «фсё»! Мне еще медвед на ухо не наступил!

– Фсё! Фсё! Фсё! – проскандировала дочь.

– Подбери синоним, – потребовал Масса.

За дверью наступила пауза.

– Ну? – Масса был неумолим.

– Может быть, «дохуя и больше»? – нерешительно предположила дочь.

– Что? Что? Пушкин наше дохуя и больше?! – задохнулся Масса.

– Ну… я не знаю… синоним… – дочь заплакала.

– Веленью Божию! О Муза, будь послушна, – отчеканил Масса. – Обиды не страшась! Не требуя венца!

– Винца! – пискнула дочь.

– Хвалу и клевету! – продолжал скандировать Масса. – Приемли равнодушно!

– И не оспоривай глупца, – подсказала дочь из-за двери.

– И не оспоривай! Глупца, – повторил Масса. – Гм… Не оспоривай глупца… В этом что-то есть.

И он уселся смотреть футбол по телевизору.

Снова Курехин
17 июня

Скачал и посмотрел уже полностью фильм.

Сережа Курехин был очень приятным человеком. Но я его почему-то не ценил.

Я не понимал, что он не музыкант просто. То есть выше музыканта или ниже – не важно.

А мне думалось тогда – он музыкант, причем первоклассный, который растрачивает себя на какую-то фигню. И было за него типа обидно.

В фильме есть ключевая фраза: «Что-то я глупости говорю. Вот как начинаешь серьезно говорить, так сразу говоришь глупости».

Я по памяти цитирую.

Это очень точно.

Это я тут регулярно демонстрирую, между прочим.

Почему-то одна встреча врезалась в память.

Иду я по Невскому, а навстречу Сережа.

Подошел ко мне и вдруг начал как-то трогательно по-детски жаловаться. Даже не помню на кого.

«А. Н., ну скажите им. Ну что они делают, зачем? Ну я же ничего такого, чего они привязались?»

Что-то такое бессвязное и беспомощное.

А может, и стебался, как всегда.

Книга о Викторе Цое
18 июня

Сдал рукопись в издательство. Это документальная повесть объемом листов 15, причем авторского текста там листа 2–3, не больше. Остальное – воспоминания и документы. Правда, воспоминания эти в основном добыты мною в период подготовки книги 1991 года и этой – в 2007–2009 гг.

32 полосы фотографий, старался отбирать не опубликованные в печати.

Большую помощь оказали поклонники и исследователи

«Кино» с сайта yahha.com Рашида Нугманова, спасибо им.

Привет всем!
10 августа

Мы сидим в Бретани (Ляболь, Леполигьен – курортные места) без Интернета.

Приходится пользоваться платным Интернетом с подключением ноутбука по локальной сети. Но стоимость кусается – 6 евро в час.

Здесь очень интересно. Океан – это не море, если кто не знает. Мы не знали. Если раньше на море мы спокойно выходили купаться, когда захотим, то здесь нужно справиться по специальному буклетику – как там с приливом-отливом. Иначе выйдя на пляж можно обнаружить уходящий на километр от берега мокрый песок с валяющимися на нем водорослями и моллюсками, а на горизонте – бредущих по щиколотку в воде людей, который что-то собирают. Наверное, тех же моллюсков.

Перепад уровня океана при приливе-отливе гигантский – около 3 метров.

Устрицы ели, вскрывал сам (Юра, привет! Учился у тебя). Но так и не пристрастились. Лемуль (мидии) лучше.

CERN
16 августа

В книжке «Путешествие рок-дилетанта» упоминается о некоей группе из пос. Кольцово Новосибирской области под названием «Классификация D». Альбом этой неизвестной никому группы получил диплом второй степени в конкурсе «Авроры» в 1988 году. А зимой 1989 года группа приехала в Питер записывать музыку в студии Ленинградского дворца молодежи. И группа рок-дилетанта – те, кто помогал мне, прежде всего Петр Сытенков, с ними подружилась.

Идейным вдохновителем группы, автором текстов и многих музыкальных вещей был человек под псевдонимом Гинэ Штух. Позже не без труда удалось выяснить его настоящую фамилию, но я ее приводить не буду. Штух, да и вся группа «КД» были физиками-ядерщиками, а поселок Кольцово был секретный научный городок возле Новосибирска.

К сожалению, группа просуществовала недолго. А в 1992 году Штух в поисках работы уехал в Штаты, где довольно долго пробивался в люди – и пробился. Причем в такие люди, которых вызывают из Штатов в CERN ремонтировать взорвавшийся андронный коллайдер.

Последний раз мы виделись со Штухом 20 с лишним лет назад, когда он был гостем на нашей рок-н-ролльной свадьбе. Из той свадьбы запомнилось, что Штух допытывался у БГ, правда ли он – БГ, на что Боря отвечал: «Нет, я – Кынчев!» Вообще было весело.

И вот Штух узнал из ЖЖ, что мы путешествуем по Европам и проезжаем мимо него. И пригласил нас, а мы заехали.

Конечно, по своему обыкновению, Штух ни словом не обмолвился, что он там возле Женевы делает. Но мы понимали, что может там делать человек с физико-технической специальностью. Конечно, он работает в CERN. Так и оказалось.

По приезде вечером 14 августа, отмахав 810 км, мы предавались воспоминаниям и питию вин, а на следующее утро Штух повез нас на своей машине в CERN на экскурсию.

Вот уж не думал, что когда-нибудь туда попаду.

Ну что сказать? Это грандиозно.

Штух показал охраннику свой бейджик, и охранник открыл шлагбаум, даже не поинтересовавшись, а что делают в автомобиле три человека из России.

Мы вошли без страха и сомнения. Дверь была открыта нараспашку. Вообще больше мы в Черне ни одного охранника не видели.

Там был огромный зал, напичканный разным железом из многих стран. Была и наша родная железяка из Дубны.

Масса начал шпионскую деятельность.

Посмотрев железо, мы направились в Центр управления полетами. Несмотря на субботу, кое-кто там работал.

Штух пояснял перед огромными экранами, где изображались мы, снятые веб-камерой.

Потом мы пошли в музей. Там на открытом воздухе стояла гравицапа…

…которую я тоже сфотографировал.

И лежал поршень от нее.

Видели мы, конечно, побольше, но и этого хватит. Да и что можно увидеть за полтора часа.

Поэтому мы поехали в Люцерн, а Штух взял молоток и отвертку и пошел чинить коллайдер.

Семейный лытдыбр
9 сентября

Сегодня, то есть уже вчера, 8 сентября, моей родной сестре Наталье Николаевне Житинской исполнилось 60 лет.

Это фотография с сегодняшнего семейного торжества, где собрались братья, племянники, друзья.

Слева направо – Наташа, ее дочь Элико Смит (бывшая Элико Пагава, живущая давно в Англии) и племянница сестры и моя, дочь моего брата Сергея – Наталья Сергеевна Житинская.

Говорит, что чаще всего её клиенты (она юрист) задают ей такой вопрос:

– Наталья Сергеевна, вы не дочь Александра Житинского, писателя типа?

После чего племянница смотрит на них в упор, пока они не осознают всю абсурдность этого вопроса.

Такие у нее клиенты.

Вернувшись из ресторана «Тбилисо», где проходил банкет, я достал чемодан с фотографиями и выбрал несколько семейных наудачу.

Это Наташа, наша няня (домработница, как тогда говорили), практически член нашей семьи, которая помогала маме. Примерно 1952 год. Постриженный под ноль мальчик – это я. А третья – моя сестра Наташа по прозвищу Клёнка. Жили мы тогда в Москве.

Сестра Наташа примерно в 9–10 лет. Это уже во Владивостоке.

Это примечательная фотография. Примерно 1951–1952 г. Мой день рождения, январь, Москва. Это мои одноклассники (сверху): Сашка Краминов, будущий журналист, сын гл. ред. журнала «За рубежом» Даниила Краминова, второй – Сашка Величанский, в будущем поэт, автор текста песни «Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди…» К сожалению, других текстов не

знаю. Затем я, мой друг Валера Засыпкин и Пашка Воронин.

Внизу мой брат, сестра и наш друг Вовка Серебренников, ныне военный пенсионер, капитан первого ранга в отставке.

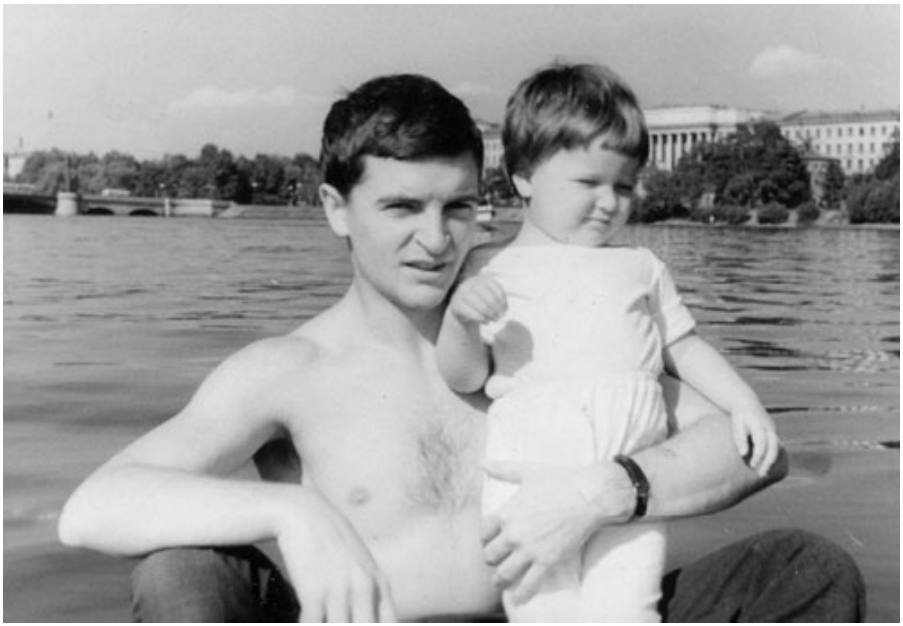
А вот уже примерно в 1964–65 г. – я в Питере со своею дочерью Ольчиком.

А это я, каким я себя вижу даже сегодня, когда мне скоро исполнится 69 лет. Серьёзно. Здесь мне лет 19–20, наверное.

Она же с братом Сергеем.

Это я примерно в 4–5 лет.

Это примечательная фотография. Примерно 1951–1952 г. Мой день рождения, январь, Москва. Это мои одноклассники (сверху): Сашка Краминов, будущий журналист, сын гл. ред. журнала «За рубежом» Даниила Краминова, второй – Сашка Величанский, в будущем поэт, автор текста песни «Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди…» К сожалению, других текстов не знаю. Затем я, мой друг Валера Засыпкин и Пашка Воронин. Внизу мой брат, сестра и наш друг Вовка Серебренников, ныне военный пенсионер, капитан первого ранга в отставке.



А вот уже примерно в 1964—65 г. – я в Питере со своею дочерью Ольчиком.

А это я, каким я себя вижу даже сегодня, когда мне скоро исполнится 69 лет. Серьёзно. Здесь мне лет 19–20, наверное.

Письмо читателя 15 сентября

Доброго времени суток, дорогой Александр Житинский!

Я прочитал повести «Фигня» и «Государь всея Сети». Мне они очень понравились, особенно «Государь всея Сети». Они такие жизнеутверждающие и тёплые, но там есть один персонаж, я не вкурил, откуда он вообще взялся? Откуда в ваших произведениях появился секс? Кто это вообще такой, этот секс?.. Секс, девственница…

Недавно читал одно эссе про «Даму с собачкой», так узнал, что у Гурова была посткоитальная депрессия.

С Петей Верлухиным было как-то проще – про секс он не знал и посткоитальной депрессии у него не было.

Я очень расстроился, сижу и расстраиваюсь.

И ведь абсолютно прав. Не было секса у Пети Верлухина. Сижу и расстраиваюсь тоже.

Петрушевская отжигает 2 декабря

Напоминаю: она писательница. Хорошая. Настоящая, одним словом. Немолодая, возможно, даже старше меня.

Встречались мы с нею однажды. Году в 1972-м, – 37 лет назад, получается.

Молодая Люся была внештатным сотрудником журнала «Студенческий меридиан», куда я принес свою повесть «Эффект Брумма».

Сидела она на «самотёке».

Я тоже был молод.

И она эту повесть очень активно рекомендовала к печати, в результате чего она и была напечатана. И это, между прочим, была моя первая сравнительно большая опубликованная прозаическая вещь. «Лестнице» еще 8 лет предстояло лежать в столе.

Так что спасибо вам, Люся Петрушевская.

Я тоже так хочу петь, между прочим.

«Вентилятор»
21 декабря

Вчера вечером участвовал в работе жюри фестиваля медиапоэзии «Вентилятор» в Центре Сергея Курёхина.

Примерно с 7.30 до 10 вечера просмотрели 40 работ. Кое-что было любопытно, но жанр едва начинает формироваться.

Обстановка фестиваля была несколько неприкаянная, если можно так выразиться. В фойе и зале холодно, что никак не вина устроителей, но праздничного настроения нет, когда все ходят в пальто и куртках.

На фестивалях рок-клуба было праздничней.

Что касается медиапоэтических клипов, то особого безумия не наблюдалось, кроме кличек авторов. Иногда кажется, что авторы всю свою фантазию израсходовали на придумывание какой-нибудь нелепой клички, а на творчество уже не осталось.

Но это я так, брюзжу.

Если говорить серьезно, то стихам, на мой взгляд, не нужны никакие подпорки. Даже интонационные при исполнении стихов автором. Голый текст на листе, который рождает музыку. Как ноты, которые настоящие музыканты умеют читать, слыша при этом музыку. Это всегда меня поражало.

Когда-то Этьен Декру дал определение театра в ответ на утверждение, что, мол, театр – искусство синтетическое, где есть актер, режиссер, художник, музыкант и проч.

Декру стал отсекать лишнее – то, без чего театра уже не будет, и пришел к формуле:

Театр – это голый человек на голой сцене. (с)

(Он даже драматурга убрал, кстати. И воспитал великого Марселя Марсо – практически голого человека на голой сцене.)

Так вот, поэзия (стихи) – это буквы на листе бумаги. Всего лишь буквы. Больше ничего не требуется.

Хотя украшать (ухудшать) можно чем угодно.

2010

С Рождеством Христовым!
6 января

Иисус
Всё печальнее речи
И суровее взгляд,
Но сыны человечьи
Не о том говорят.

Как мне сделать понятней
Эту музыку сфер?
Вам бы всё позанятней,
Про любовь, например.

Я ль страстей не имею,
На две трети земной?
Но немею, немею
Пред любовью иной.

Продолжение рода —
Это ль главное, друг?
С вечным зовом: Свобода! —
Продолжается дух.

Не желаю лукавить
И грозить вам судом.
Только бы не оставить
Ничего на потом.

1972

P. S. Мы вернулись из лесов, к Рождеству поспели.
Поздравляю православных!

Macca.ru
16 января

Я решил в преддверии своего очередного ДР сделать вам себе подарок и объявить об открытии сайта http://macca.ru (http://www.macca.ru) – официального сайта Александра Житинского.

Когда-то (в 1996 году) я начинал его делать, ещё не будучи Массой, но потом забросил, и почти 14 лет никакого официального сайта у меня не было (обломки того первого сайта вы можете найти на нынешнем). Но сейчас уже пора.

Там ещё много чего строить, дополнять, уточнять и исправлять. То есть это – не готовый продукт, и я подозреваю, что он никогда не будет закончен. Но уже сейчас там можно кое-что найти, в том числе впервые выложенное в Сеть.

Так что добро пожаловать!

Приснилась песня
21 января

Сегодня проснулся в половине пятого утра от удивления.

Когда просыпался, пел про себя песню. Два куплета с припевом. Но это была не моя песня, а песня БГ.

Сюжет сна был такой. Лето, солнце, какой-то пикник на лужайке, много народу.

И тут приходит Боря с гитарой, и его, конечно, просят спеть. И он заявляет, что будет петь новую песню.

Вдруг я, непонятно с чего, говорю, что хочу спеть эту песню вместе с ним.

– Ну подпевай, – милостиво разрешает Борис.

И мы начинаем. Я стараюсь подхватывать или угадывать слова, но получается плохо. Рефренов в песне нет, подхватывать нечего.

А мотив у песни чудесный, совершенно аквариумский.

– Нет, так не годится, – говорю я. – Надо записать слова, я буду по бумажке.

И я зову свою младшую дочь Настю и говорю ей, чтобы она записывала.

Боря начинает диктовать слова, Настя пишет, а я одновременно про себя напеваю их на этот божественный мотив.

И чувствую, что начинаю просыпаться, твержу про себя эти слова, чтобы запомнить, – и просыпаюсь.

Просыпаюсь с потерями. В памяти уцелел лишь первый куплет, но мелодия осталась.

Тогда я встал, подошел к компьютеру и записал слова. А потом снова заснул.

Проснулся в 9 часов с потерянной мелодией. Её я записать не сумел. Хотя можно было включить диктофон и напеть. Не догадался.

А слова – вот они, копия с текста, записанного рано утром в Notepad.

из всех дверей ведёт дорога в сад
старинные часы запели
а если так – нам нет пути назад
и значит, мы дойдём до цели!

Не обессудьте, как говорится. Старинные часы здесь явно из песни Аллы Борисовны.

Клянусь, всё так и было. Мелодию жаль.

Концерт
25 января

Были приглашены сегодня всей семьёй моим френдом Ирой Богушевской в Театр эстрады на её концерт. Произошла, как говорится, развиртуализация. В перерыве навестил Иру в артистической, обменялись подарками. Я получил диск с собранием всех альбомов Богушевской в MP3, ну а я что могу подарить? Книгу, конечно.

Я первый раз видел Богушевскую на сцене. Она очень графична по создаваемому ею образу. Движения, жесты создают легкий рисунок. Песни Богушевской где-то между песенными жанрами, иногда ближе к романсу, иногда – к эстраде. Слово «шансон» уже мало что говорит. Показалось, что ей нужно делать более режиссерски выстроенное шоу, начиная с костюмов музыкантов и произносимого текста. Манера доверительного общения с залом, идущая от бардов, должна, как мне кажется, преобразоваться в более остраненную и отстраненную. Думаю, дистанция между артистом и аудиторией может, как ни странно, быть полезной для такого шоу.

Впрочем, могу ошибаться. Тем более видел впервые. Да и публику свою можно подрастерять на таких экспериментах. Так что, Ира, вы меня не слушайте.

Концерт понравился.

Сэлинджер
28 января

Умер Сэлинджер. Мир его праху.

Про литературу не буду. Чисто житейское.

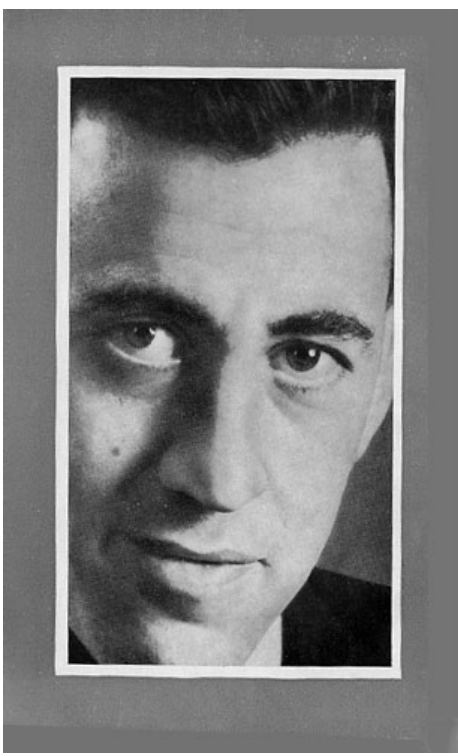
Писатель написал не так уж много по объёму. Да, был знаменит и переводили это немногое практически во всех странах. За качество, как известно, не платят. Платят за тираж.

Поражает тот факт, что он последние 46 (!) лет жил (ничего не печатая и не давая интервью) – видимо, на заработанные литературой деньги, в доме, купленном на них же.

Даже если он жил один – это очень большие средства.

Кажется, что-то экранизировали, покупали права.

И всё же, всё же…



Дж. Д. САЛИНДЖЕР

ПОВЕСТИ

НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ

ВЫШЕ СТРОПИЛА, ПЛОТНИКИ

РАССКАЗЫ

ХОРОШО ЛОВИТСЯ РЫБКА-БАНАНКА

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СМЕЯЛСЯ

ГОЛУБОЙ ПЕРИОД ДЕ ДОМЬЕ-СМИТА

ЛАПА-РАСТЯПА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО И ПРЕДИСЛОВИЕ Р. РАЙТ-КОВАЛЕВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1965

соседу-Саше, с искренней благодарностью за то, что любит эту книгу

Рита Райт

Комарово. Апрель. 1976.

Взял с полки довольно потрепанную книгу. Получил автограф переводчицы в апреле 1976 года, когда у меня самого ни одной изданной книги ещё не было. О знакомстве с Ритой Райт писал в ЖЖ когда-то давно, кажется. Мы жили с нею в соседних комнатах Дома творчества «Комарово».

Мост
2 февраля

Забыл написать.

Вчера приснился длинный сон, где я ремонтировал рухнувший мост. В одиночку.

Мост был из железных ферм. Я нанял автокран и трактор, раздобыл где-то дров и сваривал железные трубы на костре.

Они прекрасно сплавлялись друг с другом, как свечки.

Отремонтировал, короче.

Проснувшись, понял, что это метафора всей моей деятельности.

Лытдыбр
15 февраля

Сейчас узнал шокирующую вещь.

Мне понадобилось найти несколько книг одного автора в старом советском издании примерно 70–80-х годов. Я обратился за помощью к знакомой сотруднице Лермонтовской библиотеки. Это сеть, насчитывающая, кажется, 14 библиотек во главе с Центральной на Литейном проспекте.

И она мне сообщила следующее.

В связи с нехваткой площадей для хранения все книги, изданные ранее какого-то года, подлежат списанию и уничтожению.

Просто по году издания – не по автору, не по жанру, не по редкости издания, а просто «старые».

– И какой же у вас сейчас пограничный год? – спросил я. – Раньше которого уже все пошло в макулатуру?

– Кажется, 1999-й, – сказала она.

То есть в сети публичных библиотек присутствуют книги, изданные за последние 10 лет – и только. Наверняка здесь есть работники библиотек. Это так? Или есть все же фонды, где хранится хотя бы по одному экземпляру книг, изданных до 1999 года? Это же катастрофа, граждане. Фонды обновляются за счет литературы, которую зачастую литературой нельзя назвать. Где классика? Где раритетные издания? Довоенные книжки тоже под нож?

Я потрясен. Раздавайте даром, что ли…

Библиотечные разборки 28 февраля

Посетил отчёт директора библиотеки им. Лермонтова. Поскольку бурное обсуждение вопроса вызвало интерес телевидения, поэтому весь отчёт директора снимал канал «Россия». Директор говорил долго, слегка коснувшись инцидента с ЖЖ. Когда он закончил, я попросил слова, чтобы изложить свою позицию. Однако С. С. Серейчик сказал, что формат собрания иной, это отчёт дирекции и поэтому я могу лишь задать вопрос. «Впрочем, если вы хотите, – обратился он к залу, в котором сидело до сотни библиотекарей, – мы можем выслушать писателя…»

Произошло некоторое замешательство зала, народ понимал, что директор не хочет. Так что писатель пусть идёт лесом.

Тогда я задал вопрос о процедуре списания старых книг. Мне ответила завотделом комплектования Наталия Ивановна, я прекрасно ее знаю, она приезжала в «Геликон» покупать у нас книги для библиотеки. И она сказала, что создаются списки книг, подлежащих списанию, которые везут в Комитет по культуре. Там эти списки якобы просматривают и утверждают. После чего книги увозят в макулатуру.

Возможно, это правильный порядок. Только у меня возникают сомнения, доходят ли руки у работников Комитета до этих списков? Обладают ли они достаточной компетентностью, чтобы решать эти вопросы, и т. п.

Тем более что один из комментаторов в моем ЖЖ утверждает следующее:

> *Уважаемый Александр Николаевич!.. Книги в МЦБС им. М. Ю. Лермонтова действительно списываются по году издания, «чохом», так сказать, и против воли библиотекарей! Римма нечаянно сказала вам правду, такой приказ (устный) С. С. дал всем завбиблиотеками, просто еще не все успели это сделать, и ВСЕ заведующие стараются спрятать хотя бы часть таких книг. И еще хочу сказать про комиссию по списанию, про которую С. С. вещал на Пятом канале. Так вот – это проформа! Что касается Центральной библиотеки, то ВСЕ книги сначала сдают в макулатуру, а потом только печатают акты на списание и отвозят их в КУГИ, а не наоборот, поэтому проверить, что именно списывается и в каком состоянии,*

невозможно ни КУГИ, ни Комитету по культуре. Это можно увидеть, только если провести инвентаризацию фонда.

Правда это или нет, я не знаю. А также не знаю, готов ли юзер eleproch отвечать за эти слова, раскрыв свою анонимность. А без этого, увы, разбирательство невозможно.

Короче говоря, я ушёл, успев отдельно перед камерой изложить проблему.

Кстати, библиотека по моей просьбе дала мне справку, какие книги писателя Житинского присутствуют в фонде.

Естественно, ни одной книги издания 1976–1993 гг. там нет.

Включая первое издание «Потерянного дома» в 1989 г.

Но там нет и переиздания «Амфоры» 2001 года.

А также нет таких повестей, как «Лестница», «Снюсь» и многих других.

И «Путешествия рок-дилетанта» (первое издание) нет тоже (тираж 100 000). И переиздания «Амфоры» тоже нет.

Когда я спросил, куда же делись первоиздания, мне сказали: «А вдруг их у нас и не было?»

Мне трудно поверить, чтобы книги ленинградских издательств тиражами 100 000 и 30 000 экз. не попали в Центральную лермонтовскую библиотеку.

А значит, они были списаны, когда подошел их «ликвидационный» возраст.

В связи с чем я подумал: а не является ли такое принудительное списание нарушением авторских прав писателя и причинением ему морального ущерба? Был бы интересный юридический прецедент, если бы какой-нибудь автор или группа авторов подала иск к библиотеке о причинении морального ущерба путем списания книг этих авторов. Вот до каких мыслей докатился автор.

А директор Серейчик оказался таким, каким я его и представлял: карьерным функционером. Я их вдоволь насмотрелся раньше. Им можно поручать дела, но лучше бы подальше от культуры.

Экспериментатор
9 марта

Или, как пел Костя: Экс! пе! римен! татор! Экс! Экс! Экс!

Провожу эксперимент над собой. Гори оно всё синим пламенем.

Купил кьянти и вальполичеллу, взял в «Ки-до» суши и всё это употребил, назло диетам, с целью посмотреть, как на это будут реагировать мои суставы, которые последнее время ведут себя безобразно. По квартире два дня передвигался на костылях, не ступить было на правую ногу. Сегодня было получше, но надо проверить.

Надо возвращаться к привычной жизни.

Собственно, отмечаю маленькую победу над собой.

Дело в том, что с декабря ездил без техосмотра и никак не мог собраться получить новый талон. Наконец вчера случилось то, что и должно было случиться. Сделал левый поворот там, где его не предусмотрено, не заметив за собою машину ДПС, а когда остановился, инспектор возник рядом и пригласил к себе. А когда выяснилось, что я не только нарушил правила на 1500, но и не имею техосмотра, то тут… Короче, только мои седины, красноречие и кое-что еще спасли меня от снятия номеров. Поэтому сегодня ринулся на медицинскую комиссию, чтобы завтра попытаться получить талон техосмотра.

Медкомиссию прошел. Здоров, как бык. Стоимость здоровья – 1000 руб. Так бы никогда не собрался. Завтра попытаюсь пройти техосмотр тоже за какую-то нужную сумму.

Прислушиваюсь к ноге. Это песня. Обычно начинается с ощущения, что в ступню налили шампанского и там оно начинает пузыриться. А потом все это вспухает и не наступить на ногу. Это очень любопытно и познавательно. О результатах доложу.

Я прокладываю вам путь, мои юные друзья и крошки!

Лена Шварц
14 марта

Ее отпели в Троицком соборе. Народу было человек 150–200. После службы батюшка, который вёл панихиду, рассказал, как Лена пришла в православие, и о своих с нею встречах. Она была прихожанкой этого собора.

Я называю ее Леной только потому, что мы знакомы с 1966 года, когда ей было 18. Она была очень экстравагантной и мистически настроенной девушкой. Уверяла меня, что гадалка нагадала ей смерть в 26 лет. Я не верил. Оказалось, что гадалка просто перепутала порядок цифр.

У нас был небольшой эпистолярный роман. Мы посылали друг другу стихи. Ничего собственно романтического в этом романе не было. Возможно, где-то в недрах архива хранятся ее письма со стихами. Вряд ли я их выбросил. Из своих, которые я посылал ей, сохранилось лишь одно, выкинутое цензурой из первой моей книжки стихов.

Потом жизнь развела нас, и встретились мы вновь почти через 40 лет. О нашей встрече в молодости не вспоминали.

Царство ей небесное.

Мерзавцы
20 марта

В сравнении с ужасами, о которых каждый день читаешь в новостях, наше семейное ЧП выглядит не таким страшным. Но осадок от него ужасно неприятный, не хочется верить, что бывают такие уроды. Но они бывают, и их становится всё больше.

На Серафимовском кладбище украли с могилы бюст нашего отца и деда, генерала Николая Степановича Житинского. Бюст простоял там почти 35 лет. Я показывал в ЖЖ фотографию сбора детей и внуков на 100-летний юбилей отца в ноябре 2009 года.

Были сегодня с братом на кладбище, потом в милиции. Воров уже поймали, точнее, поймали одного, второй известен, но скрывается. 18-летние наркоманы. Всего на кладбище уже зафиксированы порядка 15 эпизодов. Среди них бронзовые памятники народного артиста Павла Петровича Кадочникова и его сына Пети Кадочникова. С обоими я был знаком. Бюст Павла Петровича успели унести и продать, а памятник Петра лишь отсоединили от постамента, унести не успели.

Покупателей таких «цветных металлов» надо карать с тою же строгостью. Хотя грозит им лишь срок за не очень крупное воровство. Ну, может быть, ещё за вандализм.

О смерти
25 марта

Мы живем, зная, что это закончится.

Но мы не придаем этому слишком большого значения. Может, закончится, а может, нет. Тем более что церковь обещает, что нет, если будешь хорошо себя вести.

Мы ведем себя плохо.

Мы курим и пьем, принимаем близко к сердцу всякую ерунду, а смерть ходит кругами, и эти круги сжимаются.

Каждый день мы кого-то провожаем – то артиста, то писателя, то просто близкого друга.

И уже не хватает слез и эмоций.

Остается лишь провозгласить:

Смерть – это нормально, ребята.

Горчев был православный, и скоро он попадет на небеса. Он в это верил, хотя и был грешник, как все мы.

Он попадет на небеса, я в это верю.

Это – нормально.

Но что нам эти небеса, когда его не будет рядом?

…

…и вот что явственно ощущаю
жить стало менее интересно
пустяк? нет
да не потому, что он писал интересные тексты,
которые прикольно было читать
нет
разнообразие мира серьёзно нарушилось с уходом горчева

Памяти Горчева
30 марта

Сегодня похоронили Диму.

Мне до сих пор трудно понять это сочетание слов. Это не про него. Господь выбрал для его упокоения Страстную неделю. И мы вспоминаем муки Христовы, на которые непроизвольно накладываются муки Горчева.

Мы помянем его в субботу, 3 апреля, в 17.30 на набережной

Макарова, 10, в Питере. Это Центр современной литературы, более известный как клуб «Книги и кофе». Наблюдательные френды заметят, что это 10-й день со дня кончины, а не 9-й, когда положено поминовение. Но Горчев был православный человек, а церковь рекомендует не устраивать поминки в Страстную пятницу, а переносить их на Великую субботу, которая является днем поминовения.

О Горчеве трудно писать серьезно. Потому что в этом случае не обойтись без высоких слов типа «Талант», «Призвание», «Судьба», а Горчев их не очень любил применительно к себе. Точнее, относился с недоверием. Но и весело или даже с иронией о Горчеве я сегодня писать не могу. Весело я уже писал о нем 6 лет назад, поздравляя его с 40-летием.

Поэтому я просто вспомню, как пришел к нам Горчев и как мы с ним жили. А анализом его творчества пусть занимаются другие. В 1997 году закончились «Тенёта-97», которые мы проводили с Лёней Делицыным. Кто не знает, пусть смотрит в Википедии, долго рассказывать. За время конкурса возникла мощная литературная тусовка, обитавшая в Гостевой книге «Тенёт», придуманной Лёхой Андреевым.

Расходиться было жалко, народ требовал продолжения банкета, и тогда я объявил о создании «Литературного объединения им. Лоренса Стерна», куда пригласил всех лауреатов «Тенёт» и еще кое-кого, кого считал нужным. И мы стали собираться на своем сайте, в гостевых, прозванных «Обсуждалкой» и «Курилкой», и говорить о литературе, обсуждать друг друга, ругаться и дружить.

Помогала мне секретарь Лито Аня Резницкая (Лиза), живущая в Иерусалиме, – вывешивала новые работы, занималась формальностями приема и проч. Лито росло, вскоре численность достигла 60–70 человек. Кого-то принимали, кто-то уходил, хлопнув дверью, но в целом обстановка была весьма творческой.

Не помню, кто первый указал мне на Горчева. Типа, Масса, обратите внимание – и дал линк. Я пошел по этому линку и обнаружил молодого человека из Казахстана, который вывешивал в Сети рассказы. Не скажу, что они меня поразили, но в них было то, что дается от рождения и не воспитывается тренировкой: пластика текста. Он явно умел от рождения правильно ставить слова – в нужном порядке, отчего текст приобретал его неповторимую интонацию. Я пригласил его в Лито.

Через некоторое время так случилось, что Лиза по семейным обстоятельствам не смогла выполнять секретарские обязанности. Я попробовал сам, но это отнимало много времени, и тогда я обратился к народу: кто возьмет на себя эту общественную

нагрузку? Неожиданно вызвался Горчев. Так он впервые обнаружил одну из своих замечательных черт – отзывчивость. Если нужно было кому помочь, Дима откликался всегда и делал, что нужно.

И он стал секретарем Лито и вскоре в этой должности обрел как друзей, так и недругов, потому что, несмотря на мягкость характера, вёл дела весьма строго.

Это было счастливое время. Еще до Живого Журнала мы сплотились в небольшое, но дружное сообщество. И стало ясно, что необходимо встретиться лично, в реале.

И тогда мы назначили место и время (август 1999 года, пос. Лахта под Питером) и собрались там в пансионате на неделю, назвав это Летним лагерем Лито. Собралось там человек 30 активных членов Лито и можете себе представить, что там было. А вернее, чего там только не было!

Горчев тоже приехал из Алма-Аты. И привёз большую бутылку виски. Очень большую, литра 4, кажется. Пили ее недолго. Вообще производил впечатление зажиточного человека, курил какие-то недешёвые сигареты и пил импортное пиво. Тогда у Горчева были деньги, доверчивые американцы в Алма-Ате платили ему бешеные по тем временам бабки. Таких денег у Горчева больше не было никогда.

Тогда мы с ним несколько раз поговорили с глазу на глаз, и я предложил ему переезжать в Питер и работать в нашем издательстве «Геликон Плюс», учитывая то, что Горчев был прекрасным художником, о чём я уже знал.

Через полтора месяца Горчев уже работал в «Геликоне». Эмблема «Геликона» принадлежит ему, а уж сколько обложек и иллюстраций он сделал за 6 лет работы – не пересчитать.

Но главное было не в этом. Переезд в Питер и жизнь в нашем городе сделали из Горчева того писателя, которого мы любим и чтим. Кто-то скажет – большой, кто-то – гениальный, но для меня существует только одно слово – настоящий. Это не масштаб. Можно быть настоящим и не очень большим, и вообще у каждого своя линейка. Но подлинность не измеряется линейкой.

Издательство с приходом Горчева стало отчасти издательством Лито, где главным автором был Горчев. С каждой новой книжкой популярность его в Интернете росла, а с открытием ЖЖ Горчев стал главным писателем русской Сети. Формат его сочинений удивительно подходил для Живого Журнала, но дело, конечно, не в формате, а в том неповторимом авторском стиле, сочетавшем несочетаемое – трагедию и юмор, надежду и отчаяние.

Горчева принято считать мизантропом. Это неглубокое,

поверхностное мнение. «Людей необходимо уничтожать» – это лишь шокирующие слова, но за ними читается главное послание Горчева. Чего же вы такие, бл*дь? Чего же мы такие? Чего же я такой? За ними не презрение и ненависть к человеку (читай – и самому себе), а дикая обида за него и на него, и бессилие что-то изменить – и тогда гори всё огнем, автомат в руки и очередью от живота.

Горчев не обидит и червяка. Вернее, не обидел уже.

Больше всего он не любил, когда повышали голос, и сам говорил тихо. «Пожалуйста, не надо кричать!» – говорил он, когда кто-нибудь что-то требовал от него. Чаще всего требовал я. Требовал соблюдать сроки сдачи работ. В издательстве это необходимо. Но мы ни разу не поссорились по-настоящему, что я считаю нашим обоюдным достижением.

Если я напишу, что Горчев был очень русским человеком, – это будет банальностью. А каким еще? Но он олицетворял один из самых любимых народом русских архетипов – талантливого, умного, отчасти ленивого, отчасти пьющего, доброго, понимающего и участливого человека, с которым хорошо попиздеть о жизни. И другого слова тут нет. И за это его любили, ибо это никогда не было пьяной никчемной болтовней.

Он знал цену слову. И цену себе тоже знал. Но никогда не возвышал себя и до звездной болезни так и не добрался.

Помню, как в Швеции, оказавшись впервые за рубежом, он жадно набирался впечатлений, но через день устал, а еще через день захотел домой. И когда мы пересекли границу и оказались в России, я видел, как он волновался, клянусь Богом, хотя и старался это скрыть. А в Стокгольме его встречали так же, как в Москве или Ростове, – с любовью.

Он был «наш», свойский без панибратства.

Мне ужасно будет не хватать Горчева, хотя последние три года мы уже не работали вместе, встречались редко и он подолгу жил в деревне.

Прощай, Дима! Тут есть много людей, которые будут помнить тебя.

Бродский, 1993 год
24 мая

По случаю юбилея Иосифа Александровича разыскал в своем видеоархиве запись с его участием.

Это произошло на Гетеборгской книжной ярмарке в сентябре 1993 года. Была объявлена публичная дискуссия между двумя Нобелевскими лауреатами – Иосифом Бродским и Дереком Уолкоттом. Я как раз тогда обзавелся видеокамерой и пошел в конференц-зал снимать Бродского.

Запись некачественная, снимал с рук, но кое-что видно и слышно. Сначала идет дискуссия на английском (не вся), потом Бродский дает автографы и беседует со слушателями. Потом я задаю ему вопрос, не хочет ли он сказать что-нибудь своим друзьям Уфлянду и Кушнеру. И Бродский говорит несколько фраз в камеру.

Затем его уводят снимать шведские телевизионщики, а я снимаю этот процесс издали.

Вот, собственно, и всё.

Саша Башлачёв
27 мая

Саше Башлачёву 50. Представить это так же трудно, как и его самого в нашем времени.

Сказать ничего нового про него сегодня я не могу, все сказано мною в статье двадцатилетней давности – предисловии к первой книжке Саши «Посошок».

Когда это случилось, я был в Москве, писал сценарий для «Мосфильма». Как вдруг мне позвонили и сказали, что покончил с собой Саша Башлачев. Эта смерть стала первой с момента, когда рок вышел из подполья и стремительно завоевывал площадки, средства массовой информации и новых слушателей.

Казалось бы, петь и петь, выступать на стадионах, сочинять новые песни, зарабатывать деньги, в конце концов…

Самый чуткий ушел первым. Ушел сам. Дальше последовала череда символических смертей, которые как бы подвели черту под старым любительским рок-н-роллом и знаменовали наступление нового, коммерческого.

Этот выпуск музыкального эпистолярия не появился на страницах журнала «Аврора», текст был написан позже и стал предисловием к книжке стихов Саши Башлачева «Посошок», которую я составил по предложению одного издательства. Она стала первым изданием стихов Башлачева.

Ниже приводится текст этой статьи.

СЕМЬ КРУГОВ БЕСПОКОЙНОГО ЛАДА

О творчестве А. Башлачева

Саша Башлачев родился в конце первой «оттепели» и ушел от нас в начале второй. Вся его короткая жизнь уместилась между этими странными суматошными всплесками российского демократизма и целиком пришлась на время, которое позже с ненужной пышностью назвали «эпохой застоя». Это было время медленного тридцатилетнего раздумья, трагического осмысления великой иллюзии или великого обмана – и с этой точки зрения эпоху никак нельзя назвать «застойной». Духовное движение было скрытым, глубинным, но более мощным, чем поверхностная митинговая подвижка умов. В недрах этого тягостного времени выплавились дивные образцы литературы и искусства –

достаточно назвать Бродского, Тарковского, Неизвестного, Шукшина, Любимова, Высоцкого, Окуджаву. В его глубинах возник огонек русского рок-н-ролла с его повышенным вниманием к социальным проблемам – да что там говорить! – сейчас с достоверностью выясняется, что период экономического застоя и загнивания общественной жизни обладал по крайней мере тремя преимуществами в художественном, творческом смысле перед сменившим его революционным подъемом: стабильностью проблем и жизненного уклада, позволяющей разглядеть то и другое с величайшей степенью достоверности; запасом времени, терпения и внимания, чтобы осмыслить жизнь во всей полноте и довести результаты размышлений до художественного воплощения; и, наконец, уверенностью в завтрашнем дне. Замечу, что уверенность эта, вопреки смыслу затертого идеологического клише, была обратного толка – «завтра будет так же плохо, как и сегодня», но даже такой пессимистический прогноз давал душе художника больше покоя, чем нынешняя чересполосица надежд и тревог.

Башлачев не успел заработать себе официального титула и полного имени – «поэт Александр Башлачев»; даже сейчас, после его гибели, его удобнее называть по-дружески Сашей или же прозвищем Саш-Баш. Это помогает доверительности материалов о Башлачеве, но мешает обрести необходимую дистанцию, чтобы правильно оценить это явление природы. Я не оговорился. Башлачев для меня ближе всего к явлению природы или, если угодно, к явлению русского духа, ибо любая прописка по жанру и ведомству выглядит подозрительно. Поэт? Музыкант? Бард? Рокер? Все это применимо к Башлачеву и все более или менее неточно. Ближе всего, конечно, слово «поэт», но в его изначальном, природном значении, смыкающемся с игрой стихий (в отличие от игры в стихи), а не в значении литературном, предполагающем знакомство со стихотворной традицией и принадлежность поэтической школе. Башлачева, как и Высоцкого, вряд ли можно назвать «мастером стиха», хотя у того и другого встречаются строки, которые не снились любому мастеру, – строки-прозрения, строки-предвидения.

Сам Саша, как мне кажется, считал себя поэтом. Конечно, называть себя так – нескромно, но в душе примерять к себе это звание необходимо тому, кто ответственно относится к своему дару. А Башлачев относился ответственно: написано им немного, но среди оставшихся сочинений практически нет «пустячков». Он почти всегда пытался петь о главном. В стихотворении-песне «На жизнь поэтов» он сказал о самом сущностном в поэтической судьбе, в призвании поэта. Там поразительно много точнейших

определений поэтического творчества, горестное предвидение своей собственной судьбы и судьбы своих стихов: «Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада по чистым листам, где до времени – все по устам…» И далее эти «семь кругов» беспокойного поэтического лада варьируются в песне, обретая очертания символического образа, зыбкого вместилища духа.

По каким же кругам ходила поэзия Башлачева, прежде чем уйти на «восьмой» круг – круг бессмертия?

Внешний круг земной судьбы обозначен двумя датами: 27 мая 1960 года Саша Башлачев родился в Череповце, 17 февраля 1988 года он покончил с собой в Ленинграде, выбросившись из окна. В неполном двадцативосьмилетнем промежутке уместились школа, факультет журналистики Свердловского университета, работа в районной череповецкой газете «Коммунист», сочинение стихов и песен – сначала для череповецкой группы «Рок-сентябрь», потом «для себя», а последние три года – странная, бесприютная жизнь бродячего музыканта, путешествующего с гитарой по городам и весям страны, поющего свои песни на домашних концертах, изредка – в залах и на фестивалях. Вошли в этот круг и женитьба в Ленинграде, и последняя, самая сильная любовь к женщине, подарившей ему сына Егора, которого Саше увидеть так и не довелось.

Круг судьбы, ее конкретные приметы весьма скупо отражены в Сашиных стихах. Мелькнет иногда «поезд Свердловск – Ленинград», или появятся на лесенке его любимая Настенька с друзьями «Митенькой и Сереженькой», или блеснет под фонарем свинцовая вода Фонтанки в городе, который стал для него родным, чью болезненную и высокую душу Башлачев ощутил так, будто был коренным петербуржцем. «В Москве, может быть, и можно жить. А в Ленинграде стоит жить», – сказал Саша в одном из интервью, которыми его совсем не баловали.

Более высокий поэтический круг – круг истории – проступает в стихах Башлачева явственнее. Ощущением истории пронизаны многие песни – это и «Ржавая вода», и «Время колокольчиков», и «Петербургская свадьба», и «Абсолютный Вахтер». Бесполезно искать там интерпретацию конкретных исторических событий; Башлачев – поэт, а не историк и философ. Историческое воплощено в неожиданных и точных поэтических деталях, в смещениях смысла давным-давно знакомых оборотов и выражений. И если «сталиные шпоры» не оставляют сомнений относительно источника происхождения, то в словах «вот тебе, приятель, и Прага, вот тебе, дружок, и Варшава» уже труднее углядеть историческую первооснову, но она все равно чувствуется.

Но еще свободнее чувствует себя поэт в надысторическом фольклорном кругу мифа, былины. Здесь им создано несколько вещей, которые ни в коем случае нельзя считать стилизациями («Егоркина былина», «Ванюша», «Имя Имен», «Вишня», «Спроси, звезда» и др.). Органичность погружения в эту стихию доказывается тем, что фольклорными образами и мотивами пронизаны практически все стихи и песни Башлачева. И наш бедный и жестокий быт, и наша бедная, несчастная история последних десятилетий мифологизируются, срастаясь в песне с могучими тысячелетними корнями русского эпоса. В этом, на мой взгляд, отличие Башлачева от иных «патриотически» настроенных творцов, которые как бы отделяют «чистую» историю России и ее предания от «нечистых», неправедных наслоений послеоктябрьского периода. В Сашиных стихах нигде не встретишь сусальных образов древности, не встретишь в них и презрения к дню сегодняшнему. Все это – звенья одной нерасторжимой цепи, натянутой между полюсами «нашей редкой силы сердешной» и «дури нашей злой заповедной». Это исконное противоречие национального характера Башлачев чувствовал нутром; да что там чувствовал! – он сам был этим противоречием. Достаточно послушать записи его песен, модуляции голоса, срывающегося с тихого шепота в яростный крик.

Он не боялся соединять, казалось бы, несоединимое. В одной строфе соседствуют у него «батюшка царь-колокол» с «биг-битом, блюзом и рок-н-роллом»; то и другое околдовывает поэта и его слушателя благодаря Божьему дару слова.

Круг русского слова, четвертый поэтический круг Башлачева – это его стихия, среда обитания образов. Строго говоря, так можно сказать о любом истинном поэте, но для большинства из них Слово – лишь средство, доносящее до читателя смысл стиха. У Башлачева оно само стало смыслом. Стремление поэта в глубину заставляло его искать корневые сближения слов, их созвучия, высекающие иной раз искру невиданного смысла, а иногда погружающие в темные магические – до мурашек по коже – заклинания:

Как искали искры в сыром бору,
Как писали вилами на роду,
Пусть пребудет всякому по нутру
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть – как место на звон мечом.
Если все вершины на свой аршин.

Если в том, что есть, видишь, что почем.

Я люблю эту вязь, эту звукопись, которая никогда не была для поэта самоцельной – посмотрите, мол, как я ловко аллитерирую, как играет внутренняя рифма! – но всегда несла на себе отпечаток мучительных поисков Правды. Несомненно, Башлачев ощущал слово по-особому, потому иногда так загадочно-темны его фразы, будто запертые сторожки на глухой лесной дороге – их назначение можно долго разгадывать, а можно принять как должное вместе с их потаенным смыслом.

Слову было тесно в лексическом и семантическом круге, оно выплескивалось в звукоряд, в музыку, в сферу созвучий, возвращая поэзии ее значение искусства мелодического. Поэтому, говоря о музыкальном круге поэтического дара Башлачева, я менее всего имею в виду композиторские способности Саши или его умение играть на гитаре. Среди стихов, вошедших в эту книгу, есть ряд таких, что намекают на специфическое музыкальное сопровождение, имеют, так сказать, рок-н-ролльную основу («Дым коромыслом», «Черные дыры», «Час прилива»), но в подавляющем большинстве стихи-песни обладают совершенно самобытной мелодикой и ритмикой. Напечатанные на бумаге строки лишь бледная тень звучащего ряда. Никаким алфавитом, никакой нотной азбукой не передать интонации, ритмического рисунка, повторов, зачинов строк, разрушающих строгую поступь метра и сообщающих песне свободу живой души. Иногда, чтобы правильно прочесть напечатанное стихотворение, его непременно прежде надо услышать в записи – иначе запутаешься, строки покажутся неуклюжими, неумелыми, бесформенными. А послушаешь Сашино пение под гитару – и все становится на место. Прозрачная ясность и чистота. Ничего лишнего.

И все же смысловые, фонетические, лексические круги поэзии Александра Башлачева служат лишь основанием для построения двух последних, сущностных «кругов беспокойного лада», которые я бы назвал кругом Любви и кругом Смерти. Все, попадающее в поле зрения поэта – будь то случайная встреча с неизвестным сибирским бардом, который «показал бы большинству и в том, и в этом мире», или былинная Егоркина судьба, или обращение к поэтическим судьбам, – рассматривается с запредельной высоты этих вечных понятий. Любовь «идет горлом» и тянет за собою смерть. Настоящего поэте легко распознать по бесстрашию, с каким он говорит о любви и смерти, и бесстрашие это всегда оплачивается судьбой. Башлачева страшно читать и еще более страшно слушать. Дух захватывает,

будто глядишь вниз с многоэтажной высоты перед последним шагом. Прежде чем Саша сделал этот шаг, он измерил бездну своими песнями. Стало уже общим местом говорить о том, что Башлачев точно предсказал свою судьбу – вплоть до мельчайших деталей: «рекламный плакат последней весны качает квадрат окна» и «зима в роли моей вдовы», и «когда я спокойно усну, тихо тронется весь лед в этом мире и прыщавый студент-месяц Март трахнет бедную старуху-Зиму», – но это действительно так, каждая из этих строк оплачена слишком дорогой ценой.

Он знал о любви и смерти больше нас, потому ушел так рано. Его строчка «нет тех, кто не стоит любви» врезается в память обжигающим откровением, хотя по смыслу ничем не отличается от двухтысячелетней христианской заповеди. О любви к ближнему твердили тысячи людей после Христа, но услышали только тех, кто подтвердил эту любовь собственной смертью.

…А теперь давайте спустимся с небес на землю, потому что этот очень молодой человек невысокого роста с ладной фигурой и ясной улыбкой всего лишь два с небольшим года назад ходил среди нас. Мы встречались с ним – кто чаще, кто реже, – разговаривали, слушали его песни… Разве мы не видели тогда – с кем имеем дело? Разве не чувствовали? Почему же говорим и пишем о нем так, как он того заслуживает, только сейчас, когда его уже нет?

Вопрос больной. И не только к Башлачеву относится. Тот же самый вопрос задавали, когда не стало Высоцкого. И всякий раз он подразумевается на похоронах и поминках хорошего человека, которому не воздали при жизни. Звучит немой укор: что же вы раньше этого не сказали? Где вы были? Может быть, услышь он ваши слова, был бы сегодня жив и здоров?

Я категорически с этим не согласен. Мне трудно представить себе Сашу Башлачева, обласканного официальной критикой, выпустившего книгу, принятого, глядишь, в Союз писателей. Не к тому он стремился. Все справедливые слова и почести ни на минуту не оттянули бы трагического конца, скорее приблизили бы его. Он стремился не к тому, чтобы быть обласканным, а к тому, чтобы быть понятым. А это, увы, задача почти недоступная для поэта, идущего по целине. Дело в том, что судьба трагического поэта – такое же произведение искусства, как его стихи. Отчасти он пишет судьбу сам, отчасти диктуют обстоятельства. Нельзя сказать, что Сашу не любили или не замечали, – в любом городе его ждали друзья и благодарные слушатели. Это гораздо важнее для художника, чем официальная слава. Но те, кто слушал его, – не всегда слышали, хотя и старались понять. Подлинное понимание приходит только теперь,

когда жизнь состоялась до последней точки. Многие из тех, кто близко знал Сашу, сходятся на том, что конец его был предопределен всем складом его характера, темперамента, личности. Он был запределен в своем творчестве – и вышел за предел.

Что поражало при встрече с ним – какая-то детская незамутненная чистота, может быть даже наивность. Он был немногословен и застенчив. Во всяком случае, так мне показалось после считанных пяти или шести наших встреч. Я никогда не считал его рокером, хотя познакомился в этом кругу. Он был в стороне, сам по себе. По-моему, он боялся публичности, не любил ее. Помню, как он волновался перед выходом на сцену Ленинградского дворца молодежи во время рок-фестиваля 1987 года. Через несколько дней у Гребенщикова состоялась наша последняя встреча. Потом он исчез из Ленинграда, его искали, чтобы выбрать песни на пластинку, утвержденную «Мелодией», но было уже поздно. Мне кажется, что после того лета он уже ушел «на восьмой круг».

Готовя эту книгу к печати с согласия Насти, передавшей мне полное собрание Сашиных стихов вскоре после его смерти, а потом приславшей откорректированные варианты, я вновь прослушал все имеющиеся у меня башлачевские записи. На пленках оказалось тридцать три песни, в настоящий сборник вошло сорок произведений поэта в последнем откорректированном списке их 58. Наиболее полным и показательным, в смысле содержания концертом Саши я считаю выступление в московском Театре на Таганке 22 января 1986 года. Определяя состав книги, мы старались следовать духу того концерта, в котором Саша спел двадцать песен, в том числе «Егоркину былину» и «Ванюшу» – две свои маленькие поэмы.

Фонограмма сохранила не только песни, но и краткое вступительное слово Артемия Троицкого и Сашины реплики-комментарии между песнями. Даже на слух чувствуется – как он волновался, особенно поначалу.

Еще бы – петь в театре Высоцкого! Глуховатым голосом, скороговоркой, словно извиняясь, он говорил, что у него мало смешных песен, старался их вспомнить… И все же упрямо гнул свое: пел главные песни, где его нельзя было упрекнуть ни в подражательности, ни в желании угодить публике. А публика была сдержанна, и ее тоже можно понять: совсем недавно в дружеском кругу перед нею пел сам Высоцкий!

Эту фонограмму нельзя слушать без волнения не только потому, что Башлачев прекрасно поет свои песни: удивительна психологическая атмосфера концерта, его драматургия. Башлачев

сражался на территории поэта, которого любил и чтил, но от которого все дальше уходил в своем творчестве. И он хотел, чтобы это заметили. Он начал с «Посошка», «Времени колокольчиков», «Петербургской свадьбы». Реакция настороженная и прохладная. Чувствуется, что все ждут – когда же будет наше родное, «высоцкое»? Но Саша поет «Случай в Сибири», «Лихо», «Мельницу» с ее колдовским завораживающим сюжетом, «Некому березу заломати», «Все от винта!» и еще несколько своих лучших песен, все время как бы извиняясь, что вот. мол, песни серьезные, смешного мало… А ведь мог сразу взять аудиторию в руки, спев «Подвиг разведчика» или «Слет-симпозиум», – это ведь беспроигрышно в Театре на Таганке! Но он спел эти песни лишь после восемнадцатиминутной «Егоркиной былины» – и как все оживились, засмеялись, зааплодировали! Мол, что же ты тянул, парень! Вот настоящее, наше, «высоцкое»… Но он опять извинился: смешного больше нет – и спел «Тесто», «Сядем рядом…», «Как ветра осенние», а закончил «Ванюшей».

Он не хотел эстрадного успеха. Он хотел петь о главном и быть понятым правильно. Те же «Подвиг разведчика» и «Слет-симпозиум» – песни, брызжущие юмором, веселой злостью, – показывают, что Башлачев мог катиться на этой волне и дальше, как делают многие гораздо менее талантливые последователи Высоцкого. Но он не захотел. Не смог себе позволить.

В определении состава посмертной книги, в ее редактуре без участия автора всегда есть некий произвол, возможность ошибок и неточностей. Мы старались свести их к минимуму. Однако следует помнить, что этот сборник не является академическим научным изданием и не претендует на полноту. Мы не приводим вариантов отдельных строк или строф – а разночтений у Башлачева довольно много. Более того, иной раз мы не придерживались последней авторской редакции, даже если она была известна, а останавливались на наиболее распространенном варианте, встречающемся в большинстве Сашиных фонограмм. Например, в последней редакции песни «Время колокольчиков» вместо строчки «Рок-н-ролл – славное язычество!» стоит «Свистопляс! Славное язычество.». Может быть Башлачев искал русский ритмический эквивалент рок-н-ролла, может быть, считал, что так будет точнее. Не нам гадать. Мы оставили «рок-н-ролл» как вариант более привычный и известный. Также мы оставили слова с точками вместо букв, что звучат на пленках и что были заменены в последней редакции разными цензурными эвфемизмами.

Вообще же, Сашу надо слушать. Пускай эта книга останется зримым путеводителем по его песням, пускай она даст

возможность прикоснуться к строчкам, чтобы мысленно воспроизвести Сашин голос, мелодию песни, неповторимый нежный и яростный звук его гитары. А мы еще раз помянем его и выпьем с ним «на посошок»…

Прорицатель Пауль
9 июля

Посвящается осьминогу

Пауль увидел сквозь стекло, что к аквариуму приближаются два человека в черном, несущие за ручки большую стеклянную банку с водой. Фрау Мензель, обычно ухаживающая за Паулем, перегнулась через стенку аквариума и достала Пауля оттуда обеими руками. Она поцеловала его в то место, которое считается носом у осьминогов, и бережно положила в банку, принесенную незнакомцами.

– С Богом, дружок! – сказала она и зачем-то перекрестила его.

Черные незнакомцы водрузили банку с Паулем в открытый кабриолет, который помчался по улицам. Вокруг бушевала толпа, размахивали знаменами. Пауль слышал крики: «Покажи им!», «Ни пуха, Пауль!», «Дойчланд юбер аллес!»

Паулю нравилось быть в центре внимания.

Наконец кабриолет остановился у ворот стадиона и незнакомцы, не мешкая, понесли банку с Паулем мимо полицейских и контролеров прямиком в туннель, ведущий на футбольное поле.

Стадион встретил Пауля ревом. Он заметил, что команды уже на поле – одни в красном, другие в белом – а в центре стоит человек в такой же черной униформе, как у незнакомцев.

Пауль понял наконец, что это судьи.

Главный арбитр наклонился к банке, несколько церемонно вынул оттуда Пауля и положил на футбольное поля, прямо на белый кружок в центре.

– Я бы на вашем месте сгруппировался, – успел шепнуть он.

Пауль подтянул щупальцы к себе, превратившись в тугой клубок мышц и присосок.

Помощники бегом унесли банку. Судья жестом пригласил красного футболиста подойти.

Это был легендарный Фернандо. Пауль много раз видел его по телевизору, наблюдая через стекло аквариума за экраном. Фернандо нагнулся и переложил зачем-то Пауля на другой бок.

«Что он хочет делать?» – с интересом подумал Пауль.

Судья свистнул, и Фернандо не раздумывая тихонечко ударил нарядной бутсой по упругому боку осьминога. Пауль покатился по траве и оказался перед другим красным, которого звали Вилья. А тот изо всей силы засветил Паулю промеж глаз, так что все

потемнело, и Пауль полетел назад, к этому зверю Хави Алонсо, который…

Он ударил, будто кувалдой, так что у Пауля все щупальца расплелись и он полетел к бровке, напоминая порванную мокрую простыню. Не успел он приземлиться, как к нему с двух сторон ринулись двое с перекошенными лицами и принялись пинать его и друг друга ногами.

Игра началась.

Вскоре Пауль немного освоился и понял, что красные бьют не очень сильно, но часто, а белые, наоборот, – редко, но зато от души. Иногда Паулю удавалось пролететь метров семьдесят, и он даже успевал помахать щупальцами зрителям, которые отзывались на его полет дружным ревом. Счастьем было залететь на трибуну после удара защитника и успеть обнять какую-нибудь разукрашенную девушку хоть одним щупальцем. Но его тут же выкидывали обратно на поле.

Он уже разобрался, что белые – это его земляки, и симпатизировал им. Ему очень хотелось дать нужное предсказание.

Всему помешал этот лохматый отморозок с длинными волосами, который прибежал от своих ворот в штрафную площадку белых, чтобы участвовать в розыгрыше углового. Пауль был еще в воздухе, когда увидел, что тот разбегается и взмывает вверх. Он видел его приближающиеся безумные глаза, зверский оскал, его разметавшиеся, как щупальца черного осьминога, волосы. Еще мгновение – и его каменный лоб столкнулся с нежной плотью Пауля, и осьминог влетел в ворота белых, как раненая птица, обвиснув щупальцами на сетке.

Вратарь белых отодрал его щупальца от сетки и с ненавистью ударом отправил в центральный круг.

– Продажная тварь! – сказал он по-немецки.

…Когда Пауля везли домой, толпа кричала: «Распни, распни его!» Бока болели, глаз был подбит, одно из щупалец оторвали где-то в штрафной испанцев. Но он все равно был доволен, что честно исполнил свой долг, и размышлял о нелегкой доле прорицателей и том везучем парне с безумными глазами, за шею которого он мог бы зацепиться щупальцами в момент удара – но не сделал этого.

Плывём
17 июля

Плывём по Балтике, приближаясь к Ростоку. За окном холод собачий, ветер и не больше 20 градусов Цельсия.

Меня удалённо заставляют писать дикторский текст к фильму о Цое, я удалённо сопротивляюсь.

Фильм носит условное название «Пластилин». Конечно, оно не сохранится.

Эпиграфом служит крошечный кусок интервью с Цоем.

– Ваша любимая игрушка в детстве?

– Пластилин.

– А что из него получалось?

– Всё.

Тезисы для памяти
17 июля

В сущности, каждую человеческую жизнь, точнее, судьбу можно рассматривать как произведение искусства, которое создается автором осознанно или интуитивно и может быть, как и всякое творение, бездарным, талантливым, гениальным. Иногда общая талантливость «автора судьбы» совпадает с талантливостью созданного произведения, но далеко не всегда. Судьба гениев часто бывает вполне заурядна. И наоборот – не проявившие себя художественно люди создают иной раз ослепительные в своей красоте судьбы.

Самое обидное – сознавать, что от твоих личных усилий по созданию собственной судьбы зависит далеко не всё. Иной раз очень мало зависит. Избрание жизненного пути, карьерные потуги, высокие цели могут привести к совершенно ничтожным или просто противоположным результатам. А ленивые счастливчики, плывущие по течению, тратящие свое время и себя самого чёрт знает на что, внезапно выигрывают, создают неправильное, странное жизненное произведение, но несомненно талантливое.

Видимо, тут вмешиваются какие-то другие силы. Противостоять им нельзя, но можно угадать их направление и не противиться им.

Восточные люди умеют это делать лучше других, по моему мнению.

Цой создал короткую, простую по сюжету, яркую жизнь, увенчанную трагической гибелью. При этом, казалось, создавал ее, не прикладывая особых усилий. Всё получалось как бы само собой. Не лез вон из кожи, не боролся, но создал образ бойца.

Заметим – бойца, но не борца.

Бывает ли так?

Если уж ты бьёшься, то значит – с кем-то борешься?

Совсем не обязательно. Цой никому не хотел «ставить ногу на грудь». Он бился, защищая свою честь и достоинство. А покорять кого-либо и устанавливать свой порядок ему не было нужно.

Но что же яркого было в этой судьбе? Только лишь песни и любовь миллионов?

Гребенщиков сказал о нём: «Цой идет по жизни походкой тигра». Вот эта походка уверенного в себе существа, почти сверхчеловека – завораживала. На нее хотелось смотреть. Вкрадчивая, лёгкая, целеустремлённая. Шаги на пути от шалопая

и бездельника к звезде по имени Солнце. Причём с застенчивой уверенностью, что это может каждый, ничего в этом нет особенного.

Создать свою неповторимую судьбу может каждый.

Вот в этом и есть смысл Цоя, его разгадка, если хотите.

Ужасы ночной Женевы
21 июля

Вообще, все приключения в зарубежном путешествии проистекают из плохого знания местных законов и обычаев и незнания местности.

Короче, мы должны были доехать из Дармштадта до Женевы, где предстояла встреча со старым сетевым знакомым Мишелем, членом ЛИТО им. Стерна, живущим в Женеве, а потом намеревались пересечь границу с Францией и приехать в местечко Crozet к Сергею, работающему в CERN (в прошлом году он нам показывал устройство этого заведения).

Ехать от Мишеля до Сергея по навигатору было всего 16 км, и мы решили убить всех зайцев, искупавшись по дороге в Женевском озере. И припозднились естественно.

Пока нашли пляж не доезжая до Женевы, пока купались, теряли на пляже мои очки, возвращались, искали и нашли – прошло время. Оказвавшись в Женеве, поняли, что навигатор знает все дороги, но понятия не имеет – какие из них ремонтируются. А там ремонтировались все. И мы принялись блуждать, пока Мишель по телефону не вывел нас на нужное место.

Итак, у него мы оказались около 9 вечера.

Потом пили чай и разговаривали, а вокруг стремительно темнело. Но мы не волновались, как я говорил, до Сергея было всего 16 км. Но уже в другой стране.

Уехали в начале одиннадцатого уже в полной темноте.

Навигатор бодро вывел нас на широкую прямую дорогу, названия которой я не забуду никогда. Ее звали Route de Meyrin. Она вела из Швейцарии во Францию. Мы помчались по ней, но минут через 5 наткнулись на полосатый забор, каким здесь огораживают дорожные работы, и дорожный знак типа «кирпич». Вперед хода не было, там всё было разрыто.

Это случилось аккурат возле бензозаправки, на которой не было ни души, лишь два негра заправляли свои автомобили. Персонал отсутствовал, расплачивались негры кредитками.

Я подошел к одному и прямо спросил, как мне попасть во Францию? Негр понял и принялся размахивать руками и что-то объяснять на языке, напоминающем английский. Я понял, что нам нужно вернуться и с этой Meyrin свернуть вправо, там объезд. И мы поехали назад. Причем тетка в навигаторе настойчиво пыталась нас вернуть к «кирпичу», рекомендуя развернуться.

Наконец мы развернулись и снова помчались по Meyrin (о как я разворачивался в эту ночь! какие там двойные сплошные, какие бордюры и поребрики! на улицах не было ни души, включая полицию). На одном из съездов с Meyrin мы заметили надпись France – и рванули туда. Очень скоро дорога завела нас на автостраду, потом в туннель, еще один, но Франция была лишь на указателях. Мы промчались километров 20, пока догадались снова включить навигатор и увидеть, что мы ехали в прямо противоположном направлении от Crozet. Франция там со всех сторон, ничего удивительного. Развернувшись через поребрик, помчались обратно и вскоре вновь оказались у «кирпича», повинуясь тетке из навигатора.

Позвонили Сергею, и он подтвердил, что Meyrin – единственная дорога, она сейчас перекрыта, но есть объезд ремонтируемого участка. Мы свернули от кирпича вбок, поблуждали там и вернулись. На счастье откуда-то вынырнуло такси, я устремился за ним и миганием фар предложил остановиться.

Таксист выслушал меня, важно кивая, а потом принялся объяснять по-французски. Я тупо и покорно кивал. Выходило, что нам нужно было ехать по дороге на Аэропорт. Мы поехали искать эту дорогу.

Замечу, что первой впала в панику тетка из навигатора. Но мы от нее отстали ненадолго. Дорога на Аэропорт была найдена, там не было ни души – ни домов, ни негров, ни таксистов. Мы мчались под крики навигатора: «Выполните разворот!», «Вы отклонились от маршрута!» – и я начинал понимать, что сейчас останусь в этой безлюдной местности, где не ступала нога белого человека, с женой и дочерью, но без всякой надежды на ночлег.

И тут на одном из светофоров, когда я пережидал красный сигнал, сзади подкатил мотоциклист и остановился рядом. Я опустил боковое стекло и протянул к нему навигатор.

– Где Франция?! – крикнул я в отчаянье.

Он махнул рукой вдаль.

– Crozet! – крикнул я.

И он тоже стал вертеть руками, а я безнадежно смотрел на него. Красный сменился зеленым и снова красным.

Видимо, мое лицо было достаточно выразительным, потому что он сделал жест, означающий «следуйте за мной».

И этот простой швейцарский парень с добрым сердцем вел нас в ночи за собой километров пять, петляя по разным улочкам, где мы никогда бы сами не нашли дороги.

И он вывел нас во Францию, и мы сказали ему «мерси боку!» – не иначе Бог его нам послал!

Вскоре на указателях показался Crozet, тетка успокоилась и приступила к исполнению, через 15 минут в ночном спящем Crozet'е нас встретил Сергей.

Я никогда не был так счастлив.

Между прочим, именно за такими приключениями мы и ездим в путешествия, как я понял. Дай Бог, чтобы и дальше они кончались хорошо.

На пути в Барселону
24 июля

Собственно, в Марсель заехали, чтобы отдохнуть и попробовать суп буйабес, описанный Сашей Романовой в знаменитом романе «Холст, масло». Он ей, кстати, не понравился. Портье в гостинице нас напугал, сказав, что настоящий буйабес стоит 50 евро за порцию. А все что меньше – подделка.

Мы решили, что в крайнем случае съедим подделку, но сохраним евры.

Рядом со старым портом – квартал ресторанов. Судя по смуглым лицам рестораторов, выстроившихся в дверях и печально глядящих на шествующих мимо туристов, все они – арабы. А все буйабесы – подделки. Мы взяли по полпорции. Прямо в суп желтого цвета навалены пол-омара, креветки, мидии в ракушках.

В целом мне понравилось. Официантка долго уговаривала взять белое вино, ибо рыбу надо с белым, но мы сказали, что правила знаем, но на них нам наплевать и мы любим красное.

Исполнив долг, мы поехали на пляж. На парковку узкий въезд, там стоит автомат, куда нужно бросать мелочь – всего 3 евро. Как назло, мелочи не нашлось ни копейки, и сдавать назад было поздно – сзади уже скопился хвост машин. Увидев, что мы замешкались, и поняв причину, сзади подбежала молодая женщина, сунула три евро в щель и со словами «Ох, эти русские! Не стоит благодарности» (как мы думаем) вернулась в свою машину. Шлагбаум открылся, и через пять минут мы окунулись в Средиземное море.

На следующий день мы уехали в Барселону. Путь туда лежит через городок Арль, и конечно, мы не могли в него не заехать, ибо там жил и умер мой любимый художник. Купили альбом репродукций и выпили кофе в том самом кафе, что изображено на обложке книги. Раньше оно было одно, а нынче вся площадь заставлена кафешками.

Добрались до Барселоны только к вечеру, и здесь нас ждали сюрпризы. Но об этом позже.

Барселонета и немного нервно
25 июля

Очень нежное название, типа маленькая Барселона.

Рядом с городским пляжем и портом, до центра рукой подать. И мы купились на это, забронировалм там квартиру из двух спальных комнат и гостиной-кухни. Всего 60 метров.

Но за день до нашего отъезда нам позвонили из Барселоны и сказали, что квартира снята с продажи хозяином. И предложили другую за ту же цену. Тогда там была обозначена площадь 45 м. Сейчас она вдруг стала 35 – и думаю, не без нашей помощи.

Другого ничего предложить не смогли, и я согласился, поставив условием бесплатный безлимитный интернет (WiFi) на две недели. Они согласились. И мы поехали с легким беспокойством – а что же нас там ждет? За это время мы успели узнать про Барселонету много нового и даже приятного. Но предчувствия были так себе.

Мы приехали поздно, часов около 8 вечера, потому что заезжали в Арль, и сразу поняли, что с машиной здесь будут проблемы. Улицы шириной в две машины, причем одна колея – для парковки машин местных жителей со спецпропусками. Эта сторона маркирована зеленым цветом. По другой колее строго одностороннее движение и остановиться даже на разгрузку багажа затруднительно. Когда я попытался это сделать, тут же накатили сзади и стали сигналить.

Пришлось отогнать машину на угол и там как-то взгромоздиться на тротуаре рядом с мусорными баками. Тут пришел вызванный по телефону хозяин по имени Маркос, человек лет 35. По виду такой… пронырливый. Он сразу сказал, что долго ждал и очень торопится. Сейчас покажет нам квартиру, отдаст ключи, получит деньги – и привет.

Он открыл дверь и мы увидели каменную крутую лестницу шириной примерно 50 см, где вряд ли могут разминуться два человека. И вскарабкались по ней на 3-й этаж. Квартира сразу поразила миниатюрностью. Спальни были ровно того размера, чтобы там могли поместиться 2-спальные тахты, а в «гостиной» кроме кухонной поверхности китченетты (рифма к Барселонете) был обеденный стол, диванчик и телевизор на тумбочке.

Хозяин включил кондиционер и путем нажатия кнопок на пульте добился холодного воздуха. Это было кстати, потому что в живопырке было душно. Затем он достал флешку мобильного Интернета типа Мегафон-модем, и мы проверили соединение. Все

было вроде в порядке, не считая размеров живопырки. Затем он пересчитал деньги, дал мне подписать какую-то бумагу, что я покорно сделал, как полный осёл, и упорхнул, сказав: «Звоните если что».

И мы пошли пристраивать на ночь автомобиль.

Это оказалось непросто. Оказалось, что никаких бесплатных ночных мест нет. Даже в Париже мне удавалось, покружив по улочкам минут 20, найти бесплатное ночное место. Здесь же оставался только вариант подземной парковки. Мы заехали туда и узнали, что суточная парковка стоит 57 евро, а на ночь 25. Карточка на 100 парковочных часов стоила 191 евро. Две недели парковки обошлись бы нам не намного меньше стоимости квартиры. Мы оставили машину до утра и вернулись в живопырку.

И тут нас ждал ужас. Из кондиционера лила вода, как из душа. На полу по всей комнате разлилась лужа. Принялись собирать ее шваброй и сливать воду, кондиционер выключили. Маркос по телефону пообещал назавтра прислать мастера. А когда через час интернет приказал долго жить – видимо, на сим-карту было положено мизерное количество денег – а в квартирке сделалось нестерпимо душно, мы поняли, что нас здорово наебали.

Ночь мы практически не спали, ворочаясь в поту. А утром я стал требовать от Маркоса сатисфакции. Однако он сказал, что прийти не может и просто-напросто повесил трубку. А связаться с интернет-конторой, продававшей нам квартиру, я не мог по причине отсутствия Интернета. Кстати, утром я произвел подсчет площади квартиры и нашел, что она равняется 22 кв. метрам. Две спальни по 5 и гостиная-кухня 12.

И тут появился этот человек. Он был большой, спокойный и уверенный. Он приехал на BMW X5. Звали его Станислав. Вообще-то мы с ним еще загодя списались и договорились о встрече. Он вызвался помочь нам советами и объяснениями, поскольку живет в Испании, в 50 км от Барселоны, уже 9 лет. По дороге мы созвонились и договорились, что он приедет к нам наутро после нашего прибытия. А познакомил нас заочно Алекс Экслер, который уехал отсюда буквально в день нашего приезда, проведя здесь ни много ни мало 3 месяца.

Станислав осмотрел живопырку, выслушал наши горестные рассказы, причем выразил сомнение, что удастся качать права. Он все же позвонил менеджеру интернет-портала, чей телефон мы узнали, подсоединившись к сети по лэптопу Станислава, но разговор мало что дал. «Да, мы постараемся связаться с хозяином, чтобы он отремонтировал кондиционер и дал интернет…» Но и

мы, и они понимали, что это не очень надежно. Хозяин получил деньги вперед, и теперь его главной задачей было уклониться от встречи с нами до 5 августа.

Но мы приехали сюда совсем не для ремонта кондиционеров.

И тогда Станислав посмотрел на нас и сказал:

– Ну ладно. Собирайтесь, поедем. Алекс уехал, дом свободен до 30 июля, когда приедут следующие гости. Поживете недельку, а там видно будет.

Мне стыдно сказать, но ломались мы совсем недолго.

И мы поехали на виллу, с которой можно ознакомиться по запискам Экслера за последние месяцы. Она стоит на горе, три этажа с бассейном, и вид отсюда на окрестности и море – фантастический. Мы здесь живем уже второй день. Никогда не знаешь, где потеряешь и где найдёшь.

Спасибо Станиславу. Спасибо Алексу, который нас познакомил.

А дальше будем решать проблемы в порядке поступления.

Остановка
5 августа

Добрались до Сарагоссы. Это 9-я остановка в нашем путешествии. Остановкой считается пункт, где мы ночуем хотя бы одну ночь.

Последнюю неделю провели в Калее на Коста Браво. Контора в Барселоне вернула часть денег, пересдав по моему предложению наши апартамепнты в Барселонете.

Но если бы не помощь Станислава, были бы в большом прогаре.

Зато сегодня ночью во сне мне удалось помирить Диану Арбенину и Свету Сурганову. Не без труда. Но я их убедил, и мы стали планировать ломовой конецерт под девизом «Снова вместе!».

Ура.

А Сарогосса в центре местами напоминает Рим. Просторно, много света, известняк, мрамор… Погуляли час. Завтра едем в Сан-Себастьян.

Новости с Родины
6 августа

Медведев предложил переименовать милицию в полицию. Вероятно, в этом случае ментов будут называть понтами.

Чудесное спасение на водах
11 августа

Сегодня мы покинули Испанию и переместились из Сан-Себастьяна в Бордо. Всего 238 км.

В Сан-Себастьяне было, как всегда, хорошо, но я стеснялся писать о нашем пребывании там на фоне отечественной жары. Солнце и плюс 26–28 температура воздуха и плюс 24–25 градусов температура воды.

В Сан-Себастьяне прекрасный городской пляж – огромный, с чистейшим мелким песком, с бухтой, дно которой не сразу обрывается вниз, как в Коста Браво, а имеется прибрежная полоса метров в 50–80, где можно купаться детям и плескаться в прибрежных волнах.

В 100 примерно метрах от берега (а точнее, от той отметки, где уже глубоко) – полоса редких буйков. А за ними примерно на таком же расстоянии – плавучие мостки, где можно загорать, прыгать с маленькой вышки и отдыхать.

Я туда не плавал. Туда плавали Лена и Настя. Они делали траверс – сначала на одни мостки, с них на другие (еще метров 150) и оттуда до берега.

А не плавал я с ними, потому что…

Потому что я, к стыду своему, плаваю плохо. Научился поздно, учили неправильно. В основном, плаваю «на руках» и быстро устаю. Отдыхать не умею. Поэтому я, с завистью глядя на девушек, совершал небольшие заплывы метров по 30 гораздо ближе линии буйков.

Но в последний день у меня взыграло.

– Поплыву с вами на мостки! – заявил я жене и дочери.

И мы поплыли.

Они не отрывались от меня (я к тому же и плаваю медленно), но, как я и предполагал, после буйков, на середине дистанции, я почувствовал, что сильно устал и появилась одышка. А потом стало еще хуже – появилась стенокардия.

Кто не знает, что это такое, – лучше не знать. Но я знаю хорошо. После одного из сильных приступов, несколько лет назад, у меня развился инфаркт. К счастью, довольно легкий.

А тут я еще вспомнил – вовремя, конечно, – что утром забыл принять ежедневную дозу сердечных лекарств, прописанную мне после инфаркта со словами: «А это вам пить каждый день до конца жизни».

Оптимистические очень слова, я считаю.

И вот началась легкая загрудинная боль, а плыть еще почти 100 метров. И я хорошо знаю, как эта боль усиливается, а потом ее нелегко снять, даже если снята нагрузка. Попытался отдыхать – не проходит. Очень тихо и осторожно как-то доплыл. Но боль не прошла и не думала проходить. После двадцати минут отдыха на мостках я понял, что обратные 200 метров я могу и не одолеть. Девушки взялись было меня волочь, но волочь тело весом в центнер двум хрупким женщинам – задача нерадостная. И я решил сдаться.

Конечно, можно было геройски погибнуть или загреметь в испанский госпиталь со вторым инфарктом. Но я выбрал постыдное, но разумное решение. Я позвал спасателя.

Спасатели там барражируют на линии мостков на пластиковых одноместных байдарках. Одеты они в униформу с красным крестом. Я выбрал момент, когда он приблизился, и помахал ему рукой. Он заметил и подрулил к мосткам.

– Что случилось? – прокричал он по-испански.

– I'm sorry! I don't speak spanish. I ask to help me. I have heart attac!

Как ни странно, он понял. Подплыл совсем близко к мосткам и жестами предложил мне сесть в байдарке впереди него. Я сразу понял, что трюк безумный и провальный. Эта скорлупка, как Боливар, не могла выдержать двоих. Тем не менее я при помощи мальчишек-добровольцев кое-как взгромоздился впереди него, вытянув вперед ноги, как дула орудий. Спасатель взмахнул веслом – и мы тут же перевернулись.

Плавая, я пытался сказать ему, что лучше я уцеплюсь за корму – и пусть он меня тащит. И у него был тот же план. Он вскарабкался в байдарку, я уцепился сзади – и мы не спеша двинулись к берегу. Сволочь-стенокардия от всех этих упражнений отнюдь не ослабла, а наоборот.

А стенокардическая боль в отличие от боли в ноге, скажем, вызывает реальное волнение и страх. Потому что без ноги жить можно, а без сердца нельзя.

Спасатель время от времени оборачивался и спрашивал с тревогой:

– How are you?

– OK! – отвечал я.

Еще он с кем-то связывался по мобильнику, запаянному в пластиковый мешочек от воды. Не то недолго он бы прожил с такими клиентами.

На берегу меня ждали два юноши с носилками. Оценив их возможности, я от носилок отказался, и они все сопроводили меня в медпункт на глазах сотен испанцев и туристов, которые

глазели на меня, как на чудо.

В медпункте я был окружен синклитом сначала из трех местных спасателей, а через 10 минут приехала «скорая» еще с ьремя врачами. Они стали измерять давление, пульс, но ЭКГ с ними не было. К этому времени приплыли мои перепуганные девушки, и я отослал жену за лекарствами. Хорошо, что мы жили в 5 минутах ходьбы от пляжа. Лекарства были доставлены мигом – и я принеял ежедневную порцию и еще немного нитроглицерина.

Боль ослабла, но не проходила.

Они стали писать какие-то бумаги и склонять меня к поездке в госпиталь, где мне, мол, сделают ЭКГ и поймут, насколько это серьёзно. Но я категорически отказался. Они вполне могли с перепугу поставить диагноз «инфаркт» – и что бы мы там делали, когда на следующее утро надо было уже ехать в Бордо?

Поблагодарив персонал, мы тихо дошли до наших апартаментов, я выпил чаю, лег в постель и через час боль отступила.

А потому что не надо гусарить!

Пожалуйста, не волнуйтесь и не ругайте меня и семью. Сам виноват.

И еще: все ходим под Богом, и он один знает – когда и как.

Приближаемся к дому
16 августа

Ехали, ехали и оказались вдруг в Голландии, в старом городе Утрехт. А вчера бродили по Версалю.

Очень галопом по всем Европам.

Идет дождь. Как водится, город частью перекопан, частью покрыт пешеходными зонами. Где ездить – непонятно.

Спрятали машинку под землю, завтра пойдем искать нашего любимого Йоса Стеллинга. Он здесь живет, говорят.

Собственно, мы к нему и приехали. Только он об этом не знает.

А Эля и Юра, которые позавчера провожали нас из Бордо, поступили очень мудро, снабдив теплой одеждой. За что мы им благодарны. Иначе бы мы дали дуба.

Вова Соамо
9 сентября

Внезапно позвонил Вова. Кто знает Вову и его ненависть к телефону, прекрасно понимает, когда звонит Вова.

Он шел по улице и ему захотелось позвонить мне и спеть песню.

– Пой! – сказал я ему.

И Вова запел:

Несчастный матрос, твой корабль потоп;
Клопы завелись в парусах.
Твой боцман – любитель портвейна и сноб
С прокисшей капустой в усах.
Со злым тараканом один на один
Ты бьешься, бесстрашен и прост;
Среди осьминогов, моржей и сардин,
Прекрасный, как Охтинский мост

Последние строчки мы пели вместе.

Такие мгновения остаются навсегда.

Dimkin. Послесловие
16 сентября

Послесловие издателя, которое я позволил себе поместить в самом конце Живого Журнала Горчева.

ДИМКИН

(послесловие издателя)

Впервые я его увидел в середине августа 1999 года, в Лахте, куда он приехал на первый Летний Лагерь Лито им. Лоренса Стерна, в котором Дима был моей правой рукой – секретарём этого Лито, выполнявшим из Казахстана всю сетевую работу: принять сочинения у новичков, поставить их в очередь, вовремя вывесить на сервере и, конечно, модерировать гостевые книги Лито, где с утра и до утра шли оживлённые разговоры и перебранки.

Быть таким помощником он вызвался сам в ответ на мои жалобы, что, мол, вот вы все тут приходите на готовенькое и еще недовольны чем-то, а бедный Масса, не имея соответствующей квалификации, уродуется по ночам с модемом, чтобы во-время подготовить обсуждение.

И Горчев написал, что готов мне помогать. Безвозмездно, естественно.

Так что он был в какой-то мере мой заместитель и уже имел в Лито и явных друзей, и скрытых недругов. Но недруги в Лахту не приехали, и мы провели там неделю, наслаждаясь беседами, вином и теплым питерским летом.

Тогда же, в Лахте, я преподнёс своим «литовцам» сюрприз в виде их первых книжек, выпущенных издательством «Геликон Плюс» тиражом по 100 экземпляров каждая. Там были первая книга стихов Оли Родионовой «Мои птицы на ветках», книжка Линор Горалик «Цитатник», книги прозы Романа Губарева, Павла Афанасьева, Владимира Григорьева. Была там и первая книга Дмитрия Горчева «Рассказы» с его рисунком на обложке.

Наблюдать, как Дима раскрывает и рассматривает свою первую книгу, было радостно.

Тогда же, в Лахте, мы с ним подробно поговорили о его литературном будущем, и я предложил ему перебраться в Питер, поскольку считал Казахстан и город Алма-Ату не самым лучшим

местом для существования русского писателя.

А в том, что Горчев настоящий писатель, я уже к тому времени не сомневался. Впрочем, как и его друзья из Лито.

Но на счастье Дима был и прекрасным художником, что дало мне возможность не просто позвать его в Питер, но и сразу предложить работу в издательстве в должности главного художника на достаточно скромных условиях, какие «Геликон» мог ему предложить.

Горчев тогда подумывал о Москве, но я выразил сомнение в этом выборе, считая, что человеку с таким направлением таланта и таким характером, как у Горчева, Питер подходит лучше.

Не знаю, что сыграло свою роль – мои ли советы или общее очарование городом, в который Горчев попал впервые, но он сделал выбор.

Ошибся он или нет – так никто и не узнает. Его жизнь в Питере оказалась трагически короткой – всего 11 лет, из которых 6 лет мы проработали бок о бок. Но Писателем он стал здесь, и роль города в этом превращении огромна.

Впрочем, он сам об этом написал.

Работать с Горчевым было небезынтересно. Такой элемент, как планирование чего-то – каких-то действий в какие-то сроки, – начисто выпадал из обихода и превращался в мистическую надежду, что всё как-то образуется. Дело в том, что Горчев, как человек творческий, предпочитал заниматься тем, что хочется, а не тем, чем нужно. Совпадало это не часто.

Впрочем, всё действительно как-то устраивалось, несмотря на срыв всех и всяческих сроков, но почему-то обходилось без больших скандалов с заказчиками. В Горчеве было нечто, что не позволяло на него сердиться по-настоящему. Весь запас непримиримости улетучивался при взгляде на этого «сокровенного», если воспользоваться словом Андрея Платонова, человека, в котором сразу угадывались глубина, совесть, детская чистота и детская же беззащитность, скрываемые под маской иронии.

– Только не надо на меня кричать, – тихо говорил он, хотя кричать на него никто никогда и не пытался. Так он реагировал на легкое повышение голоса.

Он отнюдь не был «христосиком». В жесткости отношения к людям и к себе прежде всего он мог поспорить с любым мизантропом. Да и сам при случае называл себя так. Но я никогда не встречал мизантропов, которых бы так любили окружающие и прощали им всё, что можно и нельзя простить.

За что? Наверное, за талант.

В этой книге, как на ладони, виден путь становления этого

таланта как в качестве писателя, так и в качестве художника. Пластичность текстов Горчева, его языка, можно было заметить еще при первом ознакомлении с его рассказами и сказками в 1998 году. С годами вырабатывается безошибочно узнаваемый горчевский стиль, в котором главное – неповторимость интонации. Некоторые пытались имитировать её ввиду кажущейся простоты, но не вышло. Лирический герой Горчева Димкин и здесь выказывал свою сокровенность, не желая открыть одному ему известной тайны и ответить на недоумённые вопроосы.

Например, на такой: почему многие читатели, не переносящие бытовой нецензурщины и употребления ненормативной лексики в текстах, делали для Горчева исключение, как бы не замечая сакральных слов, разбросанных в его рассказах? Сам я тоже не люблю текстов, пересыпанных матом, сам употребляю редко, разве что в прямой речи персонажей. А Димкина читаю с наслаждением.

Лирический герой Димкин так говорит и думает, но разве мы поставим его рядом с отморозками с их «бля-бля-бля» через каждое слово?

В пору первых книг Горчева мне приходилось участвовать в многочисленных дискуссиях на эту тему. Дискуссии, слава богу, прошли, а проза Горчева осталась.

И вот тут, чтобы выдержать тон мемуарно-критической статьи, надо было бы поговорить о «народности» Горчева, но я не буду этого делать, хотя уверен, что Дима создал глубоко народный тип с ласковым именем Димкин, который равно близок бомжу с Лиговки и профессору Университета, если только профессор не уверовал в то, что он и в самом деле Профессор.

Вот, кстати, пустячок, но приятно, как говорится. Меня всегда изумляла та необъяснимая точность, с которой Горчев пользуется прописными и строчными буквами, говоря ли о коньяке-хенесси и собако-степане или о Мироздании. Ну с Мирозданием понятно. Но почему Кольцевая Дорога тоже с большой буквы?

Но это всё абсолютно точно, и, главное, так и следует писать.

Русский язык у Горчева ведёт себя, как верный пёс: где нужно, залает, а где уместно – подластится. Но иногда и взвоет в тоске, не без этого.

Что до народности, то сам видел, как волновался Дима, когда возвращался на Родину после первой поездки за рубеж. И ездили всего-то на неделю в Стокгольм, где русскоязычная публика, кстати, заполнила офис Шведского союза писателей и устроила Горчеву восторженный приём.

А он хотел домой и как-то суетился перед границей.

Наверное, волновался, что не пустят обратно. С отъездом были проблемы. И российские, и финские пограничники продержали нас по часу из-за горчевского казахстанского паспорта, который к тому же был весьма потрепан из-за ношения в заднем кармане брюк, а фотография Горчева так вообще болталась на одной нитке. Пришлось мне показывать нашим пограничникам книжку-сволочи, как написал бы Горчев, с портретом автора на обложке. Название капитану-пограничнику явно не понравилось, но штамп в казахстанском паспорте он всё же поставил.

Странно это, когда русский писатель умирает гражданином Казахстана. Странно и горько.

Ещё горше, когда он уходит молодым.

Дима Горчев лежит в России на высоком холме, откуда открываются дали. В этих далях растут цветы, берёзы и деревни, бегают собако-степаны и поют птицы. Он слышит их голоса, и они должны услышать его голос.

Мы сделали всё, чтобы этот живой голос был услышан.

Александр Житинский, aka Масса.

Верочка в школе злословия
28 сентября

Так о чем базар, простите за грубость? Последняя реплика Татьяны Никитишны была очаровательна: «Желаю вам успеха в вашем нелегком молодёжном труде».

Умеет ТН ласково сказать колкость. А ведь права абсолютно. Любимая Верочка при всей своей сногсшибательной талантливости избрала профессией молодость и трудится на этой ниве. С успехом, надо сказать.

Взрослая Дуня Смирнова гонит Верочку на сцену или экран. Идите туда, говорит. А она может и туда, может и сюда, а куда хочет – не знает. И кудряшки очаровательные завела. Ей-богу, очень мило. Больше двадцати не дашь. В тридцать лет будем стремиться выглядеть на 25, а в пятьдесят – на тридцать.

Это очень нелегкий труд, права ТН.

Года три назад, после того как я издал первую ее книжку, я написал в ЖЖ, что нужно срочно ее снимать в кино. Она актриса, звезда. Ее нужно гонять, как сидорову козу, чтобы она не в Гоа загорала, а со съемочной площадки не вылезала. И не в гламурных сериалах, а в чём-то другом, настоящем. Она сможет, уверен. Но нужна рука режиссёра, который ее ведёт. Не нашлось такого.

И прекрасный цветок если не увядает ещё, то уже кудрявится в молодёжных завитках и всё слушает советы.

«У меня растут года, будет мне семнадцать. Кем работать мне тогда, чем заниматься?»

Верочка, прости, коли увидишь. Любя.

5 копеек про Петра
8 октября

Зачем переносить Петра? Гораздо проще перенести Церетели.

Знаете, я бы его оставил. И ничего из построенного при Лужкове не сносил.

Город – это живой растущий организм. Его городят. Вот так уж нагородили. Это и создаёт его неповторимый облик.

Кто будет спорить, что Москва имеет неповторимый облик? Или вы хотели, чтобы она стала вдруг Петербургом? Не станет.

Это всё – вехи времени. Если их убрать, наступит безвременье. Пускай стоят и напоминают и о тиранах, и о дураках, и о нашей глупости. А то вдруг резко все поумнели.

И потом – у Петра вы спросили? Это ему памятник, пусть сам и решает.

20 лет без «Кино»
9 октября

Был в «Юбилейном» на концертном трибьюте «Кино».

Ну, «глория мунди», как и положено, отдыхает. Работает «сик транзит». Не то чтобы не пригласили «крупнейшего цоеведа», но, выдавая ленточку на запястье, пояснили – «везде, кроме вип-зоны». Интересно, кто там находился, в этой зоне?

Ну и за то спасибо, билеты были по штуке, а так на халяву.

А насчет ленточки позаботился Юра Белишкин, бывший директор «Кино».

Концертом весьма разочарован. «Юбилейный» был полон. По моим оценкам, зрителей было до 10 000 человек. Это, между нами, 10 миллионов рублей выручки примерно. За эти деньги можно было поставить не только охранника у каждой двери и лестницы, но и звук.

Звук был чудовищный.

На басах – ну чтобы вам представить – был звук, напоминавший перекатывание каменных глыб в огромной металлической бочке.

Ужасны были братья Горшеневы – один в «Кукрыниксах», другой в «Короле и шуте». Вообще многие портили сдержанные цоевские песни излишней аффектацией и просто истерикой. Ну Костя ладно – ему позволено, друг всё-таки. Впрочем, при таком хрипящем звуке все равно ничего, кроме хрипа, не слышно.

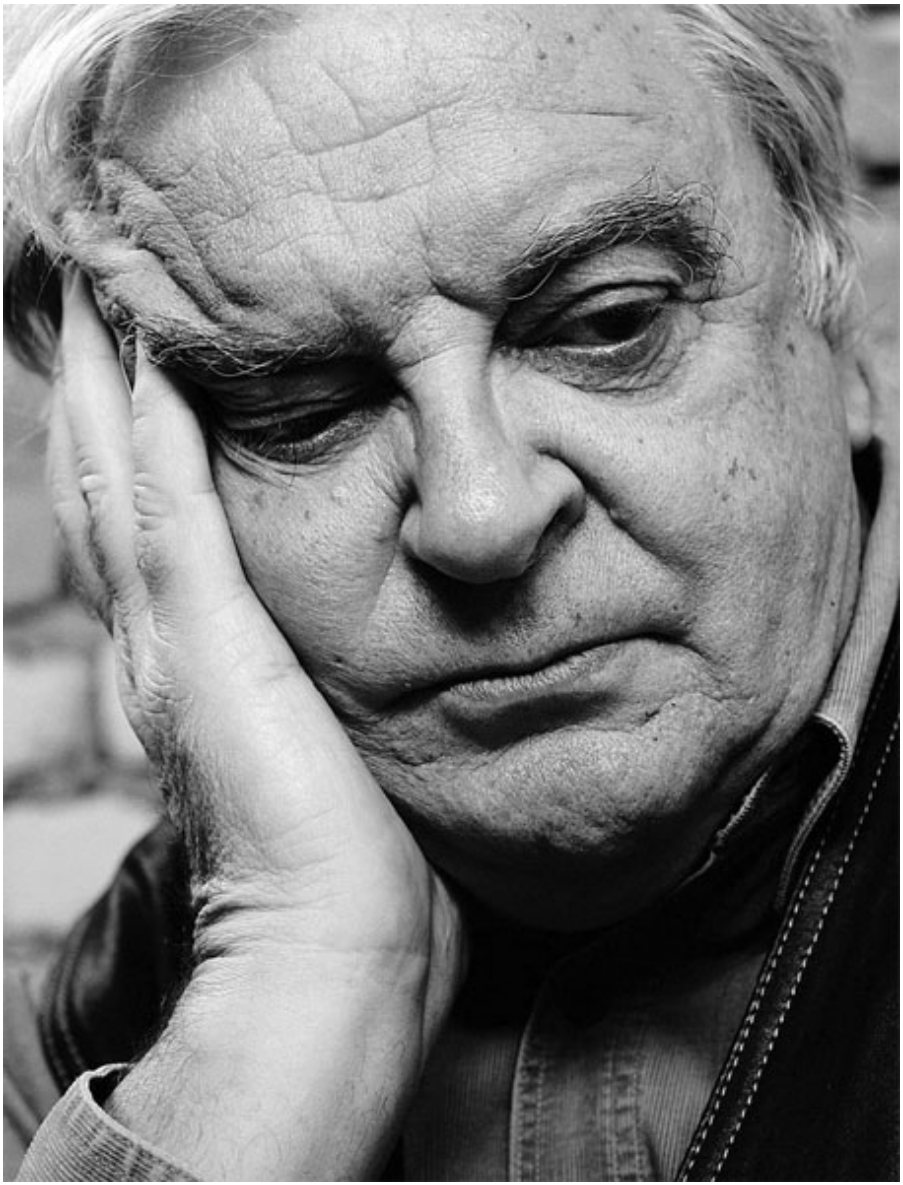
Безусловный супер – исполнение Дианой Арбениной песни «Легенда» в акустике. Земфира, которую видел живьем впервые, скорее понравилась, но там перед ее выступлением была пауза в полчаса, когда человека четыре техников метались по сцене, пытаясь оживить почему-то умолкшие микрофоны. Это смазало выступление. Наиболее адекватным кавером песен были песни Цоя в исполнении Славы Бутусова, который не старался поразить своей интерпретацией, а следовал манере автора.

К артистам не пошёл. Как представил, что придётся объяснять охраннику, что с Кинчевым, скажем, знаком с момента его первого концерта в рок-клубе 25 лет назад и хотел бы с ним перекинуться парой фраз… Как представил эту картину… Нет, не надо. Спасибо.

Sic Transit Gloria Vita
10 октября

Не успел погоревать о «глории мунди», как semas вывесил мой портрет из серии (см. сабж).

Конечно, я кажусь себе более бравым мушкетёром его величества короля, более жовиальным, что ли. Но беспощадная оптика Семаса стоимостью в 11 килобаксов ничего не прощает. Любуйтесь, дети мои, что ждёт вас через каких-нибудь лет тридцать-сорок.



Я думал, как лучше назвать этот портрет, а тут в почте и название подоспело:

«vero4ka удалил вас из списка своих друзей»

В анналы!
10 октября

Стою незыблемой скалой,
Упрямый, как бычок,
Я неприятный, пожилой,
Но русский толстячок!

Певчий дрозд
24 октября

Посмотрели семьёй «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани.

Я видел этот фильм тогда, в начале семидесятых, мои девушки смотрели впервые.

Я вообще люблю Иоселиани с его неторопливостью, мудростью и удивительным искусством снимать фильмы, где вроде бы ничего не происходит, а оторваться от каждого эпизода, от каждого кадра – невозможно.

А сейчас этот удивительный художник проклинает Россию за Южную Осетию. И это горько и обидно. Смотрел фильм и думал, что Грузия, грузины по-прежнему нам близки и у меня нет к ним никаких претензий, а только чувство любви и братства. А когда грузины поют за столом, я млею, как девушка, и завидую, потому что так не умею.

Это удивительная, космическая гадость, что мы разосрались и косо смотрим друг на друга.

Но мы ещё будем вместе.

К сведению авторов
25 октября

Вообще это следовало сказать много раньше. Но лучше поздно, чем никогда.

Каждый день я получаю некоторое количество текстов – от трех до семи примерно – вместе с письмами, где авторы просят меня прочитать их сочинение и:

– либо дать отзыв и рекомендацию – писать ли им дальше;

– либо опубликовать это в виде книги, желательно за счет издательства (то есть за мой счет).

Сразу скажу, что на письма первой категории я обычно не отвечаю. Рецензирование – отдельная работа, на которую у меня нет времени. Что касается рекомендаций, писать ли дальше, – это дело хозяйское. Хотите пишите, хотите нет.

Что касается желающих издаться, то времени прочитать все их сочинения тоже нет. Поэтому я обычно поступаю следующим образом.

Я начинаю читать текст и читаю его до тех пор, пока мне не надоедает. Если автору удаётся удержать моё внимание и интерес больше 10 страниц – это удача. После чего я прекращаю чтение и останавливаюсь перед выбором – что же предложить автору.

Если автор заставляет меня прочитать до конца, я мысленно ставлю ему памятник и включаю в план издательства.

Очень редко бывает так, что я решаю печатать книгу за счет издательства, прочитав всего несколько страниц. Последний раз это было с «Шуйскими шнягами» Натальи Налимовой весной этого года. Когда-то я взахлеб и с восторгом прочитал первые вещи Ксюши Букши, не отрываясь и до конца, и тут же их опубликовал. Но это бывает, повторяю, крайне редко.

Обычно я останавливаюсь тоже по двум причинам:

– либо это «ни в какие ворота» в смысле художественности или просто совсем не в моем вкусе;

– либо это «вполне нормально» написано, но я что-то подобное читал, и мне лично это неинтересно, но вполне может кого-то заинтересовать. Особенно это касается фэнтези, к которому я абсолютно равнодушен, включая основоположника Толкина, но читателей этого жанра много.

В обоих случаях я предлагаю автору внести финансовый вклад в издание своей книги, ибо я не чувствую в себе решимости рисковать собственными средствами, вкладывая их в издание книги, которая меня не очень интересует.

В этом нет ничего обидного для автора. Бывали случаи, когда автор не принимал этого моего предложения и уходил искать счастья в другие издательства, где его книга становилась бестселлером. Но тоже крайне редко.

В любом случае, автор, принимающий наше предложение вложить в издание собственные средства, встречает у нас полное внимание и поддержку, ибо именно на эти средства изательство в основном существует. Поскольку мне редко нравятся те книги, которые прекрасно продаются. А те, которые нравятся, продаются неважно.

Замечу, что «финансовая поддержка» может быть гибкой, это вопрос договоренности.

БГ у Познера
15 ноября

Смотрел вчера интервью БГ у Познера.

Очередная попытка журналиста «расколоть» Бориса Борисовича. Как всегда, неудачная, но познавательная.

В свое время и я пытался.

Борис Борисович – это такой сказочный сундучок, очень красивый, с множеством кнопочек и застёжек. Всем кажется, что стоит только подобрать нужную комбинацию кнопочек и последовательность застёжек – и сундучок откроется. И уж там мы непременно увидим что-то поистине волшебное.

Самого сундучка нам почему-то мало.

Но не открывается он. Такая конструкция.

Реплика
16 ноября

Прочитал статью Алексея Саломатина о стихах Верочки Полозковой и Али Кудряшевой.

Конечно, можно и так. Я даже спорить не буду.

Если мы будем судить поэзию по принципу новизны высказывания, то, возможно, автор прав. Но в том-то и дело, что при рассмотрении такой поэзии этот принцип не срабатывает и вообще оказывается ложным. В самом деле, что нового по сравнению с Бродским, Пастернаком, Ахматовой преподносят нам поэтессы? Да ничего.

Но нам это и не важно. Вступает в силу другой критерий, возможно, совсем не эстетический, а нравственный. Я говорю об искренности высказывания. Сейчас он выходит на первый план и завоёвывает аудиторию.

Когда я писал книгу о Вите Цое, я не раз задумывался, чем же Цой «брал» аудиторию. Тексты его в отрыве от музыки практически примитивны. Мелодии очень неплохи, но просты. Сила его заключается именно в искренности высказывания, которая выражается не только в текстах и музыке, но во всём облике исполнителя и в его голосе.

Вы видели, как Вера читает стихи? Ей веришь, простите за тавтологию. То же у Али.

Но даже в отрыве от облика и интонации стихи производят такое же впечатление. Им веришь.

Я не говорю, что другим прекрасным поэтам, может быть, гораздо более своеобразным, не веришь. Но искренность высказывания у них меньше. Это ведь не только правда – это открытость и беззащитность.

Они открыты и беззащитны. За это их и любят.

Поскольку аргумент в виде любви публики у нас давно считается дурным тоном, я на этом умолкаю.

Но мне хочется, читая поэта, верить ему и любить его. Пусть даже это и внеэстетические категории.

Итоги
31 декабря

Главное событие года бесконечно печально. Умер Горчев.

Все остальное более или менее нормально.

Надеялся к 1 января закончить небольшой роман (повесть?) листов на 10–12, где читатель снова встретится с героем «Лестницы» Владимиром Пирошниковым, только ему уже не около 30, как было в «Лестнице», а около 70.

Называется этот роман «Плывун». Плывун, или Сорок лет спустя, так сказать.

Надеюсь опубликовать одной книжкой с «Лестницей» как дилогию.

Вступать в творческое соревнованеие с собою тридцатилетним опасно.

2011

Сорок один год назад
1 января

Здравствуй, год семидесятый!
Различаю за чертой
Профиль времени усатый
В тонкой рамке золотой.

То ли память, как овчарка,
По следам моим бежит,
То ли выпитая чарка
Мне несчастье ворожит?

Вижу год, как на ладони,
В отрывном календаре.
Не участвую в погоне,
Не участвую в игре.

Но когда пробьют двенадцать,
Точно обухом, часы,
Надо, надо улыбаться
В золоченые усы!

1970

Плывун
5 января

Поставил вчера точку. Получилось 11 с небольшим авторских листов.

Раньше это называлось повестью. Сейчас чаще – романом.

Теперь надо по мелочам чистить, поправлять.

Закончить нельзя, можно только прекратить.

Испытываю удовлетворение средней тяжести.

С Рождеством Христовым!
7 января

У меня лишь две исторические личности (а я считаю Иисуса историческим лицом) вызывают такое личное отношение, что я думаю о них, как о живых знакомых людях, так же сочувствую и жалею.

Это Иисус и Пушкин.

О Ваенге
8 января

Очень интересное совершил открытие.

Когда я впервые увидел на афише слово «Ваенга», оно показалось мне странно знакомым. Будто я его знал уже. Но вспомнить даже не пытался, очень уж смутное было воспоминание. Тень воспоминания.

А вчера, предприняв разыскания, узнал, что Елена Ваенга – псевдоним (ну, можно было догадаться), а родилась она в Североморске.

И тут меня пробило.

Слово «Ваенга» я слышал в раннем детстве от отца-летчика, который воевал на Северном флоте. И в разговорах и рассказах отца и его друзей мелькали тамошние названия – полуостров Рыбачий (его все знают по песне) и Ваенга – речка в тамошних местах.

Может, там летчики рыбу ловили или воду брали.

Ну и понятно, что слово сразу стало мне как бы родным. Хорошее слово.

И певица она хорошая все же. Не нравится – не слушайте, но что она к нынешней славе пришла только через любовь публики, ДО рекламы – это точно.

Что дальше будет – посмотрим. Может, испортится. Но не должна. Есть основа.

Кстати, «взятая за основу» – понятно о чем. Но это слово из другого ряда, это канцеляризм.

Хотя и запоминается сразу.

Вспыхнувший мир
21 февраля

Феномен вспыхнувшего арабского мира – поразителен.

По-моему, ничего подобного в истории не было.

Жили гораздо более обособленно.

И все же теперь человечество – единый организм, который болеет весь сразу. Это началось в XX веке, продолжается и сейчас.

Нацизм, фашизм, сталинизм – сначала поразила эта болезнь.

Теперь национализм и борьба этносов.

Как увлекательно не только наблюдать это, но и быть участником, пусть и пассивным.

Вспоминаю Блока – как он это чувствовал!

Да и Пушкин предугадал это чувство в сравнительно вегетарианские времена:

«Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю…»

Мы на краю бездны – и в этом есть упоение.

Maguy Marin
28 февраля

Перелистывая каналы в перерыве футбольного матча, наткнулся на нечто волшебно-прекрасное – спектакль то ли балета, то ли пантомимы на канале Mezzo.

Забыл о футболе и досмотрел до конца, чтобы узнать – что это такое.

Это спектакль 1981 года по мотивам Самюэля Беккета – «May B».

Завораживающее зрелище.

Почему-то подумалось, что так должен выглядеть на сцене Горчев. То есть его текст.

Уже нашел все ссылки, уже качаю.

Она француженка, эта Маги Марен, хореограф, ей 60 лет. А спектаклю 30. Вообще она много чего поставила.

Лытдыбр
28 февраля

Сегодня днем, не дойдя одного метра до двери в «Геликон» и не заметив тонкой наледи на тротуаре, со страшной силой нае… Упал, короче говоря. Упал мгновенно, не успев как-то приготовиться. В результате хлопнулся об асфальт со всего маху левой стороной грудной клетки. Почти боком. Боль была дикая. Сразу встать не мог, потом кое-как подняли, вошел в издательство и чувствую, что вздохнуть не могу из-за сильной нутряной боли.

Короче, Лена повезла меня домой. По дороге позвонил сестре, она у нас доктор. Она в приказном порядке велела вызывать «Скорую». Позвонил. Они, в свою очередь, велели останавливаться прямо на улице, мол, сейчас приедут.

Приехали минут через 20. Пощупали, послушали, пожали плечами. «Наверное, ребра сломали, раз такая боль…» Сказали, что могут отвезти в больницу им. Куйбышева.

Кажется, это самая плохая больничка в Питере, но травматологическое отделение есть только там, как они сказали.

– А что они там сделают? – спрашиваю.

– А ничего. Рентген сделают, потом отправят домой скорее всего. Переломы ребер не лечат, они сами зарастают. Только долго.

Я отказался и поставил под отказом подпись. И поехали мы с женой просто в травмопункт в Первый мед. Рентген там сделали и с некоторым сомнением сказали, что трещинка, вроде, есть, но не уверены. Скорее, просто сильный ушиб. Прописали обезболивающее и отпустили.

Сейчас боль в спокойном состоянии слегка утихомирилась. При вдохе и при движении по-прежнему больно.

Собственно, сам виноват. Не проконтролировал, чтобы эту наледь перед дверью счистили или посыпали песком.

Причуды памяти
5 марта

Оторвавшись от компа, зашел в комнату, где Настя с Леной смотрели кино. И вижу – мое кресло занято.

Совершенно автоматически произношу:

– На свободное местечко захотелось бабке сесть. Оглянуться не успела – место занято другим!

И думаю: что это я говорю?

И вдруг сходу цитирую еще куски этого стихотворения, которые сидели во мне лет 60 без употребления.

Пошел в Яндекс, нашел полностью.

А вы помните эти стихи? Знаете, кто их написал?

Стихи гениальные, между прочим.

Шёл трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нём сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.
Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.
Он сидит на лучшем месте —
Возле самого окна.
У него коньки под мышкой:
Он собрался на каток.
Вдруг на пятой остановке,
Опираясь на клюку,
Бабка дряхлая влезает
В переполненный вагон.
Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Николай сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.
Вот вагон остановился
Возле самого катка,
И из этого вагона
Вылезает пионер.
На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —

Место занято другим.
Пионеру Валентину
Ехать очень хорошо,
Он сидит на лучшем месте,
Возвращается с катка.
Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Валентин сидит скучает,
Бабка рядышком стоит.
Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем в рифму:
– Старость нужно уважать!

Колбаса
6 марта

Спасибо всем, кто освежил детство, вспомнив стихи С. В. Михалкова. Но он поленился, по-моему, и не назвал всех невеж, ограничившись Николаем и Валентином.

Предлагаю вывести на чистую воду всех без исключения.

Итак, убираем последние четыре строчки и продолжаем этот чёрный список.

…Вот вагон остановился
У завода «Большевик»
И из этого вагона
Выбегает Валентин.
На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —
Место занято другим.
Пионерке Маргарите
Ехать очень хорошо.
Вот сидит она, мечтает
И коктейль из банки пьет.
Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Маргарите всё до фени.
Бабка рядышком стоит.
Наконец остановились
Перед вывеской «Ломбард»,
И бухая пионерка
Устремляется туда.
На свободное местечко
Захотелось бабке сесть,
Оглянуться не успела —
Место занято другим.
Гастарбайтеру Ахмеду
Ехать очень хорошо.
Он сидит, как победитель,
И творит себе намаз.
Люди входят и выходят,
Продвигаются вперёд.
Гастарбайтер весь в астрале.
Бабка рядом наяву.

Тормознули у мечети,
Мусульманин вышел вон,
И старушке захотелось
На минуточку присесть.
Не успела оглянуться —
Прибежал другой чувак
И уселся в это кресло
У старушки на виду.
Интуристу Джонатану
Ехать очень хорошо…

Ну и так далее.

Сюрприз к Женскому дню 8 марта

Сегодня в качестве подарка своим девушкам, включая тёщу, я внезапно приготовил салат, рецепт которого услышал по Радио «Зенит» от повара Ильи Лазерсона, когда ехал на работу недавно. Рецепт был столь прост, что я его запомнил.

Итак, компоненты: зеленый сладкий виноград без косточек (типа киш-миш), мандарины, сельдь норвежская малосольная, грецкие орехи, сметана.

Лазерсон утверждал, что это норвежский рецепт и именно этим салатом кормят морских пехотинцев НАТО.

Виноградины разрезаем пополам, дольки мандаринов тоже (лучше купить консервированные, они уже очищены), селедку режем кусочками 1×1 см примерно, орехи измельчаем.

Соотношение компонентов произвольное, хотя, видимо, есть и оптимальные пропорции.

Бросаем в емкость, поливаем сметаной, если надо, перчим и солим, смешиваем.

Щас будем пробовать.

UPD. Попробовали. Вы знаете, это вкусно. Слопали всё мгновенно.

Щас будем ждать.

Забавно
13 марта

Услышал в новостях, что в Ливии идут бои за город Мисурат.

Что-то в этом названии показалось мне знакомым. И вдруг я вспомнил, что я уже упоминал этот город (правда, в женском роде – Мисурата, так было написано на картах) 36 лет назад в повести «Подданный Бризании», когда прокладывал Пете Верлухину маршрут через Сахару в Бризанию.

Я был уверен. что больше никогда в жизни не услышу упоминания об этом городе.

Но пути Господни неисповедимы.

Интервью
March 18th

Получил письмо из журнала «Медведь»

> Здравствуйте, А. Н.!
> Это NNN из журнала «Медведь».
> У меня к вам просьба.
> Я веду в журнале рубрику «Футурология 2020», где известные люди (писатели, политики, музыканты) отвечают на вопросы о будущем России. Ближайшем.
> Очень хочу, чтобы вы поучаствовали в этой затее. Вопросов немного, и они интересные.

Кстати, что это за журнал? Кто-нибудь его читал?

> *1. У вас есть план жизни на ближайшие годы? Хотя бы на пару лет? Или на 10 лет вперед? И какой он?*

Нет и никогда не было. Я слишком хорошо помню поговорку «человек предполагает, а Бог располагает». Кроме того, покачнулись незыблемые вещи типа климата, всё больше стихийных бедствий. Для того чтобы строить планы, нужно быть уверенным хотя бы в том, что Земля сохранит форму шара. Сейчас такая уверенность постепенно начинает исчезать.

> *2. Как вы вообще считаете, будущее предсказуемо? Стоит ли государству, как раньше, рисовать пятилетние или десятилетние планы на развитие страны?*

Непредсказуемость многих природных и социальных явлений делает невозможной предсказуемость будущего. А планы развития страны принимать надо. Одно другому не мешает. Разве нам мешает то, что мы не живём при коммунизме, как было запланировано примерно полвека назад?

> *3. Если б вы были Путиным_Медведевым и верили в планы, какой план вы бы лично одобрили? Что нужно сделать прежде всего, вот прямо сейчас в ближайший год-два?*

Единственное, что нужно сейчас делать – это воспитывать новые поколения людей. Правильно воспитывать, я имею в виду. Но никто не знает, как это делать, и по этому вопросу существуют

разногласия. Но всё внимание государства должно быть сосредоточено на детях – от утробы матери до окончания ими школы. Дальше они всё сделают сами.

> *4. Какой сценарий вам представляется самым оптимистическим для России: сохранить единое государство, добиться экономического подъема, сплотить нацию вокруг идеи нового евразийского союза (возродить экономический СССР), стать снова мировой империей (конечно, добра, а не зла) или просто выжить? Поставьте галочку или добавьте что-то свое.*

Все эти сценарии исполнятся сами собой, если мы не только возродим на словах, но и постараемся выполнять на деле старый лозунг «Человек человеку – друг, товарищ и брат». Мы сейчас от этого очень далеко.

> *5. Наступит ли в ближайшие годы необходимость подумать об эмиграции: временной, постоянной или внутренней? Вообще, какие у вас предчувствия – больше хорошие или больше плохие?*

У меня предчувствия божественно-апокалиптические. Не могу сказать, что они плохие. Они грандиозно-ужасающи. Мы наконец узнаем, что имел в виду Господь, а за это знание стоит заплатить Апокалипсисом.

> *6. Если будет совсем плохо, нас спасут а) инопланетяне; б) американцы; в) никто уже не спасет.*

Какие американцы? Какие инопланетяне? Спасти нас, как известно уже много веков, может лишь Господь Бог. Весь вопрос в том – захочет ли он это делать?

> *8. В ближайшем будущем России предстоит: а) революция; б) перестройка; в) ничего не предстоит, все останется, как сейчас.*

В ближайшем будущем ничего не предстоит. Весь вопрос в том, какое будущее считать ближайшим?

> *9. Героем новой эпохи станет а) оппозиционный политик; б) бизнесмен в) президент (премьер); г) кто-то совсем другой.*

Героем новой эпохи в России, если эпоха состоится, должна

стать женщина. Или не станет никто. Потому что все остальные у нас уже были и доказали свою полную несостоятельность. Конечно, я не имею в виду женщину-чиновницу, аппаратчицу, депутата. Это скорее своеобразная Жанна д'Арк. Вера и Любовь.

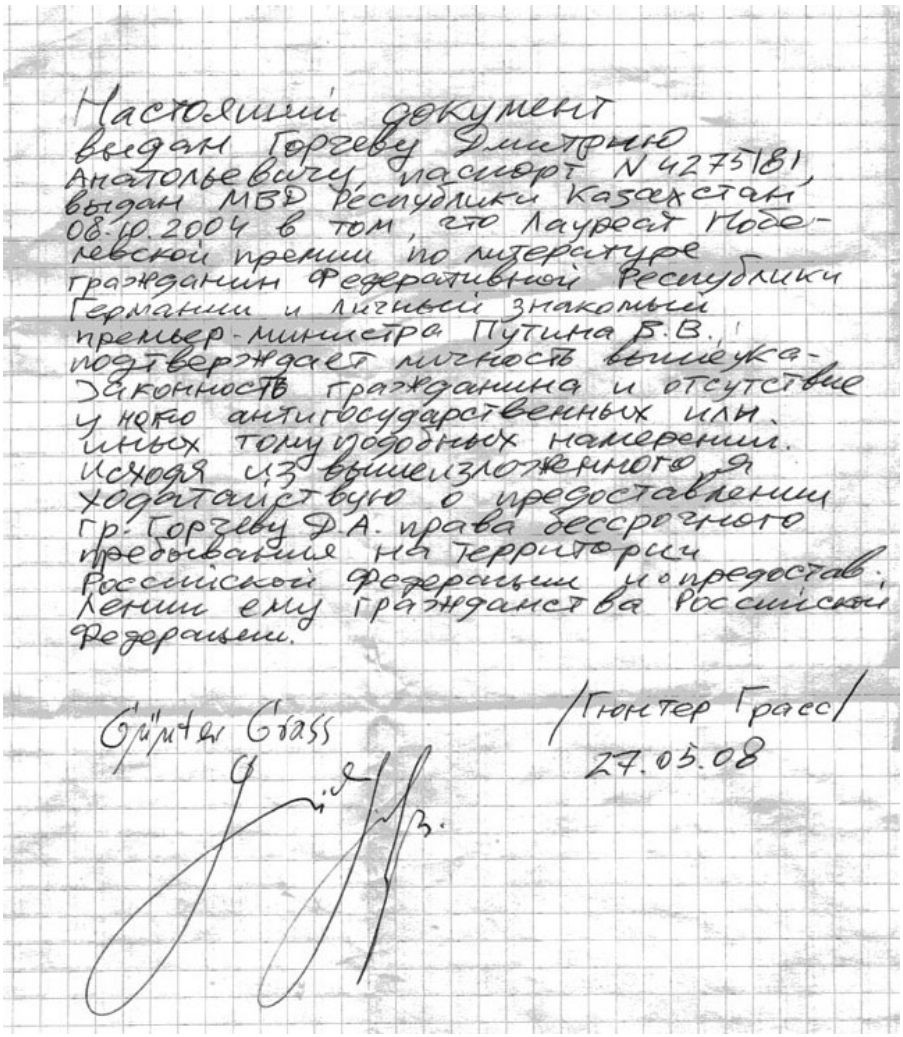
На нее Надежда.

Кстати, это всё русские женские имена.

Раритет
24 марта

Это автограф двух писателей – один из них Нобелевский лауреат Гюнтер Грасс, а другой – Дима Горчев. Завтра исполняется год, как его с нами нет.

В мае 2008 г. Гюнтер Грасс посетил Санкт-Петербург и встречался с молодыми писателями и писателями чуть постарше. Я имел отношение к этим встречам как организатор.


Настоящий документ
выдан Горгеву Дмитрию
Анатольевичу, паспорт N 4275181,
выдан МВД Республики Казахстан,
08.10.2004 в том, что Лауреат Нобелевской премии по литературе
гражданин Федеративной Республики
Германии и лично мне знакомый
премьер-министра Путина В.В.,
подтверждает личность вышеука-
занного гражданина и отсутствие
у него антигосударственных или
иных тому подобных намерений.
Исходя из вышеизложенного я
ходатайствую о предоставлении
гр. Горгеву Д.А. права бессрочного
пребывания на территории
Российской федерации и предостав-
ления ему гражданства Российской
федерации.

Günter Grass

/Гюнтер Грасс/
27.05.08

Горчев был включен в группу «продвинутых» писателей. И там, в беседах с мэтром, выяснилось, что Горчев не имеет

российского гражданства. Грасса это изумило, и он сказал, что лично знаком с Путиным и может походатайствовать за Горчева.

После этого лауреат попросил Горчева написать текст обращения и подписал его.

Вот этот замечательный документ. Горчев с тех пор всегда носил его в своем паспорте.

Вспомним
25 марта

Стокгольм, май 2005 г. Петер Курман, Горчев, Лена, Масса

Колонка дежурного
25 марта

Есть в альманахе «Полдень» такой жанр, который я в своё время ввёл в обиход, а теперь сам же страдаю.

Это одна страничка «дежурного по номеру», которая открывает альманах. Поначалу предполагалось, что это будет краткий обзор содержимого номера, но постепенно она превратилось в эссе на свободную тему.

…Всегда смущали меня эти камни, которые надо было разбрасывать, а потом, по прошествии некоторого времени, – собирать. И то и другое занятие казалось мне довольно бессмысленным. В самом деле, представлялся юнец рядом с грудой камней в чистом поле, который разбрасывает их во все стороны, норовя закинуть подальше. А в груде той самые разнообразные и неожиданные камни – есть и увесистые булыжники, есть и галька морская, но попадаются и драгоценные камни, которые летят, сверкая на солнце всеми своими гранями.

Закончив эту работу, человек садится на последний, самый большой камень, который он не смог поднять, и ждет. Чего он ждет? Неужели он думает, что из этих камней вырастет что-то новое и прекрасное? Кто его знает. Но он ждет и с надеждой смотрит в чисто поле до горизонта. Где-то там лежат его камни, среди них есть и драгоценные. На них он и надеется больше всего.

Но ничто не нарушает тоскливого пейзажа.

И вдруг человек понимает, что пора искать свои камни, ведь больше у него ничего нет, всё разбросал. Он кряхтя поднимается с большого камня и идет в чисто поле собирать. Уже и забыл, как выглядят его камни и сколько их было. Помнит, что много, но количественно затрудняется.

Бродит он по полю, всматриваясь себе под ноги, но никаких камней нет. То ли в землю зарылись, то ли кто унёс. Ну, может, найдёт где-то поблизости пару-тройку булыжников – и всё. Ничего не осталось от той горы, где поблёскивали загадочно алмазы и изумруды.

Тогда возвращается старик к своему последнему камню, неся несколько булыжников и понимая, что даже за них надо быть благодарным, ибо у других и такого нет.

Но последний камень каждому положен.

Поминание
25 марта

Весь вечер проговорили с Леной о Горчеве. И ведь знали его, как облупленного, 7 лет вместе каждый день – и на работе, и дома. А всё равно остался во многом загадкой. Но разгадывать ее радостно, потому что любили.

А перед этим…

Два столика в Князьвладимирском соборе за входной дверью, за ними сидят люди, пишут на записках имена. Одни списки «за здравие», другие «за упокой».

Беру листок, пишу «За упокой души Раба Божия Димитрия». Вхожу в храм, становлюсь в очередь к старушке, торгующей свечками. Когда доходит очередь, протягиваю ей бумажку. «За сколько?» – спрашивает она. Я не понимаю. «За 20, 30 или 50?» – «Ну, пусть будет за 50». Это цена молебна. Покупаю свечи. Зажигаем и ставим их перед образом Спасителя. Идет вечернее богослужение. Народу в храме довольно много. Стоим перед иконой, крестимся.

На выходе из церковного двора – три испитых мужика совсем не пенсионного возраста. Протягивают кружки, просят милостыню. Не даю. Когда садимся в машину, подходит еще один, протягивает кружку. Уезжаю.

Что и где здесь было от Бога, прости меня, Господи?..

Кстати
1 апреля

Совсем забыл.

Вы еще не знаете, как возник День смеха в России.

В этот день родился Гоголь. Ему вообще не везло всю жизнь и даже после смерти. В Петербурге он праздновал этот день вместе с А. С. Они начинали на Мойке, а потом шли до Гороховой и далее до Фонтанки, заходя в заведения. И очень смеялись, чем дальше, тем больше. И прохожие и городовые, глядя на них, улыбались и говорили: «Ну прямо день смеха сегодня!»

Так и пошло. И стали этот день праздновать и смеяться.

Но потом Гоголь, дрын ему в темечко, признался, что его смех был типа сквозь слёзы. Да еще невидимые. Так что проверить нельзя и не докажешь. И некоторое время интеллигенция и разные разночинцы праздновали этот день как День смеха сквозь слёзы. Почти до Октября, когда стало не до смеха.

Потом пытались возродить, но со скрипом. Пока Сталин не сказал, что жить стало лучше, жить стало веселее. И тогда слёзы отбросили и стали праздновать День смеха в чистом виде.

Как сейчас.

Так что я предлагаю вернуть празднику историческое наименование.

День Смеха сквозь Слёзы.

Тем более что и причина есть.

Не горюй!
April 2nd

Продолжаем знакомить Настю с классикой советского кино. Сегодня смотрели «Не горюй!» Данелии.

Ну я всегда плачу на последних кадрах этого фильма – поминках старика, которого играет Серго Закариадзе.

А сорок лет назад, вернувшись из кинотеатра, где впервые посмотрел этот фильм, написал стихотворение, которое здесь привожу.

Вахтангу Кикабидзе
Не горюй!
Наша жизнь – не награда.
На нее обижаться не надо.
Лучше выпей сухого вина,
Чтобы краше казалась она.

Лучше песню запой да спляши,
Чтобы стекла вокруг задрожали
От неловких движений души,
Отыскавшей отраду в печали.

Не горюй!
Горевать – это просто.
Ты мужчина высокого роста.
У тебя благородство и честь
И друзья неподкупные есть.

Так пусти эту чашу по кругу,
Осуши нашу радость до дна!
Мы в глаза поглядели друг другу.
Не горюй!
В них надежда видна.

Потерянный дом
13 апреля

Издал под заказ методом BOD свой роман «Потерянный дом, или Разговоры с Милордом», отсутствующий ныне в продаже.

Собственно, как издал? Макет был, приделали новую обложку и поставили в интернет-магазин. В «Книгах и кофе», надеюсь, тоже будет немножко.

В этом же оформлении с цветной полосой и портретом автора на корешке намерен издать ПСС, которое будет насчитывать 12 томов.

Знаю, что «красиво жить не запретишь», знаю, что «хозяин – барин», знаю, что вызову братское добродушное озлобление.

Но надо испробовать собственный метод на себе.

Впрочем, никому не возбраняется сделать у нас такое же.

Александр Житинский
Сказки времен Империи
Избранная проза

Александр Житинский
Дитя эпохи,
или Записки МНС
Повести и рассказы

Александр Житинский

Лестница. Плывун

Петербургские повести

Вывод
6 мая

Сегодня понял, что человек, вынужденный в 70 лет зарабатывать на жизнь, прожил её не совсем эффективно.

Конец света
20 мая

К этому дню готовились очень тщательно… Заранее напечатали пригласительные билеты, назначили докладчика и выступающих в прениях, привели в порядок микрофоны. Но народу все равно пришло мало. Многие предпочли смотреть конец света по телевизору.

В назначенный час протрубили трубы, произошло небольшое землетрясение с грозой, потом кого-то судили. Всё честь честью.

На следующее утро газеты поместили краткую информацию о событии: «Вчера в нашем городе состоялся конец света. На конце света присутствовали…»

Далее шел список ответственных работников. В заключение было написано: «Конец света завершился праздничным фейерверком».

– Ну, слава богу! – говорили все. – Наконец прошел этот конец света. И ничего особенного. А сколько было шуму!

Самое удивительное, что некоторые до сих пор об этом ничего не знают. Они все еще готовятся достойно встретить конец света. Эти люди заслуживают сожаления. Благодаря своей отсталости они тратят лучшие годы жизни на подготовку к какому-то жалкому концу света, который, оказывается, давно прошел.

1972 год

Интервью «Газпрому»
31 мая

Оказывается, есть такой корпоративный журнал «Газпром», которому вдруг потребовалось взять у меня интервью.

> *Почему писать о ком-то хорошее сложнее, чем о нем же плохое? Почему современная тенденция – не «говорить друг другу комплименты»? В чем корни этой моды на злословие в литературе, да и вообще в жизни?*

Если говорить о литературе, то причина здесь та же, что указана Львом Толстым в первой фразе романа «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Перенося это на персонажей, мы получим утверждение: «Все хорошие люди похожи друг на друга, каждый негодяй по-своему мерзок». И это в первом приближении верно. Даже сугубо положительного персонажа проще характеризовать с помощью мелких «неправильностей» его характера и поведения.

Что касается повышенной злобности, нетерпимости, злословия в наше время, то это, на мой взгляд, вызвано отсутствием общественного идеала. Такое впечатление, что нас надули, но не всех; какое-то количество народу, очень небольшое, на этом нажилось, и это порождает раздражение и злобу, которые срывают на ком попало.

> *Говорят, нынче молодежь перестала читать если не вообще, то уж серьезную литературу? Адекватная ли это точка зрения? И раньше, в 80-е, например, Юлиан Семенов пользовался куда большим успехом, чем Джеймс Джойс. Действительно ли такая большая разница между нынешним двадцатилетним читателем из Петербурга и его ровесником в 86-м году?*

Я не знаю нынешнюю молодежь, точнее, очень выборочно. Читать меньше стали все. Я тоже стал читать меньше. И потом дело не в количестве прочитанного, а в качестве. Все, что нужно получить читателю от литературы, основные жизненные принципы, так сказать, содержится в произведениях, написанных давным-давно. Их не так уж много. Остальное – это сведения текущего момента. Новые сведения от Пелевина, от Быкова, от Житинского – от кого угодно. Они могут быть любопытны,

блестящи, талантливы, но это – сведения. Без них можно и обойтись. А без Пушкина, Толстого, Достоевского обойтись нельзя.

А вот что касается качества – тут дело плохо. Издается невероятное количество макулатуры. В принципе – Бог с нею, пусть издается. Но найти в этом море жемчужное зерно непросто. Читатель теряет ориентировку и просто не знает, что читать. И отворачивается от всего. Раньше все мы знали – что надо читать. Это то, что ругали в центральной прессе.

> *«Мы молчали, как цуцики, пока шла торговля всем, что только можно продать, включая наших детей», – пел Боб про 70–80-е. А про нынешнее время можно сказать то же самое? Что вы думаете о современном конформизме и нонконформизме?*

Я не люблю нонконформистов так же, как и конформистов. И те, и другие в значительной мере соотносят свою деятельность и поведение с властью, с режимом. Одни его критикуют и борются, другие поддерживают и греются возле. А этой соотносительности лучше всего избегать вовсе. То есть вести себя так, будто бы власти не существует. Тем более что идеальной власти не бывает вообще, а частая смена режимов отрицательно сказывается на здоровье. Другое дело, что не соотносить себя с режимом получается не всегда.

> *Когда пересматривал фильмы, к которым вы приложили руку, бурю эмоций пару раз испытал. Советский кинематограф говорил о смысле человеческого бытия, о моральном выборе, чего, к сожалению, не скажешь о современном российском кинематографе. Неужели эти вечные вопросы перестали интересовать соотечественников?*

Они перестали интересовать даже не творцов – сценаристов и режиссеров, – а продюсеров. Ибо идеал продюсера – прибыль. Продюсер понимает, что по большому счету со времен древнего Рима ничего не изменилось. Толпа требует «хлеба и зрелищ». И продюсер обеспечивает зрелище. Диктат толпы (то есть денег) в искусстве – явление страшное. Голливуд научился как-то удовлетворять и волков, и овец, создав свой глянцевый стиль, где добро непременно побеждает зло и все кончается по-доброму. Русское же кино пока разбилось на 2 ветви – «фестивальную» арт-хаусную, где моральные проблемы и нравственные уроки никогда не преподносятся впрямую, это как-то стыдно, а не впрямую их

иногда и не разглядишь, и развлекательно-зрелищную, рассчитанную на низкие вкусы, где уровень сценариев, режиссуры, актерской игры – просто ужасающ. И море пошлости, конечно. Таким наши продюсеры представляют зрителя. То есть толпу. Но поднять толпу до уровня зрителя – такой задачи они себе не ставят.

Смотришь фильмы того времени и понимаешь: люди во второй половине 80-х еще не представляли, что их ждет. Перестройка перестройкой, а фильмы снимались. То, что в результате в нашем кино «выросло», лучше того, что было четверть века назад? Вы лично довольны результатами горбачевских преобразований? Тем, в частности, что произошло в нашей популярной музыке.

Горбачев не сумел или не захотел сохранить руководящую роль партии и ее значительно обновить, но при этом отпустить экономику. То есть пойти примерно по китайскому варианту. Возможно ли это было, остается только гадать. Но было избрано другое направление, а дальше уже все совершалось само собой. Если не правит партия – правят деньги. И в популярной музыке тоже правят деньги и толпа. Или толпа и деньги.

И слушатели, и продюсеры, и сами артисты твердо уверены, что с помощью денег и связей можно раскрутить любую пустышку. И самое печальное в том, что эта уверенность имеет все основания.

Какова главная причина того, что нынешняя наша рок-сцена не так интересна, как в 80-е?

Потому что из русской рок-музыки практически исчезла социальная составляющая. И я совсем не имею в виду протестные песни. Но где такие песни, например, как песни из альбома «Разлука» «Наутилуса»? Типа «Ален Делон не пьет одеколон…»? Рок должен будоражить, а не успокаивать.

Что вы думаете о прикармливании рокеров властью? В 89-м вы могли себе представить, что Гребенщиков поедет на встречу с кремлевским чиновником и будет демонстрировать полную лояльность установленным порядкам?

Ну, насчет Бори это можно было представить, потому что он всегда пытался жить, не соотносясь с властью. И к президенту он пошел, потому что ему было интересно, только и всего. И это

правильная позиция. В конце концов, все мы просто люди, и нам нужно общаться, невзирая на наше положение, симпатии и антипатии.

В 80-е годы вы понимали, что Ленинградский рок-клуб создан КГБ СССР с целью иметь возможность изучать эту сферу? Что давало вам это понимание или непонимание тогда?

Изучали они плохо. Ни разу не поговорили со мной, например. Здесь полагается ставить смайлик, но я не знаю, как у вас в Газпроме. Поставьте горящий огонек, как на рекламе. Но я понимал, что ко всему идеологическому – печати, литературе, музыке – Комитет имел отношение… А раз так, то создание рок-клуба было разумным с точки зрения КГБ. Но главное все же в том, что оно было насущным с точки зрения самих музыкантов, и такая самодеятельная попытка даже была предпринята за несколько лет до этого. Но организационной поддержки она тогда не получила.

Вы запросто общались в свое время с Кинчевым, Рикошетом, многими другими рокерами… Вам не было сложно с ними в том плане, что вы не так много – наверное – пили, как они, не употребляли наркотиков, не вели рок-н-ролльный «отвязный» образ жизни? Как вам удалось не стать таким же рок-повесой?

Легенды об отвязном образе жизни музыкантов создавались самими музыкантами и поддерживались фанатами. Самое большое впечатление от знакомства с этой средой было то, что рок-музыканты в целом – такие же обыкновенные люди, как и все мы. Со своими житейскими проблемами, родителями, женами и детьми. И далеко не все они употребляли наркотики, баловались иногда. Я тоже пару раз попробовал курнуть, чтобы испытать ощущения. Ничего интересного не испытал, продолжал пить вино и водку. И тоже не так много, как принято думать.

В 90-е вы перестали участвовать в том, что происходило на питерской рок-сцене. Почему? Прочитав «Грешников» Стогова после ваших книг «Путешествие рок-дилетанта», «Альманах рок-дилетанта», понимаешь: поведение панков 80-х – детский лепет по сравнению с тем, что началось в 90-е; рок-жизнь 80-х – это игра в рок-жизнь, почти никто из тех рокеров не страдал наркозависимостью, не демонстрировал асоциальное

поведение, и поклонники у тех групп были соответствующие…

Я просто закончил свою миссию, которую сам же себе и назначил. Миссию рок-дилетанта. Это случилось с выходом книги «Путешествие рок-дилетанта» и совпало со знаковыми смертями Виктора Цоя и Майка Науменко. Они закрыли ту эпоху, началась другая, мне уже не так любопытная. Вписываться в систему шоу-бизнеса со своим опытом и, главное, с представлением о назначении искусства было как-то не с руки.

А публика изменилась, да. Тоже эволюционировала в сторону толпы.

В книжных магазинах сегодня довольно много продается литературы, про которую можно сказать, что она – на грани порнографии. Как вы считаете, этим писателям придется гореть в аду? <…> сказать, что выходом из сложившейся ситуации станет запрещение, цензура, наверное, нельзя. А вы как считаете?

В аду предстоит гореть многим. Слишком многим. Даже не знаю, хватит ли там места.

Но это не повод, чтобы запрещать. Пусть горят.

Вы верите в Бога? Какое у вас отношение к религии?

Ну а как вы думаете? Разве может разумный человек допустить, чтобы всё, что нас окружает да и мы сами, случилось «само собой»? Смешно даже. Сам собой даже грипп не возникает. Нужен вирус.

Но Бог – это не вирус.

А религия? Кому-то она нужна. Зачем-то их много. Но Бог об этом тоже знает.

Вениамин Смехов
1 июня

Случайно на «Культурке» наткнулся на Смехова, читающего стихи Вознесенского и Высоцкого.

Как здорово.

Никогда не доверял актерам, читающим стихи. Но Смехов меня покорил. И ведь читает всё наизусть. Точно ритмически, точно интонационно. И без пафоса, без актерских котурнов.

P. S. На экзамене сценаристов по теории драматургии моя коллега-экзаменатор в разговоре о трагедии упомянула котурны. Мол, актеры играли на котурнах, чтобы усилить высокий смысл стихов. И спросила, знает ли выпускник, что такое «котурны».

Он честно ответил – нет.

– Ну вы леди Гагу видели? – спросил я.

Он понял.

Да, это трагедия.

Быков – чемпион!
5 июня

Роман Быкова «Остромов», впервые выпущенный «Геликоном» тиражом 100 экз., а ныне доступный как Book-on-Demand, получил два часа назад премию «Национальный бестселлер».

С чем мы Быкова и поздравляем.

Золотая свадьба
28 июня

Сегодня исполнилось полвека, как я первый раз женился. В день свадьбы моей жене Марине исполнилось 20 лет, а я был на полгода старше.

В 20 лет этот шаг делается бесстрашно.

Прожив 17 лет, мы расстались. Не скажу, что это было так же легко, как пожениться. Но оправданием служит хотя бы то, что впоследствии на свет появились трое новых детей в компанию к нашим двоим – один у Марины и двое у меня. А также в качестве бесплатного довеска роман «Потерянный дом, или Разговоры с Милордом».

В воскресенье мы все с нашими общими и раздельными детьми будем поздравлять Марину Константиновну с юбилеем.

Здоровья и счастья тебе, Мариша.

Кинофорум
11 июля

В Питере сегодня во второй раз открылся Кинофорум. Оргкомитет внезапно вспомнил, что я тоже кинематографист, и прислал мне бейджик со словом Participant и два билета (мне и супруге) на открытие. Было написано, что участники должны войти туда по красной ковровой дорожке. Типа, как в Каннах и в Голливуде. Все как у людей.

Я с трудом представляю себя на красной ковровой дорожке, но все же пошел, взяв с собою вместо жены дочь Настю. Она учится на киноведа, ей это нужнее.

Открытие назначили в Михайловском театре на площади Искусств. Когда мы туда приехали на машине, выяснилось, что все въезды и входы на площадь перекрыты милицией – от Садовой, с Невского (на Михайловскую было не повернуть) и с Екатерининского канала. Поэтому жена, которая нас с Настей привезла, высадила нас с Настей на Невском у Дома книги, и мы пошли пешком. Пускали по пропускам.

Я немного удивился. А где зрители, которые должны, по идее, окружать эту ковровую дорожку и приветствовать нас с Настей криками и аплодисментами? Кто их туда пустит?

Зрители были. Жалкая толпа человек в сто, отстоящая от дорожки метров на 100, в сквере. Шумовой эффект от них был ничтожен. Зато на площади был полный порядок. На ней просто больше никого не было – от Садовой и до канала.

Нам удалось зайти сбоку и избежать прохода по ковру. Иначе я просто не знаю, как объявили бы нас комментаторы, которые старались зажигать, но не было ни огня, ни дров. И текст их был убог и невнятен.

«А вот подъезжают Настасья Кински и Стефания Сандрелли!..»

Господа, когда я был молод, Стефания Сандрелли была очаровательной красоткой в фильме «Соблазненная и покинутая». Но с тех пор прошло примерно пятьдесят лет. Поэтому восторг приглашенной кучки зрителей был явно преувеличен. Не могли они знать этой прекрасной, но явно постаревшей женщины. Но они старались.

Короче говоря, зрелище было жалким. Кто видел прямую трансляцию по ТВ, тот согласится Эту часть нам с Настей рассказала жена.

Огромное количество ментов и секьюрити в штатском. Все

вежливы, все проверяют билеты. И противное ощущение, что вместо праздника нам опять подсунули формальное полицейское мероприятие, от которого остается гадкое и стыдное чувство.

Даешь Петербургский кинофорум, короче.

А фуршет был, а как же ж. Неизвестно только, пустили ли на него толпу статистов. Вряд ли.

На открытии показали фильм Педро Альмадовара «Кожа, в которой я живу». Забавно… Любопытно. Но опять все вертится вокруг сексуальных заморочек. Парня переделали в девушку. Через шесть лет девушка возвращается к маме и говорит: «Мама, это я, Винсенте…» Конец.

Типа: «Тихо, Маша. Я Дубровский».

Не пойду больше никогда. Спасибо.

Шумим
19 августа

Оказывается, есть такой сетевой журнал «Шум».
Он прислал мне короткий вопросник насчет путча.
Я ответил.

Александр Житинский: Не чувствую, что после 1991 года живу в другой стране.
Павел Смоляк, «Шум».
Александр Житинский, писатель, автор сценариев.

Самый популярный вопрос: что вы делали 19 августа 1991 года?

Мне довелось встретить путч в курортном пригороде Риги – городе Юрмала, где я отдыхал в Доме творчества писателей. Ни участвовать в событиях, ни повлиять на них я не мог, довольствовался телевизором и портвейном «33», который был закуплен в больших количествах из-за опасения, что алкоголь вновь запретят. Уничтожали мы его с одним московским прозаиком, дотоле мне незнакомым. Когда все кончилось, он встретил меня в столовой и сказал: «Вы были правы». – «В чем?» – спросил я. «Когда мы прощались ночью, вы сказали: “Они не продержатся и трех дней”. Так и вышло». Я этого не помнил.

Вы на чьей стороне были?

Нужно было быть каким-то специальным человеком, чтобы быть на стороне ГКЧП – прежде всего в силу бездарности этих людей. Они даже путч организовать не смогли.

Страшно было?

Пожалуй, нет. Тревожно, да.

Почувствовали, что 22 августа уже живете в другой стране?

Нет. Я и сейчас не чувствую.

Почему, на ваш взгляд, так быстро испарились всякие надежды, которые еще несколько месяцев назад выводили на улицы сотни тысяч граждан? Или у России не было

другого пути?

У России не бывает иного пути. Его вообще не бывает. Путь всегда один.

Не кажется ли вам, что сегодня Россия вновь вернулась в тот условный 1991 год?

По большому счету она из него и не выходила.

С каким настроением вы встречаете двадцатилетие путча?

Я забыл бы о нем, если бы вы не напомнили.

Собственно, что было 19–21 августа 1991 года? Путч, революция, восстание?

Трехдневная телевизионная передача.

И последнее: если бы победил ГКЧП, что было бы? Пофантазируйте немного.

Ничего особенного. Все вернулось бы на круги своя. Впрочем, я пофантазировал немного в своей детской повести «Параллельный мальчик», насколько я помню, написанной вскоре после этих событий.

Хроника пикирующего Массы
26 августа

Выслушав вчера мнение френдов о том, чем же я болен и как лечиться (кстати, всем огромное спасибо!), я решил-таки обратиться к самому доступному для меня врачу, коим является моя родная сестра Наталья Николаевна, терапевт, выпускник 1-го Меда. Сейчас она уже на пенсии, но по-прежнему активна и набрасывается на недуги близких прямо-таки с диким азартом.

Вот почему я не сразу поставил ее в известность о том, что болен.

Наташа является врачом радикального направления, врачом-фундаменталистом. Если бы у врачей была организация типа Аль-Кайеды, она там непременно бы состояла.

Всегда и сразу объявляется джихад не только самой болезни, но и всем, кто проявляет малодушие (обычно это я). Диагнозы ставятся самые радикальные, и методы лечения – самые зверские (с моей точки зрения).

Услышав про то, что у меня температура и кашель, она тут же примчалась с собакой. Собака была для устрашения меня. Она померяла давление (нормальное) и стала слушать меня трубочкой.

– У тебя хрипы, – сказала она. – Это воспаление легких.

Видимо, этого ей показалось мало, она мечтательно задумалась и предложила более серьезный вариант:

– Это может быть инфаркт и пневмония. Пневмония на фоне инфаркта. Сейчас я вызову неотложку.

– Ты хочешь упечь меня в больницу?

– Хорошо, давай вызовем участкового врача из поликлиники.

И она сама набрала номер и вызвала участкового.

– И спроси у нее, слышит ли она хрипы?

Спрашивать у незнакомой женнщины, хотя бы и врача, слышит ли она какие-то хрипы, мне показалось неуместным. Но я промолчал.

Наташка ушла, велев мне позвонить после визита врача.

Часа через два пришла женщина лет пятидесяти, совершенно измученного вида. Она была абсолютно безучастна ко всему. На спине у нее болтался тощий рюкзачок. Видимо, там были лекарства.

– Что с вами случилось? – спросила она.

Я хотел ей ответить, что случилась жизнь, но это был заход

слишком издалека, поэтому я ограничился коротким ответом:

– Температура и кашель. Принимаю парацетамол и флемоксил солютаб.

Я сказал это с гордостью, потому что научился уже произносить эти слова.

Она молча кивнула. Собственно, после этого разговор был окончен. Она вынула фонендоскоп и прослушала меня спереди и сзади. Про хрипы я не спросил, а она не сказала.

После этого она написала на бумажке номер травяного сбора, который надо пить для отхаркивания.

– А антибиотики?

– Продолжайте эти.

И она ушла.

Все это заняло не больше пяти минут.

Я позвонил сестре и выслушал от нее все, что она думает про свою коллегу. Цензурных слов там было немного. Опять были требования вызвать неотложку, я с трудом уговорил ее повременить до завтра.

К ночи я подготовил все, чтобы нанести сокрушительный удар по болезни. Перед сном я зарядился працетамолом и солютабом, выпил какого-то целебного чаю, полчаса прикладывал охлаждающие компрессы на лоб и заснул в надежде проснуться утром здоровым или хотя бы пропотеть и снизить температуру. Перед сном она была 38,3.

Проснулся я в половине шестого совершенно сухим и понял, что температура есть. А кашля стало меньше и без отхаркивания.

Термометр дал результат 39,0. «Не фига себе!» – подумал я.

Ну, после этого поражения власть перешла в руки Наташки. Она отправилась в 1-ый Мед и взяла номерок к пульмонологу, приказав мне приехать в 12.30. Лена привезла меня в НИИ пульмонологии по адресу ул. Рентгена, 12. Как раз напротив того дома, где я прожил первые 2 года в Питере, пока еще жил в семье (60–61-й). Но потом женился, и вскоре мы с женой стали жить у ее родителей, когда родилась Ольчик.

А Наташка по-прежнему там живет, вот уже 50 с лишним лет.

Пульмонолог оказался симпатичным молодым человеком, подробно меня расспросил и отправил по тому же кругу – флюорография, кровь, кардиограмма. На это ушло еще два часа.

Просмотрев результаты еще до возвращения к доктору, Наташка сказала:

– Ну, что я говорила! РОЭ – 52! Ларингит, да? Типичная пневмония.

И правда, это многовато, Такого РОЭ у меня не было. Так что попутно удалось поставить личный рекорд.

Мы возвратились к доктору, он сначала хотел меня положить, но я отказался. Тогда он выписал новый антибиотик таваник (левофлоксацин) производства Франции, а старый отменил, потому что он для данного случая совсем не подходит. Мы поехали искать его и нашли быстро по цене 1163 рубля за 5 таблеток. По 8 долларов таблетка.

И вот я ее проглотил и сижу жду, как дурак. Решил фиксировать температуру через каждые два часа, не принимая больше парацетамол. В 4 часа температура была 38,5, через 2 часа – 37,6. в 20 часов – 37,1. Но победу праздновать рано.

В заключение поздравляю сестру с правильным диагнозом, а также всех френдов, которые подтвердили этот диагноз и тоже гнали меня к врачу.

Дама с собачкой
17 сентября

Пару дней назад мой френд banshur69 написал, что исполнилось 70 лет актеру Сергею Дрейдену.

Я знаком с Сергеем Симоновичем, хотя работать с ним не довелось, но о юбилее не знал и не думал, что мы одногодки. Почему-то ощущал его старшим.

И я вспомнил, что у меня уже года два лежит диск, присланный из Гамбурга режиссером Юлием Колтуном, с которым мы делали фильм «Переступить черту» еще в 1985 году. Юлий давно уехал в Германию, творческая жизнь там не очень удалась, потому что много болел, но все же в 2008 году он снял фильм по Чехову. Он оригинален тем, что снят как слайд-фильм. Юлий еще до отъезда был известным в Ленинграде фотографом.

А чеховский текст читает за кадром Сергей Дрейден.

Моцарт
20 сентября

Наткнулся в программе Mezzo на симфонический концерт.

Венский филармонический оркестр играл Моцарта. Дирижировал Карл Бём.

Надел наушники и сидел два часа или больше, не отрываясь. Прослушал 36-ю, 38-ю симфонии и Реквием.

Реквием исполняли в храме.

Людям, которые свирепо твердят, что Бога нет, стоило бы это послушать и посмотреть. Может быть, не сразу, но дойдет.

Открытие канала
30 сентября

В субботу 1 октября в 22 часа по Мск Масса приглашает френдов и всех желающих к себе домой в Питер на первую передачу видеоканала «Массогон».

Ничего особо концептуального на этом канале я делать не собираюсь. Посмотрим, как пойдет. Еженедельные «Посиделки у Массы» за бутылочкой вина (френдам придется приносить с собой), ответы на вопросы в чате и проч. Кроме того, по мере возможности и необходимости комментарии на разные события жизни и искусства. Представление новых (и старых) книг моего издательства «Геликон Плюс», чтение стихов – своих и чужих – и прозы – тоже своей и чужой. Очень короткой. Читать я не умею и не люблю. И разного рода мемуары, типа, что вспомнится.

Мне бы хотелось неформальной атмосферы. Сейчас я редко выбираюсь на офлайновые тусовки, а когда-то мог! Многие это помнят. Так пусть френды приходят ко мне. Я покажу тот уголок, где я провожу нынче бóльшую часть жизни.

Кстати, сегодня микрофонный эффект был побежден с помощью радионаушников. Так что Массе придется быть в радионаушниках, хотя бы иногда, чтобы слышать себя. Это необходимо, потому что запаздывание звука по отношению к картинке порядка двух секунд. Надеюсь, все знают, что такое микрофонный эффект.

Заранее прошу прощения за возможные накладки. Я же дилетант, как вы знаете, и люблю заниматься деятельностью, для которой не предназначен.

Приходите, посидим.

P. S. Я прекрасно сознаю, что в субботний вечер многие предпочтут иные увеселения, чем пойти виртуально в гости к старому Массе. Ничего страшного. Запись видео и чата будет висеть у Массогона. Кто захочет – посмотрит.

Стив Джобс
7 октября

Человек, который заставил всех забыть, что он занимается бизнесом, то есть делает деньги. Был волшебник, достающий из своего волшебного мешка новые и новые игрушки для человечества.

Никогда не встречал в печати упоминаний о его доходах и состоянии – это было абсолютно неважно, любая сумма не выглядела бы незаработанной. Но это никого не интересовало, а его новые проекты – всегда.

Его поведение в последний период – это особый разговор и самый главный. Но не сейчас.

Я никогда не пользовался ничем, что придумал и осуществил Джобс. Его компьютеры, ноутбуки, планшеты и телефоны были мне обычно не по карману и я довольствовался изделиями его подражателей. Так сказать, пользовался отраженным светом Стива Джобса. И за него я тоже могу сказать ему спасибо.

Отец Федор
28 октября

Моя утилитарная задача весьма проста. Я хочу представить книжку, только что вышедшую в нашем издательстве, и ее автора, писателя Игоря Шарапова, живущего ныне в Америке, в той самой долине, где стараниями русских, китайских и индийских умов делаются самые передовые технологии.

Это шутка, конечно. Американцы тоже в этом участвуют, кажется.

Но посмотрим на книгу.

В ней нет ничего необычного. И картинка вполне пристойная. Это Иероним Босх. «Мученичество святой Либераты».

Однако содержание книги таково, что наши видавшие виды редакторы и корректор пришли в ужас от «разгула бесовщины». И все же мы издали эту книгу. Потому что книга, способная вызвать столь бурные эмоции, наверняка относится к литературе. Это «часть силы, которая вечно хочет зла…» И далее по Булгакову.

Шарапов называет это «готик». Я не знаю, что это такое. Но чувство омерзения при чтении многих страниц с подробными и

сладострастными описаниями мучений девушек или детей, изощренных пыток и прочих красот – самое подлинное.

Шарапов в этом мастер. Я знаю его примерно четверть века, но общался с большими перерывами.

Он пришел ко мне домой, предварительно испросив разрешения по телефону, что позволило мне узнать, что предстоящий визитер сильно заикается.

И он явился – худощавый, щуплый еврейский юноша, с рыжими вьющимися волосами, веснушками и голубыми глазами. На произнесение каждого слова ему требовалось втрое больше времени, чем это обычно бывает.

Я набрался терпения, чтобы выслушать. Наконец выяснилось, что он студент-политехник и пишет прозу. Уже тогда он подписывался Шараповым, хотя имел другую фамилию, тоже на букву «Ш».

Он оставил мне рукописи рассказов, я обещал прочитать. И вот прочитавши их, я понял, что не знаю – как и какими словами я буду говорить о них автору. От этого трудно было оторваться, эти рассказы засасывали в свой извращенный мир и не выпускали. Тягучее кружение на одном месте, разжевывание и утончение мысли до полного ее уничтожения, какая-то садистическая наивность, щемящая жестокость, жизнеутверждающий распад.

У автора было всё, что нужно писателю, – своя тема, свой голос, свои тараканы.

Он стал иногда захаживать ко мне и приносить новое. Мои соображения выслушивал с огромным вниманием и благодарил просто-таки подобострастно. То есть всячески подчеркивал ситуацию «мэтр – подмастерье».

Я тогда активно занимался рок-дилетантством, печатая в «Авроре» свои статьи. Разговаривая с Игорем о музыке, я установил, что он поклонник самого дикого «металла» неимоверной тяжести – чего я никогда не переносил. Я любил «Аквариум» и «Кино». Естественно, я читал самиздатовскую прессу и заметил в журнале «Рокси» статейки некоего самодеятельного журналиста, в которых особенно злобно доставалось рок-дилетанту, пишущему свои «отвратительные слюнтяйские опусы». Подписывался автор псевдонимом Отец Федор.

Вы уже догадались – кто это был. Это был Игорь Шарапов, о чем сообщил мне редактор «Рокси» Саша Старцев (Царство ему небесное!).

И вот когда Игорь пришел ко мне в следующий раз, я задал ему вопрос. Типа, из двух одно. Или крестик снять, или…

Понятно.

Шарапов смотрел на меня изумленно. «Эт-т-т-то же об-б-браз…» – наконец выговорил он. Он удивился, что я этого не понимаю. В образе отца Федора, поклонника металла и готики, он ненавидел писания рок-дилетанта, в образе Шарапова являлся к нему за одобрением. Я лишь пожимал плечами.

Присутствующий при этой сцене мой добровольный помощник Петя Сытенков был более решителен и выгнал его прочь, употребив соответствующую лексику.

Я не умею обижаться, тем более на такие мелочи. Я порекомендовал Шарапова Борису Стругацкому в его семинар. Шарапов походил туда. Когда я позже спросил БН, как ему Шарапов, тот развел руками:

– Не знаю, что и сказать… Он либо сумасшедший, либо гений.

Я считаю, что это очень лестная характеристика для писателя.

Читайте! Вам не понравится. Но это литература. И надеюсь, Бог меня простит за издание этой книги.

Статья Быкова
2 ноября

Дм. Быков опубликовал в «Новой газете» блестящую, на мой взгляд, статью как ответ М. Эпштейну на эссе «Масштаб и вектор», посвященное «тотальгии» Дм. Быкова, то есть ностальгии по тоталитаризму, то есть Советскому Союзу.

Я тоже болен этой болезнью. Но не потому, что я старпер, обласканный советской властью, а теперь исходящий желчью, наблюдая нынешние нравы и обычаи. Не так давно в «Литгазете» было опубликовано мое интервью Захару Прилепину под претенциозным заголовком «СССР – проект Господа Бога». Там я попытался сказать по сути то главное, что блестяще выразил Быков в своей статье.

А суть проста.

Дело не в ГУЛАГЕ или полете Гагарина, дело не в отсутствии колбасы или в «Книге о вкусной и здоровой пище», не в доносительстве или чувстве коллективизма, а в том, по большому счету, что в СССР люди – те, кто имел право так себя называть, – были гораздо более многочисленны (причем во всех слоях населения) и гораздо более действенны. Необязательно они были диссидентами, героическими борцами с режимом, сидельцами. Но у них была совесть.

С совестью у нас большая засада.

Вчера разговаривал по телефону с Юрием Клепиковым, блестящим советским кинодраматургом. «Юра, ты смотрел фильм Андрея Смирнова? Это действительно сильно?» – спросил я его.

– Понимаешь, старик. Это сильно. Но для понимания этой силы у этого фильма уже нет зрителя.

Я физик по образованию. И я хорошо помню закон Ньютона: «Всякое действие рождает равное ему по силе и противоположно направленное противодействие».

Закон имеет всеобщее применение – не только к физическим телам, но и к социуму.

Противодействие это – не обязательно борьба. Противодействие совести – не менее значимо.

СССР рождал в большом количестве тех, кто ею обладал.

Ну, тех, которых я назвал в своем романе «олухами Царя Небесного».

Именно благодаря им СССР был «проектом Господа Бога».

Рок-клубу XXX лет!
6 ноября

Это дофига много. Когда я впервые попал туда, ему было года полтора.

Был на концерте, встретился со многими. Фотографировались, ибо неизвестно когда в следующий раз.

Наташа Веселова (экс-куратор рок-клуба), БГ и Джордж

50 лет великого Октября
7 ноября

Задумавшись, как птица канарейка,
Булавочным глазком кося в тетрадь,
Я не устану молча повторять:
Зима-злодейка! Замели метели
По всем дорогам, и не видно цели,
Себя в неволе попусту не трать!

И клювик приоткрыв от удивленья,
Линейкой ржавых прутьев окружен,
Я буду заметён, запорошён.
На рисовом зерне нельзя пророчить!
Но так легко метелью одурачить,
Когда вертлявый хохолок смешон!

Когда пшено с водою на подносе,
И песню петь по расписанью в час,
Оставь вопросы разрешать за нас
Тому, кто корм по клетке рассыпает.
Он знает много, ничего не знает,
Пропой ему, дружок, в последний раз!

1967

Джойс Дидонато
27 ноября

Набрел сегодня на канале Mezzo HD на «Севильского цирюльника». Ну, Россини – мой любимый композитор, стал смотреть и слушать.

Сразу же обратила на себя внимание одна странность. Постановка вполне традиционная – старинные костюмы, скупые, но традиционные декорации. Но при этом присутствует режиссерский кунштюк.

Авансцена расположена ниже основной сцены, где происходит действие, примерно на полметра. И на этой авансцене поет и двигается лишь один персонаж – Розина. Она в прекрасном розовом платье и при этом – в инвалидной коляске.

Все остальные исполнители – выше уровнем, на основной сцене. При этом она иногда подъезжает к краю, чтобы с кем-то обняться, что-то ей передают и т. п.

Ну, новшествами на оперной сцене удивить трудно. Весной смотрел того же «Севильского цирюльника» в современной интерпретации с мотоциклами на сцене и с мобильными телефонами у персонажей. Но концепции образа Розины в инвалидной коляске не понял. Неужели, думаю, девушка (красивая, кстати, и с прекрасным меццо-сопрано) – с ограниченными возможностями, как принято говорить?

Весь спектакль она исправно проездила на авансцене.

Дождался конца. Грянули аплодисменты, исполнители вышли на ту же верхнюю сцену, обернулись к кулисе и зааплодировали. И на авансцену в той же коляске выехала Розина.

Гром оваций.

Титры сказали, что исполнительницу зовут Джойс Дидонато. Полез в Гугл, Яндекс, Википедию.

Оказалось просто. Она не инвалид детства, она в 2009 году, исполняя партию в «Дон Жуане» Моцарта, поскользнулась на сцене и сломала ногу. Тот спектакль она доиграла на костылях, как пишут. А дальше какое-то время пела в инвалидной коляске. Причем публика, естественно, на эти спектакли ломилась гораздо больше, чем когда Джойс была на двух ногах.

Постановка Севильского в Ковент Гарден и была осуществлена в этот период. А вообще-то она звезда мирового уровня, как выяснилось.

Выставка non-fiction
29 ноября

В кои-то веки Геликон решил поучаствовать в выставке Non-fiction (30.11–4.12) в ЦДХ. Сегодня стартовали мои сотрудники с книгами. Я надеюсь появиться на один день, в субботу 3 декабря. На это число назначены презентации наших книг.

В 13.00 – презентация моего нового романа (повести?) «Плывун», который опубликован совместно изд-вом «Прозаик» и «Геликоном Плюс». Обещанное АСТ издание было перенесено на 2012 год, и я не стал ждать. «Плывун» вместе с повестью «Лестница», написанной 40 лет назад, составляют дилогию. Там один и тот же герой, только в «Лестнице» ему 30 лет, а в «Плывуне» под 70. Место действия то же.

Издание иллюстрировано художником Александром Яковлевым. Представлять книгу собирается Дм. Быков.

Книга выходит в серии «Все книги А. Ж.», в которой уже вышли 3 тома, 2 из которых выпущены как BOOK-ON-DEMAND. Всего предполагается 12 таких томов, если Бог даст.

Фоторепортаж с выставки 5 декабря

Все было тихо-мирно. Масса дремал над стопками своих книг, торговля шла вяло.

И тут пришел Быков.

– Слушайте все! – вскричал он. – Новый роман моего любимого писателя! Стругацкий плакал над этой книгой! Продолжение легендарной «Лестницы».

– Этот запрещенный в Питере роман продается здесь только один день! Спешите! Автограф автора – 250 рублей, роман в подарок! Педофилия, разжигание национальной розни! Валентина Матвиенко лишилась должности благодаря этому роману!

– Пять процентов сбора с продаж пойдет на питание умирающих бобров в Карелии!

– Олег Меньшиков готовится сыграть главную роль в «Плывуне»! Андрей Белый умер от зависти. Бобры устроили акцию гражданского неповиновения! Тираж романа пошел под

нож! Разжигание национальной розни в полный рост!

Светлые слезы катились у Массы из глаз. За полчаса Быков продал весь запас – 5 пачек.

Весь гонорар за свой пиар-спич Быков отдал умирающим бобрам.

Бобры были спасены от голода, а издательство от краха.

Новогоднее послание френдам 31 декабря

Дорогие френды!

Во первых строках моего письма сообщаю, что я еще жив, чего и вам желаю.

Однако догадаться об этом было трудновато, поскольку признаков живости клиент решительно не проявлял. И это несмотря на возникшую вдруг гражданскую живость населения, которому захотелось стать народом.

Разноречие мнений породило у меня гигантский ступор, ибо в характере моем есть склонность к соглашательству и, если человек складно излагает, я ему обычно верю. О том, что он несет ахинею, я додумываюсь позже.

Но все же додумываюсь, даже если хочется, задрав штаны, бежать за комсомолом оппозицией.

Мы давно не революционизировали. Целых двадцать лет. Некоторые молодые дамы не успели попасть в прошлый призыв, зато сполна отыгрались сейчас. Я читал и поражался их гражданскому мужеству. «И слушать вас не хотим! Стойте там под вашей елочкой!» – говорят они президенту. И страшно занижают его рейтинг.

Ну это дамы, им простительно. Они живут эмоциями. Но ведь и солидные мужи призывают прогнать всех к чертовой матери, кто имел отношение к коррупции, и больше не пускать их на государственные должности. Для этого нужна соответствующая прогонялка. При той демократии, которую так жаждут, этот номер не пройдет.

Дима Быков, родной ты мой, это не ты говорил два дня назад на «Эхе»:

«…А мне представляется, что, хотя я вообще враг охоты на ведьм, некоторая иллюстрация в стране необходима. Люди, которые занимали крупнейшие идеологические запретительные посты. Люди, которые занимались гноблением откровенным неугодных обвиняемых в судах. Люди, которые занимались прямой ложью на телевидении. Мне кажется, эти люди должны быть попросту лишены права принимать эти должности в будущем. Иллюстрация – это неизбежное будущее для России. В конце концов, без этого мы обречены на повторение».

Оставим в стороне вопрос, почему на «Эхе» не знают слова «люстрация». Расшифровывали с голоса, бывает. Но даже если

«иллюстрировать» будущую Россию будешь ты – человек умный, талантливый и совестливый, которого я близко знаю уже четверть века, то я все равно опасался бы за результат. И из Навального такой же иллюстратор, не говоря о Ксении и Божене. Впрочем, Ксения, кажется, иллюстрировать не хочет.

Все эти «гнобления» и «ложь на телевидении» нужно будет доказывать в том самом суде, которого тоже еще нет, как и новой власти. Иначе какая же это демократия, тот же самый произвол.

Друзья мои, вы вообще знаете, что такое инерция? Вам знакома эта физическая сущность? Ну вот это примерно то же самое, с чем сталкиваются сто тысяч хомячков муравьев, когда им предлагают сдвинуть с места вагон с углем. Ну, хорошо, миллион муравьев, больше нам не набрать. Да или нет?

Понимаете, Россию не только умом не понять, но и жопой не сдвинуть. И это ее имманентное качество, слава богу. Свергнуть власть в России сравнительно легко можно дворцовым переворотом. И сравнительно мирно. Но по-настоящему свергать надо совсем другую власть, которая пронизала наше общество сверху донизу и которая по-настоящему губительна для народа. Именно для русского, российского народа.

Это власть денег.

А сейчас я поздравляю вас с наступающим через 6 часов Новым годом и желаю, чтобы вы были здоровы и богаты. Но о богатстве мы поговорим уже в будущем году.

notes

Примечания

1

«Полдень, XXI век» – вместо «Фантастика, XXI век».